Зарубежная фантастика

СОЛНЦЕ НА ПРОДАЖУ

Сборник научно-фантастических произведений

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА

Солнце на продажу

Уильям Пауэрс, Энн Роудс, Ллойд Биггл-младший, Роберт Хайнлайн, Джеймс Уайт, Роберт Силверберг, Челси Куинн Ярбро, Уильям Эрлс, Роберт Шекли, Финн О'Донневан, Джон Браннер, Витольд Зегальский, Джон Энтони, Лестер Дель Рей, А. Лентини, Мюррей Лейнстер, Кордвейнер Смит, Айзек Азимов

Аннотация
___. Солнце на продажу. ___. Сборник научно-фантастических произведений
___. Извлечение из урока. ___
___. Уильям Т. Пауэрс. Нечем дышать. ___
___. Энн Роудс. Солнце на продажу. ___
___. Ллойд Биггл-младший. Памятник. ___
___. Роберт Хайнлайн. Наш прекрасный город. ___
___. Роберт Сильверберг. Звероловы. ___
___. Джеймс Уайт. Смертоносный мусор. ___
___. Челси Куинн Ярбро. Лягушачья заводь. ___
___. У. Эрлс. Транспортная проблема. ___

___. Роберт Шекли. Недетерминированный ключ. ___
___. Роберт Шекли. Координаты чудес. ___
___. Финн О'Донневан. Пушка, которая не баба-хает. ___
___. Джон Браннер. Заключение о состоянии лунной поверхности. ___
___. Витольд Зегальский. Зеленый проклятый остров. ___
___. Джон Энтони. Гипноглиф. ___
___. Лестер Дель Рей. Крылья ночи. ___
___. А. Лентини. Дерево. ___
___. Мюррей Лейнстер. Замочная скважина. ___
___. Кордвейнер Смит. Игра с крысодраконом. ___
___. Айзек Азимов. Движущая сила. ___

Аннотация

В книге собраны научно-фантастические повести и рассказы писателей-фантастов из Польши, США и Великобритании на темы экологии и охраны окружающей среды.

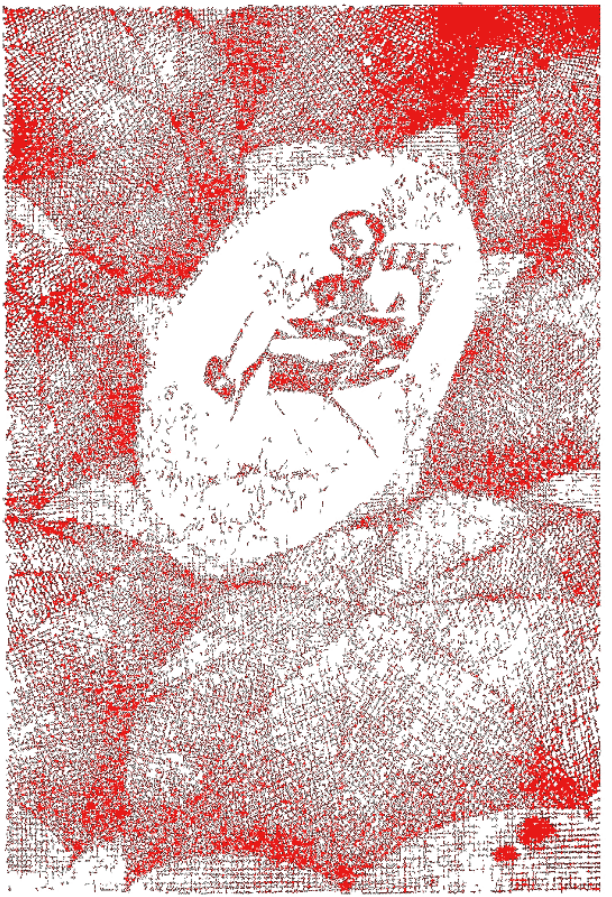
Перевод с английского, польского.

Fb2•

Зарубежная фантастика

Солнце на продажу

Сборник научно-фантастических произведений



Извлечение из урока

История познания — это еще и хроника саморазвенчания человека. Пожалуй, первый удар вселенскому тщеславию нанес Коперник, после которого Земля перестала мниться средоточием мироздания и со временем окончательно заняла в наших глазах место рядовой планеты, обычной звезды на окраине заурядной Галактики. Второй, потрясший самомнение удар связан с именем Дарвина, который сорвал с человека нимб божественного избранничества и кровно побратал нас с животными.

Уже на нашей памяти малоприятную для человеческой гордыни операцию произвела кибернетика, не без успеха попытавшаяся вдохнуть уникальный, казалось бы, дар мышления в бездушный компьютер. Так мы одну за другой теряли регалии избранничества, и — странное дело! — всякий шаг по пути этого самоумаления оборачивался приобретением все большего могущества. Впрочем, что же тут странного? Не в

самоумалении как таковом было дело, не в попрании себя, а в постепенном отказе от иллюзий, в лучшем, стало быть, ви́дении реальности, а чем точнее постижение мира, тем, естественно, успешней можно действовать в нем.

Все закономерно.

Все как будто закономерно, потому что сегодня в эту закономерность всякий может кинуть увесистый камень. «Могущество, говорите вы? Научно-техническое? Все большее и большее? Да, без сомнения. Но что же в итоге? Не оно ли делает возможным то, что обрисовано в фантастике хотя бы вот этого сборника?»

Резонный вопрос! Только давайте спросим себя, когда же он нам пришел в голову? Сегодня? Вчера?

В тот исторический миг, когда запыхтела первая паровая машина? Когда именно мы осознали угрозу экологической катастрофы и что этому предшествовало?

Память возвращает меня к тому времени, когда я был сотрудником отдела науки одной из центральных газет. Ни до, ни после не возникало ощущения такой сопричастности большим и малым событиям дня, такого прикосновения к пульсу забот, радостей, дел и тревог целой пла-

неты. В отдел стекалась самая свежая научная информация, со своими идеями, разработками приходили ученые едва ли ни всех специальностей, мы сами активно вылавливали в науке все самое новое, значительное и проблемное, словом, были, что называется, в курсе событий переднего края познания. Известно ли было нам тогда, что не все безоблачно в наших взаимоотношениях с природой? Да, известно, сам, помнится, написал статью под громким заголовком «Река зовет на выручку» или что-то в этом роде.

Знакомо ли нам было слово «экология»? Поднатужившись, я, пожалуй, мог бы вспомнить, что это какой-то малораспространенный научный термин, означающий… минуточку… Ну, да, неважно! Потребуется, загляну в справочник. Спроси нас кто-нибудь тогда, что мы думаем об угрозе экологического кризиса, мы бы, наверное, пожали плечами: какой кризис, где?!

Даже не верится, что это было всего двадцать лет назад.

Проще простого все объяснить природной человеческой недальновидностью и, стало быть, изначальной слабостью по части долгосрочных прогнозов. Разумеется, в этом объяснении есть резон, потому что биоэволюция действительно

не наделила нас, сапиенсов, инстинктом дальнего предвидения, да и не могла наделить. К чему он первобытному охотнику и собирателю? Предугадал ближнее, позаботился о запасах на зиму — и достаточно; чтобы выжить, большего и не требовалось.

А вот сегодняшнему человеку — требуется. И мало ли чем не вооружила нас природа, ведь и математика тоже не записана в генах. Легко ли, однако, было предвидеть ту же экологическую угрозу, если в нашем сознании, между прочим, твердела очередная, быть может, последняя цитадель исключительности? Цитадель, на стенах которой сиял горделивый лозунг: «Человек — покоритель природы!» Пусть не ее избранник, не отмеченный всевышней благодатью венец творения, но царь, повелитель, неограниченный властелин всего живого и неживого в природе! Кто молод, тот уже не помнит, с какой гипнотической силой эта иллюзия царила в умах, как ее подкрепляли все более громкие успехи деятельности и познания, как законная гордость победами слепила умы, мешая различить уже отчетливые кое-где тени недобрых последствий.

Однако и горький урок — благо, если его опыт учтен и есть шанс исправить главное. Избавив-

шись от иллюзий имперского своего владычества в природе, мы обрели новую зоркость и тем самым возможность не просто преодолеть опасность, но, учтя урок, возвысить здание цивилизации на новом, более прочном фундаменте, ибо как-никак уже сейчас прояснилась стратегия прогресса, следуя которой можно предотвратить беду и сохранить перспективу лучшего будущего. Положение, короче говоря, трудное, но вовсе не безнадежное.

Сколько, однако, на этом пути расставлено мин! Возьмем хотя бы такую: угроза экологического кризиса потрясла нас своей внезапностью. Но если человеческое мышление оказалось недальновидным здесь, то где гарантия, что оно не подведет нас на очередном повороте?

Вот опасность, быть может, не менее злободневная, чем острое ухудшение экологической ситуации!

Не скажу, что она оказалась в центре внимания, как того следовало бы ожидать, но один необходимый поиск все же был предпринят: частым гребнем были прочесаны научные и литературные труды прошлого. Неужто никто не предвидел возможности экологической катастрофы, неужто слепота целиком поразила

человеческий род? Выяснилось, нет! Отчетливый намек на возможность такой катастрофы сделал, оказывается, еще Леонардо да Винчи! Суровые предостережения о диалектических сложностях и опасностях освоения природы содержались в трудах великих философов XIX столетия. В фантастике возникновение экологической, как мы ее сейчас бы назвали, темы можно датировать 1836 годом, а, скажем, полвека спустя вышел двухтомный роман, который вполне уместно назвать дальновидным романом-предостережением, ибо в нем весьма впечатляюще описана испакощенная Земля (Ричард Джеффрис, «После Лондона», 1885 г.).

Итак, предостережения были: научные и художественные, авторитетные и не очень — всякие. Человечество не слепо, оно видит гораздо дальше собственного носа! Другой вопрос, почему и в науке, и в литературе предостережения не составили мощного потока, почему даже прозвучавшие сигналы не были услышаны. Одной причины мы уже коснулись, других пока трогать не будем, и потому что это уведет нас далеко в сторону от книги, и потому что психологический момент преобладает в литературе, а перед нами не научный или философский трактат, — сборник

зарубежных научно-фантастических повестей и рассказов на темы экологии, следовательно, надо исходить из имеющегося материала.

Все произведения сборника были написаны уже после того, как грянул набат экологической тревоги. И его раскаты звучат в них тем громче, что многие авторы сборника — американцы, а экологическую обстановку в США достаточно характеризуют две цифры: самая могучая страна капиталистического мира ответственна не менее чем за треть всех продуктов загрязнения, какие обрушиваются на планету, тогда как ее население составляет лишь двадцатую часть человечества.

Отсюда особый накал американской фантастики, когда она обращается к теме экологии. Тревога! Тревога и еще раз тревога! Однако тревога тревоге рознь: есть парализующая, а есть мобилизующая. В западной фантастике предостаточно произведений того и другого рода, но лучших фантастов «сценарий ужасов» ради самих ужасов не очень-то привлекает, ибо талант тесно связан с гражданственностью; одно дело — живописать опасность, которую, допустим, видишь ты и не видят другие, и совершенно иное — смаковать страшненькое, а то еще и кричать под руку: «Все пропало, бросай весла, наслаждай-

ся моментом, пока есть возможность!» Все-таки мало, прискорбно мало в мировой фантастике было экологических романов-предостережений, тут задним числом ей может быть предъявлен счет: ведь если бы они составили тот же все возрастающий поток воздействия на умы, что и произведения, возбудившие тягу в космос, то, возможно, и сама экологическая опасность была бы осознана раньше? Что гадать! — извлечем урок на будущее и запомним, что в фантастике ценна не только возвышенная мечта.

Характерно, что в сборнике «Солнце на продажу» нет ни одного произведения, принадлежащего холодному перу ремесленника или любителя пощекотать нервы, спекулируя на злободневной теме. То в одном, то в другом рассказе прорывается гневная страсть писателя: «Да что же мы делаем, это ж безумие, вглядитесь в тенденцию, пока не поздно!»

Вглядитесь в тенденцию прогресса технического развития при капитализме, и вы увидите пожираемый автомобилями Нью-Йорк (У. Эрлс «Транспортная проблема»), Бостон, где чудом уцелело, да и то ненадолго единственное дерево (А. Лентини «Дерево»). Гибнущую в ядовитом смоге Америку…

Дальше некуда, все, конец. И никому не откажешь в реализме; дуют уже над Америкой кислотные ветры, дуют они и над Западной Европой, и мертвеет вода озер, и никнут леса, и слезится древний камень шедевров архитектуры, а люди… Сколько жизней на счету у лос-анджелесского смога, смога других городов?

Иная, более спокойная что ли, линия зарубежной фантастики отчетливей всего проявляется в короткой повести Д. Уайта «Смертоносный мусор». Право, ни здесь, ни в других случаях мне не хочется литературоведчески осмысливать произведение, вникать в психологию его персонажей, оценивать с позиций эстетики. Конечно, это все тоже немаловажные моменты в литературе, но мне хочется подчеркнуть другое: существуй какой-нибудь «Комитет завтрашних проблем человечества», я бы первым долгом отнес повесть туда. Слишком важен ее прогностический момент, ведь и космос не беспределен, и он может быть загрязнен вокруг Земли, как суша, как океан, и думать об этом надо заранее, а не рваться туда с новым оружием, как мечтают о том в Пентагоне!

С иного края мы снова подошли к проблеме человеческой якобы близорукости и виновности прогресса как такового. Кое в чем весьма

существенном тут, думаю, нам поможет разобраться трагедийная повесть У. Пауэрса «Нечем дышать». Помнится, еще в конце шестидесятых годов, когда в Америке стало формироваться мощное общественное движение за сохранение среды обитания и соответственно возник вопрос о главных виновниках пагубного загрязнения природы, адвокаты монополий выдвинули такой довод: «Автомобиль рабочего также загрязняет среду, как и автомобиль мистера Форда».

Действительно также, ничего не скажешь! А раз так, следовательно, и рабочий, и мистер Форд одинаково ответственны за порчу среды, все одинаково должны досыпать голову пеплом и во имя спасения природы принять на себя равную долю тягот. А не подействует довод насчет автомобилей, можно сослаться на зловредный научно-технический прогресс, который всех втравил в беду, на человеческую непредусмотрительность, которая не позволила разглядеть в нем дьявола-искусителя, заодно воззвать к традиционным ценностям простого, естественного бытия на Земле. И неважно, какой довод подействует, лишь бы сработал социальный громоотвод и разряд общественного негодования не опалил главных виновников!

Лучшая часть американской, да и не только американской фантастики приняла бой по всем этим направлениям. Повести У. Пауэрса «Нечем дышать» никакие откажешь в остром, хотя и не до конца идущем анализе социально-психологических причин возможной в будущем катастрофы. Не стану комментировать содержание, повесть говорит сама за себя, это фантастика, но это еще и на редкость правдоподобный отчет национального самосознания, которое с ужасом открыло в себе рассадник бацилл экологической смерти.

И не случайно в повести особое внимание уделено Пентагону, его отутюженным генералам, которые и на краю пропасти хладнокровно твердят свое: «Не отвлекайтесь, главное — это военное могущество Америки, все прочее должно быть подчинено ему».

Увы, то, что они говорят в повести, слишком напоминает то, что порой слышится из уст иных политиков западного мира. А это тем чудовищней, что давний лозунг милитаризма «Пушки вместо масла» в наши дни уже неточен, неверен; ныне он должен звучать так: «Пушки вместо воды, воздуха, самой жизни!» Ибо всепланетная экологическая ситуация сейчас такова, что нарушенное равновесие природы еще можно вос-

становить, для этого есть средства, возможности, время, но времени отпущено немного, а средства готов пожрать очередной виток гонки вооружений. У разрядки международной обстановки, как выясняется, нет альтернативы и в плане предотвращения кризиса среды нашего обитания.

Перо фантастов вновь и вновь указывает на стяжательство как на важнейшую социально-психологическую причину экологических зол и бед. Рассказ Р. Шекли «Индетерминированный ключ» на первый взгляд выглядит остроумной перефразой известной сказки о волшебном горшочке. Вот только персонажи рассказа никак не дети, не простоватые обыватели, а дипломированные специалисты, которые, казалось бы, легко могли сообразить, что глупо включать неведомую сверхмашину, не побеспокоившись заранее, а как же ее выключить. Однако герои рассказа околдованы, и мистика тут ни при чем, их сознанием завладел демон наживы (о зловещей власти и роли подобных «демонов, призраков, идолов» без малого четыре столетия назад писал видный английский мыслитель Френсис Бэкон).

Мотив демонической власти стяжательства, мотив хищнического эгоизма пульсирующим нервом пронизывает целый ряд произведений

сборника, начиная с повести «Нечем дышать» и кончая рассказом Ллойда Бигла-младшего «Памятник». Плевать беззастенчивому дельцу и на экологию, и на людей, он и планету испоганит, и ее обитателей обречет на вымирание, был бы профит! Так тема экологии закономерно смыкается в западной фантастике с темой буржуазного хищничества, агрессивности и расизма (последнее особенно отчетливо проступает в рассказе Лестера Дель Рея «Крылья ночи»).

Будучи в сущности завуалированным, а то и откровенным грабежом, присвоением лишка за счет ближнего, стяжательство всегда выглядело делом аморальным, и потребовались сумерки буржуазного сознания, чтобы опо обрело, если не на словах, то на деле, некую общественную респектабельность. Теперь же все отчетливей проступает еще одна мерзкая, чем далее, тем все более опасная, черта хищничества и общественного эгоизма: грабеж ближнего сопровождается грабежом природы. Тут попрана не только справедливость, тут расхищается сама основа существования человека на Земле, под ударом оказываются все нынешние и будущие поколения людей. Уже по одной этой причине зло стяжательства перестало быть только этической или

экономической категорией, оно превратилось в усугубляющую компоненту экологического кризиса. И фантастика Запада, где стяжательство процветает махровым цветом, остро, хотя, пожалуй, скорей интуитивно почувствовала эту все возрастающую угрозу и атаковала ее пером лучших своих представителей. Вот этот момент осознания стяжательства как угрозы всему живому, целой планете, ее прошлому, настоящему и будущему — явление, пожалуй что, новое, по крайней мере если говорить о масштабах этого осмысления в литературе (оговорка необходимая, так как в марксистской философии все это было осознано раньше, точнее и глубже).

«Демон стяжательства» завораживает героев рассказа Р. Шекли «Индетерминированный ключ»; «демон стяжательства» правил бал в «Нашем прекрасном городе» Р. Хайнлайна; с ним в тридесятой звездной системе сражаются герои рассказа «Памятник» Л. Бигла-младшего; он едва не довершил гибель вымышленной цивилизации селенитов в «Крыльях ночи» Л. Д. Рея, и он же умерщвляет вполне реальную цивилизацию Америки в повести У. Пауэрса «Нечем дышать». И за ним, как всадники Апокалипсиса, следуют агрессивность, безжалостность, тупость; где стя-

жательство, там и культ грубой силы, недаром ее адепт в рассказе Ф. 0'Донневана «Пушка, которая не бабахает» отмечен еще и печатью алчности.

Бациллы стяжательства не знают границ, а в них теперь яд разрушения всего, чем мы дышим и чем живем. Общая ошибка, будто человек может и должен покорить природу, кратковременна и ныне изжита. Не меньшая ошибка — полагать, будто земли, воды, воздуха у нас сколько угодно, а природа, в случае чего, справится с любыми отбросами, — эта ошибка, к счастью, изживается тоже. Но оголтелый, социально хамелеонствующий эгоизм, стремление урвать для себя побольше, а там хоть трава не расти, — вот это не кратковременно, многоформенно и живуче, всячески мимикрирует, прячется в тень там, где условия для него неблагоприятны, но его можно отыскать всюду, где природе нанесен урон.

Природа. «Если мы не будем постоянно ощущать ее рядом с собой в ночи, — говорил один из героев Брэдбери, — мы позабудем, какой она может быть грозной и могущественной. И тогда в один прекрасный день она придет и поглотит нас». Что верно, то верно; если мы утратим ощущение природы, чему городской асфальт и бетон немало способствуют, то и при самых наиблагих

намерениях все может кончиться плохо. Что же, назад к природе? Но тогда как и куда? К курной избе? А может быть, прямо в пещеры? Проблема есть, нет простого решения. Легче всего охаивать научно-технический прогресс, видеть в нем причину всех напастей, сидя в теплой квартире с водой, светом, канализацией и газом. Талантливые фантасты не поддались этому модному на Западе поветрию походя поносить науку и технику. И рассказ А. Азимова «Движущая сила» можно даже считать своеобразным ответом бойким витийствованиям на тему о том, как все будет естественно, прекрасно и человечно без этого самого прогресса. Человечно? Растения — и те прогрессируют, иначе с ними происходит то, что случилось с некогда могучими папоротниками; кто хочет, пусть завидует их судьбе.

А лучшее — не на словах, на деле — постижение природы откроет нам многое и драгоценное как в пей самой, так и в человеке. Неизбежно откроет, и обнаруженное пригодится нам в любых звездных далях, пусть и не так, как об этом пишет К. Смит в рассказе «Игра с крысодраконом». Конечно, не так — фантастика не пророчество. Тем не менее одно скорей всего будет так, как в этом рассказе: расширение нравственного и эмоционального

горизонта тех, кто понял природу и, постигнув, сумел приблизить ее к себе как партнера, соратника, друга. Только так теперь может возрасти духовное и материальное могущество нашего рода.

И это возможно, это растет в нас, и это будет, если, разумеется, на новом витке истории не оживет надменный призрак царственной роли человека, как это произошло в рассказе Р. Сильверберга «Звероловы». Что ж, иные призраки сознания, увы, возрождаются в новом обличье, будем надеяться, что этот не вернется к нам никогда.

Не вернется? Никакой настоящий человек не может прожить без гордости, без ощущения особой своей роли в этом безграничном мире, без чувства, что его дела, помыслы и свершения не пустяк, не атом в безнадежном круговращении природы, не песчинка, тут же смываемая волнами времени. Человек, от этого не уйти, должен чувствовать свою значимость даже на фоне всего мироздания.

Тем более человечество.

Что ж, величие нам не запрещено. Не призрачное и обманное, а истинное и реальное, единственно возможное в мире величие — величие разума в нем и добра, оно достижимо. Будет это — все остальное приложится.

Дм. Биленкин

Уильям Т. Пауэрс

Нечем дышать

В горах

Куда ни глянь, сосновые иглы втоптаны в пыль, и все же это было вполне приличное место для лагеря. Оно находилось близко к вершине хребта, а от прочих стоянок было отделено кустарником, росшим между соснами. Под деревом удачно встала палатка. Вечером, когда поднимался ветер и накрапывал дождь, крона сосны служила надежным прикрытием.

К востоку лес спускался по склону. На противоположной стороне ущелья была громадная скала. Предзакатное солнце превращало ее в золотой занавес на фоне темно-синего неба. Авансценой служили темно-зеленые, скрывавшиеся в тени вершины сосен внизу.

Питер Лэтроп стоял у костра, любуясь этой картиной. Потом взглянул на часы, глубоко вздохнул, задержал дыхание, с сожалением вы-

пустил воздух, допил пиво из банки и отбросил ее в сторону.

— Здесь такой воздух, Грейс, — произнес он, — что его можно пить.

— Не везде, — откликнулась Грейс. — Во всяком случае, не в палатке, где я меняю пеленки…

— Куда делись дети?

— Откуда мне знать? Наверно, внизу, у большой скалы. Ты лучше за ними сходи.

— Ладно, — Питер снова поглядел на часы и пустился вниз по тропинке.

Тропинка вилась вокруг огромного камня, преграждавшего склон. На камне сидели четверо ребятишек. Старший, уже подросток, стоял на самой вершине, глядя на горевшую в лучах солнца сосну. Остальные — мальчик лет девяти и две девочки, одна десятилетняя, другая не больше пяти, маленькая для своего возраста, — играли неподалеку.

Они увидели Питера.

— Привет, папа, — сказал подросток. — Поднимайся к нам.

— Нет, это уж вы спускайтесь, Тим. И помоги спуститься Пиви.

— Я не хочу уезжать, — отозвалась Пиви.

— Джуди, Майк, спускайтесь, кому я сказал!

— Пап, давай останемся дотемна. Еще так рано!

— Мы и так опаздываем. За два дня нам надо одолеть тысячу миль. Хватит. Все вниз.

— Пап, поднимись к нам, ну на секундочку!

Питер начал сердиться.

— Майк, немедленно слезай. Ты что думаешь, мне самому хочется отсюда уезжать? Сколько можно повторять одно и то же?!

Нехотя дети подчинились. Тим спускался первым, помогая младшим. Вереницей они вернулись в лагерь. Питер замыкал шествие. Грейс вылезла из палатки в тот момент, когда они показались на лужайке. Она держала на руках грудного ребенка, а двухлетняя малышка держалась за ее юбку.

— Пора ехать? — спросила она.

— Уже пять часов.

На лужайке воцарилось подавленное молчание. Наконец Питер нарушил его:

— Тим, складывайте с Майком палатку. Девочки, переносите вещи в машину.

Мальчики сняли палатку и принялись прыгать на ней, чтобы скорее вышел воздух. Девочки подбежали к машине, неся полные ладони сосновых шишек. Старшая спросила;

— Пап, можно мы их возьмем с собой?

Питер выглянул из «фольксвагена».

— Куда я их дену? Выбросьте их в лес.

— Милый, а можно я парочку захвачу с собой? — спросила Грейс.

— Ты же знаешь, что отсюда ничего нельзя брать. Ну ладно, каждая берет по две шишки — остальные бросайте.

Обрадованные девочки отбежали, высыпали добычу на землю и принялись выбирать самые красивые шишки. Мальчики сложили палатку и взгромоздили ее на крышу «фольксвагена». Палатка уместилась между чемоданами и большим пропановым баллоном, приваренным к крыше. Две медные трубки тянулись от него к двигателю.

— А нам тоже можно взять шишек? — спросил Тим.

Они с Майком побежали к девочкам.

— Захватите одну для мамы, — крикнула Грейс.

— Дети, поглядите вокруг — мы ничего не забыли? Поехали.

Питер подергал за трос, которым были примотаны чемоданы и палатка.

Грейс вышла из машины, за ней выбрались

дети с драгоценными шишками в руках. Все они глядели на гору, которая потемнела и стала оранжевой.

— Пап, а нам обязательно надо уезжать? — спросил Тим. — Давай останемся еще на денек.

— Не хочу уезжать, — захныкала Пиви.

Питер смотрел на гору.

— Пап, я ненавижу жить внизу, — сказала Джуди. — Я хочу остаться здесь.

Она заплакала, и от этого во весь голос зарыдала и Пиви.

— Грейс, убери детей в машину! — раздраженно проговорил Питер, не отрывая взгляда от горы.

— Хорошо, милый. Джуди, дорогая, ты первая. На заднее сиденье. Пиви — за Джуди. Майк, ты возьмешь Крошку. Подвиньтесь, Тиму совсем нет места, — в голосе Грейс звучали слезы. — Да не кладите ноги на коробки с едой!

Грейс посадила двухлетнюю малышку на колени, заняв место рядом с водителем. Питер отвернулся от горы, сел в машину и захлопнул дверцу.

— Можно закрыть окна, — сказал он, заводя машину. Облако газов вырвалось из выхлопной трубы, застилая кучу пивных банок и картонных тарелок, оставленных ими на поляне.

— Это был хороший отпуск, — сказала Грейс.

С заднего сиденья доносились приглушенные всхлипывания.

Машина съехала с лужайки на пыльную дорогу, которая вилась между деревьями. Когда они проезжали поляны для пикников, отдыхающие махали им руками. Никто в машине не отозвался. Спускались все ниже. Было тихо, лишь гравий скрипел под колесами. Лес постепенно редел, деревья были ниже и тоньше, чем наверху, трава у дороги совсем побурела.

Машина достигла широкой площадки, Питер прижался к краю и выключил двигатель.

— Все, — сказал он. — Доставайте.

Никто не двинулся, и Питер рассердился.

— Вы что, не чуете? Надевайте и закрывайте окна.

— Дети, слушайтесь папу, — сказала Грейс, — Он прав. Тим, передай мне мой, отцовский и малышкин.

Тим вытащил из сумки три противогаза и передал их вперед. Остальные он раздал соседям. Все стали оттягивать резинки, чтобы надеть маски.

— Совсем как свиное рыло! — сказала, плача, Джуди. Она прижала маску к лицу и откинула назад волосы, чтобы они не мешали. — Я его

ненавижу!

— Перестань реветь, — сказал отец. — У тебя очки запотеют. — Голос Питера звучал глухо, искаженный маской. Он поглядел в зеркало и увидел, что Тим смотрит в окно. — Тим, надень маску Крошке, сколько раз нужно говорить!

— Не стану я надевать эту штуку на него, — упрямо сказал Тим.

— Черт побери! — взорвался отец, но Грейс положила ладонь ему на руку.

— Я сама, — сказала она.

Мать открыла дверцу, вышла из машины, поставила Малышку на дорогу и нагнулась к заднему сиденью. Грудной ребенок начал кричать. Потом рыдания младенца стали глуше. Грейс сказала:

— Тим, нет, ты, Майк, держи ручки Крошке, ему надо привыкнуть.

Она вылезла наружу, подняла маленькое существо в маске и снова села на переднее сиденье.

Дверца захлопнулась, подняли стекла, и машина покатила дальше.

За поворотом деревья были бурыми, а дорогу покрывал толстый слой пыли. Машина миновала дом лесничества, спуск стал более пологим. Впереди дорога тонула во мгле. Мгла становилась все

более плотной и с каждым километром желтела. Питер двумя руками крепко держал руль и, не отрываясь, вглядывался в дорогу. Грудной снова закричал, потом заплакали Пиви и Джуди, и машина растворилась в плотном желтом тумане.

Наблюдатели

Самолет-наблюдатель вырвался на чистый воздух лишь на высоте 3500 футов. Желтоватая облачная пелена внизу казалась бесконечной равниной.

Пилот поправил микрофон на груди.

— Станция, Четвертый на связи. Высота четыре тысячи футов. Видимость отличная.

— Четвертый, вас понял. Через две минуты меняйте курс.

— Есть. До связи.

Наблюдатель, сидевший позади пилота, тронул его за плечо.

— Можно снять респираторы?

— Снимайте.

Они сняли маски, оставив их висеть на ремнях.

— Ни одного разрыва, — послышался голос сзади.

— Все затянуто. Но мы все равно пройдем по маршруту. Поворот через минуту. Проходим Балтимор, курс на запад.

— Порядок, — наблюдатель нажал несколько кнопок на небольшой контрольной панели и посмотрел на экран перед собой. На его лице играли желтые отсветы дисплея.

— Пора.

Самолет повернул, солнце осталось сзади. Оранжевая полоса выхлопных газов протянулась в сторону Бостона. По мере удаления от самолета она расширялась, превращаясь в вытянутое оранжевое облако.

Снимки, сделанные с самолета, передавались по нескольким каналам. Релейная станция в Балтиморе принимала их и тут же ретранслировала в Чикаго. Там информация расшифровывалась компьютером и уже в таком виде появлялась на шести экранах, установленных в зале на верхнем этаже Службы наблюдения. Прохожие с мостовой в желтом мареве не видели верха этого здания, а с сорокового этажа не было видно ни мостовой, ни вершин других небоскребов по соседству.

Два человека следили за монитором, который дублировал изображение с одного из экранов.

— Слушай, Джо, какой смысл это записывать? —

наклонился стоявший к тому, что сидел в кресле напротив экрана, на котором видна была бесконечная желтая муть.

— Не знаю. Уже десять дней ни единого прорыва. Давай все-таки запишем, по крайней мере в инфракрасном.

— Тогда я перенесу изображение на масштабную сетку.

— Хорошо, Мак.

Маколей уселся в соседнее кресло и взял микро-фон.

— Четвертый, — сказал он, — Четвертый, вызывает Служба.

— Четвертый на связи.

— Измеряйте высоту над уровнем моря через каждую милю. Дрежитесь на четырех тысячах.

— Вас понял.

На главном экране и дублирующем мониторе возникли два красных огонька. Сблизившись, они слились, и по нижнему срезу экрана начали ритмично вспыхивать цифры, указывавшие границу верхней кромки облака: 3528-3535-3535-3570-3550-3510... Практически верхняя граница была постоянной.

— А что было вчера? — спросил Джо.

— Примерно три четыреста. Сегодня на сотню

футов выше.

Джо взял микрофон и произнес:

— Четвертый, говорит Служба. Вы меня слышите? Прием.

— Четвертый на связи.

— Продублируйте данные лазером. Высоту не менять.

— Вас понял.

Красный огонек раздвоился, затем воссоединился вновь.

— Служба, данные лазера совпадают с радарными. Высота полета четыре тысячи.

— Вас понял. До связи.

— Надо поговорить с Тейлором, — сказал Маколей. — Продолжай наблюдения, Джо.

Когда Маколей ушел, Джо включил внутреннюю связь и что-то спросил. За стеклянной стеной ему хорошо был виден большой зал, некогда служивший телестудией. Несколько десятков человек сидели перед консольными столами по его периметру. Динамик над головой Джо ожил:

— Так точно, Джо, — послышался голос. — Мы сейчас на связи с Денвером и Солт-Лейк-Сити. Как только канал на Солт-Лейк-Сити освободится, мы свяжемся с Седьмым.

Маколей закрыл за собой дверь, спустился этажом ниже и остановился перед дверью с табличкой «Служба наблюдения Востока и Среднего Запада». Он кивнул секретарше за барьером, отделявшим приемную от конторы, и, миновав столы, за которыми строчили машинистки, постучал в дверь с надписью «Координатор Службы наблюдения Джеймс Тейлор».

Послышался голос. Маколей вошел.

Джим Тейлор диктовал стенографистке. Он обернулся к вошедшему:

— Привет, Мак, подожди минутку. — Он продолжал диктовать, — Несмотря на то что в наши функции входит лишь наблюдение, полученные за последние десять дней данные вызывают серьезную тревогу и требуют принятия срочных мер… Вычеркните «тревогу» напишите «озабоченность»… Концентрация двуокиси серы, углекислого газа и прочих вредных примесей начиная с прошлого вторника резко увеличилась. Принятие экстренных мер затрудняется… Мэр Чикаго Финли настаивает на создании резервов качественного угля ввиду неизбежных трудностей с отоплением. Он утверждает, что любое снижение напряжения в сети может создать угрозу самому существованию города и окрест-

ностей. Возможно, это и так. Фильтрационные и холодильные установки не справляются с нагрузкой, и уже на высоте сорока этажей давление в системах резко падает.

Тейлор сделал знак стенографистке, что кончил диктовать, и спросил Маколея:

— Что у тебя?

— То же и даже хуже. Высота облака на сто футов больше, чем вчера. Ни одного разрыва от Балтимора на двести миль к востоку.

— На сто футов? Там нет возвышенностей?

— Я говорю о средней высоте.

— Понятно, — Тейлор устало вздохнул. — Что мы и предполагали. Слушай, Мак, ты мне понадобишься. Бетти, не уходи, я продолжу.

Последние слова относились к стенографистке. Он начал диктовать дальше:

— Ситуацию можно охарактеризовать как угрожающую. Наши доклады за последние десять дней направлялись по обычным каналам, но ввиду отсутствия заместителя министра никакой официальной реакции на наши сопроводительные записки не последовало. С новой строки… В дополнение следует указать, что местные власти пытаются разрешить проблемы таким образом, словно в других районах тех же проблем не

существует. Города соревнуются между собой, стараясь урвать как можно больше энергии. Они достигли предела, исчерпав собственные резервы, и для поддержания статус-кво им приходится обращаться к центральной энергетической системе. Последнее расширение производства энергии в Чикаго достигнуто путем введения в строй в дополнение к атомной энергии оборудования, работающего на угле, так как запасы природного газа и нефти практически израсходованы. Существует острая конкуренция между потребностями общественного транспорта и системами отопления. В то же время не ослабевает конкуренция между потребителями. Эти факторы способствовали увеличению выброса в атмосферу вредных примесей. Такое положение существует во всех крупных городах нашей зоны. Абзац… Как я уже отмечал выше, очевидно, мы достигли точки, когда требуется введение особых мер по борьбе с выбросами, увеличивающими загрязнение. Наблюдается резкий спад в экономике, поскольку в условиях, когда все силы уходят на поддержание жизни в атмосфере, непригодной для жизни, никакая созидательная работа невозможна. Абзац…

В настоящее время картина осложняется воз-

никновением нового феномена — заполнением всех разрывов в облачном слое, который покрывает северо-восток страны. Вскоре это явление поставит под угрозу сельское хозяйство, и уже сейчас изменения атмосферных условий… Вычеркните, Бетти, предыдущую фразу. Вместо нее напишите так: и уже сейчас резко уменьшилось количество осадков и коренным образом изменилась климатическая модель. Облачный слой, как только в нем исчезли последние разрывы, стал утолщаться. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что утолщение слоя продолжается… С новой строки…

Служба наблюдения убеждена, — Маколей кивнул в ответ на взгляд Тейлора, — что все принятые до сих пор меры себя не оправдали и если ограничиться ими, катастрофа неминуема. У нас существует лишь выбор между неконтролируемой и контролируемой катастрофой. Абзац.

Наши рекомендации, основанные на неопровержимых фактах, заключаются в следующем… Мак?

— Закрыть заводы.

— Первое. Немедленно прекратить производство сталелитейным, автомобильным, нефтеперерабатывающим, химическим предприятиям

(исключение составляют лишь атомные станции) по меньшей мере на шестьдесят дней.

— Выключить свет.

— Второе. Под угрозой строжайших наказаний запретить использование электроэнергии во всех других целях, кроме поддержания жизни. Эта мера включает освещение жилых помещений, кондиционирование воздуха (исключая работу фильтров), освещение учреждений, улиц, использование любых электроприборов, за исключением холодильников.

— Автомобили.

— Третье. Запретить использование личных автомашин. Все поездки должны ограничиваться абсолютной необходимостью. Предусмотреть строгие наказания за нарушения этого пункта. Пункт не распространяется на личные средства передвижения, не загрязняющие атмосферу. Ну как, Мак? Мы ничего не забыли?

— Это должно помочь. Но я не вижу объяснения утолщению облака. Возможно, началась цепная реакция, и облако будет утолщаться независимо от предпринимаемых мер.

— Хорошо, если ты ошибаешься в своем предположении. Бетти, начинай с новой строки. Все названные меры означают, что нормальная

деловая деятельность будет приостановлена. В настоящий момент перед нами стоит лишь одна задача — просуществовать в течение шестидесяти дней. После этого, возможно, задача не упростится, если понадобится прожить еще шестьдесят дней на том, что останется. Дальше обычные формальности. Бетти, исправь мои ошибки и перепечатай. Список адресатов для рассылки я дам позже.

Стенографистка захлопнула блокнот. Еще несколько секунд она сидела, глядя на Тейлора полными слез глазами, затем поднялась и молча вышла.

— Умница, — сказал Тейлор. — Будь у меня свободная минута, я бы тоже поплакал.

— Думаешь, кто-нибудь нас послушает? Кому ты посылаешь доклад?

— Министру внутренних дел. В Белый дом. А копии всем, кому возможно. Я пошлю их Первым сегодня же вечером.

— Значит, ответа ждать завтра или в пятницу?

— Если его не будет, мы летим в Вашингтон.

— А как насчет заместителя министра? Ты действуешь через его голову.

— Он изучает перспективы загрязнения атмосферы, вдыхая свежий воздух Аляски в сопровож-

дении жены, детей и проводника, который знает, где скрываются последние медведи.

— Совещание не отменяется?

— В три тридцать. Быть всем заведующим отделами. Позови Джо. Он в курсе дел Четвертого. И скажи ему, чтобы захватил сообщения со всех остальных самолетов.

Тейлор повернулся в кресле, чтобы поглядеть в окно. Сквозь мглу просвечивали смутные очертания ближайших небоскребов.

— Хоть бы сегодня был не август, а апрель. Ведь через месяц начинается отопительный сезон.

Ночной полет в столицу

Маколей стоял в кабине самолета, разговаривая с пилотом, который недавно летал по маршруту Четвертого. Свой портфель он положил на пустое кресло второго пилота.

— Я предпочел бы, чтобы вы летели не один, — сказал Маколей.

— Не беспокойтесь, — ответил пилот. — Обычно мы летаем с наблюдателем. А наблюдать сегодня нечего.

— Над восточным берегом ни одного просвета.

— Справлюсь. В письмах, что вы дали мне про-

честь, чистая правда. Уж поверьте моему слову — сделаю все, чтобы доставить их в целости и сохранности.

— По крайней мере заправьтесь безопасным горючим.

— Как раз сейчас идет заправка. Я приказал сменить топливо, когда мы получили доклад из Далласа.

— Ну и слава богу. Хоть при вынужденной посадке не взорветесь.

— Ничего себе перспектива. Впрочем, я эту смесь не выношу. Приходится поддерживать в двигателе высокую температуру. К тому же оставляешь за собой оранжевый хвост во все небо. Не к лицу это Службе наблюдения.

— Забудьте об этом. Если они нас послушаются, обратно приедете в карете, запряженной парой лошадей.

Вошел механик из группы обслуживания и протянул пилоту путевой лист. Тот подписал его.

Пожав руку пилоту, Маколей покинул кабину. Он закрыл за собой люк и поспешил через поле к зданию аэровокзала. Наземная команда убирала трап и отсоединяла шланги. Оранжевый заправщик обогнал Маколея как раз перед тем, как он вошел в стеклянные двери вокзала.

Маколей только успел подняться на галерею, как самолет уже вырулил на взлетную полосу. Красные огни на крыльях зловеще светились сквозь ползущий туман. Минуту спустя самолет растворился во мгле.

Маколей подождал, пока не стих в ночи звук двигателей, и покинул почти пустой вокзал.

На высоте 3800 пилот увидел звезды.

На востоке над горизонтом поднималась луна. Хо-ходный свет ее, отражаясь от поверхности облаков, помогал вести машину.

— Чикаго, вы меня слышите? Говорит Первый. Покидаю контрольную зону. Прошу разрешения сменить канал связи.

— Вас понял, Первый. Счастливого пути.

Пилот снял противогаз. Самолет поднялся на высоту восемнадцать тысяч футов. С высоты казалось, что он летит над бесконечным молочным морем. Дважды он выходил на связь с Землей. Ветра почти не было. Кливленд показался пилоту смутным пятном света, пробивающимся сквозь облако. Ни Питтсбурга, ни Балтимора ему разглядеть не удалось. Он начал снижение.

— Даллас, вызывает Первый наблюдательный.

— Первый, Даллас вас слушает.

— Прошу посадки.

— Посадку не разрешаю. На сколько у вас горючего?

— Минут на тридцать. Что изменится за это время?

— Идите к Балтимору, — сказал диспетчер после минутной паузы. — У нас авария в сети энергоснабжения, перешли на аварийные резервы. Мы не сможем вас посадить.

— Вас понял, — мрачно сказал пилот. — До связи.

Он перешел на другой канал связи.

— Балтимор? На связи Первый наблюдательный.

— Я вас слышу, Первый.

— Даллас не дает посадки. Вы можете меня принять? Я нахожусь в двадцати милях к северу от вас, высота полета восемь тысяч.

— Первый, вы меня слышите? У нас авария в энергосистеме. Столкновение на посадочной полосе. Основная полоса вышла из строя. Сколько сможете продержаться?

— Минут двадцать пять. Резервная полоса свободна?

— Свободна.

— Радар работает нормально?

— Пока да.

— Вам придется меня вести.

Пилот включил радар. Дисплей взорвался искрами. Он настроил его.

— Первый, не меняйте канала, — послышался голос диспетчера. — Мы видим вас. Восемнадцать миль к северо-востоку. Сделайте поворот на сто восемьдесят градусов.

— Вас понял.

Горизонт наклонился, ушел наверх и оставался там до тех пор, пока пилот не закончил поворот. На новом курсе самолет оставался несколько минут, постепенно снижаясь.

— Балтимор, — вызвал пилот, — говорит Первый. Моя высота четыре тысячи пятьсот. Она совпадает с вашими данными?

— Нет. Вы идете на высоте три тысячи девятьсот. Но я не доверяю нашему радару. Постараемся корректировать по вашему альтиметру. Передавайте нам его показания через каждые пятьсот футов. Вы находитесь слева от полосы, возьмите десять минут вправо.

— Десять минут вправо.

— Так держать. Будьте готовы к повороту на десять минут влево.

— Вас понял.

— Вы видите поле на вашем экране?

— Вижу. Я различаю разбитую машину, две полосы. Мне садиться на левой?

— Да.

— Три тысячи пятьсот.

Машина вошла в густой туман.

— Вас понял. Превышение высоты. Ускорьте снижение.

— Вас понял.

Через несколько секунд снова послышался голос пилота:

— Три тысячи.

Снова пауза.

— Две тысячи пятьсот.

И еще после паузы:

— Две тысячи.

— Вас сносит вправо. Возьмите пять градусов левее.

— Понял.

— Так держать.

— Тысяча пятьсот футов.

— Не спешите, Первый.

— Понял. — Пилот немного увеличил обороты, затем снова перешел на снижение. — Одна тысяча футов.

— Первый, вас сносит влево.

— На сколько?

— Поправка — десять градусов вправо. Теперь десять влево. Вы видите землю?

— Не вижу. Только по радару. Пятьсот футов.

— Нормально. Первый, теперь не прерывайте меня. Пять градусов влево. Хорошо. Два вправо. Чуть-чуть правее. Вы над ограничительными огнями. Держите скорость двести футов. Снова сносит влево! Еще, еще вправо! Вы видите посадочную полосу?

— Не…, — и больше ни звука.

В контрольной башне диспетчер сорвал наушники и откинулся в кресле. Потом он наклонился вперед, вглядываясь в туман за окном. Оранжевое зарево прорывалось сквозь мглу там, где лежал пассажирский, который при посадке налетел на антенны наведения. Остальное поле было черным. Синие огоньки вдоль посадочных полос не могли пробиться сквозь туман. Диспетчеру показалось, что он видит слабый желтый отблеск неподалеку от пассажирского лайнера. Наверное, «скорая».

— Джек, замени меня, — сказал диспетчер и поднялся. Он вышел из башни и остановился на краю поля. Вскоре подъехала «скорая».

— Вы были у наблюдательного, который только что сел? — спросил он водителя.

— Так точно. Он не загорелся, наверное, шел на спецгорючем.

— Сколько человек на борту?

— Один.

Диспетчер обошел машину и остановился возле задних дверец, откуда санитары доставали носилки. На теле, покрытом одеялом, лежал портфель.

— Как его дела? — спросил диспетчер. — Плохо?

— А, знакомый голос, — послышалось с носилок. — Пока жив, спасибо.

— В конце вас снесло влево, — сказал диспетчер.

— Я жив — это главное. Погодите минутку, ребята. Мне нужно сказать пару слов диспетчеру. Слушайте, вы должны помочь. Дело государственной важности. Откройте портфель и прочтите инструкцию. Сегодня же ночью эти письма должны быть в Вашингтоне. Там есть копии — можете прочесть. Они должны быть доставлены сегодня вечером. Вы поймете почему. О'кей?

— О'кей.

— Спасибо. Теперь тащите меня отсюда. Черт возьми, больно уж очень, видно, ноги переломаны.

Меньше всего в тот момент интересовали дис-

петчера дела государственной важности. Он только что разбил второй самолет за вечер. Вся техника диспетчерской отказала. Хуже дня не придумаешь.

Удушье

Грейс и Питер свалили чемоданы, тюки и плащи у двери и вошли внутрь дома. Тим внес грудного.

— Тим, закрой дверь. Я не дождусь, когда сниму эту дрянь с лица, — проговорила Грейс.

Она прошла в телевизионную комнату, зажигая по пути свет. Там она включила фильтр, занимавший целое окно. В комнатах замигали красные огоньки.

— Дети, можете пойти в уборную и ванную, но не снимайте противогазов, пока не загорится зеленый свет.

Питер вышел из кухни, держа открытую банку пива.

— Поспеши, зеленый огонек, — сказал он. — Я умираю от жажды.

— Я тоже умираю от жажды, — сказала Пиви и стащила с лица маску.

— Пиви! — Питер бросился к ней.

Пиви задохнулась и хотела закричать, но зашлась кашлем. Она шарила руками, стараясь отыскать брошенную маску. Питер схватил маску, одной рукой прижал ее к лицу дочери, другой сгреб девочку и бегом понес в телевизионную, где почти сунул головой в фильтр. Свежий воздух, струившийся сквозь решетку, обвевал лицо девочки. Она пыталась отдышаться.

— Что случилось, Пит? Что она сделала? — Вбежала Грейс.

— Не волнуйся, — ответил Питер. — Пиви, дыши спокойнее, дорогая. Все обошлось, Грейс. Она была без маски секунды две.

Наконец Пиви смогла сесть. Она не хотела отходить от фильтра. Отец надел ей маску и закрепил ремешки. Но на девочку снова напал приступ кашля, глаза были полны слез. Она судорожно прижимала маску к лицу.

Грейс вышла в общую комнату.

— Милый, — крикнула она оттуда. — Бери свое пиво. Зеленый свет!

Питер только отмахнулся.

Из спальни слышались восторженные крики:

— Зеленый! Зеленый!

Стаскивая маску, вошел Тим.

— Я их всех уложил, — сказал он. — Только

Кроху пришлось перепеленать.

Грейс и Питер глядели друг на друга, держа уже ненужные маски в руках. Она потянулась к мужу, и Питер поцеловал ее.

— В таком виде ты мне нравишься куда больше, — сказал он. — Пиви, все уже сняли маски. Тебе тоже можно.

Он наклонился и потянул за резинку, которая прижимала противогаз.

Грейс ушла к грудному.

— Нет! — закричала Пиви и начала отталкивать отца, прижимая к лицу маску и цепляясь другой рукой за решетку фильтра. Питер опустился рядом с ней на колени.

— Девочка моя, воздух хороший. Видишь, я уже снял маску и мама сняла. И Тим. Погляди. Но глаза Пиви были зажмурены.

— Нет, — повторяла она, — нет, нет, нет!

— Оставь ее, — сказала Грейс, заглянув в комнату. — Я сейчас приготовлю нам поесть.

Она отправилась на кухню.

— Пап, вот твое пиво, — сказал Тим, протягивая банку.

— Что-то оно теплое, — заметил Питер. — Послушай, Пиви…

Но девочка не двинулась с места.

Питер включил телевизор.

— Я погашу свет? — спросил Тим.

— Конечно, конечно, я совсем забыл.

Тим выключил свет, горела только одна лампа в телевизионной.

— Опять напряжение упало, — сказал Тим, усаживаясь перед экраном. — Смотри, желтая лампочка.

Изображение на экране телевизора было мутным. Тим до предела прибавил яркость. По экрану пошли черные полосы.

— Еле тянет, — сказал он. — Кто это выступает?

— Наверное, какое-то объявление. Не знаю. Прибавь звук.

— Звук на пределе, — сказал Тим.

— Дай-ка мне. — Питер заглянул за телевизор. Появился звук.

Человек в респираторе отвечал на вопросы:

— …Нет, мы надеемся, что северная станция будет в порядке к утру.

Камера перешла на задававшего вопросы телекомментатора, на маске его виднелись буквы Эн-би-си.

— Что же было причиной аварии, мистер Спивак?

Мистер Спивак выглядел усталым и растерянным, словно весь день отвечал на один и тот же вопрос. Растерянность обнаруживалась лишь в глазах и голосе — остальное скрывал противогаз.

— Я уже говорил мистеру Филипсу, что мы не установили точной причины. Я полагаю, что когда вчера ночью было снижено напряжение в сети… Я должен пояснить: во многих жилых домах в северной части города установлены бустеры, которые не позволяют понижению напряжения в сети отразиться на напряжении в квартирах. Мы понижаем напряжение в ночное время для того, чтобы уменьшить нагрузку на генераторы. Но бустеры в жилых домах срывают эту меру. Более того, они ведут к обратному эффекту. При падении напряжения расход энергии в городской сети возрастает, так как увеличивается сила тока. В результате при падении напряжения нагрузка на сеть тоже не уменьшается, а увеличивается.

— Понятно. Следовательно, если везде будут установлены эти… бустеры, назовем их регуляторами, уменьшить нагрузку на линии вы уже не сможете?

— Вы правы. Единственный выход — снизить напряжение настолько, чтобы бустеры не могли работать. Вероятнее всего, именно это и произо-

шло прошлой ночью, однако, должен заявить, без нашего участия. Комбинат по переработке канализационных отходов обладает мощными электронасосами. Прошлой ночью все они работали. Именно это послужило последней каплей. Напряжение упало ниже критической точки, вызвавшие перегрузку насосы перегрелись, произошло короткое замыкание, и вышли из строя паши генераторы.

— Мистер Спивак, станция снабжает электроэнергией большинство жилых районов города, как богатые дома, так и бедные. У обитателей бедных кварталов тоже имеются регуляторы?

— Эээ… я бы сказал, что нет. Регуляторы дороги, и в муниципальных домах их не устанавливают.

— Будет ли справедливым утверждать, что обитатели богатых домов, снабженных регуляторами, несут ответственность за происшедшую прошлой ночью смерть четырехсот человек в бедных кварталах?

— К сожалению, я не смогу ответить на этот вопрос. Наверное, справедливее было бы сказать, что регуляторы были одним из факторов аварии. К тому же смертные случаи имели место во всех районах города.

— Но в бедных семьях нет респираторов или

их не хватает на всех членов семьи, и потому им приходится отсиживаться в домах, снабженных фильтрами. Как только прекратилась подача электроэнергии и отключились фильтры, эти люди были обречены на смерть?

— К сожалению, я не смогу ответить и на этот вопрос. Обратитесь в городское управление. Если больше вопросов нет, я хотел бы вернуться к работе. У меня много неотложных дел.

— Перед вами выступал мистер Спивак, главный инженер Управления городского хозяйства. Мы возвращаемся в нашу студию.

На экране возникли два человека без респираторов, сидевшие за низким столом.

— Спасибо за интервью, — произнес один из них. — Мы снова в студии. Передачу ведет наш комментатор Том Френдли. Продолжаем передачу, посвященную катастрофе в Северном районе. Рядом со мной находится мистер Энтони Капуццо, старейшина сорок четвертого микрорайона, так сильно пострадавшего прошлой ночью. Мистер Капуццо, разговаривал ли с вами по поводу этих событий мэр Чикаго?

Капуццо отвечал глубоким басом:

— Его честь позвонил мне сегодня рано утром. Он принес свои искренние соболезнования оси-

ротевшим семьям моего микрорайона. Мы все так много пережили.

— Что, по вашему мнению, послужило главной причиной катастрофы?

— Придется подождать, Том, что нам скажут эксперты. А пока что мы бросили все силы на очистные работы вокруг канализационного комбината и на то, чтобы восстановить подачу энергии в те районы, которые все еще отключены.

— Вы слышали, что говорил мистер Спивак. Согласны ли вы с тем, что основной причиной аварии были регуляторы?

— Мне не хотелось бы спешить с выводами, — сказал Капуццо. — Вы же знаете, наверно, что состояние оборудования на канализационном комбинате оставляет желать лучшего.

— Вы имеете в виду споры между мэром и мистером Спиваком о приобретении нового оборудования?

— Послушайте, Том, я знаю, что газеты старались раздуть этот спор, но мистер Спивак — достойный джентльмен, несмотря на то что он республиканец — добродушная улыбка во все лицо, — и мэр трудится с ним рука об руку. Выход из строя двух насосов мог быть и случайностью.

Факт остается фактом — генераторы на электростанции вышли из строя, как только перегорели насосные двигатели. Но я не эксперт. Давайте лучше подождем, что скажут специалисты из комиссии.

— Мистер Капуццо, насколько мне известно, в небоскребе, где вы проживаете, было зарегистрировано два смертных случая, а, в домах Кабрини погибло двести человек. Как вы это объясните?

— Том, мы занимаемся расследованием. Поверьте мне. Но сейчас я должен вас покинуть.

— Мистер Спивак указал ранее, что регуляторы в богатых домах могут поддерживать напряжение в сети в течение шести — двенадцати часов после отключения электроэнергии, тогда как в муниципальных домах не предусмотрено никаких мер для того, чтобы фильтры в случае аварии продолжали работать.

— Я убежден, что мистер Спивак спешит с выводами. Простите меня, Том, но я спешу к себе в контору. Дела не терпят.

Из кухни донесся голос Грейс:

— Питер, ты только погляди на это.

— Подожди минутку, — сказал Питер.

— Теперь мы переходим… — произнес диктор на экране. Изображение начало тускнеть и

пропало.

— Тим, попробуй настроить, — сказал Питер и пошел на кухню.

— Питер, в холодильнике все испортилось!

— Прошлой ночью большая авария электросети была, — сказал Питер. — Они включили свет как раз перед нашим возвращением. Видишь, на сколько электрочасы отстали.

— Пит, послушай, как странно гудит холодильник.

Питер прислушался.

— Ты права. Опять напряжение садится. — Он открыл холодильник и сунул руку в морозильную камеру. — Совсем не охладился. То-то пиво было теплым.

Пиви вошла на кухню. Она так и не сняла противогаза.

— Мама, я хочу пить и есть.

— Сними маску, дорогая. Мы скоро будем обедать — если я отыщу что-нибудь, что не испортилось. Сними ее, сними, неужели ты не устала в ней ходить три дня подряд?

Пиви подумала и сняла противогаз. Вошел Тим.

— Я его выключил, — сказал он. — Полная безнадега.

— Я слышала, что они говорили о регуляторах напряжения. Что это такое?

— А я читал в газете рекламу, — сказал Тим. — Они не дают упасть напряжению.

— Интересно, они в самом деле помогают?

— А то зачем бы их продавали?

— На весь дом? — спросила Грейс.

— Наверняка.

Питер задумчиво поглядел на холодильник.

— А почему бы и нам не купить такой регулятор? — подумал он вслух.

Проблемы безопасности

— Ну и жарища сегодня, — сказал Джо, наблюдая, как желто-серые полосы ползут по экрану. — Кондиционирование отключили?

Маколей отхлебнул кофе.

— Сегодня работают только фильтры, — ответил он. — Ты утром смотрел новости?

— Я больше их не смотрю.

Маколей взял микрофон.

— Четвертый, — сказал он. — Четвертый, вызывает Служба.

— Четвертый на связи, — ответил женский голос.

— Милочка, дайте нам цифры в инфракрасном спектре.

— Вас поняла. Уточняю, я — Четвертый наблюдательный, а не милочка. До связи.

— До связи. — Маколей поднял брови. — Самолюбие.

— Три тысячи восемьсот, — сказал Джо после паузы. — На двести футов выше.

— Служба вызывает Четвертого.

— Четвертый слушает.

— Поднимитесь на четыре тысячи пятьсот и повторите замеры.

— Вас понял.

Через несколько минут Джо сказал:

— То же самое. В лучшем случае три тысячи семьсот пятьдесят.

Маколей пошел к Тейлору. У того в кабинете было еще жарче. Тейлор был один. Маколей сел у стола.

— Наши письма дошли?

— Я как раз стараюсь это выяснить, — сказал Тейлор. — Ты слышал, что вчера ночью не было электричества в Вашингтоне?

Маколей удивился.

— Я не думал, что одно с другим связано. Ему там не следовало садиться. Где он сел? В Балти-

море?

— Он сел в Балтиморе, но посадка оказалась не совсем удачной. Он жив, но в каком состоянии, не знаю. Все утро телефонная связь практически не работает. Уже час, как я стараюсь дозвониться до Нью-Йорка, Вашингтона или Балтимора. А в Бостоне ничего не знают.

— Может, воспользоваться радиосвязью Службы? — спросил Маколей.

Зазвонил телефон. Тейлор с минуту слушал, потом кивнул и сказал:

— Спасибо, девушка. Считайте, что я отказываюсь от заказа. — Он положил трубку и сказал Маколею. — Пошли, попробуем.

Они перешли в зал, и Маколей связался с радистом Службы в Балтиморе.

— Попробуйте телефонную связь с Вашингтоном, — сказал ему Маколей.

— Кому звонить в Вашингтоне?

— Вызывайте министерство внутренних дел. Будете транслировать разговор через передатчик.

— Вас понял, — ответил радист. Они слышали, как он набирает номер. Потом раздался голос телефонистки министерства.

— Министерство внутренних дел слушает.

Маколей передал микрофон Тейлору.

— Нажми здесь, — сказал он.

— Говорит Джеймс Тейлор, директор Чикагской службы наблюдения. Соедините меня с министром.

— Минуту, сэр.

Почти сразу телефонистка сказала:

— Приемная министра, мистер Тейлор. Мистер Хомер будет говорить лично.

— Добрый день, Тейлор.

— Доброе утро, господин министр. Прибыл ли мой курьер?

— Мы говорим по секретному каналу, Тейлор?

Тейлор взглянул на Маколея, тот отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр, — сказал Тейлор.

— Тогда без подробностей. Ваше письмо прибыло, человек, который его доставил, находится здесь. Здесь же министр обороны. Вертолет ждет вас на базе ВВС в двенадцать ноль-ноль. Прошу вас, а также всех, кто ознакомлен с содержанием письма, прибыть туда. Сколько ваших сотрудников знают об этом?

— Я уточню, сэр. Но думаю, трое. Включая моего секретаря и помощника.

— Хорошо. До встречи.

— Сэр, предпринимаются ли какие-нибудь меры?..

— Мы обсудим это здесь. До свиданья.

— Чикаго, говорит Балтимор. Министерство отключилось.

Маколей взял у Тейлора микрофон.

— Я понял, Балтимор. Спасибо.

— Пошли ко мне в кабинет, — сказал Тейлор Маколею. — Джо, вы ничего не слышали.

Джо кивнул, не отрывая взгляда от экранов.

По пути они захватили Бетти. Тейлор закрыл за собой дверь кабинета.

— Я как-то об этом не успел подумать. Бетти, кто еще знает о содержании писем?

— Больше никто. Я сама их все запечатала, а вы заперли портфель.

— Отлично. Я не думал, что органы безопасности так скоро этим заинтересуются. Но Хомер, видно, полагает иначе. Министр обороны уже в курсе дела, а это означает, что и Пентагон все знает. А если они все еще боятся, как бы за границей не узнали, в каком мы состоянии, это означает, что они ни черта не поняли из нашего письма. Я не стал говорить об остальных письмах — они должны быть у всех сенаторов, в Белом доме и у всех министров. Если, конечно, пилот не отпра-

вился прямиком в министерство внутренних дел. Вроде бы при посадке он не сильно пострадал. Как я понимаю, он в Вашингтоне.

— Ты надеешься, что письма доставлены? Но если они попали к Службе безопасности, мы уже ничего не сможем поделать. Так что лучше собирайся. Времени почти не осталось.

— Куда мы едем? — поинтересовалась Бетти.

— Мы, дорогая, в тисках секретности, хотим того или нет. Нас вызывают в Вашингтон. И тебя, Бетти, тоже, потому что ты печатала письмо. К полудню мы должны быть в Гленвью, так что осталось всего два часа. Отправляйся домой, соберись, мы подхватим тебя у дома, скажем… в десять тридцать. Движение такое, что нельзя рисковать.

— Может, быстрее на метро? — спросил Маколей.

— Ты не смотрел новости, — ответил Тейлор. — С утра отключена энергия в Северо-западном районе, так что на метро рассчитывать не приходится.

Сквозь город пробирались медленно. Бетти ждала их на тротуаре. Она уже беспокоилась — они опоздали минут на двадцать. Эдинская трасса была забита машинами в обоих направле-

ниях. Машины ползли с зажженными фарами.

— Ты только посмотри, — сказал Маколей. — И так нечем дышать, а сколько машин!

— Ты на нас взгляни, — ответил Тейлор. — У нас герметичная машина с кондиционером и фильтрами, едем мы медленно, двигатель работает вполсилы, а все равно выбрасываем в атмосферу вдвое больше других машин.

— Но мы же едем по делу, — сказала Бетти.

— Они в большинстве случаев тоже. В этом и беда. У всех дела. И всем надо дышать, и всем надо хранить пищу, и все хотят смотреть телевизор — и так далее, и тому подобное. Каждый старается справиться с ситуацией в меру своих сил. А когда воздух становится еще хуже, вы идете и покупаете фильтр посильнее, а этот сильный фильтр потребляет больше энергии, усиливается нагрузка на генераторы, и воздух становится еще хуже. Вы покупаете регулятор напряжения, у вас дома напряжение в норме, а вокруг падает еще больше, и снова увеличивается нагрузка на генераторы. Выходит из строя общественный транспорт, и вы едете в город на собственной машине, а от этого воздух становится еще грязнее. И чем дальше, тем хуже. Вы ведь не согласны молча страдать. Вы принимаете меры. Но если вы

работаете на заводе, в магазине, водите такси, у вас нет ни возможности, ни знаний, чтобы устранить причину, в ваших силах лишь бороться со следствиями по мере их возникновения. И чем ты богаче и влиятельней, тем больше вреда ты приносишь окружающим.

— Правильно, — согласился Маколей. — Всякий раз, когда вы покупаете новое приспособление, чтобы улучшить условия внутри вашего пузырька, снаружи от этого становится немного хуже.

— А вы слышали о водяных насосах? — спросила Бетти.

— Нет.

— У нас в доме такой установили. Он качает воду даже тогда, когда в городе ее нет. Это очень удобно. Конечно, я думаю, получается то же, что и с регуляторами напряжения. Но в моем пузырьке вода есть.

— Водяные насосы! — воскликнул Маколей. — А вы понимаете, что произойдет в случае пожара? Эти насосы высосут всю воду из сети! К тому же насосы-то электрические! Энергии они пожирают сверх меры.

— Я вчера вечером смотрел передачу, — сказал Тейлор. — Там много говорили о регуляторах напряжения. Зря они о них говорили. Чем больше о

них будут знать, тем больше народу побежит их покупать. И никто не подумает, что это означает для тех, у кого регуляторов нет. Боюсь, что мы в опасной близости от ситуации, исключающей всякий альтруизм, — уж очень пугает окончательное крушение. Хотел бы я знать, многое ли нас отделяет от этого.

— Но это же ужасно! — ахнула Бетти.

— Ты права. Это ужасно.

Они замолчали. Тейлор старался протиснуться между машинами, чтобы не опоздать на базу.

Через час они остановились перед воротами Гленвью. Там их ждали двое в штатском. Они сели к ним в машину и доехали до диспетчерской. У башни стоял большой реактивный транспортный вертолет ВВС. Его лопасти лениво вращались. Как только они взошли на борт, вертолет поднялся.

Они подзаправились на базе Райт-Патерсон, там же успели немного перекусить, а еще через два часа опустились на площадке у Пентагона. Душный подземный коридор, правда снабженный фильтрами, привел их к лифтам, и вскоре они оказались в прохладном комфортабельном зале на одном из верхних этажей.

— Еще один пузырек, — прошептала Бетти Ма-

колею, пока сопровождающий и Тейлор говорили с дежурным офицером.

Их пригласили в огромный устланный коврами кабинет. Удобные голубые кресла вытянулись строем вдоль массивного стола. Посреди стола стояли государственный флажок и флажок ВВС. Окна были закрыты тяжелыми синими портьерами.

Они остались одни, было время разглядеть комнату.

На громадной цветной фотографии во всю стену звено сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков неслось к лесистым холмам. Сидящий в торце стола мог представить себе, что находится за штурвалом истребителя.

Глядя на фото, Маколей задумчиво произнес:

— Вот смотрю, а мысль только об одном: какой там чистый воздух!

— Непонятно, где это снято, — сказала Бетти, поворачиваясь в мягком кресле.

Вошел адъютант — до лоска подтянутый и ухоженный майор. Улыбаясь, он присел к столу.

— Простите, что мы заставили вас ждать. Как вы долетели? — спросил он, широко улыбнувшись.

— Нормально, — сказал Тейлор.

— Нас задержали пробки в городе, — сказал Маколей.

— Генерал Соме вскоре присоединится к нам. Он хотел бы побеседовать с вами, прежде чем вы попадете в Белый дом. Ваша беседа будет совершенно неофициальной. Не хотите ли кофе? Виски?

Официантов не было, так что майору пришлось подняться и оставить их снова в одиночестве. Маколей с некоторым удовлетворением отметил, что под ним поскрипывает стул.

Внезапно дверь распахнулась, и вошел другой майор с портфелем в руке. В другой руке он держал одно из писем. Фирменный конверт Службы наблюдения Маколей узнал сразу. Майор положил письмо посреди стола. Затем дружески улыбнулся гостям и присел в кресло, стоявшее чуть в стороне. Положив портфель на колени, он достал из него ручку и блокнот.

Наконец появились главные силы. Еще два адъютанта в чине полковников отворили двери, чтобы пропустить на удивление удачно отглаженного генерала. Явно это был сам Соме. За ним, оживленно беседуя вполголоса, вошли два генерала чином поменьше. Соме был удивительно подтянут, отлично выбрит и отличался благород-

ной красотой.

Адъютанты разделились. Место в торце стола занял один из сопровождающих генералов, тогда как Соме непринужденно уселся напротив гостей. Другой сопровождающий генерал подошел к майору-стенографисту и что-то тихо сказал. Оба сдержанно засмеялись. Полковники сели чуть сзади.

Адъютант, сидевший за столом, поднялся.

— Генерал, позвольте представить вам мисс Хэтч, мистера Маколея и директора Чикагской службы наблюдения мистера Джеймса Тейлора, — чеканно произнес он и снова сел.

Имена были названы безошибочно, и порядок представления был таков, что генерал обратился прямо к Тейлору.

— Благодарю за визит, Тейлор, — сказал он добродушно. — Я не хотел бы отнимать ваше драгоценное время, так что сразу к делу.

Стенографист начал записывать, положив блокнот на портфель.

— Наша встреча совершенно неофициальна, — продолжал генерал. — Мы внимательно изучили ваше письмо и пригласили вас потому, что отнеслись к нему очень серьезно, чрезвычайно серьезно.

— Простите, генерал, но вам я не направлял письма, — сказал Тейлор.

— Вы уверены? — удивился генерал. — Насколько я помню, вы посылали копию министру обороны.

— Эта копия еще не доставлена.

— Понятно. В общем, это не имеет значения. Впрочем, Джон, скажите, каким образом у нас оказалась копия письма?

— Ваш курьер доставил нам копию без адресата, — вежливо сообщил один из младших генералов.

Маколей удивленно взглянул на Тейлора, но тот только пожал плечами.

— Понятно, — сказал он.

— Итак, — генерал собрался с мыслями, — что касается ситуации, изложенной вами… Новых сведений нет?

— Высота облака, — сказал Маколей, — по данным наших наблюдений, возросла к сегодняшнему утру на сто пятьдесят футов. За последние двенадцать часов в Чикаго произошли две аварии в системе энергоснабжения.

Адъютант, сидевший в стороне, сказал:

— Аварии уже устранены. Мистер Маколей, очевидно, не осведомлен об этом.

— Разумеется, — обрадовался генерал Соме. — Так что неприятности были временными. Но общее положение остается очень серьезным, как вы и указали в своем письме.

— Какие меры будут приняты? — спросил Тейлор. — Вы же читали наши рекомендации?

— Разумеется, разумеется, мы ознакомились с ними самым серьезным образом. Однако вы должны понимать, что принятие таких решительных мер должно быть тщательно взвешено. Последствия их могут оказаться серьезнее современного положения. Много серьезнее. Мы ведь тоже не сидим сложа руки. Надеюсь, вы это понимаете. Нам приходится принимать во внимание многие факторы, о которых вы в Чикаго не имеете представления.

— Осознаете ли вы, генерал, что описанное нами положение характерно для всей части страны от Миссисипи до восточного побережья? — спросил Маколей.

— Да, — ответил за генерала адъютант. — Мы обсудили эту проблему сегодня утром. ВВС полностью осознают масштабы.

— Что вам нужно от нас? — спросил Тейлор.

— Ну что ж, — генерал обернулся к Тейлору, — строго конфиденциально мы должны сказать

вам, Тейлор, что международное положение таково, что выполнение ваших рекомендаций может повлечь за собой серьезнейшие последствия, на наш взгляд крайне нежелательные. То, что вы предлагаете, ослабит наши позиции. Нет, я не говорю, что мы не можем ничего предпринимать. В нашем распоряжении территория всей страны. Мы можем передвинуть некоторые отрасли промышленности в менее загрязненные районы и тем самым резко уменьшить опасность. Попрошу вас рассмотреть такую возможность. Это трудное, большое начинание, но можете быть уверены в полной поддержке военно-воздушных сил. Мы вместе с вами уберем из больших городов электростанции, нефтеперерабатывающие заводы и другие предприятия. Мы убеждены, что вы компетентны решать, что и куда надо передвинуть. Мы вас поддержим. Таким образом мы сможем кардинально решить наши насущные проблемы.

Маколей открыл было рот, чтобы возразить, но Тейлор перебил его:

— Мне кажется, генерал Соме, что я вас понял. Разрешите мне изложить вашу мысль собственными словами. Вы полагаете, что Служба наблюдения сможет указать вам те районы

страны, где загрязнение атмосферы минимально, чтобы убрать из критических точек наиболее вредные отрасли производства. То есть провести децентрализацию промышленности. Одновременно с этим, если я не ошибаюсь, вы хотите таким рассредоточением уменьшить последствия неожиданного нападения противника.

Генерал наклонился и в упор посмотрел на Тейлора. Взгляд его был тяжелым.

— Тейлор, — сказал он, — вы поняли нас совершенно правильно. С военной точки зрения прекращение производства сделает нас беззащитными перед нападением извне. Если же мы распределим промышленность по всей стране, это сослужит нам добрую службу. Да и вам поможет.

Генерал откинулся в кресле и удовлетворенно произнес:

— Господа... и мисс... Ээээ... я полагаю, мы достигли взаимовыгодного решения. Позвольте считать наше плодотворное совещание законченным.

Генерал поднялся, пожал руки прибывшим и направился к двери. Полковники поспешили отворить ее, младшие генералы удалились следом, все так же оживленно беседуя. Один из них

задержался возле Тейлора:

— Мы рады, что вы с нами, Тейлор, — сказал он и протянул ему руку.

Тейлор пожал руку и ответил:

— Рад быть полезным.

— Если вы последуете за мной, — поднялся майор-стенографист, — я покажу, где можно вымыть руки. Для вас приготовлен обед, если, конечно, вы не возражаете его отведать.

Когда они покидали кабинет, Маколей тихо сказал Тейлору:

— Если мы их послушаемся, через год облако покроет всю страну.

— Знаю, — ответил Тейлор. — Помолчи. Этого не случится.

— Какой он был внушительный! — прошептала Бетти. — Я до смерти перепугалась.

Маколей взял ее под руку и прошептал;

— На это они и рассчитывали.

Как выжить

— Это Овальная комната, — сказал Маколей Бетти. — Здесь сидит секретарь президента.

Охранники вышли.

— Вам не кажется, — продолжал Маколей, —

что за стенами всегда кто-то бегает и оповещает о нашем прибытии. Вроде никто не предупреждает о том, что мы пришли, а к нашему приходу всегда кто-то готов.

Дверь открылась.

Вошел Джордж Фарроу — они его сразу узнали.

— Спасибо, что вы пришли, — сказал он. — Давайте знакомиться. Значит, вы — Бетти Хэтч… Вы — Маколей. Ну а вы должны быть Тейлором.

Он широко улыбался, пожимая руки. Фарроу был чернокожим. Контраст с приемом в Пентагоне был разительным. Им сразу стало легче.

— Президент сейчас выйдет, — сказал Фарроу. — Он говорит по телефону.

— А кто еще будет?

— Масса народу. От министерства внутренних дел, министерства обороны, коммерции и так далее. Но не волнуйтесь, убежден, они вас не съедят. Им важно узнать, что вы думаете о сложившейся ситуации. Это не будет кабинет министров, хотя соберемся мы в зале заседаний. Вы пообедали?

— Нас чудесно покормили в Пентагоне, — сказала Бетти.

Фарроу быстро взглянул на нее:

— Простите… — и тут же вышел из комнаты.

— Они не знали, что нас перехватил Пента-

гон, — сразу сообразил Тейлор. — Боюсь, что мы угодили в самое пекло.

— Мне не надо было говорить этого? — спросила Бетти.

— Не бойся, Бетти, нам нечего скрывать, — сказал Тейлор. — Но если то, что я знаю о президенте Холланде, — правда, ему это не понравится.

— Ты будешь говорить ему о других письмах? — спросил Маколей.

— Думаю, что теперь это уже неважно.

Вновь вошел секретарь.

— Мисс Хэтч, — сказал он, — господа, разрешите представить — господин президент.

Президент Холланд быстро, но твердо пожал всем руки.

— Приветствую вас, мисс Хэтч, мистер Маколей, мистер Тейлор. Джордж только что сказал мне, что вы останавливались по пути в Пентагоне. С кем вы говорили, с Карвером или с Сомсом?

— С генералом Сомсом, господин президент, — ответил Тейлор. — Он желает децентрализовать промышленность. Я не стал объяснять ему, почему из этого ничего не выйдет.

— Хорошо. Второй вопрос: сколько копий письма было отправлено и кому?

— Бетти, ты лучше знаешь, — сказал Тейлор.

— Я сделала сто двадцать копий: каждому сенатору, каждому члену кабинета и несколько запасных. И один экземпляр для вас, господин президент.

— Зачем так много, Тейлор? Вы что, хотите, чтобы об этом знал весь свет?

— Нет, господин президент. Но я хотел быть уверен, что письмо не затеряется. По крайней мере я старался так сделать.

— Сенаторы ничего не получили. Ваш курьер оставил одну копию здесь и отправился в министерство внутренних дел, где его и задержали.

— Но у генерала Сомса была копия.

— Без сомнения. Как могло получиться, что в качестве посыльного вы избрали аэродромного диспетчера?

— Диспетчера? — Тейлор с Маколеем удивленно переглянулись.

— Наверное, пилот был ранен, — сказала рассудительно Бетти. — И кого-нибудь попросил его заменить.

— Возможно, — согласился Тейлор. — Значит, диспетчер прочел копию и отнес или отослал ее в Пентагон прежде, чем куда бы то ни было еще. Кстати, пилот был ознакомлен с содержанием письма.

Фарроу молча покинул комнату, и они услышали, как он набирает номер.

— Хорошо, — сказал президент. — По крайней мере мы все теперь в курсе. Предлагаю присоединиться к остальным в зале заседаний. Мисс Хэтч и мистер Маколей, вы можете присутствовать на совещании, но попрошу вас не выступать и не комментировать события, за исключением тех случаев, когда к вам обратятся непосредственно.

В полной тишине тридцать с лишним человек, сидевшие вокруг большого стола, поднялись при появлении президента. Президент указал Тейлору на место рядом с собой.

— Насколько я вижу, — сказал президент, — все, кого я пригласил, собрались. Благодарю вас. Разрешите представить вам мистера Тейлора, директора Чикагской службы наблюдения, и его помощников — мистера Маколея и мисс Хэтч.

Последовали поклоны и рукопожатия.

— Это не совсем обычное заседание, назовем его экстренным. Если возникнет необходимость, мы соберем кабинет в полном составе. Дело в том, что мистер Тейлор поднял вопрос, который всех нас давно беспокоит. Я пригласил сюда мистера Тейлора и его помощников по совету министра внутренних дел Тома Хомера, дабы непосред-

ственно познакомиться с информацией, которой он располагает, и предотвратить всякие интриги в будущем.

Некоторые из присутствующих понимающе улыбнулись.

— Мистер Тейлор полагает, что ситуация настолько серьезна, что он пошел на определенный риск, чтобы довести до нашего сведения свою точку зрения. А так как он более других осведомлен о положении вещей в стране, мы вынуждены со всей серьезностью отнестись к его предупреждению. Если я правильно понял мистера Тейлора, проблема загрязнения окружающей среды стала самой насущной из наших проблем. Вы что-то хотите сказать, мистер Купер?

Поднялся министр обороны.

— В министерстве обороны, как вы знаете, также весьма озабочены сложившимся положением. Поскольку здесь присутствуют лица, не имеющие доступа к секретной информации, я не могу углубляться в детали, но убежден, что паши враги внимательно следят за состоянием облачного слоя над нашими городами и понимают, в сколь опасном положении мы находимся. Даже допуская, что обстановка в больших городах может выйти из-под контроля, мы не должны

упускать из виду международное положение. С одной стороны, мы должны принять меры, чтобы выжить в такой обстановке, чтобы, попросту говоря, дышать, с другой стороны, мы не должны забывать, что наши враги не дремлют.

— Том, — сказал президент, обращаясь к министру внутренних дел, — ты будешь председательствовать.

Хомер встал.

— Разумеется, — сказал он, — вопрос о безопасности государства очень важен, но я думаю, что не менее важно сейчас выслушать мистера Тейлора. Прошу вас, мистер Тейлор.

Тейлор медленно поднялся с места.

— Благодарю вас, мистер Хомер, — сказал он. — Я не компетентен высказываться по вопросам обороны и безопасности. Но слова мистера Купера и то, что мы слышали сегодня от его генералов, еще раз убеждают меня — они не поняли, о чем идет речь. Речь идет не просто об облачном слое. Это не просто облако — это смертоносный газ. Без всяких вражеских усилий мы уже выпустили на самих себя отравляющие вещества огромной силы. И этот газ не выходит из-под контроля. Он уже вышел из-под контроля. И уверяю вас, господин президент, что мы говорим не об ухудшении

условий окружающей среды — эти слова употреблялись так часто, что к ним уже привыкли. Мы говорим о том, что находимся сейчас в условиях войны. Каждый из нас живет в мире, созданном из отходов жизнедеятельности своих соседей. Еще несколько лет назад мы могли избавляться от этих отходов раньше, чем они оказывали вредоносное влияние на наши жизни. Теперь же мы все находимся в постоянном конфликте друг с другом… Мы не успеваем избавляться от отходов.

Это настоящая война: мы достигли той грани, за которой человек не может делать, что хочет, не ставя под угрозу выживание окружающих. Мы сами стали источником опасности. Каждый человек должен думать о том, что он делает, а не о том, как влияет на него окружающая среда.

Поглядите на комнату, в которой мы заседаем. Она хорошо освещена, прохладна, наполнена свежим воздухом, все мы чисты и здоровы. Как же нам удается поддерживать такое состояние? Биологи давно уже знают ответ на этот вопрос. Они утверждают, что жизнь — это превращение беспорядка, хаоса в порядок, но цена этого порядка — усиление хаоса вне биологической системы. Мы охлаждаем эту комнату, но за счет

этого выбрасываем тепло в окружающую среду. Мы фильтруем воздух, но и фильтрация повышает концентрацию газов и пыли снаружи. К тому же и охлаждение, и фильтрация требуют затрат электроэнергии, а работа любого генератора энергии связана с выбросами в атмосферу. И чем тщательнее мы поддерживаем чистоту в наших… как их называет мой коллега, пузырьках, тем грязнее становится окружающий мир и тем большую нагрузку испытывают наши фильтры и холодильники.

Наша главная проблема исходит из факта человеческого существования. Люди не могут быть пассивными жертвами обстоятельств, они активные преобразователи их. Если человеку холодно, он не добавит еще одно одеяло, а включит электропечь. Если эта печь окажется недостаточно мощной, он приобретет печь помощнее. Если ему трудно дышать, он старается раздобыть новый, более эффективный фильтр; если уменьшается напор воды, он ищет электронасос; если падает напряжение в сети, он устанавливает регулятор напряжения. Вот в чем корень проблемы. Каждый индивидуум способен контролировать положение вещей в той частичке мира, благосостояние которой его волнует. Но что происходит

с остальным миром — не входит в его расчеты. И мы сейчас говорим не только о комфорте. Не забудьте, что уже сегодня в шести крупнейших городах Соединенных Штатов, лишившись фильтра и респиратора, вы покончите счеты с жизнью.

Если не будет предпринято кардинальных мер, чтобы исправить положение, наши рекомендации тоже не спасут. Мы отступим несколько к прошлым условиям жизни, но через некоторое время неминуемо вернемся к современному положению. Мы должны отыскать понятный каждому руководящий принцип, чтобы пресечь те действия по защите человека от окружающей среды, которые губят эту среду. Мы должны убедить общество, что защита самого себя не ведет ни к чему, кроме неизбежной катастрофы для всех.

Эта проблема выходит за пределы моей компетенции. Но я очень надеюсь, что она находится в компетенции собравшихся. Сегодня мы вынуждены принять срочные меры, чтобы прекратить войну каждого против всех. И совершенно неважно в этой ситуации, что плакируют русские, или что это означает для китайцев, или насколько это подорвет доверие к нам у наших союзников.

Достаточно заглянуть на два месяца вперед, когда начнется отопительный сезон, и станет ясно, в сколь беспомощном состоянии окажется страна. Вот почему мы назвали цифру шестьдесят дней в наших рекомендациях. Через шестьдесят дней наступит полный крах всех энергетических систем.

И последнее: нельзя ждать ни минуты. Я не знаю, насколько близка наша система к срыву, пожалуй, никто не сможет сказать этого точно. Все наши основные города имеют отрицательный энергетический баланс. Им требуется круглосуточная подача энергии со стороны, так как их собственные станции не справляются с нагрузкой. А станции и не могут справляться, так как воздух и вода отравлены настолько, что каждый, кто может, вынужден устанавливать дополнительные устройства, об эффекте которых я уже говорил. И положение на западном побережье даже хуже, чем у нас.

Наши прогнозы не сбываются — действительность обгоняет их. Облачный слой полностью покрыл северо-восточную часть страны за два месяца до предсказанного нами срока. Толщина его увеличивается такими темпами, что мы не можем найти этому объяснения. Мы не предвиде-

ли, что возникновение сплошного слоя изменит схему выпадения осадков, в результате чего погибнет растительность на Скалистых горах.

Подобные непредвиденные явления будут возникать и далее, хотя бы потому, что никогда еще ничего подобного не случалось. Простите, что я отнял у вас столько времени, повторяя истины, которые вам, вероятнее всего, известны и без меня — но заклинаю вас, джентльмены, и вас, господин президент, — времени совсем не осталось.

Наступило краткое молчание. Затем Хомер произнес:

— Благодарю вас, мистер Тейлор. Я твержу об этом уже несколько лет. Господин президент, вы будете говорить?

— Не сейчас, Том.

Хомер обвел взглядом поднятые руки, но обратился к человеку, не протянувшему руки.

— Представитель Национального управления науки, доктор Клаусман, прошу вас.

Когда Клаусман поднялся, оказалось, что, стоя, он лишь немногим выше своих сидевших коллег.

— Господин председатель, господин президент, леди и джентльмены. Мистер Тейлор объяснил нам, что мы, это самое, не понимаем проблемы.

Но она, это самое, разумеется, серьезная.

Он сделал паузу и обвел всех строгим взглядом из-под кустистых бровей.

— Но, это самое, мы разрешим, разумеется, срочно, надо провести исследования, это самое… немедленно.

Доктор Клаусман удовлетворенно опустился в кресло.

Наступило неловкое молчание. Хомер не сразу понял, что доктор завершил свое выступление.

— Благодарю вас, доктор. Вы хотите что-то добавить, господин президент?

— Обстоятельства требуют немедленного расследования, — сказал президент. — К сожалению, в выступлении мистера Тейлора эмоции превалировали над фактами. Однако я склонен отнестись серьезно к общему направлению его предупреждений. Цифры и расчеты, приведенные в письме, не всегда понятны для неспециалиста, и я должен признаться, что до сегодняшнего заседания не придавал им должного значения. Мы сейчас подверглись нападению ядовитых веществ. Кто за то, чтобы продолжать это совещание до того, как я соберу кабинет министров?

Поднялись пять рук.

— Я так и думал. Выступлению мистера Тейлора

придают весомость и убедительность факты, на которых оно основано… Если факты соответствуют истине, а я полагаю, что мистеру Тейлору не было смысла вводить нас в заблуждение, то мы стоим перед проблемой, которая представляется сегодня более важной, чем вопросы национальной безопасности…

Со стороны министра обороны последовали громкие возражения.

— Позже, Боб, — прервал его президент, — ты выскажешься на кабинете. Я предлагаю прервать совещание и избрать чрезвычайную комиссию по изучению письма мистера Тейлора.

Клаусман ожил.

— Разумеется, это самое… — сообщил он, — не позже чем, это самое… через неделю.

— Нет, доктор, через час. Я хотел бы, чтобы комиссия была в Чикаго не далее чем послезавтра.

Клаусман был совершенно растерян, он принялся доставать из карманов листки мятой бумаги и невнятно бормотать имена известных ученых.

Президент пригласил Тейлора, Маколея и Бетти проследовать за ним.

— Я немедленно соберу кабинет, — сказал он, когда они перешли в Овальную комнату. — Пусть

вас не разочаровывает кратковременность совещания. Мне необходимо было должным образом встревожить нужных людей. Так что я благодарен вам, Тейлор. К тому же у нас есть ваше письмо, которое я использую. Еще раз обдумайте ваши жесткие рекомендации. Я позабочусь о Пентагоне.

С этими словами президент покинул помещение.

Секретарь президента Фарроу извлек Тейлора и его спутников из окружения обступивших их министров. Маколей был разочарован. Ему так и не удалось высказаться.

— Мы организовали немедленную отправку вас в Чикаго, — сказал Фарроу. — Вы вылетаете на базу Уиллис на президентском вертолете, а оттуда на армейском вертолете в Чикаго.

Этим все и кончилось.

Только над Пенсильванией, под звездами безлунного неба, к ним вернулся дар речи.

— Президент произвел на меня приятное впечатление. А я голосовал против него, — проговорил Маколей.

— Я чувствую себя болтливым мальчишкой, — сказал Тейлор.

— Вы неправы, — Бетти положила ладонь на его

руку. — Вы совсем не казались мальчишкой. Вы просто здорово выступили. Я знаю, я там была.

— Но я не смог… ну ладно, в любом случае спасибо на добром слове. Я думаю — что же они предпримут? И успеют ли они что-нибудь сделать.

Их разбудил капрал:

— Мы почти прилетели. Приземляемся в Мейгсе. Вас ждет машина.

Они посмотрели в окна. Вскоре в облаках возникло оранжевое зарево, и через некоторое время вертолет догрузился в адскую желтую вату, покрывающую страну. Тейлор отвернулся от окна.

— Черт побери, — произнес он. — Что же они собираются делать?

Решение

Желто-серые облака плыли по экрану.

Красная точка в центре время от времени раздваивалась. Джо взял микрофон:

— Второй, сообщите высоту.

— Второй вас слышит. Высота пять пятьсот.

— Второй, поднимитесь до шести тысяч.

— Вас понял.

— Контрольная служба Денвера, вас вызывает

Чикаго.

— Контроль Денвера на связи.

— По нашим данным, облачный покров распространился на триста миль к западу от Чикаго. Что вы можете сообщить?

— Станция на Лонг-Пике сообщает, что небо затянуто облаками к востоку от гор. Приблизительная высота пять тысяч сто футов от уровня моря. Ближайшие строения Денвера нам еще видны.

— Спасибо, до связи. Контроль Нового Орлеана, вас вызывает Чикаго.

— Контроль Нового Орлеана слушает.

— Вы подняли свой наблюдательный самолет?

— Сможем сделать это не раньше полудня.

— Есть сообщения от гражданской авиации?

— Два сообщения. Сейчас мало полетов. По их данным, высота облака тысяча сто футов, оно поднимается к северу и востоку. Поступило сообщение с танкера о высокой степени загрязнения воздуха в Мексиканском заливе в двухстах милях от берега. Они идут только по радару. Да, наш мэр издал сегодня декрет о том, что респираторы выдаются за счет города всем, кто не может их купить, до четырех на семью. Имеется несколько смертных случаев.

— Спасибо за сообщения. Мы слышали их по телевизору. До связи.

Джо записал данные в блокнот, затем потянулся и снова взялся за микрофон.

— Контроль Сан-Франциско, Чикаго на связи.

— Контроль Фриско на связи. Говорите.

— Как нам известно, ваши самолеты сегодня не смогли подняться. Так ли это?

— Так точно. Ничего не смогли сделать. Видимость не более ста футов. Это Джо говорит?

— Именно. А с кем имею честь?

— Табби на связи. Это моя последняя смена. Ухожу. У меня астма. У нас нет электричества. Работаем на аварийке.

— Плохо дело.

— Слабо сказано. В Калифорнии объявлено военное положение…

Связь неожиданно прервалась, заглушенная помехами.

— Фриско, Фриско, Чикаго на связи!

Никакого ответа. Джо поднял телефонную трубку.

— Послушайте, сделайте следующее. Вызовите в зал контроля Тейлора. Затем любой ценой свяжитесь с Сан-Франциско. Я тоже попытаюсь им дозвониться. Но сначала найдите Тейлора.

Он отпустил кнопку, затем набрал десятизначный номер.

— Сан-Франциско слушает, — отозвался мужской голос. — Мы обслуживаем только срочные государственные переговоры.

— Срочный государственный вызов. Говорит Контроль Чикаго. Мне необходимо связаться с нашей станцией в Сан-Франциско. Три-три-ноль-три.

— Ждите.

Вошел Тейлор. За ним Маколей и какой-то незнакомый мужчина. Джо протянул им руку и включил динамик. Послышался голос оператора:

— Ваш номер не отвечает.

Последовала пауза, затем зазвучали короткие гудки.

Джо повернулся к Тейлору.

— Я разговаривал с Табби. Это мой приятель в Сан-Франциско. Он сказал, что у них объявлено военное положение. И затем связь прервалась.

— В какой момент? — спросил Маколей.

— Как только он мне об этом сообщил. У меня такое впечатление, что кто-то разъединил нас.

— Этого еще не хватало! — воскликнул Тейлор.

— Есть и еще новости, — продолжал Джо, заглядывая в свой блокнот. — Давление и высота

облачного слоя в Денвере уже такие же, как и здесь. В Новом Орлеане всего тысяча сто футов, но облако протянулось на двести миль в океан.

— Значит, от Скалистых гор до побережья, — сказал незнакомец. — Потребовалось пятнадцать дней, чтобы расползтись на полторы тысячи миль.

— Прости, Джо, я не представил доктора Кардуел-ла из Университета Карнеги. Он помогает нам. А это Джо Фостер, начальник Службы контроля.

— Рад познакомиться, Джо. Вы сами ведете весь контроль?

— Что вы! — Джо махнул рукой в направлении зала, где сидели сотрудники. Примерно половина мест была занята. — К тому же мы отвечаем лишь за воздушную разведку. Наземные службы на нижних этажах.

— Ясно, — сказал Кардуелл, — а что это вы говорили о военном положении?

— Надо будет в этом разобраться, — вмешался Тейлор. — Садитесь.

Он взял микрофон.

— Барбара, свяжи меня с заместителем министра, а если его нет, то с самим министром Хомером. Дело чрезвычайной срочности. Погоди… — он достал бумажник, раскрыл его, прочел

имя на карточке, — скажи там, что вызывает мистер Шарп. Да, именно так.

Не выпуская трубки, он спрятал бумажник в карман.

— Это пароль, — сказал он. — Они должны немедленно ответить.

— Страшно подумать, что творится, — сказал Джо. — Высота облака пять двести от Бостона до Денвера, и Денвер не исчез в тумане только потому, что стоит на возвышенном месте.

— Пожалуй, мы разобрались в том, что вызывает рост облака, — сказал Кардуелл. — Есть такое понятие «альбедо» — это величина, характеризующая отражательную способность. Особенно высока отражательная способность у облаков, благодаря чему до Земли добирается едва ли пятая часть солнечной радиации. Наше облако отражает обратно в пространство около шестидесяти процентов солнечных лучей вместо обычных тридцати.

— Почему же тогда здесь так жарко? — спросил Маколей.

— Парниковый эффект. Некуда деваться теплу, излучаемому Землей. То, что в обычных условиях уходит вверх, теперь отражается от облачного слоя вниз. В абсолютных цифрах сейчас не жарче,

чем обычно в августе, но наверху ситуация иная. На высоте пять тысяч футов существует сплошной отражающий слой. Ветра нет. Облако уже забралось и в Канаду, так что исчезла обычная разница в температурах, вызывающая движение воздуха.

— Но почему же слой становятся все толще? — спросил Джо. — Кстати, почему не отвечает Вашингтон?

— Что там у вас, Барбара? — спросил Тейлор. — Ясно. Как только пробьетесь, сразу сообщите мне.

Он положил трубку.

— Никак не может дозвониться. Не исключено, снова придется пользоваться радиосвязью.

— Мы думаем, — сказал Кардуелл, — что облако все время поддерживается выбросами снизу. После определенного момента оно стало настолько мощным, что уже не в состоянии пропускать сквозь себя продукты выброса, которые подталкивают его, как тесто крышку кастрюли. Правда, это только гипотеза.

Звякнул зуммер. Тейлор взял трубку.

— Хорошо, Барбара, — сказал он. — Я буду говорить отсюда, из зала контроля. Жду…

Затем он обернулся к остальным и пояснил:

— Она дозвонилась. Ищут Хомера. Он в Белом доме.

Еще через минуту он сказал в трубку:

— Добрый день, говорит Шарп. Да, господин министр, это я, Тейлор. Вам что-нибудь сообщили из Калифорнии? Да, у нас есть новости. Наша станция там прекратила работу… пятнадцать минут назад. Нет, сэр. Совершенно неожиданно, — он обернулся к Джо. — Перед этим были помехи на линии?

Джо отрицательно покачал головой.

— Все было нормально, сэр. А затем нас разъединили. Да, кому-то это понадобилось. Может быть, вы сможете связаться с Сан-Франциско по телефону? Да-да, по телефону. Хорошо, я буду здесь… Я не уверен, что он меня понял, — сказал Тейлор, кладя трубку. — И непонятно, что им об этом известно.

— Может, нам связаться с телестудией? — сказал Маколей. — Эту тайну им не сберечь от телевидения.

— Идея! — Тейлор снова поднял трубку. — Барбара, соедини меня со студией Си-би-эс. С их коммутатором. Я там никого лично не знаю.

— Джим, а ты уверен, что ты правильно сейчас поступаешь? — спросил Кардуелл. Тейлор насто-

роженно поглядел на него.

— Бывает, сначала действуешь, а потом думаешь, — сказал он. — Наверное, я устал. Барбара, я передумал.

Он положил трубку.

— Я понимаю, сколь трудно сидеть здесь в неведении, — сочувственно произнес Кардуелл.

Тейлор кивнул.

— И все же нет смысла бездельничать, — сказал он. — Нас ждет работа.

Он поднялся, и в этот момент погас свет. Но контрольная панель только потускнела. Несколько аварийных ламп зажглось под потолком.

— Мы на аварийном снабжении, — сказал Маколей и взял телефонную трубку. — Барбара? У нас отключена электросеть. Немедленно предупредите всех сотрудников и передайте им приказ держать респираторы под рукой. Аварийное освещение работает. Хорошо. Сделайте так, чтобы не было звонков домой. Мы ждем связи с Вашингтоном.

Джо щелкнул кнопкой селектора.

— Авария электросети, — произнес он. — Всем достать и держать под рукой респираторы. Работу не прекращаем.

Кое-кто из сидевших в нижнем зале подняли

руки в знак того, что поняли.

Снова зазвонил телефон. Тейлор слушал около минуты, потом сказал:

— Что ж, ничего не остается, как ждать. Она пыталась связаться с оператором в Вашингтоне, но никакого ответа. Сейчас она ищет обходные пути.

Заговорил динамик:

— Чикаго, вас вызывает Балтимор. Балтимор на связи.

— Чикаго слушает, — сказал Джо.

— Чикаго, мне удалось связаться с Вашингтоном по телефону.

— Вас понял, Балтимор. Давайте Вашингтон.

Раздался щелчок, и послышался новый голос:

— Говорит оператор Белого дома. Попросите к аппарату мистера Шарпа.

Джо передал микрофон Тейлору, выключил динамик и включил наушники, которые надел Тейлор.

— Да, — сказал Тейлор. — Шарп слушает. Да, сэр. Мы не прекращали работы. У нас авария электросети, но… Хорошо сэр. Одну минуту. — Тейлор обернулся к Дню с каким-то странным выражением лица. — Джо, можем ли мы связаться с базой ВВС Кэртленд в Аль-букерки?

— Только если нам очень повезет, — сказал Джо. — Могут ли они сообщить нам частоту, близкую к нашей?

— Сэр, — сказал Тейлор в микрофон, — нам необходимо знать частоту приемника базы, близкую к нашей. Да, сэр, я не один. Нет, это надежные люди. Хорошо. — Он подождал, достал ручку и подвинул к себе листок бумаги. Записав, он произнес: — Мне все ясно. Хорошо, до свидания. Мы попытаемся. Джо, как вы думаете?

— Мне надо посоветоваться с главным инженером, — сказал Джо.

Он взял записку, вышел из комнаты, они увидели, как он идет по залу по ту сторону перегородки. Подойдя к дальнему столу, Джо наклонился к сидевшему за ним человеку. Через минуту тот вышел из зала, а Джо поднялся обратно.

— Энди говорит, что они это сделают, — сказал Джо. — Ему надо перенастроить приемник, передатчик и антенну. Но это не займет много времени. Нам уже случалось переходить на другие частоты.

— Погодите, — остановил Тейлор, — а как же мы будем поддерживать связь с Балтимором?

— Это возможно. Не беспокойтесь, шеф.

В зал вернулся Энди и помахал Джо. Джо взял

микрофон, включил его, пристроил на груди и надел наушники.

— Я буду контролировать переговоры с таким расчетом, чтобы Вашингтон смог говорить с Кэртлендом через Балтимор и через нас. Если, конечно, база откликнется.

Он нажал на кнопку:

— База Кэртленд, вас вызывает Служба наблюдения Чикаго. Вы меня слышите? Перехожу на прием.

Сквозь шумы прорвался слабый ответ:

Кэртленд вас слушает.

— Кэртленд, у меня-для вас важное сообщение.

— Какого рода?

— Президент Соединенных Штатов, — сказал Джо, — хочет говорить…

— С командующим базой, — подсказал Тейлор.

— С командующим базой.

В приемнике послышался другой голос:

— Говорит дежурный офицер. Мы не получали уведомления о вызове.

Джо передал микрофон Тейлору.

— Говорит Джеймс Тейлор, директор Чикагской службы наблюдения. Я нахожусь на связи с президентом, и он просил меня связать его с вашим командующим. Подождите… — он слушал голос в

своих наушниках. — Президент сказал, что хочет говорить с Сопливым Айком.

— Ждите, — был ответ.

— Господин президент, линия действует, — доложил Тейлор. — Командующего сейчас вызовут. Вы будете ждать? Хорошо. Наша линия не обеспечивает секретности переговоров. Слушаюсь.

Он передал микрофон Джо, который выключил его и нажал на несколько кнопок.

Из динамика донесся голос:

— Чикаго, генерал Блейк выйдет на связь немедленно.

Джо откинул рычажок и потом вернул его в исходное положение.

— Я вас слушаю, господин президент.

• •

— Я тоже рад вас слышать. Моя фамилия Шпигель, сэр. Генерал Блейк на связи.

• •

Голос Блейка произнес:

— Привет, Фред. Ну, и вспомнил же ты кличку. Наверное, это самый глупый пароль за всю мою жизнь.

• •

— Да, связь есть. Нет, полеты мы отменили уже неделю назад.

• •

— Мы можем подзаправить вертолет в Рено и лететь оттуда. Но мы же ни черта не увидим: за Скалистыми горами сплошные облака.

• •

— Понял. Я думаю, что можно связаться с базой Эдвардс. Нет, мне трудно в это поверить. Должно быть какое-то разумное объяснение. А что сообщают из Портленда?

• •

— Сумасшедший дом, Фред. Не можете же вы потерять связь. Хорошо, Фред, я подниму вертолеты, тут же свяжусь по нашему каналу с базой Эдвардс и посмотрю, что они скажут. А почему ты мне не позвонил прямо?

• •

— А что, черт возьми, может сделать Соме? Главнокомандующий ты еще или нет?

• •

— Тогда я тебя понимаю, — услышали они голос Блейка после долгой паузы. — Ты отключил все секретные линии, чтобы Соме тоже остался без связи.

• •

— Если дела так плохи, как ты говоришь, мы все равно ничего не сможем предпринять, если на

нас нападут. То, что творится у нас, уже известно всему миру. Я попытаюсь связаться с Эдвардсом, надеюсь, что мне это удастся. Я выйду на тебя по этому же каналу, как только что-нибудь узнаю. До связи, Фред.

Джо заговорил в микрофон:

— Господин президент, говорит Чикаго. Я был вынужден все слышать, так как поддерживал связь. Я могу доложить мистеру Тейлору? Мы будем держаться частоты Кэртленда, но я не уверен, что нам удастся это на длительное время. Нам просто повезло… Я не знаю, сэр, может, час, может, два. Нет, сэр. Только одна частота одновременно. Спасибо.

Он переключил рычажок и сказал:

— Балтимор, мы пока кончили разговор. Оставайтесь на этой частоте.

— Вас понял, Чикаго. До связи.

Джо обернулся к остальным.

— Дела в Калифорнии плохи. Президент разрешил сообщить вам вот о чем: электроэнергии нет нигде — от нас до Вашингтона. Президент приказал переключить все резервные генераторы как гражданские, так и военные на питание только фильтрационных установок. Нам приказано поддерживать связь.

— Об остальном можно догадаться, — сказал Кардуелл. — Пентагон делает все, чтобы скрыть происходящее. Президент лишил военных связи, чтобы они еще чего не натворили. А жаль, у них большие резервы, они могли бы помочь стране.

— Что-то душно стало, — заметил Маколей.

— Не исключено, нам придется пробыть здесь достаточно долго, — сказал Тейлор. — Надо постараться, чтобы хотя бы этот этаж оставался пригодным для работы. Джо, проверь, сколько времени мы сможем на наших резервах поддерживать фильтр этого этажа, а также холодильник в кафетерии… — Лицо его было мрачным. — Господи, ведь в здании тысяч десять человек. Всем, кто работает на других этажах, прикажите немедленно надеть респираторы и собраться внизу. Учтите, лифты стоят. Объясните всем ситуацию и постарайтесь отправить людей по домам.

Зазвонил телефон. Прежде чем взять трубку, Тейлор обратился к Кардуеллу:

— Возьмите на себя эвакуацию. Это трудное дело.

Голос в трубке произнес:

— Это Служба наблюдения в Чикаго?

— Я вас слушаю.

— Говорит Служба наблюдений Детройта. Бо-

юсь, что вы последняя действующая линия в стране. Вас пытается вызвать Второй наблюдательный. Связать его с вами?

— Давайте. Мы его не слышим.

После нескольких щелчков послышался новый голос:

— Служба, говорит Второй.

— Второй, Служба слушает. У аппарата Тейлор. Это кто, Бейтс или Патерсон?

— Бейтс. У меня экстренное сообщение. Четвертый тоже пытается с вами связаться, наверное, по тому же поводу.

— Говорите, записываю, — сказал Тейлор.

Тейлор сделал знак Джо, который включил магнитофон, соединенный с телефоном.

— Вас понял. Я нахожусь на высоте девять тысяч пятьсот футов над долиной Миссисипи, примерно в шестидесяти милях к югу от Молина. Высота облака в среднем шесть тысяч футов. Но это еще не все! С севера на юг протянулась линия, к востоку от которой цвет облаков темно-оранжевый, а к западу прежний, грязно-желтый. Граница выражена нечетко — я как раз над ней. Оранжевая зона вторгается в желтую и все время растет со скоростью около десяти узлов. Что это такое, черт побери?

Тейлор закрыл глаза и откинулся в кресле.

— Второй, — сказал он. — Нам нужны снимки. Дайте нам пять минут, чтобы перестроить приемник. Затем начинайте передавать в видимом и инфракрасном спектрах.

— Вас понял. Кстати, я вижу громадный оранжевый пузырь, который поднимается над горизонтом в районе Чикаго.

— Вас понял. Второй, возьмите как можно больше проб воздуха.

Он увидел Джо в зале за перегородкой и постучал в стекло. Джо подошел к селектору и спросил:

— Что случилось?

Тейлор поманил Джо, чтобы тот поднялся.

— Джо, нам необходимо вернуться на свою частоту и наладить телеметрию. Там наверху что-то происходит.

Джо быстро вышел.

Через несколько минут снова загорелись экраны.

— Можете начинать, — раздался голос Джо в селекторе.

— Второй, вызывает Чикаго.

— Второй на связи. Быстро вы управились. Передаю снимки.

— Пройдите подольше вдоль этой границы и войдите внутрь оранжевого слоя. Возьмите пробы к востоку и к западу от границы, затем отыщите место для посадки — любое. Мы уж как-нибудь доставим вас на базу. Нам очень нужны пробы.

— Вас понял. Я сообщу, когда найду посадочную площадку. До связи.

— Погодите, Второй. При спуске в облако обязательно используйте респираторы и кислород.

— Вас понял. До связи.

Оранжевая пелена на экране перешла в желтую, точно как описывал пилот. По мере приближения к облаку она становилась все менее различима. Затем картина стала мутнеть и превратилась в оранжевое марево.

— Первая проба, к востоку от полосы, — сказал пилот. — Поворачиваю направо на запад. Проба вторая. Ну и воздух вокруг! Хорошо, что мы на кислороде. Проба третья. К западу, поднимаемся выше.

— Идите на запад и найдите место для посадки, — сказал Тейлор. — Можете предположить, где это будет?

— Постараюсь сесть на Гранд-Айленд. Там посадочная полоса на возвышенности, у меня останется горючего на двадцать минут. До

встречи.

— Спасибо, Бейтс. Садитесь осторожнее. Нам нужны эти пробы. И не рискуйте собой.

— Мучос грацис, — последовал ответ. — До связи.

Вошел Джо и поглядел на экран. Пилот снова набирал высоту, и полоса между оранжевым и желтым облаками была видна очень четко.

— Это еще что? — спросил Джо.

— Мы прокрутим пленку позже, Джо, — сказал Тейлор. — Дай нам еще пять минут для записи данных с самолета, затем переключайся снова на частоту Кэртленда.

Джо вышел.

Еще через полчаса вернулся Кардуелл.

— Джим, — сказал он, — творится что-то страшное.

— Подожди минутку, — ответил Тейлор, — пока я перемотаю эти пленки. Второй доложил нам об изменениях в облачном слое. Хорошо, что вы здесь. Я думаю, что догадываюсь, с чем это связано, но сначала я предпочел бы выслушать ваше мнение. А теперь смотрите.

На экране возникли кадры, снятые с самолета. Кардуелл молчал, пока самолет не углубился в облака.

— Достаточно, — сказал он.

— Узнаете цвет? — спросил Тейлор.

— Разумеется, — ответил Кардуелл, — безопасное горючее. Я видел много полос этого цвета.

— Правильно. Высота облачного слоя шесть тысяч футов, и оранжевый цвет ползет к западу. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Чем выше поднимаются облака, тем больше процент ультрафиолетовых лучей. Вероятнее всего, мы имеем дело с реакцией между продуктами выброса безопасного топлива и продуктами загрязнения воздуха, в которой ультрафиолетовые лучи служат катализатором.

— Каковы последствия? — спросил Тейлор.

— Очевидно, изменение цвета началось несколько часов назад, но мы не сразу об этом узнали. Надеюсь, что это не суть важно.

— Вылет Четвертого задержался, и они поднялись уже после того, как мы прекратили связь. Так что больше подтверждений мы не получим, исключая возможность наблюдений с гражданских самолетов.

— Не думаю, что хоть один самолет поднялся сегодня в воздух. С одной стороны, отказ энергосистем, с другой — все аэродромы к востоку от нас закрыты. Я слышал об этом по радио, когда

был внизу.

— Как там?

— Все очень взволнованы. Обрадовались возможности уйти, беспокоясь за семьи. Мне помогал комендант здания, он руководил потоками людей на лестницах, чтобы избежать давки.

— Хорошо, что хоть эта операция прошла успешно. Л что на улицах?

— Точно не скажу. Одна из девушек в канцелярии дозвонилась до дома, прежде чем отказала сеть… Где находится Доунер Гроув?

— На юго-западе, миль двадцать отсюда.

— Там тоже нет электричества. Разве в маленьких городках нет собственных электростанций?

— Как когда. Боюсь, что если даже они там и есть, то им не выдержать без дополнительной энергии, — ответил Тейлор.

— Все это может плохо кончиться, — сказал Карду-елл. — Когда погас свет?

— Меньше двух часов назад. Точнее, полтора часа. Паниковать еще рано, но лучше подготовиться к худшему.

— Необходимо найти радиостанцию — должна же быть хоть какая-нибудь информация. Мы так мало знаем, что творится в городе, будто Чикаго в ста милях от нас.

Вошел Маколей.

— Наши дела не так уж плохи, — сказал он. — Это здание рассчитано на автономное существование. Нам хватит энергии, чтобы функционировали фильтры на этом этаже и холодильники в кафетерии. Между залом контроля и кафетерием имеется лестница, и сейчас мои ребята изолируют ее от остальной части здания.

— Чикаго, вас вызывает Кэртленд, — послышалось в динамике.

Маколей подошел к панели.

— Кэртленд, мы вас слышим. Говорите.

— У нас есть сообщение для президента.

— Вас понял. Ждите, Кэртленд.

— Позови Джо, — сказал Тейлор, но тут же увидел Джо в нижнем зале. Он беседовал со своими сотрудниками. Тейлор постучал по стеклу. Джо прервал разговор и быстро поднялся.

— Джо, Кэртленд на связи. Я позвал тебя, чтобы не привлекать к этому делу посторонних.

— Хорошо, — сказал Джо. — Балтимор, вас вызывает Чикагская служба наблюдения. Перехожу на прием.

— Балтимор вас слышит. Говорите, Чикаго.

— Связь с Белым домом есть?

— Да, ждите.

Джо переключил рычажки, надел наушники и стал ждать. Через несколько секунд он произнес:

— Кэртленд, президент на линии.

— Фрэд, это ты? — послышался голос Блейка.

• •

— У меня для тебя плохие вести.

• •

— Нет, мы не добились связи с базой Эдвардс. Наши вертолеты долетят туда только через час. Но случилось другое. Иавахо… Индейская резервация.

• •

— Так и есть. На пути в Рено. Очевидно, у них не было респираторов. Никто об этом не подумал, а они не успели запросить помощь. Пилот вертолета совершил облет на бреющем полете. Он видел людей, овец, собак, птиц… — голос Блейка исчез, и Джо начал энергично переключать рычажки, чтобы настроиться вновь.

• •

— Ни одной живой души. Ни одной. Он опустился в Тыобе. Но там в домах нет фильтров. Так что не было смысла оставаться. Сейчас он уже, наверное, приземлился в Рено. Можно подумать, что они это сделали нарочно. Нет, мы не знаем масштаба бедствия. Да, я пошлю еще вертолеты.

Но я думал, что тебе лучше об этом узнать сразу.

• •

— Хорошо, доложу, как только что-нибудь прояснится. До свидания, Фред.

Джо обернулся к остальным, пытаясь что-то сказать, но голос не слушался его.

— Не надо, Джо, — сказал Маколей. — Мы все поняли.

Джо сказал в микрофон:

— Кэртленд, президент отключился. До связи.

— Вас понял, Чикаго. Жуткие дела творятся. До связи.

— Давай попробуем найти какую-нибудь радиостанцию, — сказал Кардуелл.

Им удалось сделать даже больше. Электрики в противогазах притащили снизу телевизор, и удалось подсоединить его к селектору, так что все, кто оставался в здании, могли слышать голос диктора. Работала аварийная телестудия.

Диктор сидел прямо перед камерой. На столе перед ним возвышался ворох бумаг.

— …Упомянутые центры распределения пищи также начали получать запасы противогазов различных типов. Если вам не удается найти новый противогаз, мы расскажем, как самому сменить фильтр в старом. Возьмите карандаш и бумагу,

чтобы записать, что следует сделать.

Вам понадобятся полфунта столовой соли, полфунта пищевой соды, алюминиевая фольга. Постелите в миску алюминиевую фольгу и разведите, желательно в горячей воде, соль и соду. Поместите использованные фильтры в этот раствор и осторожно пошевеливайте их в нем в течение полутора часов. Затем тщательно промойте чистой холодной водой. Будьте осторожны, фильтры очень хрупки и могут легко прийти в негодность. Помните, что жидкость, в которой вы промывали фильтры, ядовита. Не сливайте ее в умывальник — она может проникнуть в сеть водоснабжения. Вылейте ее на землю. Промывайте в одном растворе не более пятнадцати фильтров.

Переходим к обзору местных событий на пятнадцать часов тридцать минут. Мэр призывает всех жителей покинуть улицы города. Мобилизована национальная гвардия. Не пользуйтесь телефоном. Действующие линии требуются для срочных переговоров. Пользующиеся телефоном без крайней необходимости будут подвергнуты аресту.

Специальные аварийные команды работают над восстановлением электроснабжения в районах города с минимальной нагрузкой на сеть.

Энергия будет подана около семнадцати часов тридцати минут. Как только будет восстановлена станция Мидуэст, начнется подача энергии в остальные районы города. Жителей города просят не включать никакие электроприборы, в том числе холодильники, телевизоры, радиоприемники, нейтрализованные фильтровальные установки.

Джо рассмеялся:

— Выключить радио и телевизоры! Интересно, а к кому же он тогда обращается? Может, кроме нас, его никто не слышит?

— Все жители города должны оставаться в домах или перейти в фильтроубежища. Прослушайте адреса фильтроубежищ.

— Пока это нас не касается, — сказал Тэйлор. — Думаю, они слишком большие оптимисты по части восстановления энергоснабжения. Будем вести себя в расчете на долговременное пребывание без помощи извне.

— Правильно, — согласился Кардуелл. — Во всяком случае, похоже, что до утра мы здесь останемся непременно. Кроме того, надо позаботиться о спальных местах. Думаю, нас не осудят, если мы притащим снизу из приемных диванные подушки.

— Совершенно верно, — поддержал Кардуелла

Тейлор. — Возьмите это на себя, а я пойду посмотрю, как дела у тех, кто остался в здании. Не забудьте вернуть потом подушки на место.

— Разумеется, — улыбнулся Кардуелл, — я только об этом и думаю.

В семь часов вечера они поужинали тем, что не успело испортиться в выключенных холодильниках. Запасы в кафетерии пока не трогали.

Диктор беспрерывно повторял адреса фильтроубежищ. Но вдруг после некоторой паузы сказал:

— Внимание. Считаются вышедшими из строя семьдесят седьмое фильтроубежище на Юго-западной авеню, пятьдесят первое на бульваре Гайд-Парк, все убежища между двадцать второй и сорок седьмой улицами…

По мере того как список удлинялся, в помещении становилось все тише и тише.

Маколей взглянул на Тейлора, который сидел с каменным лицом, уставившись на недоеденный сандвич.

— Джим, мы знали, что первыми жертвами будут бедняки… — сказал он.

Тейлор явно старался держать себя в руках.

— Такое впечатление, что в первую очередь они закрывают убежища в районах бедноты.

— Мы не знаем, почему…

Тейлор взял сандвич.

— Да, мы не знаем. — Он горько улыбнулся.

После паузы снова послышался голос диктора:

— В настоящее время существует уверенность, что в прибрежной части города подача электроэнергии начнется сразу после полуночи. Остальные районы получат энергию, как только будет восстановлена станция Мидуэст.

— Через каждый час они отодвигают срок на два часа, — сказал Кардуелл. — Насколько я понимаю, электричества все еще нет ни в одном районе. Впрочем, и ни в одном большом городе.

В дверях показался Джо.

— Мистер Тейлор!

Тейлор направился к двери.

— Пойдемте со мной, — кивнул он Маколею и Кардуеллу. — Может, поступили сведения от Четвертого.

Они вернулись к пульту в зале контроля. Работала связь с Белым домом. Сначала Тейлор поговорил с Вашингтоном, потом Джо соединился с Кэртлендом. Сигнал был слабым, но постоянным.

— Мак, — сказал Тейлор. — Секретарь президента спросил меня, имеем ли мы связь с местными властями. Я ответил, что нет. Он посоветовал нам

не покидать здания. У них есть сведения, что в Чикаго неспокойно, хотя об этом не будет объявлено. Полицейским не поздоровилось. Правда, и бунтовщикам тоже. Кое-кто стал срывать противогазы с прохожих, а полиция открыла по ним огонь. В рядах национальной гвардии наблюдается дезертирство. У солдат семьи в пригородах, и они предпочитают заботиться о них.

— А вдруг они закрыли убежища в отместку…

— Мак, — ответил Тейлор. — Об этом я даже и думать не хочу. И тебе не советую. Если об этом думать, не остается ничего другого, как взять пистолет и идти восстанавливать справедливость. Но как разобрать, кто прав, а кто виноват? В любом случае нам следует оставаться здесь.

Из Кэртленда донесся голос Блейка.

— Фред, наши вертолеты прорвались. База Эдвардс не функционирует. Они набились в два ангара, там же много гражданских. Всю энергию из аварийной сети используют для фильтров и рефрижераторов. Продовольствия у них всего на три дня. Мы готовимся перебросить им по воздуху, что сможем. Но здесь ведь тоже целый город, который хочет выжить. Облачный покров у нас еще не сплошной, но фильтры уже необходимы. Мы лишились электроэнергии, которую

получали из Денвера. Нельзя ли подключиться к секретным линиям? Мне надо посоветоваться с другими военными базами.

• •

— Этого я взять на себя не могу, господин президент. Это уж ты решай, Фред.

• •

— Это я уже уладил. Мы поднимем сегодня же ночью все исправные самолеты в Эдвардсе, чтобы вывезти оттуда как можно больше людей. Но это ведь только тысяча или чуть больше. А второго рейса нам не осилить. Нет ни связи, ни видимости. Мы и так еле отыскали базу. Но ты не ответил мне на главный вопрос: игнорировать ли внешний мир?

• •

— Понимаю. А есть какие-нибудь новости из-за границы?

• •

— Значит, молчат? Хорошо, Фред, до связи.

Разговор закончился. Тейлор сказал:

— Я полагаю, что везде одно и то же. Все хотят выжить. Кто там?

Голос из холла повторил:

— Есть тут кто живой?

Маколей открыл дверь. За дверью стояла Бетти

с большим чемоданом в руках.

— Бетти, ты что здесь делаешь?

— Мы… у нас кончились фильтры… поэтому я здесь. Мы принесли с собой консервы. Там столько мертвых… — она зарыдала.

Маколей обнял ее за плечи и подвел к креслу.

— Мак, ты помнишь Пегги Орте из машбюро?

— Конечно, Бетти, конечно. Успокойся.

— Мы шли по улице, вдруг кто-то сорвал с нее маску и убежал. Она старалась… старалась не дышать, сколько могла…

Маколей и Тейлор переглянулись.

— Ох, — Бетти подняла голову и вытерла слезы, — я так рада, что добралась до вас. Здесь есть воздух и свет. А везде совсем темно. Мы шли сюда ощупью.

— Бетти, кто «мы»?

— Нас четверо. Мы вместе снимали квартиру. Мы решили идти сюда, когда у нас кончились фильтры. Мы так боялись, что не дойдем.

Маколей приподнял чемодан.

— Ты хочешь сказать, что поднялась на сороковой этаж с этим чемоданом?

Бетти кивнула и снова заплакала.

— Проклятая жизнь! — воскликнула она. — Я не могу остановиться!.. Не говорите мне никаких

добрых слов… — Она глубоко вздохнула. — У вас есть вода?

— Пойдем, я провожу тебя, Бетти, — сказал Джо. — У нас есть пожарный гидрант. А где остальные девушки?

— Они в приемной.

— Я пойду с вами, — сказал Маколей. — Надо будет раздобыть подушек и для них.

В кафетерии отодвинули к стенам столы и положили на пол подушки от диванов и кресел. Женское общежитие Бетти устроила в приемной Тейлора.

— Совсем забыл, — сказал Тейлор и пошел к себе в кабинет. Вернулся он с двумя бутылками. Кто-то добыл из автомата газированной воды, бумажные стаканчики, и Тейлор пошел по кругу, осторожно наливая каждому на донышко. Потом поднял свой стаканчик и сказал:

— Леди и джентльмены. Прошу поднять бокалы за нашу несчастную страну.

Кое-кто из мужчин встал. Воцарилась тишина.

Тейлор глядел в свой стаканчик.

— Я не буду много говорить, — произнес он. — Но мне хочется подвести некоторые итоги. Нас здесь шестнадцать человек. Возможно, мы сегодня единственная ниточка, соединяющая Белый

дом с последними относительно незараженными районами юго-запада. Но не вбивайте себе в голову, что мы последние люди на Земле. Мы не последние и не собираемся ими становиться. К счастью, на свете есть более разумные страны, чем наша. Но на вопрос, почему мы прячемся здесь, когда погибает громадный город, я вам могу ответить лишь одно: даже если погибнет население больших городов, в стране все равно останется в живых около тридцати миллионов человек. Не будет промышленности, прекратится производство пищи. Наш долг — оставаться связующим звеном между страной и правительством, и когда все кончится, а это непременно кончится, — правительство благодаря нам будет информировано о том, что происходит вокруг, и это позволит ему действовать. А действовать надо будет энергично. Атомные станции останутся целы, а это основа нашей будущей экономики. Я не знаю, каково нам всем придется, но вы должны быть готовы к худшему, к тому, что восьми, а то и девяти человек из десяти не будет в живых, когда мы выйдем из этого дома.

— Кто-то в дальнем конце комнаты сказал:

— Мистер Тейлор, город горит.

— Я знаю, — сказал Тейлор, — какие районы

Чикаго могут гореть.

Он поднял бутылку и снова принялся обходить всех.

— Может, включим радио? — спросил кто-то.

— Если мы будем его слушать все время, — ответил Маколей, то сойдем с ума.

Спросивший увеличил звук в приемнике. Но в ответ слышалось лишь сухое потрескивание.

— Они кончили передачу!

— Этого следовало ожидать, — сказал Кардуелл и допил виски. Он подошел к Тейлору, который сидел на диванной подушке, прислонившись к стене, и сказал, усаживаясь рядом:

— Джим, вы не можете знать, какая часть города горит. Я думаю, горит весь город.

— Возможно, я слегка пьян, — ответил Тейлор. — Не ждите от меня разумных речей.

— Уже три часа ночи. У вас есть снотворное?

Тейлор кивнул и допил виски.

К ним подошел Маколей.

— Джим, знаешь, о чем я подумал? Все эти рекомендации, которые ты составлял… Не было времени выполнить их, даже если бы с тобой полностью согласились в Вашингтоне. Да и достаточны ли были наши рекомендации?

— Возможно, и нет, — вздохнул Тейлор и обвел

взглядом комнату. — Но это теперь не имеет никакого значения. Нам остается только ждать. Наши проблемы решаются сами.

— Да, — согласился Кардуелл, — но решения эти не из лучших.

Октябрь

Окна подвала были аккуратно закрыты листами пластика и по краям обклеены лентой. Сквозь них тускло пробивался оранжевый свет, освещая кучу консервных банок в углу. Вдоль дальней стены лежали четыре матраса — один двуспальный, остальные узкие.

Малышка спала на одном из узких матрасов. Лицо вокруг маски было грязным.

Тим и Майк играли в шашки на разлинованном мелом полу подвала медными и никелевыми монетами. Джуди сидела на стуле без спинки и читала комикс, время от времени протирая стекла противогаза подолом юбки. Рядом с ней на полу лежал целый ворох истрепанных книжек.

Грейс, которая пристроилась с шитьем за маленьким столиком, включила батарейный приемник в тщетных попытках что-то услышать.

— Ну и пускай, — сказал Тим. — Мы и без них обойдемся.

— Не говори так, — сказала Грейс. — Кто у вас выигрывает?

— Конечно, я, — проговорил Тим небрежно.

— Он всегда выигрывает, — радостно подтвердил Майк. — Твой ход.

Тим двинул вперед монетку и сказал:

— Пойду попробую наладить фильтр.

— Ты думаешь, у тебя получится и можно будет снять маску? — спросила Джуди.

— Игра не кончилась! — сказал Майк. — А можно я буду смотреть, как ты чинишь?

— Смотри, — сказал Тим. Он поднялся и прошел в чуланчик, заваленный инструментом. В окошко там была вставлена решетка фильтра. Тим снял ее. Под решеткой оказался вентилятор, укрепленный в листе фанеры, которым было забито окно.

— Надо сделать так, чтобы вентилятор крутился. — Он обернулся и спросил: — Мама, я выйду наверх на минутку. Где у нас веревки?

— Смотри, чтобы тебя кто-нибудь не увидел, — сказала Грейс. — Веревки под умывальником.

Тим поднялся по лестнице из подвала и отодвинул засов. По периметру дверной коробки

были прибиты куски садового шланга, чтобы не проникал воздух снаружи. Помещение за дверью было освещено оранжевым светом. Три стены его были целы, а четвертая, которая когда-то примыкала к телевизионной комнате, отсутствовала, только черные балки свешивались над проемом. Через проем можно было разглядеть сгоревший дом на противоположной стороне улицы. Тим осторожно подошел к проему, затем пробрался на бывшую кухню. Кухня сгорела не вся. Тим достал из-под умывальника моток веревки и вернулся в подвал. Майк последовал за ним в мастерскую.

— Мама, когда папа вернется? — спросила Джуди.

— Скоро, — ответила Грейс, не отрываясь от шитья.

— Можно я попью?

— Нет, дорогая, подожди, пока вернется папа. Поглядим, что он нам принесет.

— Ладно, — согласилась Джуди и снова углубилась в чтение.

Проснулась и захныкала Малышка. Грейс склонилась над ней и положила руку на лоб девочки над маской.

— Хорошо бы он нашел где-нибудь аспирин, — сказала она. — Мама здесь, Малышка. Как у тебя

натерто!

Она оттянула край маски и посмотрела на воспаленную полоску кожи.

Взяв с полки чашку, Грейс нацедила немного воды из бака в углу, вернулась к матрасу и помогла Малышке сесть.

— Не забывай, дорогая, — сказала она. — Пей быстро и не дыши.

Малышка кивнула. Грейс оттянула маску и поднесла чашку к губам ребенка. Малышка сделала несколько глотков и, когда маска надежно закрыла лицо, начала кашлять.

— Хочешь еще?

Джуди смотрела на них, облизывая губы. Затем снова уткнулась в книжку. Грейс положила ребенка на матрас.

— Хочешь еще подушку?

Хоботок маски закачался — «нет».

Грейс стояла на коленях у матраса, пока ребенок не заснул снова. Потом поднялась. Тим глядел на нее.

— Ей лучше?

— Надеюсь, — сказала Грейс.

Она вытерла слезы тыльной стороной ладони и вернулась к своей работе.

Тим еще раз взглянул на спящую сестру и на-

правился в чулан.

Грейс все еще дремала на стуле, когда Тим тронул ее за плечо.

— Мама, посмотри! Мам, он работает! — она открыла глаза, с трудом понимая, о чем говорит сын. — Я даже маску снимал!

Она поднялась и прошла за сыном. От оконной рамы к оси вентилятора тянулись две веревки, они проходили через железные блоки и непонятным для Грейс образом крепились к велосипедным педалям под сломанным стулом. Тим уселся на стул и стал крутить педали. Тут же закрутился и вентилятор, и она почувствовала, как ветерок колышет ее волосы.

— По крайней мере в чулане будет воздух, — сказал Тим. — Можешь снять маску.

Он снял свою маску и положил ее рядом с матерью, та в ужасе ахнула и протянула руку. Но Тим глубоко вздохнул.

— Не беспокойся, все нормально.

Когда Грейс стаскивала маску, руки ее дрожали. Воздух действительно был свежим.

— Тимми! — воскликнула она. — Как это хорошо для Малышки! Мы ее можем перенести сюда.

Слезы навернулись на глазах Тима. Он опустил

голову, продолжая быстро крутить педали.

Они перенесли Малышку в чулан, а через час, когда после непрерывной работы Тима, Майка и Джуди воздух стал чистым во всем подвале, отнесли ее обратно. Дети не дали матери вертеть педали.

— Это наше дело, — сказал Тим. — У тебя другие заботы. А теперь я хочу посмотреть, надолго ли мы можем прекращать работу.

Они перестали крутить педали, и Тим закрыл фильтр одеялом. Прошел час, потом второй. Наконец Джуди начала кашлять.

— Я чувствую запах, — сказала она. — Давайте крутить снова.

Тим прошел в чулан и снял одеяло с фильтра. Обернувшись, он увидел, что Майк уже сидит на стуле.

— Давай сначала я, — сказал Тим. — Я самый сильный.

— Нет, — сказал Майк, — ты крутил последним.

— Ну, ладно, только скажешь, когда устанешь. И не спеши. Видишь, воздуха хватило на два часа, так что спешить не надо.

Ручка на двери повернулась.

— Папа! — закричала Джуди и побежала вверх

по ступенькам. Тим обогнал ее, надевая на ходу противогаз. Он жестом приказал ей отойти в сторону и открыл дверь. За нею стоял Питер с двумя сумками в руках.

— Привет, Тим, возьми сумки. У меня еще два пакета в тачке.

Тим взял сумки и спустился в подвал. Через минуту дверь снова открылась и быстро захлопнулась. Шурша пакетами, Питер спустился по лестнице. Он взглянул на Тима, уронил пакеты на матрас и бросился к сыну. Но тут увидел, что и Грейс сидит без маски, и Джуди, и Майк, крутящий педали в чулане.

Питер медленно стянул свою маску и принюхался к воздуху. Потом кинулся к Тиму и, плача и смеясь, крепко прижал его к груди.

— Ну, мальчик, — повторял он, — ну, мальчик…

— Я слишком поздно догадался, как это сделать, — сказал Тим приглушенно. — Но теперь все в порядке.

Питер держал Тима за плечи.

— Тим, ты не понимаешь, что это значит? Это значит, что мне не надо больше снимать фильтры с мертвых!

— Папа, ты нашел орехи? — спросила Джуди.

— Нашел, — сказал Питер. — И аспирин принес. И еще кусок самого сухого хлеба, который вам приходилось видеть в жизни. И запасные фильтры, — лицо его стало грустным. — И много чего еще. Теперь мало осталось людей в развалинах.

— Дай мне аспирин, Пит, — попросила Грейс. Она взяла таблетки, налила воды из бака и разбудила Малышку, которая спала на спине.

— Проснись, милая, выпей воды и прими таблетку, тебе сразу станет легче.

Девочка кивнула, закрыла глаза, сделала глубокий вдох и придержала дыхание.

— Милая, — засмеялась Грейс. — Сегодня тебе не надо так делать. Просто пей.

Ночью Питер и Грейс без сна лежали на широком матрасе. Рядом тихо спали дети.

— Неужели все эти фильтры ты снимал с мертвых? — спросила Грейс.

— Да, и сам хоронил людей. Все, кто остался в живых, делают то же самое.

— Мы когда-нибудь увидим какую-нибудь другую семью?

— Обязательно. Сейчас снаружи уже не так страшно. Правда, однажды я видел бандитов, но они не возвращались в наш район. Он слишком

выгорел. Мне кажется, что в двух кварталах отсюда какая-то семья ютится в бывшей прачечной. Но близко я не подходил. У многих есть оружие, люди боятся чужих…

— А почему ты больше не берешь с собой пистолет?

Питер обнял жену.

— Дорогая, я ненавижу его. Я никогда больше не возьму его в руки. Надеюсь, ты понимаешь меня. Я ведь не убийца, и, если бы это было не ради тебя и детей, я никогда бы не смог нажать на курок. Я бы убежал. Это же хуже, чем на войне. Ведь нет никакой ненависти. Просто всего не хватало. Мне нужно было сохранить вас. Может быть, тот тоже хотел сохранить свою жену и детей. Я сам слышал, как люди говорили: «Прости меня, господи!» — и нажимали курок.

— Если бы они сначала поговорили друг с другом!

Питер покачал головой.

— О чем говорить? Тянуть жребий? Но ты не можешь вернуться домой и сказать: «Простите, дорогие дети, нам придется уступить кому-то право на жизнь». Вспомни, как было. Фильтры кончились, их очистка уже не помогала. Людей убивали не ради пищи, а ради фильтров.

Грейс обхватила его руками и долго лежала с открытыми глазами, глядя как за пластиковым окном разгорается оранжевый рассвет.

— Сегодня, наверно, луна, — сказала она. — Как бы я хотела ее увидеть!

Питер заснул. Вскоре и Грейс закрыла глаза.

Пластиковые щиты на окнах дрожали. Наверху начал завывать октябрьский ветер. Всю ночь снаружи что-то поскрипывало, шелестело, шепталось, все громче и громче.

Тепло стало уползать из домов. Холодный сквозняк рвался сквозь обгоревшие комнаты. Казалось, привидения бродят по улицам города, но это пришла зима.

Питер встрепенулся и сел. Его разбудил какой-то шум.

— Грейс, ты слышишь?

Проснулся и Тим, потом Майк и Малышка. Наконец и Джуди села, привычно протирая стекла противогаза.

— Папа! — сказал Тим. — Погляди на стену!

А на стене был яркий квадрат света размером с окно. И квадрат был не оранжевым, а светло-желтым. А за окном сверкало голубое небо.

Маколей остановился возле двух могильных холмиков во дворе и позвал:

— Эй, есть здесь кто-нибудь? Выходите!

Через несколько секунд наверху появился Питер. Он был без рубашки, в противогазе, с пистолетом в руке. Он стоял неподвижно целую минуту, потом снял противогаз и бросил его на землю, рядом звякнул пистолет.

Маколей показал на небо.

— Это настоящее, — сказал он. — Циклон добрался сюда ночью.

— Мистер, — сказал Питер, — простите, но я должен позвать мою семью. К сожалению, мне нечего предложить вам выпить.

— Это не я сделал, — улыбнулся Маколей. Он подошел к Питеру и протянул ему карточку. — Здесь вы найдете инструкции — мы должны как-то организоваться. Если сможете, приходите во второй половине дня в Линкольн-парк. Мы будем обсуждать вопросы питания. Там же будут врачи, если у вас есть больные. До встречи.

Маколей пошел дальше по улице. Питер обернулся и крикнул:

— Грейс! Дети! Выходите! Все кончилось.

Энн Роудс

Солнце на продажу

День похищения солнца вызвал большие перемены в поведении Мартина Хэмблтона. Он всегда казался немного странным — буквально каждые пять минут убегал в свою мастерскую в конце сада. Но уж если вам удавалось завязать с ним разговор, вы убеждались, что Мартин приятный и интересный собеседник. Он был таким, даже когда речь шла не о науке.

К тому же Мартин был красивым мужчиной. И прежде, чем началась история с похищением солнца, я была, что называется, заинтересованной стороной. В то время наши отношения еще не нашли точного определения, но мы много времени проводили вместе и мне довольно часто слышался издалека звон свадебных колоколов.

Меня зовут Джудит Картис. В те дни я работала младшим репортером в местной газете «Вопль Вудбриджа» и жила по соседству с семьей Хэмблтон. Я была недурна собой: коротко стриженные

вьющиеся волосы, зеленые глаза. При этом все говорили, что я очень хорошею, когда злюсь. И видимо, в то воскресное утро я тоже смотрелась весьма неплохо.

Мы собирались устроить пикник на весь день. По этому случаю Мартин привел в порядок мопед, а я испекла кукурузное печенье. С каким нетерпением я ждала этой поездки! В половине восьмого утра камушек ударил в окно моей спальни. Верхом на заборе, разделяющем наши сады, сидел Мартин; шевелюра его развевалась под утренним ветром. Он поманил меня рукой — и в мгновение ока я оказалась в саду.

— Пикник отменяется, — заявил Мартин.

Едва я открыла рот, чтобы возразить, он перебил:

— Ничего не поделаешь, есть кое-что поважнее. — Мартин показал в сторону мастерской; он был явно взволнован. Я не раз видела его в подобном состоянии и потому несколько минут объясняла, чего стоит его новое изобретение.

— Лучше пойди посмотри, — сказал он, — то, что я придумал, всколыхнет весь мир.

— Это я уже слышала! Не далее как когда ты изобрел мопед для езды по воде. Полгорода собралось провожать тебя в Европу, до которой ты

хотел добраться на английской соли. А далеко ли ты уехал?

— Я сумел добраться до почты, а для науки это — немалый шаг, — сказал он с достоинством. — Оставалось кое-что доделать… Пошли, ты не пожалеешь, не будем терять времени.

Что-то новое появилось в его интонациях: в обычной взволнованности я уловила самоуверенные нотки, каких прежде не было. Я поверила, что изобретение Мартина может всколыхнуть мир. И я надеялась на это: ведь Мартин мне очень нравился.

Впервые за долгое время я увидела, что сарай тщательно прибран. Он был почти пуст, только посреди стояли какие-то две машины, которых раньше не было. Одна походила на электрогенератор, а другая помещалась в огромном металлическом ящике, занимавшем не меньше пяти квадратных футов. Обращенную к входу сторону ящика покрывали бессчетные циферблаты и кнопки. Машины были соединены между собой проводами.

— Твои агрегаты не поражают красотой, — заметила я. — Что с ними делать?

Мартин подтолкнул меня поближе. Сверху на ящике была установлена подвижная рама. Над

нею находился прибор, напоминавший два гигантских компаса.

— За дело! — сказал Мартин энергично. Он взял карту Большого Лондона и закрепил ее на раме. — Можешь внести свою лепту, — добавил он милостиво. — Дай мне точные географические координаты этой местности.

Я назвала цифры. Он повернул стрелки на нескольких приборах.

— Теперь укажем масштаб карты.

Он установил еще какую-то стрелку, потом нажал одну из двух красных кнопок.

В тот же миг сарай как-то странно завибрировал.

— Где мы находимся? — спросил Мартин.

Я молча показала на карте Вудбридж.

— Хорошо, будем считать, что радиус действия установки — три мили. — Он опять покрутил какие-то стрелки.

— Центр здесь, — продолжал он, отводя стрелки назад, пока они не остановились на зеленом пятне нашего парка.

— Теперь открой дверь, — скомандовал Мартин, — и скажи мне, подходит ли погода для пикника?

Я взглянула на небо: облака плотной завесой

скрывали солнце, хотя день был теплый.

— Загорать бы не пришлось. Но все равно жаль, что мы не поехали. Ну, а что дальше? — спросила я.

Мартин не ответил. Он только загадочно улыбнулся и нажал вторую красную кнопку.

Ошеломленная, я отпрянула от двери. В глаза хлынул яркий свет, словно внутрь сарая направили прожектор. Весь сад купался в солнечных лучах. Они лились со сверкающего неба, а облака, нет, не уплыли, у них не было на это времени, они просто исчезли.

Сначала я отнеслась ко всему с недоверием.

— Тогда поработай сама, — сказал Мартин. — Переведи стрелки на три дюйма вправо.

Я робко выполнила его распоряжение, и в тот же миг свет солнца исчез, над нами снова нависло пасмурное небо. Но Мартин показал рукой на отдаленную часть парка: деревья там все еще купались в солнечных лучах.

Мне пришлось поверить Мартину. Я бросилась к нему на шею, желая поздравить с успехом. Но он высвободился из моих объятий и сухо сказал:

— Наконец-то до тебя дошло.

Я была очень взволнованна, и мне было не до

обид. Мартин повернулся к установке и отечески положил на нее руку.

— Я постараюсь, — произнес он с некоторой торжественностью, — изложить тебе суть дела как можно проще, чтобы ты поняла. Ты знаешь, конечно, что наша Земля окружена атмосферой, в которой присутствуют водяные пары и всякого рода частицы. Меня давно интересует теория распределения этих взвешенных частиц и зависимость этого распределения от магнитных сил.

Мартин продолжал говорить, и постепенно голос его приобретал все более торжественные интонации. Вот он сделал паузу, взглянул на свои ногти и поправил галстук (раньше, подумала я, он не надевал галстука даже по воскресеньям). Когда в своем изложении он дошел до самой сути, в его речи появилось королевское «мы».

— Таким образом, мы добились того, что можем контролировать действия магнитных сил. В данный момент мы располагаем магнитным лучом достаточной силы, чтобы преодолеть естественные магнитные поля в атмосфере. Наш луч способен вытеснить их по всей ее толще. Солнечные лучи могут беспрепятственно проникать сквозь такую открытую зону: их не рассеивает фильтр из пылевых частиц и водяных паров.

Эта зона получит название открытой зоны Хэмблтопа, — произнес он с достоинством, — или сокращенно ОЗХ, эти же буквы будут присвоены установке, контролирующей эту зону. Величайшим достижением является то, что лучи ОЗХ мы можем направлять в любое место земного шара из этой лаборатории. Для этого нужны всего лишь точные географические координаты. Более того, мы можем регулировать мощность луча, охватывая площади практически любого размера. Итак, мы можем утверждать, что нам удалось похитить солнце.

По его собственному желанию, Мартин приобрел славу человека, укравшего солнце.

Он не раскрывал своего секрета, по его настоянию молчала и я. Мы развлекались, проделывая эксперименты. Сначала мы вели работу только в окрестностях: спустя два дня сады Вудбриджа буйно зацвели, а я была такой загорелой, словно побывала на Ривьере. Потом желание экспериментировать повело нас дальше. Услышав по Би-би-си, что бесконечные дожди буквально затопили Гулль и его пригороды, мы тотчас же достали крупномасштабную Карту Йоркширского побережья и стали кратковременно облучать те места каждые полчаса. Вечером в последних

известиях сообщили, что погодные условия в Гулле трудно определить словами: сначала с неба сыплет снег с дождем, потом вдруг теплые лучи солнца заливают город, отчего над ним поднимается густой туман. В последующих передачах о Гулле не было сказано ни слова.

Затем наше внимание привлекла Новая Зеландия. В течение трех дней мы непрерывно облучали Южный остров и были вознаграждены за наши усилия: радио сообщило, что впервые в истории на леднике Франца-Иосифа появились проталины.

Это были золотые денечки!

Однако я чувствовала, что в душе Мартина растет недовольство. Понять причину его было нетрудно. Мартину наскучило видеть меня единственным свидетелем своего триумфа. Ему нужна была аудитория, он жаждал удивить мир.

Наконец Мартин признался, что не знает, как лучше поступить.

— Ты же работаешь в газете, — сказал он. — Разузнай, что нужно сделать, чтобы общественность заговорила обо мне.

Я напомнила ему, что в местной газетенке работаю совсем недавно, пишу о скромных свадьбах и церковных благотворительных базарах. Вряд

ли мне сразу доверят научный репортаж, да и раздела-то соответствующего у нас нет.

И вдруг меня осенило.

— Благотворительные базары!

— Милочка моя, придумай что-нибудь получше. Уж не хочешь ли ты поместить меня вместе с ОЗХ в киоске, дабы демонстрировать ее наряду с самыми цветущими новорожденными.

— Нет, я имею в виду другое. Ты не обидишься, если мы начнем с малого?

— Все великое начинается с малого, — назидательно произнес Мартин. — Продолжай, мы слушаем.

— В ближайшую субботу праздник в церкви святого Георгия, а на следующей неделе методистская церковь устраивает благотворительный базар. Вспомни, был ли хоть один праздник в августе не испорчен дождем? Во всяком случае, на ближайший уик-энд предсказывают осадки. Ты бы мог обеспечить хорошую погоду на время праздников, а я бы написала об этом. Сотрудничество со святой церковью вряд ли может кому-нибудь не понравиться.

— А как церковь узнает про ОЗХ?

— Ты расскажешь все сам. Надевай чистую рубашку и отправляйся без промедления к свя-

щеннику Хьюзу. Скажи, что в субботу после обеда ты гарантируешь хорошую погоду. Я пойду с тобой; ведь репортеры всег-ды рыщут в поисках сенсаций.

— Он мне не поверит.

— Сразу, конечно, нет. Но если во время праздника здесь будет светить солнце, а в миле от парка будет лить дождь, мистер Хьюз от удивления лишится дара речи. А обретши его, сообщит об этом мне, когда я приду брать интервью. То же самое будет и с методистским священником. Ну как?

— Неплохо, — снизошел Мартин. — Конечно, жаль демонстрировать великое открытие на пустячном церковном празднике.

— Все великое начинается с малого. Пойди надень чистую рубашку.

Мистер Хьюз был слишком вежлив, чтобы рассмеяться нам в лицо. Видно было, однако, что он с трудом сдерживает улыбку. Поблагодарив Мартина за его предложение, он спросил, не хочет ли тот внести в празднество лепту более реальную — скажем, поработать в киоске, где будут продавать горячие сосиски.

От мистера Хьюза мы направились прямо

к священнику методистской церкви. Беседа с ним почти не отличалась от предыдущей. Я возвратилась домой в прекрасном настроении, а Мартин окончательно расстроился. Наконец, он произнес:

— Они никогда ничему не поверят.

Как выяснилось, нервничал он зря. Когда десять дней спустя я пришла в церковь, оба проповедника помнили о том, что сделал Мартин. Оба пытались скрыть от меня, что таких празднеств они еще не видывали. А зрелище действительно напоминало волшебство. Хотя в нашем районе две субботы подряд лил дождь, над парком в это же время сиял ореол радиусом в полмили. Правда, две женщины из хора получили солнечный удар и на следующий день не смогли петь. Это расстроило мистера Хьюза, но придало моему репортажу некоторую пикантность.

В понедельник утром слухи о моем репортаже дошли до ушей главного редактора. Спустя пять минут меня вызвали к нему в кабинет.

— Вы знаете, что такое дезинформация? — произнес он вместо того, чтобы сказать «доброе утро». — Нас обвинят в ней, как только мы опубликуем вашу чушь. Два святых отца в роли защитников фантастики!

— Я знаю, что такое дезинформация, — ответила я, — и именно поэтому вы можете спокойно публиковать мой репортаж.

— Послушайте, в былые времена я сочинял заявления от имени некоего Джека Джонса, который якобы протестовал против постройки общественной уборной по соседству с розарием. Я сам породил этого читателя, но это было вполне допустимо, ваш же ход не выдерживает никакой критики.

Я схватила телефонную трубку и попросила соединить меня с мистером Хьюзом. Через минуту мой шеф говорил ему:

— Простите, что я беспокою вас из-за такой чепухи, но наш репортер…

Спустя десять минут я стала героиней дня.

«Вопль Вудбриджа» по достоинству оценил репортаж. Заголовок был набран крупным шрифтом, а подпись гласила: «Старший репортер Джудит Картис».

В тот самый момент, когда вовсю крутились типографские цилиндры, печатая газету, где-то в тайниках жизни начало вращаться колесо судьбы. Оно совершило полный оборот и даже чуть больше. Весь мир следил за его движением.

«Вопль» выходил по субботам. В воскресенье

утром я увидела, что улица возле наших домов буквально забита машинами со словом «Пресса» на ветровом стекле. Толпа наспех одетых мужчин с блокнотами и кинокамерами в руках лавиной устремилась в сад Хэмблтонов. Я обошла дом сзади и пробралась в кухню через окно. Мартин спокойно расчесывал волосы в ванной.

— Ты представляешь, что тебя ждет? — спросила я. — Все рвутся получить у тебя интервью, а ты совершенно не готов к этому. Давай обсудим его вместе.

— Нет, — услышала я.

— С газетчиками говорить не так-то просто. Мы все видали виды, — сказала я нагло, чтобы придать вес своим словам. — Эти ребята изжарят тебя на вертеле.

«Ребята»! Да простит мне господь, они все годились мне в отцы.

— Хочешь, я займусь ими сама и проведу настоящую пресс-конференцию?

Мартин не ответил.

Выходя, он так оттолкнул меня, что я угодила в ванну. Выбравшись из нее, я заковыляла к выходу. Ванна была пуста, но меня словно окатило водой: за эти несколько секунд и сам Мартин, и все связанное с ним перестало для меня суще-

ствовать.

Минуя гостиную, я услышала его голос. Не думаю, что Марк Антоний более торжественно вещал со ступеней Капитолийского храма.

— Одна оговорка, джентльмены. Мы готовы подарить наше открытие миру, но это не значит, что мы готовы раскрыть его секрет. Во всяком случае, пока я не могу ни с кем разделить свою ответственность за изобретение.

Думаю, все вы помните продолжение этой истории. Мартин Хэмблтон стал достоянием общественности — моим и вашим, больше вашим, поскольку вы наверняка с удовольствием лицезрели его на экранах ваших телевизоров, а я телевизор выключала. Вы, конечно, помните, что в течение трех лет Англия славилась небывалыми урожаями и на прилавках магазинов лежали ананасы и бананы, выращенные не в тропиках, а у нас на родине.

Мартин покинул Вудбридж спустя три месяца после того, как стал знаменит. Однако его родители, как и прежде, жили с нами по соседству. Правительство предоставило в распоряжение Мартина дом в Фарнборо, недалеко от атомного научно-исследовательского центра. Его фотографии часто появлялись на страницах газет

нередко в окружении беснующихся почитательниц. Он стал национальным героем: человек, подаривший Британии солнце.

Если говорить о внешности, то Мартин бесспорно был достоин того, чтобы вырезки с его изображением наклеивать в альбомы. И с каждым днем он делался все привлекательнее, черт возьми! Он безусловно нравился женщинам, почти на каждой фотографии я видела его рука об руку с новой подругой. Это продолжалось более двух лет, потом рядом с ним появилось лицо девицы, которое скоро примелькалось, так же как и лица телохранителей на втором плане.

К этому времени Мартин стал собственностью государства. С ним страшно носились, но если задуматься над тем, что он сделал для страны, этому не приходится удивляться. Британия получала небывалые урожаи тропических фруктов и огромные доходы от туристов. К тому же деятельность Мартина служила основанием для выгодных торговых сделок: его сдавали в аренду другим странам. В Исландии, кажется, до сих пор сохранились бывшие теплицы для орхидей. И не случись той неприятности, о которой речь впереди, Британия и по сей день практически бесплатно получала бы благодаря Мартину шестьсот

тысяч тонн трески в год.

Однако вернемся к его подруге. Она была хороша собой, к тому же дочь самого крупного сахарозаводчика на Ямайке. Ее звали Присциллой — имя вполне подходило ей, хотя молодых особ с такими лицами обычно называют недотрогами. К моменту, о котором я рассказываю, ОЗХ уже три года и четыре месяца владела миром. Колесо судьбы совершило почти полный оборот, и этому обороту суждено было завершиться на моих глазах.

По случаю Нового года были опубликованы списки почетных граждан Англии, имя Мартина значилось среди тех, кому пожаловали титул лорда. Однажды, когда я собиралась идти на похороны, шеф остановил меня и сказал:

— Дорогая, снимите траур, оденьтесь поэлегантнее и отправляйтесь к новоиспеченному лорду. Нужно взять у него интервью.

— Ни за что!

— Я вас понимаю. Но сенсация по поводу его изобретения принадлежит нашему «Воплю». Мы не можем промолчать.

Не очень приятно было у меня на душе, когда я подъезжала к небольшому особняку в тюдоровском стиле, неподалеку от Фарнборо. Мне стало

еще хуже, когда я увидела на аллее возле дома сверкающий голубой спортивный автомобиль. Присциллин автомобиль, знакомый мне по доброй сотне фотографий.

Горничная с густо накрашенными бровями, шурша жестко накрахмаленным передником, открыла мне дверь.

— Сэр Мартин вышел в лабораторию. Если желаете, подождите в гостиной.

— Я пройду в лабораторию, — ответила я. Меня удивило, что ОЗХ все еще находится под крылышком у Мартина: видимо, это объяснялось его нежеланием раскрыть секрет. А мне снова захотелось увидеть это чудо-юдо.

Густо накрашенные брови недовольно сдвинулись, указывая на узкую тропинку, ведущую к небольшому кирпичному флигелю в глубине сада. Вход охранял полицейский. Я предъявила репортерское удостоверение вместе с некоторой дозой кокетства, и он, проверив, нет ли у меня оружия, разрешил войти.

Ни Мартин, ни Присцилла не слышали моих шагов. Узнай они о моем присутствии — и мы, возможно, по сей день выращивали бы в Англии плоды авокадо и брали с собой бикини, отправляясь в январе в Типне-сайд. Но парочка вела

жестокое сражение.

— Мне кажется, ты просто не желаешь вникнуть в смысл моих слов! — кричал Мартин фальцетом. — Я хочу жениться!

— Я прекрасно слышу, что ты говоришь, — кричала Присцилла, — и отвечаю — никогда!

— Дорогая, пойми, ведь быть женой национального героя — большая честь.

— Лучше уж выйти замуж за памятник.

— Да за меня пойдет любая. Я могу жениться на ком захочу! — крикнул Мартин, и его лицо покрылось красными пятнами.

— Ну и женись! Окажи честь кому-нибудь другому.

Мартин набрал воздуха и выложил козырную карту.

— Послушай, до конца жизни в твоем распоряжении будет солнце. Я никогда не опустился бы до того, чтобы использовать ОЗХ в подобных целях. Но ради тебя я готов и на это. Ни одного дня без солнца, солнца лично для тебя!

Эти слова оказались для Мартина роковыми.

— Мне до смерти надоело солнце! Я приехала в Англию, чтобы подышать прохладным, сырым воздухом. И что я получила? ОЗХ! Уж если терпеть солнце, так лучше дома, на Ямайке, там оно хоть

настоящее. — Словно желая поставить точку, она пнула носком туфли металлическую диафрагму машины.

Именно в этот момент власть над солнцем была утрачена.

Конечно, это поняли не сразу. После того как я на цыпочках ушла из лаборатории, жизнь продолжалась, как и прежде. Вернувшись в редакцию с пустыми руками, я выслушала нотацию редактора. Потом была изумительная зима, а в марте, как мы и ожидали, на прилавках появились летние фрукты.

Затем наступил апрель — время, когда лучи ОЗХ были не нужны для урожая, и фермеры начали жаловаться. «Необходим дождь», «Пора выключить ОЗХ» — гласили заголовки сельских газет. Затем в большой прессе появилась статья: «Засуха неминуема. Выключите ОЗХ».

Спустя неделю мы едва не начали воевать с Гренландией. Эскимосам на месяц обещали лучи ОЗХ — прогреть их апельсиновые сады. За это Англия получила миллион котиковых шкурок. Однако апельсиновые сады остались без ОЗХ. «Кто хозяин ОЗХ?» — спрашивала газета «Ежедневный звон». Не ответив на вопрос, Англия поспешила вернуть шкурки.

Между тем наступило лето. В сельской местности вся зелень побурела, как после недавнего пожара. Реки едва сочились, Темза превратилась в зловонный грязный ручеек. Над выжженными пустошами Дербишира летали грифы.

Разговоры о сэре Мартине Хэмблтоне шли сначала в трактирах, потом в прессе и наконец в палате общин. Вот тут-то все и объяснилось.

15 августа Би-би-си в утренних новостях сообщила радиослушателям:

«Сегодня на Даунинг-стрит, 10 было сделано официальное заявление о том, что установка ОЗХ, позволившая Англии совершить революцию в экономике, вышла из строя. Заявление сделал премьер-министр совместно с сэром Мартином. Ученый заявил, что установка в начале года получила повреждение от небольшого толчка (в этом месте я хихикнула). Пытаясь наладить механизм, сэр Мартин работал полгода не покладая рук, однако его усилия оказались тщетными. Установку невозможно ни отключить, ни направить лучи в другую зону. Ее придется уничтожить, что и будет сделано завтра».

Действительно, 16 августа в 10 часов утра ОЗХ была взорвана и разлетелась на мелкие кусочки. Почти вся страна наблюдала за взрывом на экра-

нах своих телевизоров. Зрители увидели сначала смерч из осколков, а затем — крупным планом — горестное лицо сэра Мартина.

Уже через минуту толпы людей высыпали из домов. Знакомое одеяло серых туч снова висело у них над головами. Вскоре почти всю территорию Британских островов поливал дождь. Изможденная засухой почва, словно гигантская губка, впитывала нескончаемые потоки воды, а мужчины, женщины и дети, истерически смеясь, шлепали босиком по лужам.

Сэр Мартин был сломлен, и сломлен навсегда. Он потерял все.

Прошло какое-то время. Однажды утром, выглянув из окна спальни, я увидела сэра Мартина в сыром саду. Он понуро стоял с опущенной головой. Кстати, не так уж я жаждала снова с ним соседствовать. Однако следует все же рассказать, чем кончилась вся эта история.

Сейчас сэр Мартин человек средних лет. Ему недавно стукнуло сорок пять, но седые волосы делают его старше. Поговаривают, что история с ОЗХ повлияла на его психику — и правда, он изменился. Исчезло высокомерие, появилась сдержанность. Он по-прежнему работает в своей лаборатории и не пускает посторонних на порог.

Впрочем, я не могу сказать, что им слишком интересуются. Лорд Хэмблтон давно забыт.

Месяца два назад Мартин снова возбудил мое любопытство. Он пришел ко мне (да, мы снова разговариваем) и попросил помочь ему измерить участок позади дома. Ему нужна была очень точная крупномасштабная карта сада, чтобы нанести на нее не только каждое дерево и клумбу, но и буквально каждый цветок. Сперва я подумала, что Мартин решил перепланировать сад, но потом, увидев, с какой тщательностью он наносит на карту широту и долготу, поняла, что он задумал что-то другое. Затем я увидела крестик между розарием и земляничным деревом.

— Это вполне подходит, — заметил Мартин.

Увидев шезлонг на месте, обозначенном крестиком, я уже не сомневалась в том, что за этим последует. Мартин сел в шезлонг и начал натираться кокосовым маслом, хотя сад тонул в пелене дождя.

Вот и все. К сожалению, не имею времени на то, чтобы продолжить рассказ. Спешу в церковь к двум часам: нужно открыть праздник. Тоскливое занятие, но мне часто навязывают его — видимо, потому, что фраза «праздник откроет леди Хэмблтон» хорошо смотрится в программе. Бедный

священник! Через полчаса хлынет дождь, и мы не в силах его предотвратить.

Ллойд Бигл-младший

Памятник

I

О’Брайен вдруг осознал, что скоро умрет.

Он лежал в прочном, сплетенном из стеблей вьющихся растений гамаке, и до него на самую малость не долетали брызги морских волн, разбивавшихся о косу. Ласковое тепло солнца просачивалось сквозь ажурную листву деревьев сао. Игривые порывы ветерка, благоухавшего морем, то и дело доносили до него возгласы мальчишек, которые на косе охотились с копьями за рыбой. У его локтя висела бутыль из выдолбленного плода с освежающим напитком. О’Брайен мирно дремал, убаюканный ощущением довольства и покоя, как вдруг его лениво шевелившееся в полусне сознание молнией пронзила мысль о близости смерти, и он мгновенно проснулся.

Он скоро умрет.

Приближающийся уход из жизни взволновал

его меньше, чем то, что мысль об этом пришла ему в голову только сейчас. Момент появления на свет — это уже первый шаг на пути к смерти, а пора младенчества О'Брайена осталась далеко позади. Иногда он пытался подсчитать, сколько ему лет. Сто — это уж точно, но, возможно, и все сто пятьдесят.

В этом сказочном краю, где одно время года ничем не отличается от другого, где по ночам моросит дождь, а днем мягко пригревает солнце, где мерилом возраста служит мудрость, трудно, не сбиваясь со счета, держать палец на едва слышном пульсе времени. Практически невозможно.

Но О'Брайен не нуждался в календаре — он и без него знал, что состарился. Его волосы, огненно-рыжие в молодости, поблекли и цветом напоминали теперь покрытое пятнами ржавчины железо. После дождливых ночей он по утрам не мог разогнуть суставов. Вокруг хижины, которую он некогда выстроил на живописном пригорке над мысом, выросла деревня, и она все увеличивалась по мере того, как его сыновья, внуки, правнуки, а теперь и праправнуки приводили сюда своих жен.

Это была деревня лангру, деревня пламенноволосых людей, уже прославившихся по всей

планете, уже ставших легендой. Девушки мечтали выйти замуж за сыновей огня, рыжих ли или белокурых, как аборигены, — неважно. Самые сильные и мужественные юноши из других мест ухаживали за дочерьми огня, и многие вопреки обычаю селились в деревне своих жен.

Жизнь О'Брайена была долгой и счастливой. Он знал, что никогда не дожил бы до такого возраста в бешеном водовороте цивилизованного мира. Но теперь смерть на пороге, и ему уже не суждено осуществить ту великую мечту, которая, однажды зародившись, все больше овладевала им, пока он окончательно не постиг главный смысл своей жизни среди этого народа.

Он резко выпрямился, погрозил кулаком небу и на языке, на котором не говорил целую вечность, хрипло прокричал:

— Чего же вы медлите? Чего медлите?

Когда О'Брайен вышел на берег, к нему, шлепая по мелководью, бросилась ватага мальчишек.

— Лангри! — наперебой восклицали они. — Лангри!

Мальчишки с поднятыми над головами рыбами возбужденно запрыгали вокруг него в надежде услышать похвалу их удали.

О’Брайен указал рукой в ту сторону, где на песке у кромки воды лежало большое каноэ, выдолбленное из ствола сао.

— К Старейшине, — произнес он.

— Эй! Поедем к Старейшине! Эгей! К Старейшине!

Оставив его, мальчишки гурьбой помчались к каноэ и затеяли драку, отвоевывая для себя места в лодке, не рассчитанной на такое количество пассажиров. Рукопашный бой был в разгаре, когда подошел О’Брайен. Он восстановил порядок и отобрал в гребцы шестерых мальчиков. Остальные бросились вслед за каноэ в волны прибоя и поплыли рядом с лодкой, то описывая вокруг нее круги, то ныряя под днище. Так они резвились до тех пор, пока гребцы не набрали скорость.

Дружно работая веслами, мальчики звонкими голосами запели песню — не какую-нибудь там шуточную и развеселую, а серьезную, ибо им было поручено важное дело. Лангри выразил желание повидаться со Старейшиной, и они должны были как можно быстрее доставить его к месту их встречи.

Утомленно привалившись спиной к борту каноэ, О’Брайен смотрел на пляшущую под выносными уключинами пену. Теперь, когда годы

неумолимо брали над ним верх, он утратил вкус к путешествиям. Так приятно нежиться в гамаке, потягивая из бутыли чуть бродящий фруктовый сок, играть роль мудреца и оракула, всеми почитаемого, даже ставшего в некотором роде объектом культа. В молодости он исходил эту землю вдоль и поперек. Он даже построил небольшое парусное судно и совершил кругосветное путешествие, но открыл лишь несколько пустынных островов. Он без устали скитался по единственному на этой планете материку, составляя его карту и пытаясь определить на глазок, какие тут есть природные богатства.

О'Брайен считал себя человеком заурядным, удел которого — до конца жизни быть в подчинении у людей более значительных. Благоговение местных жителей перед его якобы непревзойденной мудростью тревожило его, вызывая чувство неловкости. Силой обстоятельств ему помимо воли приходилось решать сложные социальные и экономические проблемы, но в прошлом он повидал немало цивилизаций, и то, что осталось у него в памяти, позволяло ему весьма успешно справляться со своей задачей, нисколько не возгордясь этим.

Но О'Брайен знал, что беспощадный перст

судьбы нацелен на эту планету и ее жителей, и, совершая длинные прогулки по берегу моря, он напряженно размышлял, мысленно споря с самим собой; туманными ночами он мерил шагами свою хижину, придумывая одну уловку хитрее другой, и наконец составил план, который его удовлетворил. Во всем необъятном космосе он один мог спасти этот полюбившийся ему мир, этот дорогой его сердцу народ — теперь он знал, как отвести беду. Живой, он наверняка сумел бы предотвратить катастрофу.

Но он умирал.

День подошел к концу, наступил вечер. Тень усталости легла на лица мальчиков, и их голоса теперь звучали напряженно, однако они продолжали грести так же энергично, не сбиваясь с ритма. Уплывали назад мили берега со множеством деревень, жители которых узнавали Лангри и толпами высыпали к воде, чтобы приветственно помахать ему рукой.

Когда сумерки затянули туманом морскую даль и одели в багрянец сушу, они свернули в мелкий залив и, миновав полосу прибоя, вплотную подошли к широкому, плавно поднимавшемуся из воды берегу, на котором рядами лежали сох-

нущие каноэ. Мальчики выскочили из лодки и втащили ее на пологий склон. Обессиленные, они упали на песок, но уже через минуту вскочили на ноги, сияя от гордости. Во всякой хижине они сегодня будут почетными гостями. Разве не они привезли Лангри?

Они двинулись через деревню, растянувшись в процессию, и с каждой хижиной, мимо которой они проходили, шествие становилось все многолюднее. Взрослые, с выражением глубокого почтения, и охваченные благоговейным трепетом дети выходили на улицу и торжественно следовали за О'Брайеном. Хижина Старейшины стояла в некотором отдалении от остальных, на вершине холма, и сам он, воздев к небу руки, ждал их там с улыбкой на морщинистом лице. Не дойдя до него шагов десять, О'Брайен остановился и тоже поднял руки. Жители деревни притихли, не спуская с них глаз.

— Привет тебе, — оказал О'Брайен.

— Слышать твое приветствие столь же приятно, как видеть тебя.

О'Брайен приблизился к Старейшине, и они пожали друг другу руки. Это не входило в местный обычай, но О'Брайен при встрече с людьми пожилого возраста, в дружбе с которыми он про-

жил почти всю свою жизнь, обменивался с ними рукопожатиями.

— В надежде на твой приезд я распорядился устроить пир.

— А меня привела сюда надежда попировать с тобой.

Ритуал был выполнен, и жители деревни, вполголоса обмениваясь одобрительными замечаниями, начали медленно расходиться. Старейшина взял О'Брайена за руку и повел его мимо хижины в маленькую рощицу, где между деревьями были развешаны гамаки. Там они остановились и повернулись лицом друг к другу.

— Много утекло дней, — произнес Старейшина.

— Много, — согласился О'Брайен.

Он вгляделся в своего друга. Тело высокого худого Старейшины на вид казалось все таким же крепким и сильным, но волосы его побелели и отливали серебром. Поначалу прожитые годы лишь наметили на его лице морщины, потом время постепенно углубило их и притушило блеск глаз. Как и О'Брайен, он был стар. Он тоже умирал.

Они удобно устроились в гамаках, так чтобы каждый видел лицо другого. Молодая девушка принесла им сосуды из выдолбленных плодов, и

они, потягивая напиток, отдыхали в молчании, пока не сгустилась тьма.

— Лангри ведь больше не путешествует, — сказал Старейшина.

— Лангри пускается в путь, когда он чем-то озабочен.

— Так поговорим о том, что тебя заботит.

— Потом. После пиршества. Или завтра… Лучше бы завтра.

— Ладно, пусть завтра.

Девушка вернулась с трубками и тлеющим угольком, и они молча закурили; искры, разлетаясь, пронизывали мрак, а неровное дыхание ночного бриза обдавало их свежим ароматом моря, к которому примешивались аппетитные запахи праздничных блюд. Они докурили трубки и, выйдя из рощицы, торжественно заняли приготовленные для них почетные места.

Ранним утром они вдвоем отправились на берег и уселись рядышком на небольшом бугре, у подножия которого плескалось море. Они утонули в массе душистых цветов, кивавших чашечками в такт легким порывам ветра. Под первыми лучами солнца искрились волны. Пестрые паруса рыбачьих лодок казались прильнувшими к горизонту лепестками. Слева от

них, разметавшись по склону холма, дремала деревня, и к небу тянулись лишь три тонких дымка. Мальчики шумно возились и играли в волнах прибоя, и только некоторые из них робко приблизились к бугру и, задрав головы, во все глаза смотрели на Старейшину и Лангри.

— Я стар, — произнес О'Брайен.

— Ты старше всех, — согласился Старейшина.

О'Брайен слабо улыбнулся. Для местных жителей слово «старый» означало «мудрый». Старейшина сделал ему величайший комплимент, а он не почувствовал в душе ничего, кроме пустоты и усталости.

— Я стар, — повторил он, — и я скоро умру.

Старейшина быстро повернулся к нему.

— Никто не живет вечно, — сказал О'Брайен.

— Верно. Но тот, кто боится смерти, умирает от страха.

— Я боюсь не за себя.

— Значит, Лангри заботится не о себе. Однако ты сказал мне, что чем-то озабочен.

— Это твоя забота. Забота всего твоего народа, который стал и моим.

Старейшина медленно кивнул.

— Мы всегда прислушиваемся к словам Лангри.

— Ты ведь помнишь, — сказал О'Брайен, — что я прибыл сюда издалека и остался у вас потому, что корабль, который доставил меня сюда, больше не мог летать. Я попал в ваши края случайно — сбился с пути, а мой корабль тяжело заболел.

— Помню.

— Сюда прилетят и другие. Потом еще и еще — много, много других. Среди них будут и хорошие люди и плохие, но каждый человек, будь он хорош или плох, привезет с собой диковинное оружие.

— И это помню, — промолвил Старейшина. — Я видел, как ты убивал птиц.

— Диковинное оружие, — повторил О'Брайен. — Наш народ против него беззащитен. Люди с неба завладеют этой землей, возьмут себе все, что захотят. Они отберут у нас побережье и даже море — мать всего живого. Они оттеснят наших соплеменников к холмам, а там, в непривычных условиях, им придется очень туго. Чужеземцы привезут сюда неведомые болезни, и в деревнях будут, не затухая, пылать погребальные костры. Чужаки будут плавать в нашем море, ловить в нем рыбу. Повсюду здесь выстроят хижины выше самых высоких деревьев, а пришельцы, которые заполонят берега, будут толще тех рыб, что во-

дятся на мелководье у мыса. И нашему народу придет конец.

— Ты уверен, что этого не избежать?

О'Брайен кивнул.

— Это произойдет не сегодня и не завтра, но произойдет неминуемо.

— Тяжкая забота, — недрогнувшим голосом произнес Старейшина.

О'Брайен снова кивнул. **О этот благодатный, первозданно чистый край, этот благородный, прекрасный телом и духом народ... Как же беспомощен человек, когда близок его смертный час!**

Какое-то время оба молчали — два старика под сияющим солнцем, к которым уже подступала вечная тьма. О'Брайен протянул руку, сорвал со стеблей несколько цветков и растер между ладонями их хрупкие белые лепестки.

Старейшина повернул к О'Брайену опечаленное лицо.

— Лангри не может предотвратить это несчастье?

— Лангри сможет предотвратить его, — ответил О'Брайен, — если люди с неба появятся здесь сегодня или завтра. Если же они задержатся, Лангри ничем не сумеет помочь, потому что Лангри

скоро умрет.

— Теперь я понял. Лангри должен указать нам правильный путь.

— Этот путь необычен для вас и труден.

— Мы сделаем все, что ты найдешь нужным.

— Путь этот очень труден, — повторил О'Брайен. — Наш народ может не осилить его, да вдруг еще Лангри ошибется и направит людей по неверной дороге.

— Чего требует Лангри?

О'Брайен встал.

— Пришли ко мне молодых мужчин, но не всех сразу — пусть одновременно приходит столько, сколько пальцев на четырех руках. Я выберу из них тех, кто мне подойдет.

— Первые будут у тебя уже сегодня.

О'Брайен пожал руку Старейшине и поспешно удалился. Шесть прапраправнуков ждали его на берегу. Они подняли паруса, потому что теперь, когда они плыли обратно, ветер дул им в спину. Пока лодка скользила по воде к выходу из бухты, О'Брайен смотрел назад в сторону быстро удалявшегося берега. Там на бугре, подняв руки, неподвижно стоял Старейшина.

О'Брайен не знал официального названия этой планеты, не знал даже, есть ли оно у нее вообще.

Он был всего-навсего скромным механиком, но механиком отличным, а в космосе он болтался с двенадцати лет. В конце концов ему осточертело быть у всех на побегушках, и он присмотрел для себя старый, видавший виды патрульный корабль правительственного космофлота, запасся продовольствием и дал диспетчеру пятьсот кредиток за то, чтобы тот отвернулся, когда он будет взлетать.

О'Брайен не имел права пилотировать космический корабль, как, впрочем, никакой другой, но он достаточно долго наблюдал за работой профессиональных пилотов и поэтому был уверен, что знаком с основными принципами управления. На самом же деле любой смышленый школьник, вероятно, лучше его разбирался в правилах астронавигации, и единственным источником, из которого он мог почерпнуть полезные для себя сведения, было устаревшее «Руководство для астронавтов-любителей». Девяносто процентов времени он блуждал, сам не зная где, а остальные десять — представлял свое местонахождение весьма смутно, но это его мало тревожило.

Ему хотелось посетить места, лежавшие в стороне от регулярных космолиний, если удастся — произвести небольшие геологические изыска-

ния и, пока не иссякнут запасы продовольствия, насладиться своим независимым положением. Порты, где садились рейсовые корабли, были для него закрыты, ибо он не мог предъявить властям прав на вождение космолета, которых у него, естественно, не было. Но кое-какие частные космодромы всегда нуждались в хорошем механике, и бывало, что он, потихоньку совершив посадку в ночное время, нанимался на одну-две недели, чтобы на заработанные деньги пополнить запас продовольствия и горючего. Потом он так же незаметно уходил обратно в космос.

Не забывал он и об изысканиях, обрыскав с дюжину всеми забытых или еще неоткрытых астероидов, лун и планеток. Каким-то чудом он однажды наткнулся на богатое месторождение платиновой руды, загрузил ею свой маленький корабль и полетел назад к цивилизованным мирам, чтобы обратить в деньги свалившееся на пего богатство.

Как не раз уже случалось, он заблудился и целый месяц бесцельно бороздил просторы космоса, стараясь экономить горючее и ухаживая за порядком изношенными двигателями. Эта планета показалась ему наилучшим выходом из положения, впрочем, как выяснилось, для него

этот выход был единственным, ибо его ввели в заблуждение показания испорченного счетчика и он, не зная, что кончилось горючее, едва не разбился при посадке.

Местные жители встретили его радушно. Вскоре он стал в их глазах героем, полностью истребив своим огнедышащим оружием больших хищных птиц, которые иногда нападали на детей. Он обследовал единственный на планете континент и обнаружил залежи угля и кое-каких металлических руд — незначительные, но достаточные для того, чтобы население планеты без проволочек вступило в бронзовый век. Потом он занялся морем, оснастил местные каноэ парусами и выносными уключинами и продолжил свои исследования.

К этому времени он уже не чувствовал себя человеком, потерпевшим кораблекрушение, который ждет не дождется, когда его наконец спасут. Он уже стал Лангри, обзавелся женами и детьми, а деревня его все разрасталась. Когда он был еще сравнительно молод, ему предложили стать Старейшиной, но его коробила мысль, что этим народом будет управлять чужеземец. После того как он отклонил это предложение, аборигены прониклись к нему еще большим уважением.

Он жил в мире и счастье.

Но мало-помалу его начало грызть беспокойство. Залежи полезных ископаемых на планете были столь скудны, что на них в будущем не польстился бы ни один грабитель. Ей не было цены совсем по другой причине.

Это был мир красоты и гармонии. Ровные песчаные берега, теплое море, чудесный климат. Людям, жившим в суровых условиях планет, природные богатства которых привлекали несметное множество поселенцев, — планет безводных, планет бесплодных, как пустыня, планет, лишенных атмосферы, — такой мир показался бы раем. Те, кому удалось бы вырваться из мрачных купольных зданий, подземных пещер или засыпанных песком селений и несколько дней подышать этим ароматным, насыщенным кислородом воздухом, получали бы заряд бодрости и обновленные возвращались к своей нелегкой жизни.

Все берега застроили бы роскошными отелями. Подальше от моря, уходя в лес, расположились бы отели попроще, пансионаты и коттеджи. Миллионеры, войдя в раж, старались бы урвать для своих дворцов лучшие участки побережья. На пляжах теснилось бы немыслимое количество отдыхающих. К их услугам всегда были бы

прогулочные катера и яхты. Подводные суда знакомили бы их со сказочно богатой фауной морских глубин. Толпы желающих осаждали бы причалы, где давали бы напрокат лодки для рыбной ловли. Чтобы удовлетворить потребности туристов, здесь быстро развилась бы промышленность. Бизнес процветал бы круглый год, потому что круглый год климат планеты оставался одинаково благодатным. Бизнес, приносящий многомиллиардный доход.

А местных жителей согнали бы с насиженных мест. Постепенно уничтожили. Существовали, конечно, законы по охране прав аборигенов и солидное учреждение, ведавшее делами колоний, в обязанности которого уходило следить за проведением этих законов в жизнь, но О'Брайен слишком хорошо знал, чем все это оборачивается на деле. Какого-нибудь воришку, попавшегося на мелкой краже, приговаривали к огромному штрафу и тюремному заключению. А денежные воротилы, объединившись, добивались своего, легкой рукой раздавая направо и налево взятки, и спокойненько занимались грабежом под защитой тех самых законов, которые, как предполагалось, должны были охранять аборигенов.

А лет этак через двести ученым только и оста-

валось, что оплакивать исчезновение с лица той или иной планеты ее коренных жителей: «У них ведь была интереснейшая цивилизация. Какая жалость. Нет, в самом деле, очень прискорбно».

Из всех деревень к О'Брайену начали съезжаться юноши. Мелькали в воздухе быстро поднимавшиеся и опускавшиеся весла, когда они, распевая песни, легко сворачивали к берегу. Каждый раз их приплывало по двадцать — высокие, бронзовокожие, с выгоревшими до белизны светлыми волосами. Они вытаскивали свои каноэ на берег и исполненные глубокого почтения шли в деревню, чтобы предстать перед Лангри.

Его вопросы ошеломляли их. Они мучительно напрягали свой ум, чтобы постичь смысл чуждых им идей. Они старательно повторяли за Лангри невероятно трудные для произношения звуки. Они проходили испытания на силу и выносливость. Они приезжали и уезжали, одних сменяли другие — пока наконец О'Брайен не отобрал для своей цели сотню юношей.

В глубине леса О'Брайен выстроил новую деревню. Он поселился в ней с сотней своих учеников и приступил к занятиям. Очень мало оставалось дней, и они были слишком коротки, но О'Брайен

и юноши работали с рассвета до сумерек, а иной раз и до поздней ночи. Окрестные жители снабжали их рыбой и плодами; каждая деревня по очереди присылала сюда своих женщин готовить им пищу, и весь народ, дивясь, наблюдал за ними и ждал.

О'Брайен учил тому, что знал сам, а когда возникала необходимость, даже импровизировал. Он обучал языку, юриспруденции и точным наукам. Он преподавал юношам экономику, социологию, военное искусство. Он учил, как вести партизанскую войну, и разъяснял принципы колониальной системы. Он рассказывал об истории народов Галактики, и юные аборигены, изумленно вглядываясь в усыпанное звездами небо, слушали его повествование о страшных космических войнах, фантастических существах и бесконечности миров.

Один за другим уходили дни — из них сложился год, потом два, три... Возмужавшие юноши привели в деревню жен. Молодые пары называли О'Брайена отцом и приносили к нему для благословения своих первенцев. А обучение шло своим чередом.

Силы О'Брайена иссякали. Его знобило от ночной сырости, немало страданий причиняли ему

отекшие руки и ноги. Но он все работал и работал, и пришло время, когда он начал обучать тому, что входило в его план. Готовя аборигенов к вторжению вражеских сил, он объявлял учебные тревоги, и его серьезное отношение к делу и требовательность выводили местных жителей из состояния безмятежного покоя. План медленно, но верно обретал четкость и доходил до сознания его будущих исполнителей.

Когда О'Брайен настолько ослабел, что уже не поднимался с гамака, он призвал к себе своих самых способных учеников и продолжал с ними занятия.

В один из дней, когда солнце клонилось к закату, О'Брайен потерял сознание. Его перенесли в родную деревню, в ту самую рощицу у моря, которую он так любил. По побережью разнеслась весть: Лангри умирает. Приехали Старейшина и старосты всех деревень. Они натянули над его гамаком плетеный тент, и он прожил ночь, тяжело дыша и не приходя в сознание, а собравшиеся вокруг него местные жители замерли в ожидании, смиренно склонив головы.

Когда О'Брайен открыл глаза, уже наступило утро. Море, обласканное солнцем, было прекрасно, но он не услышал веселых голосов

мальчишек, которые всегда в этот час шумно резвились в волнах прибоя. «Они знают, что я умираю», — подумал он.

Он взглянул на печальные лица окружавших его мужчин.

— Друзья мои… — проговорил он. И потом на непонятном для них языке прошептал: — Бог свидетель — мой бог и их бог — я сделал все, что было в моих силах.

В этот вечер на берегу высоко взметнулось пламя погребального костра и, погруженная в траур, безмолвно скорбела деревня. На следующий день сто молодых мужчин вернулись в свое лесное селение и, раздираемые сомнениями, преодолевая огромные трудности, приступили к окончательному усвоению того, что завещал им Лангри.

II

Корабль военного космофлота «Ирга» совершал обычный патрульный полет, и капитан Эрнст Диллингер отдыхал в своей каюте, играя в шахматы со специально запрограммированным роботом. Он искусно загнал в ловушку роботова ферзя и уже сделал ход, грозивший этому ферзю неминуемой гибелью, как вдруг игру прервало

появление старшего радиста.

Радист отсалютовал и подал Диллингеру радиограмму.

— Секретная, — сказал он.

По извиняющемуся тону радиста и скорости, с которой тот направился к выходу из каюты, Диллингер понял, что получены дурные вести. Радист уже закрывал за собой дверь, когда Диллингер, бросив взгляд на текст радиограммы, резко выпрямился и взревел, как раненое животное. Этот рев мгновенно вернул радиста в каюту.

Диллингер постучал пальцем по бумаге.

— Это ведь приказ губернатора того сектора, в котором мы сейчас находимся, верно?

— Да, сэр.

Старший радист постарался, чтобы это прозвучало так, будто слова Диллингера были для него в какой-то степени откровением.

— Корабли военного космофлота не подчиняются бюрократам и всяким безответственным политиканам. Соблаговолите объяснить губернатору в радиограмме, что приказывать мне может только Генеральный штаб, а тот факт, что я сейчас пересекаю подведомственную этому губернатору территорию, не дает ему права контролировать и направлять мои действия.

Радист, порывшись в карманах, достал блокнот.

— Не будете ли вы так любезны, сэр, продиктовать мне текст ответа…

— Я вам только что сказал, в чем он заключается. Вы радист. Вы что, недостаточно владеете языком, чтобы в вежливой форме послать этого губернатора ко всем чертям?

— Полагаю, сэр, что я с этим справлюсь.

— Так ступайте. И пришлите сюда лейтенанта Протца.

Старшего радиста как ветром сдуло.

Через одну-две минуты в каюту не спеша вошел лейтенант Протц, с улыбкой взглянул на грозно нахмуренное лицо Диллингера и преспокойно уселся в кресло.

— В каком мы сейчас секторе, Протц? — спросил Диллингер.

— В 2397-м, — не задумываясь, ответил Протц.

— И сколько времени мы в нем пробудем?

— Сорок восемь часов.

Диллингер стукнул кулаком по радиограмме.

— Слишком долго.

— Неприятности в какой-нибудь колонии?

— Хуже. У губернатора сектора пропали без вести четыре разведывательных космолета.

Протц выпрямился и проглотил улыбку.

— Проклятие! Целых четыре? Послушайте, в будущем году мне положен отпуск. Я не откажусь от него, даже если сгинет в тартарары дюжина этих разведчиков. Очень сожалею, но вам придется их искать без меня.

— Да замолчите вы! — прорычал Диллингер. — Этот дубина-губернатор не только потерял один за другим четыре разведывательных корабля — он еще имеет наглость приказывать мне заняться их поисками. Это надо же, он мне приказывает! Я велел радисту поставить его в известность, что корабли военного космофлота подчиняются только приказам своих вышестоящих инстанций, но у губернатора достаточно времени, чтобы связаться со штабом и добиться приказа оттуда. А штабисты охотно пойдут на это, поскольку «Рирга» находится в пределах его сектора.

Протц потянулся за радиограммой.

— Стало быть, на поиски разведчиков они хотят послать корабль военного космофлота. — Он прочел текст полученного сообщения и усмехнулся. — Задача могла оказаться и посложней. Похоже, что все четыре корабля мы найдем сразу и в одном месте. Когда пропал 719-й, они отрядили на поиски 1123-й. Потом разыскивать 719-й

и 1123-й они послали 572-й, а 1436-й отправился искать всех исчезнувших ранее. Им повезло, что мы оказались в их секторе, иначе этот идиотизм продолжался бы до бесконечности.

Диллингер кивнул.

— Странная история, верно?

— Аварии тут, пожалуй, исключаются. Эти корабли достаточно надежны, и едва ли все четыре одновременно вышли из строя. А может, на одной из планет этого сектора цивилизация достигла уровня примитивной космонавигации, и там сейчас охотятся за нашими кораблями?

— Кто его знает, — сказал Диллингер. — Впрочем, это маловероятно. В секторе, правда, изучено не более одной десятой планет, однако составлена его подробная карта, и раза два здесь проводились военные учения. Если б какая-нибудь из планет уже имела свои космолеты, это наверняка было бы замечено. Нет… Мне думается, мы найдем все четыре разведчика на какой-то одной пока не известной нам планете. Такое впечатление, будто все они не вернулись на базу по одной и той яке причине. Сумеем ли мы помочь им, пока сказать трудно. Неисследованная планета подчас преподносит самые неприятные сюрпризы. Спуститесь в штурманскую рубку и прикиньте по

карте, где рациональнее вести поиск. Кто знает, а вдруг нам повезет.

Через двадцать четыре часа, получив приказ Генерального штаба, «Ирга» изменила курс.

Диллингер хмуро взглянул на листок с координатами, который ему вручил Протц.

— Вы считаете, что шансов на успех поиска в этой солнечной системе не меньше, чем в какой-нибудь другой?

— Даже больше. — Протц шагнул к карте. — Последний раз 719-й радировал отсюда, точнее, когда он шел в этом направлении. Тут возможны три варианта, но только эта система лежит прямо по курсу 719-го. Бьюсь об заклад, что мы найдем их именно там. По имеющимся у нас данным, в этой системе не более одной обитаемой планеты. Мы сможем управиться за каких-нибудь два-три дня. Если нам, как вы недавно заметили, повезет.

И им на самом деле повезло. В солнечной системе, к которой направилась «Ирга», оказалась всего одна обитаемая планета с единственным узким континентом, расположенным в субтропическом поясе. С первого же облета они засекли четыре сверкавших под солнцем разведыватель-

ных корабля.

Изучив полученную информацию и мельком взглянув на кадры заснятой во время облета пленки, Диллингер взорвался.

— Черт знает что! Мы потеряем целую неделю, а эти балбесы просто-напросто улизнули с работы и прохлаждаются на рыбалке.

— Однако без посадки нам не обойтись, — сказал Протц. — Мы ведь до конца не уверены, что дело обстоит именно так.

— Еще бы нам не сесть! Всмотритесь-ка повнимательней в эти кадры. Так вот, когда мы сядем на эту планету и я как следует намылю шею членам экипажей этих разведчиков, я сам тоже займусь рыбной ловлей.

Громада «Ирги» тяжело опустилась на побережье в тысяче ярдов от кораблей-разведчиков. Как водится, был произведен анализ проб воздуха, почвы, воды. Специальная команда тщательно осмотрела посадочную площадку, а группа солдат под прикрытием стрелков, державших наготове оружие, отправилась обследовать разведывательные корабли. Диллингер спустился по трапу на поверхность планеты, жадно вдохнул морской воздух и зашагал к берегу.

Вскоре к нему присоединился Протц.

— Ни в одном из космолетов нет ни души. Все выглядит так, словно экипажи покинули корабли добровольно — просто взяли да ушли.

— Мы их должны хоть из-под земли выкопать. Известите Генеральный штаб.

Протц отправился исполнять приказ.

Диллингер медленно пошел назад к «Рирге». Вооруженные охранники заняли посты на посадочной площадке. Патрули прочесывали побережье и прилегающую к нему часть материка. Один из патрулей сообщил по радио, что обнаружена покинутая жителями деревня. Диллингер равнодушно пожал плечами и, поднявшись по трапу на корабль, прошел в свою каюту. Он налил себе виски с содовой, улегся на койку и задумался над тем, какое из имевшегося на борту оборудовая может сойти за рыболовную снасть.

Внезапно из интеркома раздался голос Протца.

— Капитан, вы у себя?

— Я отдыхаю, — сказал Диллингер.

— Мы нашли местного жителя.

— Экипаж «Рирги» мог бы управиться с одним аборигеном, не беспокоя своего командира.

— Видно, я не совсем точно выразился — не мы нашли аборигена, а он нас. Он хочет побеседовать с капитаном корабля.

Реакция у Диллингера была явно замедленна. Прошло полных десять секунд, пока он вдруг рывком сел, опрокинув стакан с виски.

— Он говорит на галактическом языке, — добавил Протц. — Сейчас его ведут сюда. Что с ним делать дальше?

— Поставьте палатку. Я встречу его, как положено по ритуалу.

Чуть погодя во всем великолепии своей украшенной орденскими лентами парадной униформы Диллингер быстро спустился по трапу. Палатка уже стояла, и вокруг нее выстроился почетный караул. Диллингеру показалось, что все присутствующие прилагают усилия, чтобы сохранить на лицах приличествующее такому случаю торжественное выражение. Через минуту он понял, в чем причина: на аборигене была лишь набедренная повязка из какой-то странной ткани. Его рыжие волосы пламенели в лучах солнца.

Одетый в полную парадную униформу Диллингер понял комизм ситуации и улыбнулся. Абориген с серьезным лицом уверенно шагнул ему навстречу и протянул руку.

— Здравствуйте. Мое имя Форнри.

— Капитан Диллингер, — почти машинально

представился Диллингер.

Он отступил в сторону, церемонно пропуская аборигена вперед. Сам он вошел в палатку вторым, а за ним, вытянувшись цепочкой, проследовали несколько офицеров.

Абориген, даже не присев, сразу обратился к Диллингеру.

— Мой печальный долг сообщить вам, что вы и экипаж вашего корабля арестованы.

Диллингер тяжело опустился на стул и посмотрел на Протца. Тот ухмыльнулся и подмигнул ему. Стоявший за его спиной офицер не сдержал смешка. Абориген сделал свое заявление твердым громким голосом, и его слова были услышаны теми, кто остался снаружи. Сквозь стенки в палатку проник сбивчивый шепот и приглушенный смех.

Рыжий абориген, вооруженный одним лишь тупым копьем, спокойно подходит к ним и берет под арест «Ригу». Станешь потом рассказывать, так ведь никто не поверит.

Диллингер оставил без внимания подмигивание Протца.

— В чем мы обвиняемся?

Абориген монотонной скороговоркой перечислил пункты обвинения:

— Посадка в запретной зоне; намеренное уклонение от таможенного осмотра и карантина; попытка избежать посадки в специальном иммиграционном пункте под контролем властей; возможный провоз контрабанды и ношение оружия без особого на то разрешения. Прошу следовать за мной — я проведу вас к месту заключения.

Протц сразу посерьезнел.

— Он не мог так обучиться языку у членов экипажей кораблей-разведчиков, — прошептал он. — Сведения об исчезновении первого из них поступили всего месяц назад.

Диллингер стремительно повернулся к окружавшим его офицерам.

— Отставить улыбки. Тут не до шуток.

Улыбки в миг исчезли.

— Разве вы, дураки, не видите, что этот человек представляет в своем лице гражданскую власть? При отсутствии специальной договоренности военный персонал подчиняется законам каждой планеты, где есть централизованное правительство. Если же на планете несколько автономных правительств… — Он повернулся к аборигену. — Эта планета управляется из одного центра?

— Да, — ответил он.

— Экипажи кораблей-разведчиков находятся под стражей?

— Да.

— Прикажите всем вернуться на «Ригу», — сказал Диллингер Протцу. И, обернувшись к аборигену, добавил: — Вы, несомненно, понимаете, что я должен проконсультироваться со своим начальством.

— Вы сможете сделать это, если будут выполнены два условия. Первое: нами конфискуется все вынесенное с корабля оружие. Второе: мы разрешим вернуться на корабль только вам одному.

Диллингер взглянул на Протца.

— Дайте команду переправить оружие в то место, которое он укажет.

На подготовку к официальным переговорам у Диллингера ушло восемь дней. Перед началом совещания он попросил, чтобы ему разрешили свидание с одним из членов экипажей кораблей-разведчиков. Местные жители привели в палатку загорелого здоровяка в такой же, как у них, набедренной повязке. Увидев Диллингера, здоровяк застенчиво улыбнулся.

— Не очень-то я рад нашей встрече, капитан.

— Как здесь с вами обращаются?

— Придраться не к чему. Лучшего и пожелать нельзя. Питание потрясающее. У них тут есть один напиток — клянусь, ничего подобного не сыщешь во всей Галактике. Они выстроили для нас хижины на берегу моря, объяснили, где нам можно гулять и чем разрешено заниматься, а потом предоставили нас самим себе. Местных жителей мы почти не видим, если не считать тех, кто приносит нам пищу, и рыбаков в проплывающих вдоль берега лодках.

— Да еще, верно, женщин — по три на каждого, — сухо заметил Диллингер.

— Что вы! Женщины к нам и близко не подходят. Чего нет, того нет. Но уж если вы надумали дать этой планете имя, то по всем остальным статьям она заслуживает названия Рай. Мы только и делаем, что плаваем да охотимся с копьями за рыбой. Видели б вы, какая в этом море рыба!

— Никто из вас не был ранен?

— Нет. Нас застали врасплох и сразу отобрали оружие. Точно так же они поступили с другими экипажами.

— Я узнал все, что меня интересовало, — сказал Диллингер.

Арестованного увели, и Диллингер начал переговоры. Он сидел за столом, справа и слева от

него — по одному офицеру с «Ирги». Форнри и два молодых аборигена заняли места напротив.

— Я уполномочен безоговорочно принять предъявленные вами претензии, — произнес Диллингер. — За нарушение ваших законов будет уплачен соответствующий штраф. В Галактический банк на счет вашего правительства переведено четыреста тысяч кредиток.

Он передал через стол документ на право получения этой суммы. Форнри с невозмутимым видом принял из его рук бумагу.

— Эта планета будет признана независимой, — продолжал Диллингер. — Галактическая федерация с должным уважением отнесется к ее законам, которые при разрешении конфликтов будут учитываться федеральными судами. Ваше правительство получит от нас оборудование для радиостанции, что позволит вам поддерживать связь с Федерацией, а кораблям — получать официальное разрешение на посадку.

Мы со своей стороны надеемся, что вы немедленно освободите арестованных членов экипажей, вернете конфискованное оборудование и дадите разрешение на вылет всех задержанных вами кораблей Федерации.

— Мы выполним ваши условия, — сказал Форн-

ри, — если пункты соглашения будут изложены в письменной форме.

— Мы немедленно приступим к подготовке этого документа, — сказал Диллингер. Тут он замялся. — Видите ли… наши условия подразумевают, что вы вернете все конфискованное оружие.

— Разумеется, — произнес Форнри и улыбнулся. — Наш народ живет в мире. Мы не нуждаемся в оружии.

Диллингер перевел дух. Ему почему-то казалось, что, когда речь зайдет об оружии, возникнут разногласия, и переговоры будут сорваны.

— Лейтенант Протц, — произнес он, — распорядитесь, чтобы подготовили текст соглашения, и мы его сразу же подпишем.

Протц кивнул и встал.

— Погодите, — спохватился Диллингер. — Мы упустили из виду одну деталь. Вашей планете нужно дать официальное название. Как вы ее именуете?

Лицо Форнри выразило недоумение.

— Что вы сказали, сэр?

— До настоящего времени для нас ваша планета была лишь точкой пересечения определенных координат и обозначалась цифрой. Теперь же ей

следует дать имя. Лучше б вы это сделали сами, иначе название для нее придумает кто-нибудь другой, а вам оно может не понравиться. Вы вправе дать своей планете любое имя, какое вам придется по вкусу.

— Нам нужно обсудить это, — помедлив, произнес Форнри.

— Пожалуйста, — согласился Диллингер. — Только хочу вас предостеречь: как только планета получит название, заменить его другим будет дьявольски трудно.

— Понятно, — сказал Форнри.

Аборигены поднялись и направились к выходу из палатки, а Диллингер уселся поудобнее и, улыбаясь, стал с наслаждением потягивать из бокала местный напиток.

«В самом деле, было бы неплохо назвать эту планету Раем, — подумал он. Но пусть уж этот вопрос решают сами аборигены. Слово «рай» может иметь для них совершенно иное значение. Когда планете дает имя кто-нибудь со стороны, порой возникают самые неожиданные осложнения. Он вспомнил известный всем случай с кораблем-разведчиком, который, застряв в болоте на какой-то тогда еще не исследованной планете, послал радиограмму с просьбой о помощи. «Где

вы находитесь?» — запросила база. Корабль дал Свои координаты, а радист с маху добавил от себя: «Это проклятая дыра». Население той планеты в течение двухсот лет добивалось разрешения изменить ее название, а на официальных картах она продолжала значиться как Проклятая Дыра.

Через три часа они уже были в космосе, взяв курс на планету Фрон, где находилась столица сектора.

Протц взглянул на быстро уменьшавшуюся планету, которую они только что покинули, и покачал головой.

— Лангри. Интересно, что означает это слово?

Прилетев на Фрон, Диллингер подал рапорт губернатору сектора.

— Они назвали свою планету Лангри, — задумчиво произнес губернатор. — Однако… по вашим словам, они говорят на галактическом языке, не так ли?

— Говорят, и довольно прилично, с легким провинциальным акцентом.

— Ну, это легко объяснимо. Когда-то, много лет назад, на планету сел какой-то космолет. Людям это местечко пришлось по душе, и, вероятно, они остались там навсегда. Вы не заметили на плане-

те ничего, что подтвердило бы мою версию?

— Нет. На планете мы видели только то, что они сочли возможным показать нам.

— Понятно. Положение у вас там было щекотливое, ничего не скажешь. Само собой, вас никто за это не винит. Но что касается экипажей кораблей-разведчиков… — Он покачал головой. — И все-таки для меня загадка, каким образом они выучили галактический язык. Обычно иноземцы, если только их не целая армия, обучаются языку аборигенов, а не наоборот. У них ведь есть свой язык, не так ли?

— Право, не знаю. При нас они всегда говорили на галактическом. А как они объяснялись между собой в наше отсутствие, мне, естественно, не известно. Если им нужно было посовещаться, они удалялись от нас на порядочное расстояние. Впрочем, мне помнится, однажды я случайно подслушал разговор каких-то ребятишек — они тоже говорили на галактическом.

— Чудеса, — сказал губернатор. — Лангри… Это наверняка слово из их родного языка. Нужно включить в штат нашего Представительства филолога. Хотел бы я знать, как им удалось изучить галактический язык и почему они говорят на нем по сей день, да еще не мешало бы вы-

яснить, сколько прошло времени с той поры, когда среди них жили пришельцы. Очень все это любопытно.

— Ума им не занимать, — сказал Диллингер. — Они приперли нас к стенке и заключили выгодную для себя сделку — и при всем при том вели себя вполне корректно. Кстати, я получил приказ переправить на Лангри посла и персонал постоянного представительства Федерации. Вам это известно?

— Да. Чиновников для работы в представительстве подберу я сам. Посол уже назначен и прибудет сюда через несколько дней. А пока его нет, отдохните. Желаю хорошо провести время.

Через неделю Х. Хэрлоу Уэмблинг, посол Федерации на планете Лангри, вразвалку поднялся по трапу «Рирги», важно выпятив свое жирное брюхо, словно почетный орден, который он одел по случаю некой торжественной церемонии. Он за что-то придрался к дежурному офицеру, облаял корабельную прислугу, а когда Диллингер, желая засвидетельствовать свое почтение, зашел к нему в каюту, Уэмблинг потребовал, чтобы на время его пребывания на борту «Рирги» к нему в качестве камердинера приставили одного из

членов экипажа военного космолета.

Диллингер выскочил из его каюты, стирая со лба пот, и в таких недвусмысленных выражениях высказал Протцу свое мнение о после, что старший помощник командира вытаращил глаза и задумчиво поскреб затылок.

— И вы собираетесь выполнить его требование? — спросил Протц.

— Я сказал ему, — ответил Диллингер, смакуя каждое слово, — я сказал этому типу, что единственный человек на борту, который мог бы выкроить время для такой работы, — это я сам, а у меня нет соответствующей квалификации. Вот дрянь! Стыда не оберешься!

— Да черт с ним, мы ведь очень скоро от него избавимся.

— А жители Лангри? Конечно, мы тут ни при чем, это уже относится к политике, но все же... Среди представителей Федерации на других планетах немало порядочных людей, а некоторые из них даже обладают нужным чутьем и умело справляются с порученным им делом, но попадаются и такие, которые мнят, будто стоящее перед их именем слово «посол» превращает их чуть ли не в божество. Почему же нашей планете должно было так не повезти?

— По-моему, все обойдется. Как правило, подобные политиканы долго не удерживаются на своих постах. Да и вообще это не наша забота.

— А меня это тревожит, — сказал Диллингер. — Переговоры вел не кто-нибудь, а я, и соглашение с Лангри подписал тоже я. Поэтому я чувствую себя в какой-то степени ответственным за последствия.

Они благополучно доставили на Лангри посла Уэм-блинга и персонал постоянного представительства Федерации. Перед самым отлетом «Ригри» разразился скандал — в последнюю минуту Уэмблинг вдруг потребовал, чтобы половина экипажа космолета осталась на планете охранять представительство. А потом они снова ушли в космос, чтобы вернуться к исполнению своих прямых обязанностей и, как заметил Диллингер, навсегда выбросить из головы планету Лангри.

Но сам он о ней не забыл и в последующие за тем месяцы и годы не раз грезил о золотистых берегах ее материка, о кишащем рыбой море и воздухе, напоенном ароматом цветов.

III

Однажды на редко посещаемой кораблями трассе исчез грузовой космолет устаревшей конструкции, который летел с Кирона на Иорлан. Какой-то наделенный живым воображением чиновник, находившийся в нескольких световых годах от места происшествия, тут же решил, что это дело рук пиратов. Последовали соответствующие приказы, в результате чего капитан-лейтенант Джеймс Вориш, командир линейного космокрейсера «Хилн», изменил курс своего корабля и в душе подготовил себя к однообразию шести месяцев патрулирования.

Через неделю полученный им приказ был отменен. Вориш снова изменил курс «Хилна» и обсудил это событие с лейтенантом Робертом Смитом.

— Видно, там кто-то сеет смуту среди местного населения, — сказал Вориш. — Мы должны навести порядок и взять под защиту граждан Федерации и их собственность.

— Есть такие, которых сколько ни учи, а все без толку, — промолвил Смит. — Но… что это за планета Лангри? Где, черт возьми, она находится? Я о ней никогда не слышал.

По мнению Вориша, в жизни он не видел места красивее — если смотреть на запад. Над узкой полоской берега шатром раскинулись ветви деревьев с блестящей светло-зеленой листвой. Цветы изящно закрыли свои нежные лепестки, когда к вечеру их покинуло солнце. Лениво плескались у берега волны моря, такого синего, что при взгляде на него захватывало дух.

А за спиной Вориша из сумерек выпирал огромный уродливый остов строящегося здания. Вечерняя смена работала споро и шумно. По побережью разносился лязг металла и глухие удары. Тарахтели и ухали машины. Рассеянное неяркое освещение милосердно скрывало от глаз ущерб, который строительные работы нанесли девственному лесу.

Да тут еще этот Уэмблинг, который все говорил и говорил…

— Ваш долг — охранять жизнь и собственность граждан Федерации…

— Безусловно, — согласился Вориш. — В разумных пределах, конечно. Для защитных сооружений, которые вы просите установить здесь, потребовались бы целая дивизия и оборудование стоимостью в миллион кредиток. Но даже при этом условии защита не будет достаточно

надежной. Вот вы говорите, что иногда аборигены появляются со стороны моря. Это значит, что следовало бы расставить посты вокруг всего полуострова.

— Они бессовестные негодяи, — заявил Уэмблинг. — Мы имеем полное право требовать, чтобы нас охраняли. Я не смогу удержать здесь рабочих, если они постоянно будут трястись за свою жизнь.

— Сколько вы потеряли людей?

— Ни одного.

— Никаких потерь в живой силе? А как обстоит дело с собственностью? Они портят ваше оборудование, растаскивают стройматериалы?

— Нет, — ответил Уэмблинг. — Но только потому, что мы все время настороже. Пришлось половину рабочих превратить в полицейских.

— Посмотрим, что тут можно предпринять, — произнес Вориш. — Сперва я ознакомлюсь с обстановкой, а потом мы все обсудим.

Уэмблинг подозвал двух дюжих телохранителей и поспешил прочь. Вориш прошелся вдоль берега, ответил на приветствие часового, отдавшего честь, остановился и устремил взгляд в сторону моря.

— Там нет ни души, — сказал часовой, — Мест-

ные жители…

Он прервал фразу, кого-то окликнул, потом снова отдал честь. Это по пологому склону к ним спускался Смит. Он кивнул Воришу и повернулся лицом к западу.

— Что вам удалось разведать? — спросил Вориш.

— Обстановка довольно-таки странная. Взять хотя бы эти «рейды», о которых нам Уэмблинг уши прожужжал… Как правило, аборигены появляются здесь поодиночке и без оружия. Какой-нибудь местный парень пробирается на строительную площадку и пытается помешать строительству — к примеру, ложится на землю перед движущимся механизмом либо откалывает еще что-нибудь в том же роде — и приходится останавливать работу, пока его не прогонят назад в лес.

— Был кто-нибудь из местных жителей ранен?

— Нет. Говорят, Уэмблинг строго-настрого запретил причинять им телесные повреждения. Вот и получается, что рабочие постоянно на взводе, поскольку невозможно предугадать, в какую минуту у них под носом вдруг возникнет абориген. Они боятся, что, если будет ранен хоть один местный житель, его соплеменники нападут на них с ножами и отравленными стрелами.

— После общения с Уэмблингом мои симпатии целиком на стороне местных жителей. Но я подчиняюсь приказу. Весь полуостров будет огражден линией сторожевых постов, и еще несколько часовых мы поставим на строительной площадке. Больших возможностей у нас нет — даже это вызовет недовольство личного состава. Специалисты непременно закрутят носом, получив приказ нести караульную службу.

— Нет, — сказал Смит. — Тут вы ошибаетесь. Два-три часа на этом берегу стоят восьми часов караульной службы. Займусь-ка я расстановкой сторожевых постов.

Вориш вернулся на «Хилн», где на него обрушилась лавина курьеров. «Мистер Уэмблинг хотел бы знать»... «Мистер Уэмблинг полагает»... «Если вас это не слишком обременит»... «Наилучшие пожелания от мистера Уэмблинга»... «Мистер Уэмблинг считает, что...» «Мистер Уэмблинг приносит свои извинения, но...»

Чтоб он провалился, этот мистер Уэмблинг! Чуть раньше Вориш собирался попросить корабельного связиста провести специальную телефонную линию между «Хилном» и рабочим кабинетом Уэмблинга. Сейчас он облегченно вздохнул, поняв, какой опасности избежал, и

поручил одному из младших офицеров в любое время принимать и выслушивать курьеров Уэмблинга, освободив его от всех других обязанностей.

Из темноты вынырнул Смит, который должен был в это время разводить часовых.

— Вас хочет видеть какой-то местный житель, — сказал он. — Он ждет снаружи.

Вориш воздел руки к потолку.

— Деваться некуда. Я выслушал, как оценивает обстановку Уэмблинг. Почему бы не узнать, что говорят по этому поводу аборигены? Мне б не хотелось ни о чем просить этого Уэмблинга… Надеюсь, он сам догадается дать нам переводчика.

— Может, он и дал бы, если б имел. Но у Уэмблинга нет переводчика. Местные жители говорят на галактическом языке.

— Послушайте, вы! — Вориш замолчал и потряс головой. — Нет, я вижу, вы не шутите. Судя по всему, это какая-то особенная планета. Приведите сюда аборигена.

Абориген представился, назвав себя Форнри, и уверенно пожал Воришу руку. Его огненно-рыжие волосы пламенели в лившемся с потолка искусственном свете. Он спокойно уселся на предложенный ему стул.

— Насколько я понимаю, — произнес он, — вы являетесь офицерами военного космофлота Галактической Федерации Независимых Миров?

Вориш, с трудом оторвав от аборигена изумленный взгляд, ответил утвердительно.

— От имени моего правительства, — заявил Форнри, — я прошу вас помочь нам изгнать с нашей планеты захватчиков.

— Черт побери! — вырвалось у Смита.

Прежде чем ответить, Вориш внимательно вгляделся в серьезное лицо молодого аборигена.

— Говоря о захватчиках, — произнес он, — вы имеете в виду развернутые сейчас здесь строительные работы?

— Да, — ответил Форнри.

— Вашу планету Федерация отнесла к классу ЗС, поэтому она подчиняется законам Управления колоний. Акционерное общество «Уэмблинг и Компания» получило от Управления документ, подтверждающий его право на реализацию на вашей планете предложенного им проекта застройки. Едва ли это можно назвать захватом чужой территории.

Форнри заговорил, медленно и четко произнося каждое слово.

— Мое правительство заключило договор с

Галактической Федерацией Независимых Миров. Этот договор гарантирует планете Лангри независимость, а также помощь Федерации в случае, если на Лангри будет совершено нападение из космоса. Я призываю Галактическую Федерацию Независимых Миров выполнить взятое на себя обязательство.

— Заглянем-ка в справочник, — сказал Вориш, обращаясь к Смиту.

Он достал толстый тяжелый том, пробежал глазами оглавление и нашел страницу со сведениями о Лангри.

— Первое ознакомление с планетой и установление контакта с населением —…84 г., — прочел он. — Следовательно, это произошло четыре года назад. Отнесена к классу ЗС в сентябре…85 года. И ни слова ни о каком договоре.

Форнри вытащил из-за пояса полированную деревянную трубку, а из нее вытряс свернутый лист бумаги. Он передал его Воришу, который развернул этот лист и разгладил. То была аккуратно переписанная копия какого-то, по всей видимости, официального документа. Вориш взглянул на дату и сверился со справочником.

— Документ подписан в июне…84 года, — сказал он Смиту. — Через полтора месяца после

установления контакта. В нем планета Лангри отнесена к классу 5Х.

— Это не фальшивка?

— Похоже, что документ подлинный. Не думаю, чтобы они сумели сочинить такой текст. А у вас есть оригинал этого документа?

— Да, — ответил Форнри.

— Разумеется, оригинал он не принес. Вероятно, он нам не доверяет, за что, кстати сказать, я его не виню.

Он передал бумагу Смиту, который внимательно просмотрел ее и вернул назад.

— Странно, что планету классифицировали спустя полтора года после первого контакта с населением. Если этот документ подлинный, значит, в…85 году Лангри переклассифицировали.

— В справочнике ничего не сказано о повторной классификации, — заметил Вориш. Он повернулся к Форнри. — Пока нас не послали сюда, мы даже не слышали, что существует планета Лангри, и мы, естественно, не знаем, при каких обстоятельствах ее классифицировали. Расскажите, как было дело.

Форнри кивнул. Он говорил на галактическом прилично, но с каким-то своеобразным акцентом. Иногда он замолкал, подыскивая нужное

слово, но его повествование было понятно и достаточно выразительно. Форнри рассказал о прилете первых кораблей-разведчиков, о том, как были взяты в плен их экипажи, о переговорах с офицерами «Ирги». Описание последующих событий заставило его слушателей нахмуриться.

— Уэмблинг? Уэмблинг был здесь первым послом?

— Да, сэр, — сказал Форнри. — Он издевался над нашим правительством, оскорблял мужчин, приставал к женщинам. Мы попросили правительство Федерации убрать его отсюда, и его отозвали.

— Должно быть, он пользуется большим влиянием в политических кругах, — произнес Смит. — Ему ведь удалось добиться переклассификации планеты, а сам он получил немалые привилегии. Он хорошо отомстил за якобы нанесенное ему оскорбление.

— Или же просто-напросто учуял, что здесь можно нажить большой капитал, — возразил Вориш, — Ваше правительство было официально оповещено о расторжении договора и переклассификации планеты Лангри?

— Нет, — сказал Форнри. — Уэмблинга сменил другой посол, некий мистер Гормэн. У него с моим

народом сложились добрые, дружеские отношения. Но однажды прилетел космолет и увез его и остальных служащих представительства. Нам же никто ничего не сказал. Потом здесь снова появился Уэмблинг, а с ним много космолетов и много людей. Мы попросили его покинуть нашу планету, но он только посмеялся над нами и начал строить отель.

— Он занимается этим уже около трех лет, — заметил Вориш. — А сделано не очень-то много.

— Мы наняли адвоката — он далеко, в нескольких мирах отсюда, — сказал Форнри. — Не раз и не два он через суд добивался того, что на строительство налагали запрет, и работы приостанавливались. Но через некоторое время судья этот запрет снимал.

— Суд налагал запрет на строительство?! — воскликнул Смит. — Неужели вы на основании всех предшествующих обстоятельств возбудили судебное дело?

— Пригласите сюда лейтенанта Чарлза, — сказал Вориш.

Смит вытащил из постели молодого корабельного юриста, и с его помощью они выспросили у Форнри все подробности законных, но безрезультатных действий правительства Лангри против

Х. Хэрлоу Уэмблинга.

Это была удивительная и в то же время очень трогательная история. Представительство Федерации, покидая планету, забрало с собой оборудование радиостанции. Когда прибыл Уэмблинг, местные жители ни к кому не смогли обратиться за помощью. И они прекрасно понимали, что ни в коем случае не следует прибегать к насилию. На их счастье, они подружились с одним из людей Уэмблинга — Форнри не назвал его имени, — и тому удалось связать их с адвокатом, который охотно взялся вести их дело и много раз выступал в суде в их защиту.

Он не мог поднять вопрос о нарушении договора, поскольку делами такого порядка занималось правительство Федерации. Зато он взял под обстрел деятельность Уэмблинга, предъявляя ему разного рода обвинения, сущность которых Форнри не всегда понимал. Так, в одном случае он обвинил Уэмблинга в том, что тот нарушил свой договор с Управлением колоний, по которому ему предоставлялись исключительные права на разработку природных богатств Лангри. Строительство отеля было приостановлено на несколько месяцев, пока какой-то судья не вынес решение, которое относило возможность исполь-

зования планеты в качестве оздоровительного курорта к категории природных богатств. Только что аборигены выиграли еще одно дело — суд признал Уэмблинга виновным в причинении материального ущерба, потому что он, расчищая площадку для строительства отеля, снес до основания целую деревню. Судья заявил, что договор Уэмблинга с Управлением колоний не дает ему права на незаконный захват частной собственности. Но причиненный ущерб был ничтожно мал, и строительные работы уже снова идут полным ходом, а адвокат ломает себе голову, стараясь придумать что-нибудь еще. Одновременно он пытается воздействовать на членов правительства Федерации, чтобы те занялись вопросом о нарушении договора с Лангри, но это дело безнадежное.

— Судебные процессы стоят денег, — заметил Вориш.

Форнри пожал плечами. У правительства Лангри есть деньги. Четыреста тысяч кредиток, которые ему уплатила Федерация, да еще порядочная сумма, вырученная от продажи платиновой руды, которую их друг, работающий у Уэмблинга, сумел контрабандным путем вывезти с Лангри.

— Разве на Лангри есть платина? — спросил Вориш.

— Эту платину нашли не на Лангри, — ответил Форнри.

Вориш раздраженно забарабанил пальцами по столу. В сложившемся здесь положении было несколько таинственных обстоятельств, которые заслуживали особого внимания, но для начала он был бы не прочь узнать хотя бы то, почему к прилету первых разведывательных кораблей местное население уже говорило на галактическом языке. И еще — откуда взялась эта платина, которую нашли не на Лангри. Вориш покачал головой.

— Вряд ли вам удастся расправиться с Уэмблингом, привлекая его к ответственности через суд. Вы можете время от времени приостанавливать его деятельность, но в конце концов победа будет за ним. И тогда он вам отомстит. Люди такого сорта пользуются огромным влиянием и не ограничены в средствах.

— Постановление суда, которое налагает запрет на строительство, оттягивает время, — сказал Форнри. — Это время необходимо для осуществления нашего плана.

Вориш с сомнением взглянул на Смита.

— А вы что думаете по этому поводу?

— Я считаю, что мы должны со всеми подробностями доложить о том, что здесь происходит. В составлении и подписании договора с Лангри принимали участие офицеры военного космофлота, поэтому следует оповестить о случившемся Генеральный штаб.

— Согласен. И нужно приложить к докладу копию этого договора… но копия с копии может показаться неубедительной. А местные жители едва ли расстанутся с оригиналом. — Он повернулся к Форнри. — Я хочу, чтобы с вами пошел лейтенант Смит и еще двое наших людей. Все трое — без оружия. Проводите их куда угодно, приставьте к ним любую охрану, обезопасьте любым наиболее надежным способом, но дайте им возможность самим снять фотокопии с договора, а потом мы попытаемся вам помочь.

После недолгого размышления Форнри принял это предложение. Вориш послал с ним Смита и двух техников с аппаратурой, а сам принялся сочинять доклад. Но вскоре от этого занятия его отвлек юный младший лейтенант, который, войдя, с трудом перевел дыхание, покраснел до корней волос и, запинаясь, проговорил:

— Прошу прощения, сэр. Но мистер Уэмблинг…

— Что там еще? — покорно спросил Вориш.

— Мистер Уэмблинг просит, чтобы сторожевой пост номер тридцать два перенесли в другое место. Свет прожектора мешает ему уснуть.

Утром Вориш отправился на строительную площадку, чтобы получше ознакомиться с возведением уэмблингова отеля. К нему присоединился сам Уэмблинг, облаченный в расписанную уродливым узором рубашку с короткими рукавами и шорты. Его руки и ноги покрывал неровный пятнистый загар, но лицо, защищенное от солнца каким-то нелепой формы шлемом, оставалось бледным.

— В отеле будет тысяча отдельных номеров, — говорил Уэмблинг. — Большинство из них — квартирного типа, из нескольких комнат. На террасе со стороны моря выстроят большой бассейн. Вы ведь знаете, что некоторые не переносят соленой воды. Бригада специалистов подготовит площадки для игры в гольф. В этом здании запроектировано два больших ресторанных зала и шесть — размером поменьше, где будут подаваться самые изысканные национальные блюда. Для любителей рыбной ловли я обеспечу целую флотилию лодок. Не исключено, что у меня будут

даже две-три подводные лодки — ну, такие, знаете, с рядами иллюминаторов для обзора морских глубин. Вам это может показаться невероятным, но есть ведь сотни планет, жители которых никогда не видели океана. Да что там океана — на многих планетах не хватает воды даже» для того, чтобы принять душ, и люди там в гигиенических целях вынуждены пользоваться химикатами. Если хоть часть этих людей получит возможность иногда посещать Лангри, большинство психиатров останутся без работы. Этим моим проектом я оказываю огромную услугу всему человечеству.

— В самом деле? — как бы между прочим проговорил Вориш. — А я и не знал, что затеянное вами строительство не принесет вам прибыли.

— Что вы сказали? Ну, прибыль, разумеется, будет. И чертовски большая. А что в этом дурного?

— Судя по тому, что я успел здесь повидать, вы с вашим отелем будете спасать от помутнения рассудка одних лишь несчастных свихнувшихся миллионеров.

Уэмблинг самодовольно хохотнул.

— Но только на первых порах. Сначала нужно поставить дело на прочную финансовую основу. Кстати, останется достаточно места и для людей помельче. Конечно, не в отелях, расположенных

на самом берегу, но тем не менее… Будут тут и общественные пляжи, и отели с правом пользования этими пляжами, и многое другое. Мои люди предусмотрели все это при разработке проекта.

— Видите ли, воспитание привило мне иной взгляд на окружающую меня действительность, — произнес Вориш. — Мы, служащие военного космофлота, посвящаем свою жизнь охране человечества, но если вы заглянете в нашу платежную ведомость, то поймете, что нас к этому побуждает отнюдь не стремление к обогащению.

Но Уэмблинг уже не слушал его. Он вдруг стремительно повернулся и помчался куда-то, изрыгая самые немыслимые ругательства. Неизвестно откуда вынырнувший абориген обхватил руками и ногами балку, которую вот-вот должны были поднять с помощью крана. Рабочие прилагали героические усилия, чтобы отцепить его, стараясь при этом обращаться с ним поосторожнее. Абориген упрямо сопротивлялся. Работа приостановилась, пока его с трудом не оторвали от балки и не унесли прочь.

Лейтенант Смит как раз подоспел к комическому завершению этой драмы.

— Чего они хотят этим добиться? — спросил

Вориш.

— Они выгадывают время, — ответил Смит. — Разве вы не слышали, что сказал вчера тот абориген? Им нужно время, чтобы суметь осуществить какой-то план. А что это за план — не ясно.

— Быть может, они готовят всеобщее восстание.

— Сомневаюсь. Мне кажется, что по своей природе они народ миролюбивый.

— Тогда желаю им удачи, — сказал Вориш. — Этот Уэмблинг крепкий орешек. Удивительно, что он не теряет в весе при том, что носится по строительству, следя за бесперебойностью работы.

— А может, он всю ночь ест. Хотите взглянуть, как расставлены сторожевые посты?

И они пошли в сторону от строительства. Позади них слышался пронзительный голос разбушевавшегося Уэмблинга, который требовал немедленно возобновить работу. Минуты через две Уэмблинг догнал их и развинченной походкой зашагал рядом с Воришем.

— Если б вы, проводя оборонительную линию, учли мое предложение, — заявил он, — я был бы избавлен от подобных неприятностей.

Вориш промолчал. Не вызывало сомнений,

что Уэмблинг из кожи вон лез, чтобы избежать нанесения аборигенам телесных повреждений, но Вориш сомневался, что он делает это из человеколюбия. Любой промах, допущенный им в отношениях с местными жителями, мог осложнить его положение в очередном судебном процессе.

В то же время Уэмблинга ничуть не беспокоила возможность нанесения аборигенам телесных повреждений служащими военного космофлота — едва ли вина за это падет на него. Всего лишь накануне он потребовал, чтобы Вориш воздвиг электронный барьер, который превратил бы в пепел любого аборигена при попытке проникнуть в охраняемую зону.

— Местные жители причиняют вам лишь незначительное беспокойство, не более, — заметил Вориш.

— Оружием они не богаты, — сказал Уэмблинг. — Но его достаточно, чтобы перерезать нам глотки. К тому же, если они решат напасть на нас все сразу, их здесь тьма-тьмущая. А то, что они пока только слоняются по строительной площадке, тормозит работу. Я хочу, чтобы тут и духу их не было.

— Не думаю, что вашей глотке грозит опас-

ность, однако мы сделаем все возможное, чтобы они не появлялись на строительной площадке.

— О большем я и не прошу, — сказал Уэмблинг.

Он добродушно хохотнул и взял Вориша под руку.

Смит расположил сторожевые посты с таким расчетом, чтобы использовать редко встречавшиеся неровности почвы. Здесь уже работали его люди, расчищая землю от растений для лучшего обзора близлежащей местности. Уэмблинг не спеша, как на прогулке, шел мимо, оценивая результат проделанной работы с пренебрежительным равнодушием адмирала флота. Вдруг он остановил Вориша.

— Нашу линию обороны придется передвинуть.

Вориш холодно посмотрел на него.

— Почему?

— Через две-три недели мы начнем разбивать здесь площадки для игры в гольф. По эту сторону оборонительной линии останется не больше половины земли, предназначенной для этой цели. А то и меньше. Поэтому следует ее передвинуть. Моим людям опасно работать без охраны. Впрочем, тут нет никакой спешки — это можно

сделать и завтра.

— При условии, что вы посвятите меня в свои планы.

Уэмблинг вызвал топографов, и все они отправились в путь под бдительным оком военного конвоя. Они шли на запад вдоль полуострова, который вскоре расширился и стал уже частью материка. Пока они продирались через лесные заросли, взмокший от пота Уэмблинг, подкрепляя свои слова жестами, с наслаждением расписывал, какие он собирается разбить здесь площадки для игры в гольф.

Часом позже Вориш еще раз осмотрел пространство, отведенное под эти площадки, и наотрез отказался выполнить просьбу Уэмблинга.

— В этом месте линия сторожевых постов получилась бы слишком длинной, — заявил он, — У меня не хватит людей.

Уэмблинг осклабился.

— Капитану нравится меня разыгрывать. Да ведь у вас людей хоть отбавляй. Вон их сколько там, на берегу.

— Мои люди, как и ваши, работают посменно. Если я всех их назначу часовыми, у них не останется времени для отдыха.

— Мы оба знаем, что вы можете соорудить

непроходимый барьер, не заняв ни одного человека.

— И мы оба знаем, что я этого не сделаю. Да и вообще ваши рабочие не нуждаются в том, чтобы их охраняли служащие военного космофлота. Им не грозит опасность.

— Ну что ж. Как вам будет угодно. Но если с ними что-нибудь случится…

— И еще мне хотелось бы знать, — сказал Вориш, — как вы намерены поступить с той покинутой жителями деревней, где намечено вырыть восьмую ямку?

Уэмблинг с презрением посмотрел на видневшиеся вдали хижины.

— Я снесу ее. Там никто не живет.

— Этого вы не можете сделать, — сказал Вориш. — Деревня является собственностью аборигенов. На снос вам нужно получить разрешение.

— Чье разрешение?

— Разрешение местных жителей.

Уэмблинг откинул голову и оглушительно расхохотался.

— Пусть они подадут на меня в суд, если им еще не надоело швырять деньги на ветер. Последний процесс стоил им около ста тысяч, а знаете, во сколько оценили нанесенный мною

ущерб? В семьсот пятьдесят кредиток. Чем скорее они потратят свои деньги, тем скорее от меня отвяжутся.

— Мне приказано охранять местных жителей и их собственность не менее бдительно, чем вас и то, что принадлежит вам, — сказал Вориш. — Аборигены, конечно, вас не остановят, но я возьму это на себя.

И он, не оглядываясь, быстро зашагал к «Хилну». Ему хотелось поскорей очутиться в своем кабинете и побеседовать с лейтенантом Чарлзом. Он вспомнил, что давным-давно читал кое-что весьма любопытное в «Руководстве для старшего командного состава», которым пользовался теперь очень редко…

Дни текли своей чередой, приятно и спокойно. Этот покой время от времени нарушали только скандалы, которые учинял Уэмблинг, когда какому-нибудь аборигену удавалось проникнуть за линию сторожевых постов и ненадолго приостановить строительство. Вориш внимательно следил за осуществлением плана разбивки площадок для игры в гольф и с нетерпением ждал отклика официальных кругов на его доклад о нарушении договора с Лангри.

Но официальные круги пока молчали, а бригада рабочих Уэмблинга беспрепятственно продвигалась в глубь леса. Срубленные деревья отвозили в сторону и распиливали на бревна. Древесина с необычным, удивительно изысканным крапчатым рисунком должна была пойти на панели, которые украсят изнутри стены отеля.

Бригада лесорубов достигла покинутой жителями деревни и продолжала работать, обходя ее стороной, однако Вориш заметил, как рабочие то и дело с беспокойством поглядывают в ее сторону, словно надеясь, что она исчезнет сама собой.

Совершая по утрам обход сторожевых постов, Вориш иногда останавливался и направлял бинокль в сторону деревни, вокруг которой велись работы.

— Надеюсь, вы понимаете, что рискуете нажить неприятности, — сказал ему Смит.

Вориш промолчал. У него было свое мнение об офицерах, чрезмерно пекущихся о собственном благополучии.

— А вот и сам Уэмблинг, — произнес он.

Уэмблинг, за которым по пятам следовали запыхавшиеся телохранители, несся по очищенной от деревьев местности. Навстречу ему вышел прораб. Уэмблинг что-то коротко сказал ему и

махнул рукой в сторону деревни. Прораб повернулся к рабочим и повторил этот жест. Не прошло и минуты, как была опрокинута первая хижина.

— Пошли, — сказал Вориш.

Смит подал сигнал команде рядовых космофлота и поспешил за Воришем. Команда первой добежала до деревни и выдворила из нее людей Уэмблинга. Когда подоспел Вориш, Уэмблинг словно окаменел от бессильной ярости.

Вориш окинул взглядом несколько поваленных хижин.

— Вы получили на это разрешение местных жителей? — спросил он.

— Нет, черт их дери, — сказал Уэмблинг. — У меня заключен договор с Управлением колоний. Что они могут этому противопоставить?

— Арестуйте этих людей, — приказал Вориш и отвернулся.

Его несколько удивило, что Уэмблинг не оказал сопротивления. Казалось, в этот момент он что-то напряженно обдумывал.

Уэмблинг отбывал заключение в своей собственной палатке. Вориш приостановил все работы по строительству отеля, отправил в Генеральный штаб военного космофлота подробный

доклад о происшествии и стал ждать, что за этим последует.

Он не мог разгадать причину равнодушия, с которым штабисты отнеслись к его докладу о положении на Лангри. То ли кто-то отправил этот документ в архив, как не заслуживающий внимания, то ли чиновники, получив взятки, тайно сговорились это дело замять. В любом случае это было несправедливо и противозаконно. Аборигенам нужно время для осуществления какого-то их замысла, который они называли планом. А Воришу — для того, чтобы привлечь внимание влиятельных кругов к происходящим здесь событиям. Он себе не простит, если даст Уэмблингу закончить строительство, пока доклад о положении на Лангри валяется в ящике письменного стола какого-нибудь мелкого чиновника.

Теперь, когда остановились строительные работы, Вориш с удовольствием наблюдал, как арестованный им Уэмблинг слал отчаянные телеграммы разным высокопоставленным лицам, заседающим в правительстве Федерации.

«Посмотрим, — удовлетворенно сказал себе Вориш, — как они на этот раз отмахнутся от проблем Лангри».

Через три недели Генеральный штаб проявил

наконец признаки жизни. На Лангри был послан линейный космокрейсер «Болар» под командованием адмирала Корнинга. Адмиралу было поручено провести расследование на месте.

— Пока не похоже, чтобы вас сместили, — сказал Смит. — Вы знакомы с этим Корнингом?

— Я не раз служил под его командованием. Мы с ним давнишние друзья.

— Тогда вам повезло.

— Могло быть и хуже, — признал Вориш.

Он считал, что хорошо подготовился к Защите, и хотя Корнинг — человек резкий, вспыльчивый и большой придира, он не полезет в бутылку и другу пакостить не станет.

Вориш выстроил почетный караул и встретил адмирала со всеми положенными почестями. Корнинг проворно сбежал по трапу «Болара» и с явным одобрением оглядел окружающую его местность.

— Рад вас видеть, Джим, — сказал он, не сводя глаз с соблазнительного пляжа. — А тут у вас неплохо. И даже очень. — Он повернулся к Воришу и всмотрелся в его загорелое лицо. — И вы не упускаете возможности использовать преимущества этого местечка. Вы даже потолстели.

— А вы похудели, — сказал Вориш.

— Я всегда был тощим, — заявил Корнинг. — Но зато какой у меня рост! Я когда-нибудь рассказывал вам о том времени... — он взглянул на стоявших вокруг них офицеров, которые с почтительным вниманием ловили каждое его слово, и понизил голос. — Пойдемте-ка туда, где сможем поговорить.

Вориш отпустил своих подчиненных и повел Корнинга к «Хилну». По дороге адмирал не промолвил ни слова. Он внимательно разглядывал оборонительные сооружения Вориша и тихо прищелкивал языком.

— Джим, — обратился Корнинг к Воришу, когда тот закрыл дверь кабинета, — что же все-таки здесь происходит?

— Я хочу познакомить вас с кое-какими событиями из предыстории нынешней обстановки на Лангри, — произнес Вориш и рассказал о договоре с правительством Федерации и о том, как он был нарушен. Корнинг слушал очень внимательно, то и дело чертыхаясь вполголоса.

— Выходит, Федерация не предприняла по этому поводу никаких официальных действий? — спросил он.

— То-то и оно.

— Черт побери! Рано или поздно кто-нибудь за

это поплатится головой. Впрочем, скорей всего не тот, кто этого заслужил. Но нарушенный договор, по правде говоря, не имеет никакого отношения к тем неприятностям, которые вы на себя накликали. Во всяком случае, с точки зрения закона, потому что, исходя из закона, этого договора не существует. А теперь объясните, что это за дурацкая история с хижинами, принадлежащими аборигенам.

Вориш улыбнулся. В этом вопросе он чувствовал под собой твердую почву — он долго совещался с Форнри и обсудил с ним все детали.

— Согласно полученному мною приказу о назначении на эту должность, — произнес он, — я здесь являюсь беспристрастным третейским судьей. Я должен охранять граждан Федерации и их собственность, но в мои обязанности входит также охрана аборигенов от любых посягательств на их обычаи, способы добывания средств к существованию и тому подобное. Параграф седьмой.

— Знаю. Читал.

— Мысль такова: если к аборигенам относиться хорошо, куда меньше шансов на то, что гражданам Федерации и их собственности понадобится защита. Деревня, о которой речь, не просто несколько стоящих рядом хижин. Судя по всему,

она имеет для местных жителей какое-то особое значение, видимо религиозного порядка. Они называют ее Деревней Учителя, или еще как-то близко по смыслу.

— Учителя или вождя, — сказал Корнинг. — Некоторые народы вкладывают в эти понятия один и тот же смысл. В таком случае эта деревня могла быть для них своего рода святыней. Как я понимаю, Уэмблинг ворвался в нее и начал ее разрушать.

— Совершенно верно.

— Вы заранее предупредили, что ему следует получить на это разрешение аборигенов, а он поднял вас на смех. Прекрасно. Тут ваше поведение не только правильно — оно даже похвально. Но почему вам понадобилось остановить все строительные работы? Вы же могли взять под защиту деревню и заставить Уэмблинга разбить площадки для гольфа где-нибудь в другом месте. И как бы он истошно ни вопил, над ним только посмеялись бы и все тут. А вам приспичило остановить строительство. Вы что, хотели таким способом добиться, чтобы вас уволили? Из-за вас Уэмблинг потерял уйму времени и денег, так что теперь у него есть веские основания для жалобы. А он пользуется большим влиянием.

— Не моя вина, что он потерял время и деньги, — возразил Вориш. — Я немедленно доложил Генеральному штабу о предпринятых мною мерах. Они могли сразу же отменить мой приказ.

— Они не решились на это, поскольку не знали, каково положение на Лангри. Вы устроили в штабе хороший переполох. Почему вы арестовали Уэмблинга и держите его под стражей?

— Для его же собственной безопасности. Он осквернил святыню, и если с ним что-нибудь случится, отвечать буду я.

Впервые за весь разговор Корнинг улыбнулся.

— Так вот какова ваша версия? Неплохо придумано. В этом случае все сводится к разнице точек зрения — вашей и Уэмблинга, а те, кто не был на месте происшествия, лишаются права голоса. В своем докладе я буду бить именно на это. Уэмблинг преступил границу дозволенного. Тут все ясно: это могло повлечь за собой серьезные последствия. Я же не имею полного права утверждать, что вы приняли слишком крутые меры, поскольку меня тогда здесь не было. Я не до конца понимаю, чего вы пытались достичь своими действиями, а, впрочем, может, и понимаю, но все равно поддержу вас, насколько это в моих силах. Думаю, мне удастся спасти вас от расстрела.

— О! — воскликнул Вориш. — Стало быть, они собираются меня расстрелять? А я все пытался угадать, что у них на уме.

— У них на уме было… у них на уме самое худшее. — Корнинг твердо посмотрел Воришу в глаза. — Не очень-то мне это нравится, но я подчиняюсь приказу. Вы вернетесь в Галаксию на «Хилне» под арестом, чтобы предстать перед военным трибуналом. Мне лично кажется, что у вас нет серьезных оснований для беспокойства. По-моему, их замысел обречен на провал, но пока они считают, что не мешает попытаться осуществить его.

— Меня это не волнует, — сказал Вориш. — Я тщательно все продумал и даже надеюсь на то, что они не отступятся. Я, конечно, потребую, чтобы военный трибунал рассмотрел мое дело в открытом заседании… но боюсь, мне в этом откажут. И при всем при том я рад, что оставляю Лангри в таких надежных руках.

— Надежных, но не моих, — сказал Корнинг. — Я здесь пробуду недолго. Мне на смену уже вылетела 984-я эскадра. Одиннадцать кораблей. В штабе не хотят рисковать и выпустить из-под контроля дела на Лангри. Командует эскадрой Эрнст Диллингер — несколько месяцев назад его

произвели в адмиралы. Вы с ним знакомы?

IV

Рыболовное суденышко стояло все на том же месте, далеко в море. Диллингер поднял к глазам бинокль, но вскоре опустил его. Судя по тому, что он увидел, местные жители занимались рыбной ловлей. Он вернулся к письменному столу и сел, не отрывая глаз от цветного пятнышка — паруса той лодки.

Диллингера раздражало плюшевое великолепие огромного кабинета. Только вчера он поддался на уговоры Уэмблинга и занял апартаменты в полностью отстроенном крыле отеля и теперь большую часть времени вышагивал вокруг стола, на котором лежала кипа документов, ждавших, когда он примется за работу.

Ему покоя не давала мысль о том загадочном нечто, которое местные жители называли планом и которое, как они намекнули, сметет с лица планеты Уэмблинга с его отелями и рабочими.

А если учесть, что отель «Лангри» через два-три месяца примет первых постояльцев и уже начаты работы по строительству еще двух отелей, изгнать Уэмблинга законным путем не пред-

ставляется возможным. Что же тогда намерены предпринять аборигены? Изгнать его вопреки закону? Применить силу, когда на планете находится целая эскадра военных космолетов?

Он встал и снова подошел к выгнутому куску прозрачного пластика с подсветкой, который был вставлен в оконный проем. Рыболовное судно стояло на том же месте. Оно стояло там каждый день. Но быть может, как предполагал Протц, за косой рыба ловится лучше?

Щелкнул интерком.

— К вам мистер Уэмблинг, сэр.

— Впустите его, — сказал Диллингер и повернулся к двери.

Уэмблинг вошел своей развинченной походкой и протянул руку.

— Доброе утро, Эрни.

— Доброе утро, Ховард, — отозвался Диллингер, у которого зарябило в глазах от дикой расцветки Уэмблинговой рубашки.

— Не пойти ли нам в салон и пропустить по стаканчику?

Диллингер поднял со стола кипу бумаг и бросил ее обратно.

— Можно.

По роскошно отделанному коридору они про-

шли в салон, где служитель в униформе взял у них заказ и принес напитки. Лениво помешивая в стакане кусочки льда, Диллингер смотрел через огромное окно на террасу и простиравшийся за ней пляж. Садовники Уэмблинга поработали на совесть. Отель окружали кусты с яркоокрашенными листьями и бархатистый травяной ковер. Бассейн, готовый принять купальщиков, был пуст. Свободные в этот час от обязанностей служащие космофлота и рабочие высыпали на берег и на косе охотились с копьями за рыбой.

Уэмблинг принялся воодушевленно рассказывать, как быстро продвигается подготовка новых строительных участков, под которые отведены пятьдесят миль побережья — по обе стороны от основного отеля «Лангри».

— У меня голова раскалывается от этих ваших строительных участков, — сказал Диллингер. — Я ведь должен их охранять.

Уэмблинг подался вперед и похлопал Диллингера по руке.

— Вы отлично работаете, Эрни. С тех пор как вы вступили на эту должность, у нас не было ни одной неприятности. Я замолвлю за вас словечко во влиятельных кругах — там многое могут сделать для вас.

— Только здесь, на полуострове, разместилось бы пятьдесят отелей, — сказал Диллингер. — Не говоря уже о площадках для гольфа.

Уэмблинг едва заметно улыбнулся.

— Политика и законы, — тихо проговорил он. — Держитесь от того и другого подальше, Эрни. Вы умны и обладаете незаурядными способностями, но ваш ум и способности в этой области неприменимы: они другого порядка.

Диллингер вспыхнул и снова перевел взгляд на окно. Рыболовное судно крошечной точкой маячило на горизонте. Возможно, оно медленно плыло по течению или под парусом, но отсюда казалось, что оно стоит на месте.

— Есть вести о капитане Ворише? — спросил Уэмблинг.

— Он отправился на «Хилне» проводить маневры — это последнее, что я о нем слышал.

— Значит… его не уволили?

— Было проведено расследование, — с улыбкой ответил Диллингер. — Но кончилось оно тем, что ему была объявлена благодарность за находчивость, которую он проявил в сложной обстановке. Мне думается, что любое действие, направленное против него, получило бы огласку, а для кого-то эта огласка нежелательна. Впрочем, я, разумеет-

ся, ничего не смыслю в политике и законах. А вам хотелось, чтобы Вориша уволили?

Уэмблинг задумчиво покачал головой.

— Нет. Я не затаил на него зла. Злость не приносит дохода. Перед каждым из нас стояла своя задача, но его занесло не в ту сторону. Мне хотелось только одного — наладить работу, и, когда он отбыл отсюда, я обратился в соответствующие инстанции с настоятельной просьбой, чтобы с ним обошлись помягче. Однако я думал, что его все-таки вышвырнут из космофлота, и, если б мое предположение оправдалось, я хотел, чтобы он вернулся сюда, на Лангри. Как я понял, он нашел общий язык с аборигенами, а такой человек мог бы мне пригодиться. Я порекомендовал ему связаться с моей конторой в Галаксии. Его б сюда сразу переправили. Но я не получил о нем никаких сведений.

— Так вот, его не уволили. Когда вы с ним встретитесь в следующий раз, возможно, он уже будет адмиралом.

— То же самое я предлагаю и вам, — сказал Уэмблинг. — Если вы когда-нибудь покинете космофлот, возвращайтесь на Лангри. Я собираюсь развернуть здесь большое дело, и мне для этого понадобятся все достойные порядочные люди,

которых я сумею уговорить работать у меня. А таких найти не так-то легко.

Диллингер отвернулся, чтобы скрыть от Уэмблинга улыбку.

— Благодарю. Я не забуду о вашем предложении.

Уэмблинг шлепнул ладонью по столу, выпрямился и встал.

— Ну, пора трудиться дальше. Сыграем вечером в шахматы?

— Если только попозже, — ответил Диллингер. — Мне нужно разделаться со своей работой.

Уэмблинг, переваливаясь с ноги на ногу, поспешно покинул салон. Диллингер не мог не восхищаться этим человеком. Даже при том, что и сам Уэмблинг и его метод вести дела вызывали в нем глубокую неприязнь, все равно он им восхищался. Уэмблинг добился своего.

В кабинете Диллингера поджидал Протц, теперь уже капитан «Ирги», флагманского корабля 984-й эскадры. Диллингер кивнул ему и проговорил в рупор интеркома.

— Проследите, чтобы меня не беспокоили. — Он выключил интерком и повернулся к Протцу. — Так что же?

— Этот космолет определенно не разбился, —

ответил Протц. — По словам часового, он по всем правилам шел на посадку и должен был сесть где-то в глубине леса. У Уэмблинга не пропало ни одного грузового космолета, а мы в свою очередь точно знаем, что этот корабль не наш. Разведывательные самолеты прочесывают этот участок на уровне верхушек деревьев и ничего не могут обнаружить.

— Выходит, это не космолет Уэмблинга, — проговорил Диллингер.

С той минуты, когда сегодня на рассвете он получил первое донесение о неизвестном космолете, его не оставляла мысль, что этот корабль должен принадлежать Уэмблингу. Он повернулся на стуле и посмотрел в сторону моря.

— Значит, к аборигенам пожаловали гости.

— И этих гостей ждали, — сказал Протц, — Они вмиг замаскировали корабль. Не исключено, что они даже вырыли там посадочную шахту.

— Уэмблинг подозревает, что кто-то из служащих его грузового космофлота является связным между аборигенами и их адвокатом. Видно, мы должны были вести наблюдение за всей планетой, но тогда пришлось бы оставить один космолет на орбите. А Уэмблинг затевает строительство такого количества отелей, что нам

нужны все наши люди, все до единого. Итак, космолет уже здесь. Вопрос в том, с какой целью он прилетел?

— Контрабанда оружия?

— Если бы… У нас тогда появился бы интерес к этому заданию. Разведке удалось что-нибудь выяснить?

— К восьми утра никаких сведений не поступило. Хотите, чтобы провели наземный поиск?

— Для этого понадобится слишком много людей. А если у них там посадочная шахта, то и наземный поиск может ее не обнаружить. И вообще уже слишком поздно. Они успеют разгрузить космолет. Нет! Пусть этим занимается разведка. Если потребуется, дайте им еще несколько человек.

— Какие распоряжения помимо этого?

— Готовьтесь к худшему, Протц. Из всех заданий, которые я получал от командования военного космофлота, это самое неприятное. Я надеялся, что мне удастся выполнить его, не сделав ни одного выстрела по аборигенам. Я предпочел бы пристрелить Уэмблинга.

«Это дело с самого начала велось неправильно», — подумал Диллингер. Вполне вероятно, что адвокат, которого наняли аборигены, — спе-

циалист достаточно сведущий — это признавал даже сам Уэмблинг, которого тот не раз ставил в затруднительное положение. И тем не менее сейчас Уэмблинг уже завершает отделку отеля «Лангри».

Главное оружие Уэмблинга — его влияние в политических кругах. Бороться с этим следует опять-таки с помощью политики, а не в судебном заседании. Однажды он попытался объяснить это Форнри, но абориген явно остался равнодушен к его словам. Вот осуществится их план, сказал тогда Форнри, — и все станет на свои места. Судя по всему, он совершенно не понимал, что время упущено и уже ничего не предпримешь.

Диллингер считал, что, узнай он вовремя, как обернулось дело с Лангри, он смог бы, умело используя документально обоснованную информацию, положить конец этому беззаконию.

Но он узнал об этом только тогда, когда, встретившись с адмиралом Корнингом, принял командование размещенными на Лангри силами военного космофлота. И сделал все, что было в его возможностях. Он приказал подготовить сто экземпляров донесения о положении на Лангри и к каждому из них приложил фотокопию оригинала договора. Но он не рискнул доверить эти докумен-

ты обычным каналам связи, и, чтобы переслать их в штаб, ему пришлось ждать, пока один из его офицеров не отбыл в отпуск. Сейчас они, вероятно, в руках тех, кому были адресованы, их подробно изучают, проведут расследование, и со временем будут приняты какие-то меры. Но уже слишком поздно. Уэмблинг отхватит свой жирный кусок, да возможно, на Лангри набросятся и другие стервятники, вооруженные договорами с Управлением колоний, и продолжат грабеж.

Аборигенам уже сейчас приходится туго. Люди Уэмблинга поедают огромное количество свежей рыбы, и рыболовные суденышки аборигенов больше не показываются в прибрежных водах — там, где море омывает строительные участки Уэмблинга. Численность коренного населения Лангри была велика, даже слишком, и оно питалось главным образом тем, что давало море. Поговаривают, что аборигены уже испытывают недостаток в пище.

К вечеру Диллингер позвонил Уэмблингу.

— Ваши люди все время совершают полеты над материком, — сказал он. — Они не заметили ничего необычного в поведении местных жителей?

— Пока мне ни о чем таком не докладывали, — ответил Уэмблинг. — Хотите, чтобы я навел

справки?

— Было бы желательно.

— Тогда немного подождите.

Он услышал, как Уэмблинг что-то приказал резким тоном и тут же спросил, уже обращаясь к Диллингеру.

— Вы думаете, местные жители что-то затевают?

— Я это знаю точно, только не могу догадаться, что именно.

— Вы с ними справитесь, — уверенно заявил Уэмблинг. — Было время, когда я хотел, чтобы их уничтожили, но раз уж благодаря вам они не путаются у меня под ногами, я охотно согласился бы на мирное сосуществование с ними. Черт побери, они даже могут стать приманкой для туристов, когда я открою отель. Возможно, они плетут корзинки, вырезают из дерева амулеты или еще что-нибудь этакое. Я буду продавать их поделки в вестибюле отеля.

— Меня сейчас беспокоит не их умение плести корзинки, — сухо сказал Диллингер.

— Однако же… минуточку! Эрни, вы меня слушаете? Ни один из моих людей не заметил ничего необычного.

— Спасибо за информацию. Боюсь, нашу шах-

матную партию придется отложить. Я буду занят.

— Очень жаль. А как насчет завтрашнего вечера?

— Там видно будет.

В лунном свете планета Лангри была бы чарующе прекрасна, но у нее не было луны. В планы Уэмблинга входило сконструировать источник искусственного лунного освещения, но пока до этого дойдет, ночь будет окутывать красоту планеты непроглядной тьмой.

Вглядываясь во мрак, Диллингер увидел огоньки. В каждой деревне пылали костры. Кое-где их свет сливался в одно ослепительное пятцо. А там, где расстояние между кострами было побольше, они выглядели вкрапленными в черноту сверкающими точками.

— По-вашему, это явление необычное? — спросил Диллингер пилота-разведчика.

— Безусловно, сэр. Они готовят пищу в сумерках, когда возвращаются рыболовные суда. А как только они с этим управятся, можно облететь все побережье, не увидев ни искорки света, если не считать, конечно, тех мест, где расположились наши люди и люди Уэмблинга. Я ни разу не за-

метил, чтобы в такой поздний час у аборигенов горел хоть один костер.

— Жаль, что мы мало знаем об этих аборигенах, — произнес Диллингер. — Единственный местный житель, с которым я беседовал, — это Форнри, а он всегда очень сдержан. Не догадаешься, о чем он думает. Управлению колоний надо бы прислать сюда специалистов, которые занялись бы изучением этого народа. К тому же не мешало бы оказать аборигенам помощь. Их улов еще больше оскудеет, когда толпы туристов Уэмблинга ринутся в море рыбачить. В недалеком будущем им не обойтись без выращивания каких-нибудь сельскохозяйственных культур. А вы, Протц, как расцениваете необычное поведение аборигенов?

— За этим что-то кроется, но будь я проклят, если знаю что.

— Я могу сделать кое-какие выводы, — сказал Диллингер. — Дело обстоит так: утром на планету садится неизвестный космолет, а позже, уже ночью, все местные жители бодрствуют — они к чему-то готовятся. Пожалуй, нам стоит самим принять кое-какие меры и быть наготове.

Донесение разведки, поступившее на рассвете, фактически не содержало ничего нового. За

исключением этих костров докладывать разведчикам было не о чем.

— Ступайте к Уэмблингу, — сказал Диллингер Протцу. — Велите ему освободить от работы всех своих людей, и пусть они безвылазно сидят в бараках. Чтоб ни один не попался мне на глаза. Это относится и к самому Уэмблингу.

— Ну и взвоет же он.

— Не советую ему соваться ко мне с жалобами. Знай мы аборигенов получше, может, нам удалось бы взглянуть на создавшееся положение их глазами. Я почему-то не могу себе представить, чтобы они совершили на нас вооруженное нападение. Они ведь понесут большие потери в живой силе и ничего не добьются. Уверен, что они знают это не хуже нас. Скажите, что бы вы сделали, если б были местным жителем и захотели остановить работу, которую развернул здесь Уэмблинг?

— Я бы убил Уэмблинга.

Диллингер с отвращением стукнул ладонью по столу.

— Что ж. Приставьте к нему еще одного вооруженного охранника.

— А что сделали бы вы?

— Я бы подложил в отели какую-нибудь взрывчатку, выбрав наиболее подходящие для этого

места. Если б это и не остановило строительство, то во всяком случае надолго бы отсрочило торжественное открытие отелей, которого так ждет Уэмблинг. Понимаете…

— Пожалуй, ваш вариант получше, — сказал Протц. — В этом больше смысла, чем в открытом нападении. Я расставлю вокруг зданий дополнительные защитные устройства.

Диллингер встал и подошел к окну. Рассвет, как всегда, щедро одарил Лангри красотой. В лучах поднимавшегося над горизонтом солнца синело спокойное море. А за косой…

Диллингер вполголоса выругался.

— В чем дело? — спросил Протц.

— Взгляните-ка, — Диллингер указал на море.

— Я ничего не вижу.

— А где рыбачья лодка?

— Ее там нет.

— С тех пор как мы находимся на этой планете, не было дня, чтобы местные жители не рыбачили с лодки в море за косой. Пошлите на разведку самолеты. Тут явно что-то не так.

Через полчаса они получили сообщение от разведчиков. Все имевшиеся на Лангри рыбачьи лодки были вытащены на берег. Аборигены почему-то решили в этот день не работать.

— У меня впечатление, что они собираются в самых населенных деревнях, — сказал офицер разведки. — Больше всего их сейчас в деревне А7 — как вы знаете, это деревня Форнри. Значительные скопления аборигенов наблюдаются также в деревнях В9, Д4, Ф12 — словом, расположенных вдоль побережья. И повсюду горят костры.

Диллингер внимательно всматривался в фотокарту, а офицер обводил кружками цифры, обозначавшие деревни.

— При таком положении вещей, — произнес Диллингер, — нам остается только одно — отправиться туда и поговорить с Форнри.

— Сколько вам нужно сопровождающих? — спросил Протц.

— Нас будет двое, вы да я. И еще пилот.

Они снизились по касательной и мягко сели на береговой песок. Пилот остался в самолете, а Диллингер и Протц поднялись по пологому склону к деревне, проходя сквозь толпы местных жителей. Недоумение Диллингера росло с каждым шагом. Здесь и намека не было на какую-нибудь зловещую конспирацию. У аборигенов было праздничное настроение; одетые в яркие одежды, они радостно смеялись и пели, собравшись

вокруг костров. И пели на галактическом языке — загадка, над которой Диллингер не переставал ломать себе голову. Аборигены почтительно расступались, давая им дорогу, но в остальном, если не считать робких взглядов, которые исподтишка бросали на них дети, местные жители не обращали на Диллипгера и Протца никакого внимания.

Они подошли к крайним хижинам и остановились. Аппетитные запахи праздничных блюд напомнили Диллингеру, что он сегодня не завтракал. На другом конце улицы рядом с самой большой хижиной, выстроившись в очередь, спокойно стояли мужчины и женщины. Диллингер, не зная, как быть дальше, ждал, когда его присутствие будет замечено местными жителями.

Внезапно появился Форнри и пожал протянутую Диллингером руку.

— Вы оказываете нам честь, — произнес Форнри, но его лицо, всегда такое бесстрастное, сейчас отражало какое-то чувство, характер которого Диллингер затруднялся определить. Был Форнри рассержен или испытывал неловкость?

— Могу я поинтересоваться, какова цель вашего визита? — спросил он.

Диллингер посмотрел на Протца. Тот пожал плечами и отвел взгляд.

— Я прибыл как… наблюдатель, — запнувшись, ответил Диллингер.

— Прежде вы не вмешивались в жизнь моего народа. А теперь собираетесь занять другую позицию?

— Нет. Я здесь не для того, чтобы вмешиваться в ваши дела.

— Но ваше присутствие нежелательно. То, что сейчас здесь происходит, вас не касается.

— Меня касается все, что происходит на Лангри, — сказал Диллингер. — Я прилетел, чтобы узнать, что у вас здесь делается. И я намерен это выяснить.

Форнри круто повернулся и зашагал прочь. Диллингер видел, как его окружили несколько молодых аборигенов. Держались они спокойно, но в них чувствовалась необычная собранность.

Форнри вернулся. Ему явно было не по себе — сейчас на этот счет не могло быть двух мнений. С серьезным выражением в глазах он посмотрел на Диллингера в упор и сказал:

— Мы знаем, что вы друг нашего народа и, когда могли, помогали нам. Это мистер Уэмблинг — наш враг. Если он узнает, он попытается помешать нам.

— Мистер Уэмблинг не станет вмешиваться в

ваши дела, — сказал Диллингер.

— Тогда все в порядке. Видите ли, у нас сейчас идут выборы.

Диллингер почувствовал, как Протц крепко сжал ему руку, и тупо повторил:

— Выборы?

Форнри с гордостью пояснил:

— Мы выбираем делегатов на съезд, который выработает и обсудит нашу конституцию.

Идиллическая обстановка. Поляна с видом на море. Женщины, занятые подготовкой к пиршеству. Граждане, спокойно ожидающие, когда подойдет их очередь войти в сплетенную из травы кабину для голосования. Демократия в действии.

— Когда конституция будет одобрена, — продолжал Форнри, — мы выберем правительство. А потом обратимся в Галактическую федерацию независимых миров с официальным заявлением о принятии нас в ее члены.

— Есть такой закон? — спросил Протц.

— Есть, — ответил Форнри. — Мы следуем совету нашего адвоката. Главное условие — пятьдесят процентов населения планеты должно быть грамотно. А у нас сейчас грамотных более девяноста процентов. Как видите, мы могли заняться этим

и раньше, но нам не было известно, что требуется только пятьдесят процентов.

— Вас нужно поздравить, — сказал Диллингер. — Если ваша просьба о принятии Лангри в члены Федерации будет удовлетворена, я полагаю, ваше правительство заставит Уэмблинга покинуть планету, верно?

— Лангри должна принадлежать нам. В этом суть нашего плана.

Диллингер протянул Форнри руку.

— От души желаю вам удачи в проведении выборов, а также положительного ответа на ваше заявление о приеме в члены Федерации.

Взглянув в последний раз на очередь у кабины для голосования, они повернулись и медленно пошли назад к самолету. Протц что-то насвистывал и потирал руки.

— А ведь Уэмблингу — конец, — сказал он.

— Мы хоть раскрыли тайну этого неизвестного космолета, — произнес Диллингер. — На нем, без сомнения, прибыл их адвокат, чтобы посоветовать, как им действовать дальше, и помочь выработать конституцию. Но вы ошибаетесь, если думаете, что это прикончит Уэмблинга. В нашей Галактике разделаться с такими Уэмблингами не очень-то просто. Его это не застигнет

врасплох. Я почти уверен, что он этого ждал.

— А какие он может предпринять контрмеры?

— Ни один суд не заставит его отдать то, чем он уже владеет. Аборигены могут воспрепятствовать захвату других земельных участков, но те, где уже идут работы, останутся в его собственности. Право владения ими даровано Уэмблингу Федерацией. Быть может, чтобы соединить воедино строительные участки, он пожелает завладеть еще сотней миль побережья. Если ему это не удастся, все равно его участки достаточно велики, чтобы выстроить на них колоссальный курортный комплекс. А земля, на которой разбиты площадки для игры в гольф, тоже ведь обработана, и там хватит места для сотни отелей, если он вздумает их строить. Он выпустит в море великое множество рыболовов-любителей и обречет местных жителей на голодную смерть. — Диллингер оглянулся на деревню и с грустью покачал головой. — Вы сознаете, какое это громадное достижение? Девяносто процентов населения грамотно. Сколько же им пришлось потрудиться! А они потерпели поражение еще до того, как занялись этим. Бедняги.

V

«Обычно лесная тропа извилиста, — думал Диллингер. — Она огибает деревья, заросли кустарника, как правило, пролегает там, где меньше препятствий. А эта тропа не вьется, она так пряма, будто ее проложил разведчик. И тропа эта старая, по ней много хожено. Должно быть, деревья тут были когда-то срублены, но от пней даже следа не осталось».

Впереди него убийственно ровным шагом, не оглядываясь, шел Форнри и несколько молодых аборигенов. Они оставили позади добрых пять миль, а тропе, казалось, не будет конца. Диллингер взмок от пота и уже порядком устал.

Этим утром Форнри пришел к нему в отель «Лангри».

— Нам бы хотелось, чтобы вы пошли с нами, — сказал он. — Вы один.

И Диллингер пошел.

Отель «Лангри» опустел. Завтра на рассвете 984-я эскадра уйдет в космос, где ей и положено быть. Уэмблинг со своими рабочими уже покинул отель. Планета Лангри возвращена ее законным хозяевам.

До чего же он был прост этот план, приду-

манный аборигенами, — прост до абсурда и безотказно разрушителен. В начале аборигенами было послано заявление о принятии Лангри в члены Федерации, которое, к счастью, прибыло в Галаксию в самый разгар невероятной шумихи, вызванной анонимными письмами Диллингера, в результате чего произошел правительственный переворот, поднялся переполох в Управлении колоний и департаменте военно-воздушного флота; отзвуки этих событий разнеслись по всей Федерации и достигли такой далекой планеты, как Лангри, куда вскоре прибыла комиссия для срочного расследования дела на месте.

Заявление правительства Лангри рассмотрели без всяких проволочек, и планета была единогласно принята в члены Федерации.

Но Уэмблинг и бровью не повел. Его адвокаты взялись за дело еще до того, как был закончен подсчет голосов, и постановление суда обязало правительство аборигенов признать за Уэмблингом право собственности на те земельные участки, где он уже развернул строительные работы. Правительство Лангри не стало спорить и восприняло это так благодушно, что Уэмблинг предъявил иск еще на несколько сотен акров земли. Это тоже не вызвало у местных властей и

намека на протест.

Но тут последовал столь ловкий ход, что его не предусмотрел даже сам Уэмблинг.

Налоги.

Диллингер был свидетелем того, как Форнри от имени правительства Лангри вручил Уэмблингу первую налоговую квитанцию. Уэмблинг орал до хрипоты, бил кулаком по столу, клялся, что возбудит дело во всех судах Галактики, но потом обнаружил, что, как ни странно, суды не встали на его защиту.

Если выбранное народом Лангри правительство пожелало обложить недвижимую собственность ежегодным налогом, равным ее десятикратной стоимости, это его законное право. Уэмблингу не повезло в том, что ему принадлежала единственная на планете собственность, с которой имело смысл взимать налог. Десятикратная стоимость травяной хижины ничтожна, чуть выше нуля. Сумма, равная десятикратной стоимости отелей Уэмблинга, означает полное разорение их владельца.

Судьи согласились с мнением Уэмблинга, что эта акция правительства Лангри неразумна. Она отобьет у населения охоту заняться строительством, затормозит развитие промышленности и

станет серьезным препятствием на пути прогресса. Но со временем народ Лангри, несомненно, поймет это и воспользуется своим правом избрать другое правительство, которое выработает менее жесткое налоговое законодательство.

А пока что Уэмблинг должен уплатить налог.

Ему оставалось одно из двух: либо отказаться от уплаты налога и понести огромные убытки, либо уплатить его и полностью обанкротиться. И он предпочел не платить. За неуплату налогов правительство конфисковало его собственность, и таким образом вопрос, обострившийся ранее положение на планете Лангри, был решен, что удовлетворило всех, кроме Уэмблинга и его покровителей. В отеле «Лангри» было решено разместить школу и университет для детей аборигенов. Еще один отель предполагалось занять под правительственные учреждения. Аборигены пока еще не знали, как распорядиться зданием третьего отеля, но Диллингер не сомневался, что они используют его с умом.

Что до Уэмблинга, то народ Лангри официально нанял его на работу. Аборигены оценили его умение вести дела. Как выяснилось, вдали от материка в море были острова — много островов, где осчастливленные отдыхающие не стали бы

помехой рыболовному промыслу аборигенов. «Не согласится ли мистер Уэмблинг, — спросил Форнри, — выстроить на этих островах отели и управлять ими от имени правительства Лангри?» Мистер Уэмблинг согласился. Мистер Уэмблинг даже выразил недоумение, как это он в свое время не догадался именно с этого и начать. Он разработал с адвокатом аборигенов текст договора, переправил своих людей на острова и с энтузиазмом взялся за проектирование сразу нескольких отелей.

Тропа вывела их на огромную поляну, покрытую густым ковром травы и цветов. Диллпнгер остановился, огляделся вокруг, но не увидев ничего примечательного, поспешил за аборигенами дальше.

У противоположного края поляны начиналась другая тропа, но вскоре она уперлась в груду камней — вероятно, то был какой-то опознавательный знак. А позади нее лежал тронутый ржавчиной и густо оплетенный ползучими растениями старый разведывательный космолет, который проглядывался сквозь ветви возвышавшихся над ним деревьев.

— Когда-то один из вас прилетел сюда и остался жить с нами, — сказал Форнри. — Это его ко-

рабль.

Аборигены стояли, заложив за спину руки и почтительно склонив головы. Диллингер молчал, стараясь угадать, чего от него ждут. Наконец он спросил:

— На корабле был только один человек?

— Только один, — ответил Форнри. — Мы часто думали о том, что наверное, есть люди, которым хотелось бы узнать, как сложилась его жизнь. Может, вы им расскажите о нем.

— Может, и расскажу, — сказал Диллингер. — Посмотрим.

Он продрался сквозь густой подлесок и обошел вокруг космолета, отыскивая глазами его название или номер. Ни того, ни другого не оказалось. Дверь тамбура была прикрыта. Разглядывая ее, Диллингер остановился.

— Можете войти, если хотите, — сказал Форнри. — Мы храним там его вещи.

Диллингер поднялся по шаткому трапу и, спотыкаясь, прошел темный коридор. В рубку просачивался слабый свет, все здесь казалось каким-то призрачным. На столе перед пультом управления лежали разная мелочь, предметы личного пользования, толстые тетради, кипы бумаг.

Первая тетрадь, которую он раскрыл, оказалась дневником. Дневником Джорджа Ф. О'Брайена. Начало записей, сделанных карандашом, до такой степени стерлось, что прочесть их было крайне трудно. Диллингер прихватил тетради и отдельные пачки бумаг, вышел через тамбур наружу, сел на ступеньку трапа и принялся перелистывать страницы.

Там был подробный отчет о первых годах пребывания О'Брайена на этой планете — с тех пор минуло уже более ста лет. Потом записи стали менее регулярными, а даты указывались приблизительно, ибо О'Брайен утратил представление о времени. Диллингер прочел одну тетрадь, нашел следующую и продолжил чтение.

«Да он всего-навсего заурядный пират, — думал Диллингер. — Пират, разгулявшийся на чужой планете, шнырявший повсюду в поисках драгоценных металлов и развлекавшийся гаремом местных женщин. Конечно же это не тот человек, который…».

Мало-помалу все менялось — О'Брайен постепенно сроднился с аборигенами, почувствовал себя местным уроженцем, и пришло время, когда он всерьез задумался о будущем. В его записях был краткий точный перечень тех благопри-

ятных природных условий на Лангри, которые располагали к тому, чтобы превратить планету в огромный курорт — казалось, этот раздел писал сам Уэмблинг. Далее шло предостережение, какая страшная судьба может в этом случае постигнуть аборигенов. «Но если я еще буду жив, — писал О'Брайен, — думаю, что до этого не дойдет».

А если он умрет?

«Тогда аборигенов следует научить, как себя вести. Нужно выработать план. Вот что должны знать местные жители.

Галактический язык. Функции и структуру правительства. Межпланетные отношения. Историю. Экономику, торговлю и назначение денег. Политику. Право и колониальное законодательство. Основы наук».

«Да не мог он быть один, этот человек! — воскликнул про себя Диллингер. — Не мог, и все тут!»

Первое посещение планеты — возможно, это будет разведывательный космолет. Принять меры по наблюдению за ним, арестовать экипаж. Переговоры. Перечень правонарушений и штрафов. Как добиться статуса независимости и приема в члены Федерации. Какие принять меры, если этот статус будет нарушен.

— Не мог он быть один!

Все было предугадано и старательно записано в тетрадь человеком без образования, но прозорливым, мудрым и терпеливым. Это был блестящий прогноз, без единого упущения или ошибки, разве что в нем не было названо имя Уэмблинг — и вообще у Диллингера создалось впечатление, что О'Брайен знал жизнь куда лучше, чем несколько Уэмблингов его времени, вместе взятых. Тут было описано все — все, что произошло позже, вплоть до последнего мастерского хода — налога на отели в размере их десятикратной стоимости.

Диллингер закрыл последнюю тетрадь, отнес бумаги назад в рубку и аккуратно разложил вещи на столе в том порядке, в каком он их застал. Наступит день, когда у народа Лангри появятся свои историки. Они изучат и проанализируют эти документы, и имя О'Брайена начнет кочевать по Галактике в написанных сухим языком фолиантах, читаемых одними лишь историками. Нет, этот человек заслужил большее.

Но может, на Лангри память о нем будет жить долго в устных преданиях. Может, и сейчас местные жители, сидя вокруг костров, рассказывают легенды о деяниях О'Брайена и повторяют некогда сказанные им слова. А может, и нет. Чужаку

трудно вникнуть в такие тонкости, особенно если он — офицер военного космофлота. Это дело специалистов.

Диллингер бросил прощальный взгляд на лежавшие на столе незатейливые реликвии, сделал шаг назад и по всей форме отдал честь.

Он вышел из космолета и заботливо прикрыл дверь тамбура. Здесь, в глубине леса, сумерки сгустились быстро, но аборигены терпеливо ждали его, стоя в тех же почтительных позах.

— Надо думать, вы прочли те записи, — произнес Диллингер.

Казалось, Форнри даже испугался.

— Нет!..

— Понятно. Так вот, все, что можно было узнать о нем, я узнал. Если еще жив кто-нибудь из его родственников, я постараюсь поставить его или ее в известность о том, что с ним произошло.

— Благодарю вас, — сказал Форнри.

— А не прилетал ли сюда еще кто? Не жил ли с вами еще кто-нибудь, кроме него?

— Нет, только он один.

Диллингер кивнул.

— О'Брайен был поистине великий человек. Не уверен, что вы до конца это понимаете. Мне думается, спустя какое-то время именем О'Брай-

ена у вас будут названы деревни, улицы, здания и тому подобное. Но он заслужил памятник, по-настоящему грандиозный. А не стоит ли именем человека, которого вы знали и чтили, назвать планету? Вам следовало бы назвать свою планету О'Брайен.

— О'Брайен? — переспросил Форнри. Он непонимающе взглянул на остальных аборигенов, потом снова повернулся к Диллингеру. — О'Брайен? А кто он такой, этот О'Брайен?

Роберт Хайнлайн

Наш прекрасный город

Развернув машину, Пит Перкинс остановился у стоянки Ол-Найт и гаркнул:

— Эй, Паппи!

Сторож на стоянке был человеком немолодым. Бросив взгляд на позвавшего, он ответил:

— Через минуту буду к твоим услугам, Пит.

Старик занимался тем, что рвал на узкие полосочки воскресный выпуск комикса. Недалеко от него танцевал маленький смерчик. Он подхватывал обрывки старых газет, уличную пыль и швырял их в лица прохожих. Старик вытянул руку, в которой трепетал длинный яркий бумажный вымпел.

— Вот, Китти, — откашлялся он. — Иди сюда, Кити…

Смерчик замер, затем заметно вытянулся, перепрыгнул два автомобиля, оставленные на стоянке, и закружился рядом со стариком.

Было похоже, что он расслышал приглашение.

— Возьми, Китти, — мягко сказал старик и позволил яркому вымпелу скользнуть между пальцами.

Смерчик подхватил бумажную ленту и, вращая, втянул в себя. Старик отрывал клочки один за другим; они штопором влетали в гущу грязных бумаг и мусора, составлявших видимое тело воздушного вихря. Наткнувшись на холодную лужу — их здесь в каменном ущелье улочки было множество, — смерч ускорил свое движение и еще более вытянулся, пока цветные ленты, подхваченные им, не превратились в фантастически вздыбленную прическу. Старик с улыбкой повернулся:

— Китти любит новую одежду.

— Оставь, Паппи, или ты заставишь меня поверить в это.

— Ты и не должен **верить** в Китти, тебе достаточно ее **увидеть**.

— Ну да, конечно… но ты ведешь себя, словно она… я имею в виду оно… способно понимать твои слова.

— Ты в самом деле не веришь? — мягко и терпеливо спросил Паппи.

— Брось, Паппи!

— Хмм… дай-ка мне твою шляпу. — Паппи

протянул руку и сдернул шляпу с головы Пита Перкинса. — Сюда, Китти, — сказал он. — Вернись!

Смерчик, плясавший над их головами несколькими этажами выше, ринулся вниз.

— Эй! Что ты собираешься делать с моей шляпой? — осведомился Перкинс.

— Минутку… Кити, сюда! — Словно избавившись от какого-то груза, смерчик резко опустился еще ниже. Старик протянул ему шляпу. Смерчик подхватил ее и погнал вверх по длинной крутой спирали.

— Эй! — заорал Перкинс. — Ты соображаешь, что делаешь? Кончай свои шутки — этот колпак обошелся мне в шесть кусков всего три года назад.

— Не беспокойся, — спокойно сказал старик. — Китти принесет ее обратно.

— Как бы не так! Скорее всего она окунет ее в речку.

— О нет! Китти никогда не роняет ничего, что не хочет уронить. Смотри. — Шляпа танцевала над крышей отеля на противоположной стороне улицы. — Китти! Эй, Китти! Принеси ее обратно.

Смерчик замедлил свое движение, и шляпа спустилась двумя этажами ниже. Затем она снова

остановилась, и смерчик начал лениво жонглировать ею.

— Принеси ее сюда, Китти, — повторил старик.

Шляпа поплыла вниз по спирали и, внезапно закончив свое движение мертвой петлей, шлепнула Перкинса по лицу.

— Она пыталась надеть тебе шляпу прямо на голову, — объяснил сторож. — Обычно это у нее получается довольно точно.

— Вот как? — Перкинс поймал шляпу и, открыв рот, смотрел на завихрение.

— Убедился? — спросил старик.

— Ну, ну... — Он еще раз посмотрел на свою шляпу, потом на смерчик. — Паппи, я чувствую, мне надо выпить.

Они пошли в сторожку; Паппи отыскал стаканы, а Перкинс наполнил их из прихваченной в машине почти полной бутылки виски и сделал два внушающих уважение глотка. Повторив эту процедуру, он снова наполнил стаканы и опустился на стул.

— Это было в честь Китти, — сказал Перкинс. — Будем считать, что сие возлияние — компенсация за банкет у мэра.

Паппи сочувственно пощелкал языком:

— Тебе надо о нем писать?

— Мне надо выдать очередную колонку хоть **о чем-нибудь**, Паппи. Прошлым вечером Хиззонер, наш мэр, окруженный уникальным созвездием профессиональных шантажистов, взяточников, лизоблюдов и махинаторов, дал торжественный банкет в честь своего избрания… Придется написать об этом, Паппи: подписчики требуют. Ну почему я не могу, как все нормальные люди, немного расслабиться и идти отдыхать?

— Сегодня у тебя была хорошая колонка, — подбодрил его старик. Он развернул «Дейли Форум»; Перкинс забрал газету и скользнул взглядом в низ полосы, где обычно помещалась его колонка.

— Питер Перкинс, — прочел он. — Наш прекрасный город.

Перкинс пробежал глазами текст:

«Что случилось с экипажами? В нашем земном раю по традиции принято считать, что было хорошо для отцов-основателей, вполне подходит и нам. Мы спотыкаемся о ту же выбоину, в которой дедушка Тозье поломал себе ногу в 1909 году. Мы радуемся, зная, что вода, вытекающая из ванны, не пропадает бесследно, а возвращается к нам через кран на кухне, благоухая хлором. (Кстати, Хиззонер пьет только газированную воду из бутылок. Можете убедиться в этом сами.)

Но тем не менее я должен сообщить вам ужасающую новость. Куда-то делись все экипажи!

Вы можете мне не верить. Общественный транспорт ходит так редко и движется так медленно, что разница почти неразличима; и все же я могу поклясться, что не так давно видел на Гранд-авеню колченогую колымагу без всяких признаков лошадей поблизости. Не иначе, внутри ее была какая-то электрическая машина. Даже для нашего атомного века это уже чересчур. И я предупреждаю всех горожан...» — тут Перкинс разочарованно фыркнул.

— Паппи, это стрельба из пушек по воробьям. Этот город прогнил насквозь, и он останется таким навечно. Почему я должен напрягать мозги из-за этой ерунды? Дай-ка мне бутылку.

— Не расстраивайся, Пит. Смех для тиранов страшнее, чем пуля убийцы.

— Хорошо излагаешь. Но мне не до смеха. Я потешался над ними, как только мог, — и все кошке под хвост. Все мои старания — такое же пустое сотрясание воздуха, как и у твоего друга, танцующего дервиша.

Окно вздрогнуло от резкого удара ветра.

— Не говори так о Китти, — серьезно заметил старик. — Она чувствительна.

— Прошу прощения, — Пит встал и, повернувшись к двери, поклонился. — Китти, я приношу свои извинения. Твои хлопоты куда как важнее моих. — Он повернулся к хозяину. — Давай выйдем и поговорим с ней, Паппи. Лучше общаться с Китти, чем писать о банкете у мэра… Будь у меня выбор…

Выходя, Перкинс захватил с собой пестрые остатки располосованных комиксов и стал размахивать в воздухе бумажными лентами:

— Сюда, Китти! Сюда! Это тебе!

Смерчик спустился и, как только Перкинс выпустил бумагу из рук, сразу же подхватил ее.

— Она глотает все, что ей ни дашь.

— Конечно, — согласился Паппи. — Китти словно архивная крыса. Все бумажки прибирает себе.

— Неужели она никогда не устает? Ведь должны быть и спокойные дни.

— По-настоящему здесь никогда не бывает спокойно. Так уж на этой улице, что ведет к реке, стоят дома. Но, я думаю, она прячет свои игрушки где-то на их крышах.

Газетчик уставился на крутящуюся струйку мусора.

— Бьюсь об заклад, у нее есть газеты за прошлый месяц. Слушай, Паппи, я как-то выдал

колонку о нашей службе очистки и о том, как мы не заботимся о чистоте улиц. Было бы неплохо раскопать парочку газет, что вышли примерно года два назад, — и тогда я мог бы утверждать, что и после публикации они продолжают валяться по городу.

— Зачем ломать голову? — сказал Паппи. — Давай посмотрим, что там есть у Китти. — Он тихонько свистнул. — Иди сюда, малышка, дай посмотреть Паппи твои игрушки.

Смерчик, плясавший перед ними, изогнулся, его содержимое закружилось еще быстрее. Сторож прицелился и выдернул из этой мешанины кусок старой газеты.

— Вот… трехмесячной давности.

— Попробуй еще…

— Попытаюсь, — он выхватил еще одну газетную полосу. — За прошлый июнь.

— Это уже лучше.

Прозвучал автомобильный сигнал, и старик поспешил открыть ворота. Когда он вернулся, Перкинс все еще продолжал вглядываться в столб бумажного мусора.

— Повезло? — спросил Паппи.

— Она не хочет мне ничего давать. Так и рвет из рук.

— Китти, ты капризуля, — сказал старик. — Пит мой друг. Будь с ним полюбезнее.

— Все в порядке, — сказал Перкинс. — Мы просто не были с ней знакомы. Но посмотри, Паппи, ты видишь этот заголовок? На первой полосе.

— Она тебе нужна?

— Да. Посмотри поближе — видишь в заголовке «Дью» и под ним что-то еще. Но не могла же она хранить этот мусор с предвыборной кампании 98-го года?

— А почему бы нет? Китти крутится здесь столько, сколько я себя помню. И она постоянно все тащит к себе. Подожди секунду… — Он мягко сказал что-то Китти, и газета очутилась у него в руках. — Теперь ты можешь ее рассмотреть.

Перкинс впился в листок.

— Да я завтра же буду сенатором! Ты понимаешь, что это такое, Паппи?

Заголовок гласил: «Дью вступает в Манилу». На листке значилась дата — 1898 год.

Двадцать минут спустя, прикончив бутылку виски, они все еще продолжали беседовать. Газетчик не отрывался от пожелтевшего ветхого листа бумаги.

— Только не говори, что это болталось по городу без малого восемьдесят лет.

— А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Ну, ладно, я еще могу согласиться, что улицы с тех пор ни разу не убирались, но бумага столько не выдержала бы. Солнце, дождь и все прочее сделали бы свое дело.

— Китти очень заботится о своих игрушках. Уверен, в плохую погоду она все прятала под крышу.

— Но, ради всего святого, Паппи, не веришь же ты в самом деле, что она… Нет, тебя не переубедить. Хотя, откровенно говоря, мне не так уж важно, где она раздобыла эту штуку. Официальная версия сведется к тому, что этот грязный клочок бумаги невозбранно носился по улицам нашего города последние восемьдесят лет. Ну и посмеюсь же я над ними, старик!

Он аккуратно свернул газету и принялся засовывать ее в карман.

— Нет-нет, не делай этого, — запротестовал хозяин.

— Почему? Я возьму ее в редакцию, чтобы там сфотографировать.

— Ты не должен этого делать. Это вещь Китти, я ее только одолжил…

— Ты что, псих?

— Она рассердится, если мы не вернем ей газету.

Пожалуйста, Пит, она позволит тебе посмотреть на нее в любое время, когда ты только захочешь.

Старик был настолько серьезен, что Пит задумался.

— Я боюсь, что мы ее никогда больше не увидим, — сказал он. — А у меня это будет отправной точкой для раскрутки темы.

— С твоей стороны это не совсем хорошо… История должна была бы быть про Китти. Но не беспокойся — я скажу ей, что эту бумагу терять нельзя.

— Ну, ладно, — они вышли, и Паппи что-то серьезно объяснил Китти, а затем вручил ей обрывок газеты за 1898 год. Китти сразу же подняла его на самый верх своей покачивающейся колонны. Перкинс попрощался с Паппи и двинулся к выходу, но вдруг резко повернулся, не скрывая легкого смущения.

— Слушай, Паппи…

— Да, Пит?

— Но на самом деле ведь ты не веришь, что эта штука живая, правда?

— Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? Ты хочешь сказать…

— Ну, — рассудительно сказал Паппи, — а откуда ты знаешь, что **ты** живой?

— Но… да потому, что я… хотя, если разобраться… — он остановился. — Сам не знаю. Ты мне заморочил голову, приятель.

Паппи улыбнулся.

— Значит, ты понимаешь?

— Хм… Хочу надеяться. Всего, Паппи. Всего, Китти. — Он приподнял шляпу, обращаясь к смерчику. Пыльный столбик качнулся в ответ.

Шеф-редактор послал за Перкинсом.

— Слушай, Пит, — сказал он, решительно хлопнув по пачке исписанных листов, лежавших перед ним, — задумка у тебя была неплохая, но… хотел бы я увидеть хоть парочку твоих статей, написанных не в пивной.

Перкинс взглянул на лежащую перед ним газетную полосу.

Наш прекрасный город *Питер Перкинс*

СВИСТНИ НА ВЕТЕР

Прогулка по улицам нашего города всегда

полна неожиданностей, а порой и приключений. Прокладывать путь приходится среди самого разного мусора, осколков посуды, мятых сигаретных пачек и прочих малопривлекательных предметов, которыми пестрят тротуары города. В это время в лицо нам летят сувениры в виде конфетти от давно прошедшего праздника, истлевшие листья и другая труха, которая под воздействием непогоды утратила свой первоначальный вид и не поддается опознанию. Правда, я всегда был уверен: самое тщательное знакомство с сокровищами наших улиц не может обогатить вас реликвией более чем семилетней давности…

Дальше шел рассказ о смерчике, который почти столетие таскает по улицам ставшую антикварной газету. Кончалась заметка вызовом в адрес других городов страны — могут ли они похвастать чем-либо подобным?

— Разве это так плохо? — осведомился Перкинс.

— Это прекрасная идея — пошуметь о грязи на улицах, Пит, но материал должен быть обоснован.

Перкинс наклонился над столом.

— Шеф, он полностью обоснован.

— Не глупи, Пит.

— Он говорит — не глупи. Ну, ладно… — и Перкинс положил перед редактором обстоятельный отчет о Китти и о газете 1898 года.

— Пит, должно быть, ты крепко хватил в этот день.

— Только томатного сока. У меня в тот самый день так схватило сердце, что думал — отдам концы.

— А как насчет вчерашнего дня? Могу ручаться, этот… смерчик явился в бар вместе с тобой.

Перкинс с достоинством выпрямился:

— Однако таковы факты.

— Успокойся, Пит. Я ничего не имею против того, как ты пишешь, но фактов должно быть больше. Раскопай данные о поденщиках, узнай, сколько им платят за очистку улиц, сравни с другими городами…

— И кто будет читать эту тягомотину? Пойдем спустимся по улице вместе со мной. И я тебе покажу истинные факты. Подожди только минуту — я приглашу фотографа.

Через двадцать минут Перкинс уже знакомил шеф-редактора и Кларенса В. Уимса с Паппи.

Кларенс стал готовить камеру.

— Щелкнуть?

— Обожди, Кларенс. Паппи, можешь ты попросить Китти притащить нам ту музейную штуку?

— Конечно, — старик посмотрел вверх и свистнул. — Эй, Китти! Иди к Паппи. — Над их головами пролетело несколько пустых жестянок, охапка листьев, и к ногам легло несколько обрывков газет. Перкинс посмотрел на них.

— Но здесь нет того, что нам нужно, — удрученно сказал он.

— Сейчас она притащит, — Паппи сделал движение вперед, и смерчик обхватил его. Они видели, как шевелятся губы Паппи, но слов не разобрали.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Пока нет.

Смерчик поднялся вверх и исчез где-то меж крыш соседних зданий. Шеф-редактор открыл было рот, но снова закрыл его.

Китти скоро вернулась. Она притащила много разного хлама, и среди всего прочего был и тот самый газетный лист.

— Вот теперь щелкай, Кларенс!

— Щелкай, пока она висит в воздухе!

— Раз — и готово — отозвался Кларенс, вски-

дывая камеру. — Сдай чуть назад и подержи ее так, — сказал он, обращаясь к смерчику.

Китти помедлила, потом легко качнулась назад.

— Осторожненько развернись, Китти, — добавил Паппи, — и поверни листик. Нет, нет, не так — другим концом кверху.

Газета развернулась и медленно проплыла мимо них, демонстрируя заголовок.

— Поймал? — осведомился Перкинс.

— Раз — и готово, — сказал Кларенс. — Все? — спросил он у шеф-редактора.

— М-м-м... я думаю, что все.

— О'кей, — сказал Кларенс, захлопнул камеру и исчез.

Редактор вздохнул.

— Джентльмены, — сказал он, — я думаю, надо выпить.

Даже после четырех рюмок спор между Перкинсом и редактором не затих. Паппи это надоело, и он ушел.

— Не будьте идиотом, босс, — говорил Пит. — Вы же не можете печатать статью о живом смерче. Вас же засмеет весь город.

Шеф-редактор Гейнс гордо выпрямился.

— Таково правило «Форума» — печатать абсо-

лютно все новости, ничего не скрывая. Раз это новость — мы ее публикуем. — Он несколько расслабился. — Эй! Официант! Повторить — и поменьше содовой.

— Но это невозможно с научной точки зрения.

— Ты же все видел своими глазами!

— Да, но…

— Мы обратимся в Смитсоновский институт с просьбой провести расследование.

— Они поднимут нас на смех, — продолжал настаивать Перкинс. — Ты когда-нибудь слышал о массовом гипнозе?

— Это не аргумент, тем более, что Кларенс тоже его видел.

— При чем здесь Кларенс?

— При том, что надо иметь, что гипнотизировать.

— С чего ты взял, что у Кларенса нет мозгов?

— Попробуй опровергнуть меня.

— Ну, во-первых, он живое существо — значит, он должен иметь хоть какие-то мозги.

— Как раз об этом я и говорю — эта воздушная штука тоже живая, она двигается; значит, у нее есть мозги. Перкинс, если эти яйцеголовые из Смитсоновского института будут настаивать, что это антинаучно, помни, что за тобой стоят

«Форум» и я. Ни шагу назад!

— А вдруг?..

— Никаких вдруг! А теперь отправляйся на стоянку и возьми интервью у этого торнадо.

— Ты же все равно не будешь меня печатать.

— Кто не будет тебя печатать? Я изничтожу его на корню! Отправляйся, Пит. Давно пора взорвать этот город и распылить по ветру. Хватит разговоров! На первую полосу! За дело! — Од напялил на себя шляпу Пита и поспешил в туалет.

Расположившись за столом, Пит поставил рядом с собой термос с кофе, банку томатного сока и положил вечерний выпуск газеты.

Под снимками Киттиных забав, разверстанными на четырех колонках, помещалась его статья. Надпись над жирной 18-пунктовой линейкой указывала: «СМОТРИ РЕДАКЦИОННУЮ ПОЛОСУ, СТР. 12». На 12-й странице над такой же черной линейкой значилось: «ЧИТАЙТЕ «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» на стр. 1». Но он прочел только заголовок: «ГОСПОДИНА МЭРА — В ОТСТАВКУ!!!»

Пробежав нижеследующие строки, Пит прищелкнул языком.

«Затхлый душок — символ духовной заплесневелости, притаившейся в темных углах нашей мэрии, приобрел размеры циклона и указывает

на то, что давно пора вымести на свалку администрацию, погрязшую во взяточничестве и бесстыдстве».

Далее издатель указывал на то, что контракт на уборку улиц и вывозку мусора был вручен деверю мэра, но что Китти, смерчик, прогуливающийся по городским улицам, сможет сделать эту работу и дешевле и лучше.

Зазвонил телефон. Пит поднял трубку:

— О'кей, начало положено…

— Пит… это ты? — прорезался голос Паппи. — Они тащат меня в участок.

— Чего ради?

— Они обвиняют Китти в нарушении общественного спокойствия.

— Сейчас буду.

Он вытащил Кларенса из отдела иллюстраций, и они поспешили в полицейский участок. Перкинс решительно вошел внутрь. Паппи сидел там под надзором лейтенанта, вид у него был довольно обескураженный.

— Что тут случилось? — спросил репортер, тыкая пальцем в Паппи.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Пока подожди. Меня интересуют новости, Дамброски — я думаю, вы помните, что я сотруд-

ник газеты. Так за что задержан этот человек?

— Неподчинение полицейскому при исполнении последним служебных обязанностей.

— Это правда, Паппи?

На лице у старика было написано отвращение ко всему происходящему.

— Этот тип, — он указал на одного из полисменов, — пришел на мою стоянку и попытался забрать у Китти ее любимую бумажку — рекламу сигарет. Я сказал ему, чтобы он оставил ее в покое. Тогда он замахнулся на меня дубинкой и приказал, чтобы я забрал у Китти эту бумажку сам. А я сказал ему, куда он может засунуть свою дубинку. — Паппи пожал плечами. — И вот я здесь.

— Понятно, — сказал Перкинс и повернулся к Дамброски. — Вам звонили из мэрии, не так ли? Поэтому вы послали Дюгана на это грязное дело. Единственное, чего я не понимаю, — это почему именно Дюгана. Говорят, он так глуп, что вы даже не позволяете ему собирать взятки на его участке.

— Это ложь! — вмешался Дюган. — Я их сам собираю…

— Заткнись, Дюган! — рявкнул его начальник. — Видите ли, Перкинс… вам лучше покинуть помещение. Здесь нет ничего интересного для

вас.

— Ничего интересного? — мягко переспросил Перкинс. — Полицейские пытаются арестовать смерч, и вы говорите, что нет ничего интересного?

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Никто не пытался арестовать смерч! А теперь убирайтесь!

— Тогда почему вы обвиняете Паппи в неподчинении полицейскому? Чем Дюган там занимался — ловил бабочек?

— Сторож не обвиняется в неподчинении полицейскому.

— Ах, не обвиняется? Тогда какой же параграф вы хотите на него повесить?

— Никакого… Мы просто хотим его спросить…

— О, это уже интересно! Ему ничего не инкриминируют, нет ордера на арест, он ни в чем не обвиняется… Вы просто так хватаете гражданина и тащите его в участок. Стиль гестапо. — Перкинс повернулся к Паппи. — Ты не под арестом. Мой тебе совет — встать и выйти вон в ту дверь.

Паппи приподнялся.

— Эй! — лейтенант Дамброски подскочил на своем стуле, схватил Паппи за плечо и усадил его обратно.

— Есть приказ. Ни с места…

— **Щелкай!** — гаркнул Перкинс. Магниевая вспышка заставила всех застыть.

— Кто пустил их сюда? Дюган, забрать камеру! — взъярился Дамбровски.

— Раз — и готово! — сказал Кларенс, уворачиваясь от полицейского. Их движения напоминали танец на лугу.

— Хватай его! — веселился Перкинс. — Вперед, Дюган. И главное — камеру, камеру. А я сейчас же принимаюсь писать: «Лейтенант полиции уничтожает свидетельства полицейской жестокости».

— Что я должен делать, лейтенант? — взмолился Дюган.

Дамброски с омерзением посмотрел на него.

— Садись и прикрой физиономию. А вы, — обратился он к Перкинсу, — не пытайтесь публиковать эти снимки. Я вас предупреждаю.

— О чем? Что я не должен танцевать с Дюганом? Идем, Паппи. Идем, Кларенс. — И они вышли.

На следующий день в колонке «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» появилась очередная статья.

«Мэрия затеяла генеральную чистку. Пока городские мусорщики предавались своей обычной сиесте, лейтенант Дамброски, действуя в соответствии с приказом, полученным из канцелярии Хиззонера, отправился на Третью авеню за нашим смерчиком. Но результаты рейда оказались плачевными: патрульному полицейскому Дюгану не удалось засунуть смерчик в машину для заключенных. Однако неустрашимый Дюган на этом не успокоился; он арестовал стоявшего поблизости гражданина, некоего Джеймса Меткалфа, сторожа автомобильной стоянки, по обвинению в соучастии. Соучастии кому — Дюган отказался уточнить, потому что всем известно, что соучастие — это штука довольно расплывчатая. Лейтенант Дамброски допросил арестованного. Можете полюбоваться на снимок. Лейтенант Дамброски весит 215 фунтов — без башмаков. Задержанный — 119 фунтов.

Мораль: не болтайся под ногами, когда полиция ловит ветер.

P. S. *Когда номер готовился к печати, смерчик все еще играл с антикварной редкостью — газетой 1898 года. Остановитесь на углу*

Мейн-стрит и Третьей авеню и посмотрите наверх. Только поторопитесь — Дамброски не будет медлить с арестом смерчика».

На следующий день в колонке Пита продолжались уколы в адрес администрации.

«Считаем своим долгом сообщить читателям, что в последнее время в Большом жюри не раз случался переполох в связи с исчезновением документов, пропадавших прежде, чем с ними кто-то успевал ознакомиться. Мы предлагаем мэрии кандидатуру Китти, нашего смерчика с Третьей авеню, на должность внештатного клерка, следящего за бумагами. Как известно, Китти отличается редкой аккуратностью; у нее ничего не пропадает. Ей остается только выдержать экзамен для поступающих на гражданскую службу, но, как показывает практика, его сдают и круглые идиоты.

Но почему Китти должна ограничиваться столь низкооплачиваемой работой? Она отличается старательностью и исправно делает все, за что берется. И может ли кто-либо с полным основанием утверждать, что она менее квалифицированна, чем некоторые

из отцов города!

А не выдвинуть ли Китти в мэры? Она является идеальным кандидатом: весьма общительна, отличается упорядоченным мышлением, ходит только по кругу и никогда налево, она знает толк в наведении чистоты, так что у оппозиции не может быть к ней никаких претензий.

Кстати, мистер Хиззонер, так сколько же стоит подряд на уборку Гранд-авеню?

P. S. ***Китти все еще владеет газетой 1898 года. Приходите и полюбуйтесь на нее, пока еще наша полиция окончательно не запугала смерчик».***

Пит нашел Кларенса и поехал к стоянке. Она теперь была обнесена забором; человек у входа протянул им два билета, но от денег отмахнулся. За забором толпа людей обступила круг, в центре которого рядом с Паппи весело кружилась Китти. Они пробились к старику.

— Вот как ты теперь зарабатываешь деньги!

— Мог бы, но я этим не занимаюсь. Они хотели меня прикрыть. Предложили мне заплатить налог в 50 долларов на карнавалы и шествия, а также почтовый сбор. Поэтому я отделался от

билетов и даю их только для контроля.

— Не огорчайся, мы их еще заставим попрыгать.

— Это еще не все. Сегодня утром они попытались захватить Китти.

— Ну?! Кто? Как?

— Копы. Они приехали сюда с такой большой машиной, ну, знаешь, которой вентилируют подвалы, ночлежки, чердаки. Развернули ее и включили всасывающее устройство. Они думали всосать внутрь или Китти, или то, чем она играет.

Пит присвистнул.

— Ты должен был вызвать меня.

— Зачем? Я предупредил Китти. Она куда-то спрятала эту газету времен испанской войны и вернулась обратно. Ей понравилось. Она проскакивала сквозь эту машину раз шесть, словно в ручеек играла. Пролетала сквозь нее и выпрыгивала такая бодрая, что я только диву давался. В последний раз она сорвала фуражку с сержанта Янцеля, пропустила через машину и выплюнула ее в таком виде… Ну, они тоже плюнули и уехали.

Пит засмеялся.

— Ты все же должен был бы позвать меня. Кла-

ренс сделал бы отличный снимок.

— А я что, раз — и готово, — сказал Кларенс.

— Что? Ты был здесь сегодня утром?

— Конечно.

— Кларенс, дорогой, смысл новостей в том, чтобы как можно скорее их печатать, а не разыскивать в отделе иллюстраций.

— Все на твоем столе, — безмятежно сообщил Кларенс.

— М-да… Ладно, переключимся на другую тему. Паппи, я задумал кое-какую петрушку.

— Почему бы и нет?

— Хочу основать здесь штаб-квартиру кампании по выбору Китти в мэры. Над стоянкой из угла в угол натянем плакат, чтобы его было видно со всех сторон. Он будет здесь очень кстати, а у входа будут стоять симпатичные девочки. — Пит показал головой, где именно они будут стоять.

Сзади него уже командовал сержант Янцель.

— Отлично, отлично! — давал он указания. — Двигай! Очистить здесь!

Вместе с тремя сопровождающими он вытеснял людей за пределы стоянки. Пит подошел к нему.

— Что происходит, Янцель?

Янцель оглянулся.

— О, это вы? Ну что же, и вас попрошу… Мы

должны очистить это место. Срочный приказ.

Пит посмотрел через плечо.

— Попроси Китти убраться в другое место, Паппи, — приказал он. — Кларенс, **щелкни**!

— Раз — и готово, — сказал Кларенс.

— О'кей, — ответил Пит. — А теперь, Янцель, объясните мне толком, что тут происходит.

— Хитер, парень. Но лучше бы вам и вашему напарнику убраться отсюда, если хотите сохранить головы на плечах. Мы готовим базуку.

— Готовите что? — Питер обернулся и недоверчиво посмотрел на патрульную машину. Действительно, двое полицейских уже вытаскивали из нее базуку. — Готовься к бою, — сказал он Кларенсу.

— Что мне, раз — и готов, — сказал Кларенс.

— И перестань чавкать жевательной резинкой. Послушайте, Янцель, я же все-таки газетчик. Объясните, Христа ради, что вы собираетесь делать?

— Походите и подумайте, — Янцель отвернулся от него. — Все в порядке? Внимание! Приготовиться! Огонь!

Один из копов посмотрел вверх:

— По кому, сержант?

— Я думал, у тебя хватит ума сообразить — по смерчу, конечно.

Паппи высунулся из-за плеча Пита:

— Что они делают?

— Кажется, я начинаю догадываться. Паппи, попроси Китти убраться с глаз долой — я думаю, они собираются загнать ей ракету в глотку. Это может нарушить ее динамическое равновесие или как-то повредить ей.

— Китти в безопасности. Я посоветовал ей спрятаться. Пит, они, должно быть, полные идиоты.

— А в каком законе сказано, что коп должен быть в здравом уме при исполнении обязанностей?

— По какому смерчу, сержант? — спросил наводчик.

Янцель начал возбужденно объяснять ему, но затем отменил все свои указания, когда убедился, что в поле зрения нет никакого смерча.

— Это ты убрал свой смерч?! — обернулся он к Паппи. — Ты! — гаркнул он. — Немедленно верни его!

Пит вытащил блокнот.

— Вот это уже интересно, Янцель. Не ваши ли профессиональные знания позволяют вам отдавать приказания смерчу, будто он дрессированная собака? И какова на этот счет официальная позиция полицейского управления?

— Я… Комментариев не будет. Прекратите, или я прикажу вас вывести.

— Не сомневаюсь. Но вы установили своего клоподава так, что осколки пролетят сквозь смерч и закончат свой путь не иначе, как на крыше мэрии. Скажите, является ли это частью заговора с целью убить Хиззонера?

Янцель резко обернулся и проследил взглядом воображаемую траекторию.

— Эй, оттащите ее оттуда! — заорал он. — Разверните ее в другую сторону! Вы что, хотите пришибить мэра?

— Вот это уже лучше, — сказал Пит сержанту. — Теперь они могут потренироваться на Первом национальном банке. Но я больше не могу ждать.

Янцелю пришлось снова оценивать ситуацию.

— Направьте ее в безопасную сторону, — приказал он. — Неужели я должен за всех вас думать?

— Но, сержант…

— Что еще?

— Это же вы указали направление. И мы готовы к стрельбе.

Пит посмотрел на них.

— Кларенс, — вздохнул он, — пойди пройдись и сделай снимок, как они втаскивают эту штуку

обратно в машину. Это произойдет минут через пять. Мы с Паппи будем в гриль-баре. Постарайся, чтобы физиономия Янцеля попала в кадр.

— Что мне, раз — и готово, — отозвался Кларенс.

Новая публикация под рубрикой «НАШ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД» занимала три колонки и была озаглавлена: «Полиция объявляет войну смерчику». Пит взял номер газеты и поехал на стоянку, чтобы показать статью Паппи.

Его там не было. Отсутствовала и Китти. Пит порыскал по закоулкам, сунул нос в сторожку и в бар. Никаких следов.

„Не иначе, Паппи пошел за покупками или отправился в кино", — подумал Пит и вернулся обратно в редакцию. Сев за стол, он было попытался набросать начало завтрашней колонки, но скомкал бумагу и пошел в отдел иллюстраций.

— Эй! Кларенс! Ты сегодня был на стоянке?

— Не-а.

— Паппи исчез.

— Чего ради?

— Пошли. Мы должны его разыскать.

— Зачем? — спросил Кларенс, но тут же схватился за камеру. Стоянка была по-прежнему пустынна — ни Паппи, ни Китти, пи даже малей-

шего дуновения ветерка. Пит повернулся.

— Слушай, Кларенс, сегодня хорошо снимать?

Кларенс поднял камеру и прицелился в небо.

Нет, — сказал он. — Света маловато. Но там что-то есть…

— Что?

— Смерчик.

— Ну? Китти?

— Может быть.

— Китти, сюда! Иди сюда, Китти!

Смерчик опустился рядом с ними, покружился и подхватил валявшийся кусочек картона. Покружив его, он швырнул картон в лицо Питу.

— Китти, нам не до шуток, — сказал Пит. — Где Паппи?

Смерчик скользнул назад. Пит увидел, что он снова стал возиться с картонкой.

— Оставь ее в покое! — резко сказал Пит.

Смерчик вскинул свою находку на сотню футов, откуда она резко спланировала вниз, ударив Пита ребром по носу.

— Китти! — взвыл Пит. — Перестань дурачиться!

На картонке размером шесть на восемь дюймов было что-то напечатано. Видно, прежде она была к чему-то приколота: по углам виднелись следы

от кнопок. Пит прочел: «Отель «Ритц-классик». И ниже: «Номер 2013. На одного человека — 6 долларов, на двоих — 8 долларов». Далее шли гостиничные правила.

Пит нахмурился. Внезапно он резко швырнул картонку Китти. Та немедля кинула ее обратно в лицо Питу.

— Идем, Кларенс, — отрывисто сказал Пит. — Нас ждут в отеле «Ритц-классик», в 2013-м номере.

«Ритц-классик» представлял собой огромную ночлежку, забитую внизу магазинчиками и дамскими парикмахерскими. Мальчик-лифтер посмотрел на камеру Кларенса и сказал: «Док, здесь этого делать нельзя. В нашем отеле — никаких бракоразводных историй».

— Успокойся, — сказал ему Пит. — Это не настоящая камера. Мы торгуем травкой, марихуаной то есть.

— Что же вы сразу не сказали? Вам бы не пришлось прятать ее в камере. Только людей нервируете. Вам какой этаж?

— Двадцать первый.

Лифтер сразу же поднял их на место без остановки, игнорируя остальные вызовы.

— За спецобслуживание два куска, — преду-

предил он.

Они вышли и направились по коридору в поисках нужного номера. Дверь его была заперта, и Пит осторожно постучал. Затем еще раз. Молчание. Он прижал ухо к двери, и ему показалось, что он слышит какую-то возню внутри. Сдвинув брови, Пит оценивающе отступил от двери.

— Я кое-что вспомнил, — сказал Кларенс и затопал по коридору. Он быстро вернулся с красным пожарным топором в руках. — Щелкнуть? — спросил он Пита.

— Прекрасная мысль, Кларенс! Но подожди, — Пит грохнул в дверь и закричал: — Паппи! Эй, Паппи!

Огромная женщина в розоном пеньюаре открыла дверь по соседству.

— Вы кого-то ищете? — осведомилась она.

— Успокойтесь, мадам, — сказал Пит. — Мы просто хотим глотнуть свежего воздуха.

Он прислушался. За дверью явно слышались звуки борьбы, а потом сдавленное: «Пит! Эй, Пит…»

— **Щелкнуть!** — приказал Пит, и Кларенс врубился в дверь.

Замок поддался с третьего удара. Вместе с Кларенсом Пит ворвался в комнату. Но кто-то,

выбегая навстречу, сбил его с ног. Поднявшись, Пит увидел лежащего на кровати Паппи, он пытался освободиться от полотенца, которым был привязан.

— Лови их! — закричал Паппи.

— Не раньше, чем я тебя развяжу.

— Они забрали мои штаны. Ребята, я думал, вы уж никогда не придете.

— Китти пришлось мне кое-что втолковать.

— Я поймал их, — сказал Кларенс, — Обоих.

— Как? — спросил Пит.

— Раз — и готово, — гордо сказал Кларенс и похлопал рукой по камере.

Пит выскочил в коридор.

— Они побежали туда, — услужливо показала огромная женщина.

Пит кинулся по коридору, завернул за угол, но успел только увидеть, как захлопнулась дверца лифта.

Выскочив из отеля, Пит остановился при виде большой толпы. Пока он раздумывал, что делать, Паппи схватил его за плечо:

— Вон они! В той машине!

Машина, на которую указал Паппи, уже почти выбралась из вереницы такси, стоявших перед отелем; издав низкое рычание, она рванулась с

места. Пит рывком открыл дверцу ближайшей машины.

— Поезжайте за этой машиной! — крикнул он.

Паппи и Кларенс следом за ним ввалились в такси.

— Чего? — спросил таксист.

Кларенс поднял пожарный топор. Водитель крякнул.

— Простите, — сказал он. — Разве нельзя спросить? — И он двинулся за ушедшей машиной.

Сноровка водителя помогла им разобраться в путанице улочек нижнего города. Преследуемая машина свернула на Третью авеню и погнала вниз прямо к реке. Они мчались в пятидесяти ярдах следом за ней, пока не выбрались на трассу, где не было ограничения скорости.

— Вы будете снимать на ходу? — спросил водитель.

— Что снимать?

— Разве это не киносъемка?

— О, господи, конечно, нет! В той машине похитители детей! Скорее!

— В этом я не участник! — И водитель резко затормозил.

— За ними! — Пит схватил топор и занес его над головой водителя.

Машина снова набрала скорость.

— Это кончится аварией. У них мотор сильнее.

Паппи схватил Пита за руку.

— Это Китти!

— Где? С ума сойти!

— Снижайся! — закричал Паппи. — Китти, эй, Китти, ты над нами!

Смерчик описал петлю в воздухе и поравнялся с машиной.

— Здравствуй, малышка! — обратился к нему Паппи. — Гони за тем такси! Вперед — и достань его!

Китти, не понимая, смущенно качнулась на ходу. Паппи объяснил ей еще раз — и она вихрем сорвалась с места, подняв в воздух кучу мусора и бумаг.

Они видели, как Китти настигла переднюю машину и, резко обрушившись вниз, швырнула в лицо водителю весь бумажный мусор, который тащила с собой. Машину кинуло в сторону, она ударилась о боковое ограждение и, отлетев рикошетом, врезалась в фонарный столб.

Пять минут спустя Пит, оставив на попечение Китти и Кларенса, вооруженного все тем же пожарным топором, двух охающих от ссадин типов, одну за другой скармливал монеты телефону-

автомату.

— Соедините меня с Федеральным бюро расследований, — наконец скомандовал он, — кто там ведает похищением граждан. Вы должны знать — Вашингтон, округ Колумбия. И побыстрее!

— Господи, — сказали на другом конце провода, — вы что же думаете, я их номера наизусть знаю?

— Поторопитесь!

— Сию секунду!

Через минуту в трубке прорезалось:

— Федеральное бюро расследований.

— Соедините меня с Гувером! Что? Ну хорошо, хорошо, я поговорю с вами. Послушайте, тут такая любопытная штука… Мы их взяли с поличным, вот только что, но если ваши ребята из местного отделения не поспеют раньше городских полицейских, ничего не получится. Что? — Пит успокоился и членораздельно объяснил, кто он такой, откуда звонит и что, собственно, случилось. Его выслушали, все время притормаживая, когда он пытался набирать скорость, и пообещали, что местное отделение ФБР тотчас же будет оповещено.

Пит вернулся к месту аварии как раз в тот момент, когда лейтенант Дамбровски вылезал из

патрульной машины. Пит прибавил шаг.

— Не делайте этого, Дамбровски! — закричал он.

— Не делать чего?

— Ничего не делайте. ФБР уже направляется сюда, а вы и так по уши в дерьме. Не усугубляйте ситуацию.

Пит показал на пойманных. На одном из них сидел Кларенс, уперев острие топора в спину другому.

— Песня этих пташек уже спета. И не только их. Так что вам имеет смысл поспешить, чтобы успеть на самолет до Мехико.

Дамбровски посмотрел на него.

— Слишком ты умный, — не очень решительно сказал он.

— Поговорите с ними. Они готовы во всем признаться.

Один из типов поднял голову.

— Нам угрожали, — сказал он. — Уберите их, лейтенант. Они напали на нас.

— Давай, давай, — весело сказал Пит. — Вали все в кучу. Расскажи что-нибудь интересненькое до того, как приедет ФБР. Может, тебе и полегчает.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

Дамброски дернулся.

— Уберите этот топор!

— Делай, что он говорит, Кларенс. И подготовь камеру к той минуте, когда подъедут люди из ФБР.

— Никого из ФБР вы не вызывали!

— Обернитесь!

Рядом с ними бесшумно остановился темно-синий «седан», и из него вышли четверо приземистых людей. Первый из них спросил:

— Есть тут кто-нибудь по имени Питер Перкинс?

— Это я, — сказал Пит. — Что вы скажете, если я вас поцелую?

Было позднее вечернее время, но стоянка для машин, заполненная людьми, гудела от голосов. По одну сторону возвышались призывы к выборам нового мэра и там собирались почетные гости; по другую — уже стояла эстрада для духового оркестра, освещенный лозунг над нею гласил: «ЗДЕСЬ ЖИВЕТ КИТТИ — ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН НАШЕГО ПРЕКРАСНОГО ГОРОДА».

В центре огороженной площадки Китти изгибалась, носясь из стороны в сторону, кружилась и танцевала. Пит стоял у одного конца ограды,

Паппи — у другого; вокруг на расстоянии четырех футов друг от друга стояли детишки.

— Готовы? — громко спросил Пит.

— Готовы, — ответил Паппи. И тогда они все вместе — Пит, Паппи и дети — стали кидать в центр круга ленты серпантина. Китти, подхватив, разматывала их и обвивала вокруг себя.

— Конфетти! — скомандовал Пит. И каждый швырнул по горсти пестрых кружочков — только несколько из них смогли коснуться земли.

— Шарики! — крикнул Пит. — Свет! — И ребята стали торопливо надувать воздушные шарики двенадцати цветов. Шарики один за другим тоже скормили Китти. Ударили лучи прожекторов, автомобильных фар и фонарей. Китти превратилась в кипящий и извивающийся цветной фонтан высотой в несколько этажей.

— Щелкнуть? — спросил Кларенс.

— Щелкай!

Роберт Сильверберг

Звероловы

С высоты пятидесяти тысяч миль планета выглядела очень привлекательно. Земного типа, с преобладанием зеленых и голубых тонов, без видимых признаков цивилизации. Что же касалось фауны...

Я повернулся к Клайду Холдрету, приникшему к термоскопу.

— Ну, что ты можешь сказать?

— Температура подходящая, много воды. Мне кажется, надо садиться.

В рубку вошел Ли Давидсон. На его плече сидела одна из тех голубых мартышек, которых мы поймали на Альферазе.

— У нас есть свободные вольеры? — спросил я.

— На целый зоопарк!

— Я за посадку, — вмешался Холдрет. — Нельзя же возвращаться на Землю лишь с парой мартышек и муравьедами.

Кроме поисков внеземных животных для

Зоологического управления Министерства межзвездных дел мы попутно занимались и картографированием планет, а в эту систему еще не залетали земные звездолеты. Еще раз взглянув на голубой шар, медленно вращающийся на обзорном экране, я занялся расчетом посадочной траектории. Из вольеров доносились сердитые вопли голубых мартышек, которых Давидсон привязывал к противоперегрузочным креслам, и недовольное похрюкивание муравьедов с Ригеля…

Не успел корабль коснуться поверхности планеты, как вокруг начали собираться представители тамошней фауны.

— Посмотрите, да тут не меньше тысячи видов! — воскликнул Давидсон. — О таком можно только мечтать!

— Кого же из них взять с собой? — немного растерянно спросил я, прикинув, сколько у нас свободного места.

— Я считаю, мы должны отобрать самых необычных животных и вернуться на Землю, — ответил Холдрет. — Остальных оставим до следующего раза.

— Эй, посмотрите сюда! — позвал нас Давид-

сон.

Из густого леса появилось существо ростом не менее двадцати футов, похожее на жирафа, с миниатюрной головой на грациозной шее. Оно передвигалось на шести длинных ногах. Поражали глаза, огромные фиолетовые шары, чуть выступающие вперед. Животное подошло к кораблю и, казалось, взглянуло прямо на нас. У меня возникло ощущение, будто оно пытается нам что-то сказать.

— Великовато, а? — прервал молчание Давидсон.

— Уж ты-то не отказался бы взять его с собой.

— Возможно, нам удастся уместить детеныша, — Давидсон повернулся к Холдрету. — Как по-твоему, Клайд?

— Попробуем, — пробурчал тот.

Жираф, похоже, удовлетворил свое любопытство и, подогнув ноги, опустился на траву. Маленький, собакообразный зверек недовольно залаял, но тот даже не повернул головы.

— Ну, как анализ атмосферы? — спросил Давидсон.

— Отличный, — возвестил Холдрет. — Пора на охоту.

Я вдруг почувствовал смутную тревогу. Слиш-

ком тут было хорошо…

— Никогда ничего подобного не видел, — повторил Давидсон по крайней мере в пятнадцатый раз. — Сущий рай для звероловов.

Подошел Холдрет, держа в руках собаку с блестящей, без единого волоска кожей и выпуклыми, как у насекомых, глазами.

— Как дела, Гас?

— Нормально, — ответил я без особого энтузиазма.

— Ты что-то не в духе. В чем дело?

— Мне здесь не нравится.

— Почему?

— Животные сами идут в руки. Будто рады, что их возьмут на корабль. Я вспоминаю, как нам пришлось погоняться за муравьедами…

— Перестань, Гас. Если хочешь, мы быстро погрузимся. Но для нас эта планета — золотая жила.

Холдрет беззаботно рассмеялся и потащил собаку к вольерам. Чувствуя себя лишним, я решил обследовать окрестности и через полчаса поднялся на высокий холм. Оказалось, мы сели на огромном острове или сильно вытянутой косе. По обе стороны вдали виднелось море. Справа до самого берега темнел лес, слева простиралась

степь. У подножия холма блестело небольшое озеро. Не остров, а рай для всякой живности.

Я не считал себя зоологом, мои знания ограничивались лишь беседами с Давидсоном и Холдретом. Но и меня не могло не поразить удивительное многообразие всех этих странных существ и их поразительное дружелюбие. По дороге мне встретился еще один жираф. И снова у меня возникло ощущение, будто он пытается мне что-то сказать.

Вернувшись на звездолет, я увидел, что вольеры забиты до отказа.

— Как дела? — поинтересовался я.

— Заканчиваем, — ответил Давидсон. — Теперь приходится выбирать, кого взять, а кого оставить.

Он вынес из вольера двух собакообразных и заменил их пеликанами.

— Зачем они тебе? — спросил Холдрет.

— Одну минуту, — вмешался я. — Какая странная птица. У нее восемь ног!

— Ты становишься зоологом, — хмыкнул Холдрет.

— Нет, но у меня возникают сомнения. Почему у одних животных восемь ног, у других — шесть, а третьи обходятся четырьмя? — Холдрет и Давид-

сон смотрели на меня, не понимая вопроса. — Я хочу сказать, что процесс эволюции, как правило, отличает определенная логика. Для животного мира Земли характерны четыре конечности, а для четвертой планеты Беты Центавра — шесть…

— Ну, всякое случается, — возразил Холдрет. — Вспомни симбиоз Сириуса-3 или червей Мизара. Но, вероятно, ты прав. Налицо очень странное отклонение. Мне кажется, нам стоило бы остаться и провести некоторые исследования.

Я понял, что допустил серьезную ошибку, и предпринял обходной маневр.

— Не согласен. Наоборот, мы должны вылететь немедленно, а потом вернуться с более подготовленной экспедицией.

— Перестань, Гас, — возмутился Давидсон. — Такой случай выпадает раз в жизни.

— Ли, звездолетом командую я. Нам положено сделать короткую остановку и лететь дальше. Запасы продовольствия строго ограничены. Никаких научных исследований, иначе нам придется есть тех, кого мы поймали.

— Против такого довода не поспоришь, — после некоторого молчания ответил Холдрет.

— Ну, ладно, — неохотно согласился Давидсон.

Я решил рассчитать режим взлета и пошел в

рубку. Там меня ждал сюрприз. Кто-то выдрал из гнезд пульта управления все провода. Несколько минут я не мог прийти в себя, а потом кинулся к вольерам.

— Давидсон! — позвал я.

— Что случилось, Гас?

— Срочно в рубку!

Он появился лишь через несколько минут, недовольно хмурясь.

— В чем дело? Я занят и…

— Посмотри на пульт!

Давидсон замер с открытым ртом.

— Немедленно позови Холдрета!

Пока он привел Холдрета, я снял панель и внимательно все осмотрел. Мое настроение несколько поднялось. За пару дней повреждения можно было устранить…

— Ну что? Чьих рук это дело? — набросился я на Давидсона и Холдрета, когда они вошли в рубку.

— Если ты намекаешь на то, что это сделал кто-то из нас, — начал Давидсон, — то…

— Я ни на что не намекаю. Но мне кажется, что вы с удовольствием продолжили бы исследования. И наилучший способ сделать это — заставить меня чинить систему управления. Вы своего добились!

— Гас, — Давидсон положил руку мне на плечо, — мы этого не делали. Ни он, ни я.

Я понял, что он говорит правду.

— Кто же тогда?

Давидсон пожал плечами.

Они ушли к животным, а я постарался сосредоточиться на ремонте. Через несколько часов работы мои пальцы стали дрожать от усталости, и я решил отложить ремонт до следующего дня.

В ту ночь я спал плохо. Из вольеров доносились стоны муравьедов, визг, шипение, блеяние и фырканье других животных. Наконец около четырех утра я провалился в глубокий сон. Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидел бледные лица Холдрета и Давидсона.

— Вставай, Гас!

— Какого черта!.. — но меня уже тащили в рубку. Там я мгновенно пришел в себя.

Все провода, ведущие к пульту управления, опять лежали на полу!

Необходимо охранять рубку, — сказал я. — Один из нас должен постоянно бодрствовать. Кроме того, всех животных следует немедленно удалить из звездолета.

— Что? — негодующе воскликнул Холдрет.

— Он прав, — согласился со мной Давидсон.

Весь день я чинил пульт, а к вечеру первым заступил на вахту, с трудом подавляя желание вздремнуть. Когда Холдрет вошел в рубку, чтобы сменить меня, он ахнул и указал на пульт. Провода вновь валялись на полу…

Ночью мы все остались в рубке. Я чинил этот проклятый пульт. Но к утру оказалось, что все труды пропали даром. Никто не заметил, как это произошло.

Я вылез из звездолета и уселся на большой камень. Одна из собакообразных подошла ко мне и потерлась мордой о колено. Я почесал ее за ухом.

На одиннадцатый день животные перестали интересоваться нами. Они бродили по равнине, подбирая комочки белого тестообразного вещества, каждую ночь падавшего с неба. Мы назвали его манной небесной. Провизия кончилась. Мы заметно похудели. Я уже давно не подходил к пульту управления.

К вечеру Давидсон набрал ведерко манны, и мы устроили пир.

— Надо сказать, — заметил Холдрет, — звездолет мне порядком надоел. Хорошо бы вернуться к нормальной жизни.

— Пошли спать, — предложил я. — Утром мы еще раз попробуем выбраться отсюда. Надеюсь,

нам это удастся, — моим словам явно не хватало былой уверенности.

Утром я встал пораньше с твердым намерением починить пульт. Войдя в рубку, я взглянул на обзорный экран и замер. Потом вернулся в каюту и разбудил Холдрета и Давидсона.

— Посмотрите в иллюминатор, — попросил я.

Они кинулись смотреть.

— Похоже на мой дом, — пробормотал Холдрет. — Мой дом на Земле!

Мы вышли из звездолета. Вокруг собрались животные. Большой жираф подошел поближе и печально покачал головой. Дом стоял посреди зеленой лужайки, чистенький, сверкающий свежей краской. Ночью чьими-то заботами его поставили около звездолета, чтобы мы могли в нем жить.

— Совсем как мой дом, — изумленно повторял Холдрет.

— Естественно, — буркнул я. — Они воссоздали его по твоей памяти.

— О ком ты говоришь? — спросили в один голос Холдрет и Давидсон.

— Неужели вы до сих пор не сообразили, в чем дело? — я облизал пересохшие губы, поняв, что остаток жизни нам придется провести на этой

планете. — Неужели не ясно, что означает этот дом? Это наша клетка. Нас, звероловов, здешний разум умудрился загнать в свой космический зоопарк!

Я взглянул на безоблачное, теперь уже недостижимое небо, поднялся на веранду и тяжело опустился на стул. Я смирился и представил себе табличку на изгороди:

Земляне, звероловы

Естественная среда обитания — Солнечная система

Джеймс Уайт

Смертоносный мусор

1. Человек, открывший дверь, не стал спрашивать, кто они и что им нужно. Он молча смотрел на капитана Грегори и офицеров, вошедших следом, и ждал. Испуг мелькнул лишь в его глазах, единственной части лица, способной выражать эмоции. Остальное было неподвижной блестящей маской, следствием пластической операции. Но глаза говорили, что он ожидал этот визит, ждал и боялся его долгие годы.

— Вы Джеймс Эндрю Колфилд, — тихо произнес Грегори, — бывший механик грузопассажирского судна «Подсолнечник»? Разрешите войти?

Человек кивнул, и они вошли в комнату.

Грегори сел напротив Колфилда, а его люди, Хартман и Нолан, остались стоять, не спуская глаз с бывшего механика. Они принесли с собой память об искаженных страданием лицах, о хрупких, как стекло, замерзших телах, разбитых искалеченных кораблях — преступной

халатности некоторых космонавтов. Лейтенанты Хартман и Нолан держали себя в руках, не давая воли владевшей ими ненависти, ненависти, которую они испытывали к Колфилду и ему подобным. Но и скрывать своей ненависти они не собирались.

— У вас есть выбор, — сказал Грегори. — Вы либо отправляетесь в тюрьму, либо следуете за нами.

После короткой паузы он добавил:

— Разумеется, вы можете обвинить во всем вашего покойного капитана, хотя не уверен, что вам удастся это сделать через столько лет. Предупреждаю, вам грозит суровый приговор. Поэтому советую добровольно помочь следствию и вернуться на место преступления.

— Я лечу с вами, — сказал Колфилд. — Правда, место преступления несколько отдалилось… — не без тени усмешки добавил он.

Хартман угрожающе откашлялся, но Грегори решил, что время взяться за этого человека всерьез еще не наступило. И не обращая внимания на тон Колфилда, он ответил:

— Мне приходилось слышать, что наше Солнце совершает обороты вокруг центра Галактики, а Галактика в целом тоже движется. Так что я

догадываюсь, что точка, в которой находился «Подсолнечник» одиннадцать лет назад, сейчас очень далеко. Но для наших целей мы можем рассматривать Солнце со всеми планетами, лунами, метеоритами и различным мусором, добавленным нами, как единую гравитационную систему. Вам разрешено взять с собой семьдесят фунтов багажа. Решайте, что вы будете брать.

Грегори подумал, что Колфилд больше похож на штурмана, чем на механика. И пожалел, что его пленник в свое время находился не на капитанском мостике, а у реактора. Но он был единственным оставшимся в живых членом экипажа «Подсолнечника», и Грегори вынужден был довольствоваться тем, что есть.

Наблюдая, как Колфилд собирается — он взял с собой в основном технические книги, портрет покойной жены и кое-какие мелочи, — Грегори немало узнал об этом человеке. Многое сказала ему и квартира Колфилда, сказала куда больше, чем заметили полицейские, которым удалось выследить механика. Все это могло пригодиться позже, когда придется покрепче нажать на Колфилда.

— Этот легко согласился, — заметил Нолан, пока Колфилд и Хартман улаживали дела с управ-

ляющим домом. — Обычно они сопротивляются. И многие предпочитают тюрьму.

— Может, он любит космос, — сказал Грегори, — и тоскует без него. Ты же знаешь бывших космонавтов. Может, он согласен на любые условия, только побывать там снова.

— Если бы он обожал космос, — проворчал Нолан, — он бы не сделал так, чтобы закрыть его для себя навсегда.

Простого ответа здесь не было…

По дороге к космопорту Грегори молчал. Он думал о квартире, которую они только что покинули. Книжные полки свидетельствовали о том, что Колфилд старался не отставать от жизни, что он страстно интересуется всем относящимся к космическим полетам, не ограничиваясь своей специальностью. Обстановка квартиры при всей ее скромности не лишена была женского вкуса. Но пыли по углам такая женщина не допустила бы. Грегори узнал от полицейских, что жена Колфилда умерла два года назад, однако Грегори был убежден, что ни одна вещь в квартире с тех пор не поменяла своего места, а хозяин старался поддерживать прежний порядок.

Интеллигентный, чувствительный тип, свято хранящий память о жене, решил Грегори. Надо

будет учесть это при допросах.

Перед главными воротами им пришлось задержаться, пока охрана проверяла пропуска. Один из мелких торговцев, что всегда ошиваются там, увидев гражданский костюм Колфилда, попытался всучить ему пакет чайного листа, якобы привезенного с Ганимеда. Вполголоса, но с таким знанием тонкостей языка, что даже Хартман прислушался, заключенный объяснил торговцу, что он думает о его товаре. Он перешел к не менее изысканному объяснению, что следует сделать с этими листьями, но тут охранник велел машине проезжать.

На поле им дважды пришлось останавливаться на красный свет, ожидая пока поднимется пассажирский катер, но в конце концов они добрались до своего катера, который должен был доставить их на «Декарт». Не прошло и трех часов с того момента, как они постучали в дверь Колфилда, а их корабль был уже в космосе.

Патрульный корабль «Декарт» был крупным судном, но при необходимости он мог совершить посадку непосредственно на планету и потому был снабжен большими стабилизаторами, а обтекаемые линии корпуса делали его похожим

на грузовые межпланетные ракеты. Почти все свободное пространство внутри было занято баками с горючим для посадочных двигателей, а что оставалось, занимали реактор и электронное оборудование с богатым набором измерительных и следящих приборов, так что жилые помещения были тесными и не очень комфортабельными. Но Грегори гордился своим кораблем.

На мостике их ждал лейтенант Эллен. Он коротко и недружелюбно взглянул на Колфилда, кивнул Хартману и Нолану, затем доложил капитану, что на корабле, находящемся на двухтысячемильной орбите, все нормально. Получено несколько сигналов, не представляющих интереса, за исключением сообщения, касающегося преступной халатности членов экипажа «Цербера», о чем сообщил пассажир корабля после его приземления.

— Не доверяю сообщениям пассажиров, — сказал Грегори раздраженно. — Даже в тех случаях, когда они искренне полагают, что заметили нечто неладное, их информация оказывается плодом недоразумения. Мы проверяли «Цербер», и я уверен, что это чистый корабль.

Раздражение Грегори отчасти объяснялось тем, что случай с «Цербером» вынуждал отложить до-

прос Колфилда. Дело о дрейфе «Подсолнечника» было настолько неотложным, что Грегори испытывал нетерпение. Хотя, может, и неплохо, если Колфилд помается в ожидании расследования.

— Хорошо, Эллен, — сказал он наконец. — Мы проверим сигнал. Вы свободны. Желаю приятного отпуска.

— Спасибо, сэр, — ответил Эллен и поспешил перейти на катер, который только что доставил на борт Грегори.

Хартман занял кресло штурмана, Нолан устроился у пульта механика, Грегори уселся на свое место между ними и чуть сзади, откуда мог наблюдать за всем. Колфилду досталось одно из пассажирских кресел возле иллюминатора. Хартман заложил в компьютер параметры их орбиты относительно курса «Цербера» и скорректировал оптимальный курс. Он передал данные Нолану, который взглянул на капитана. Тот кивнул.

— Закрепите ремни, — произнес Нолан. — Двенадцать с половиной секунд при 2 g.

Разворачивая корабль, взвыли гироскопы. За ними после короткой паузы, вжав людей в кресла, взревели и смолкли химические реактивные двигатели. Казалось, прошло куда больше двенадцати секунд. Теперь оставалось только

ждать, когда «Цербер» появится на экранах, и подстроиться к его скорости. Это произойдет через двадцать семь минут.

Все это время Грегори делил свое внимание между пленником и светлыми точками других кораблей на экране. Несмотря на возросшее за последние годы число космических путешествий, свободных орбит вокруг Земли хватало на всех. Но находясь на орбите, всегда можно было видеть по крайней мере два-три других корабля.

На мостике нарастало напряжение. И, глядя на Колфилда, ощущая, как медленно тянутся минуты, Грегори не удивился неожиданному взрыву.

— Чего вы ждете! — закричал Колфилд. — Хотите задавать вопросы, так задавайте! Начинайте с самых легких: какова была точная позиция «Подсолнечника» в 16 часов 3 минуты двенадцатого августа одиннадцать лет назад? Не был ли я случайно голоден в тот момент, а может, я пил чай? А что случилось с грязной посудой?..

Лейтенант Нолан снова откашлялся, но продолжал глядеть на свой пульт. Колфилд замолчал.

Грегори сказал спокойно:

— В целом вы рассуждаете верно, Колфилд. Но за одиннадцать лет техника допроса шагнула довольно далеко вперед. Мы располагаем

медикаментами, которые позволят вам точно вспомнить…

— Нет! — Колфилд был испуган.

— Согласно закону, я не могу употреблять эти средства без вашего согласия, — продолжал Грегори. — Но советую задуматься о последствиях, если вы откажетесь с нами сотрудничать. В конце концов, никакого вреда вашему мозгу эти средства не принесут.

— Нет!

— Будьте наконец реалистом! — резко сказал Грегори. — То, что вы женились на вдове капитана вскоре после его смерти, нам уже известно. И это может быть важно для следствия. Но мне нужны конкретные данные. Все остальное, что я узнаю во время сеанса, меня совершенно не интересует и к тому же не подлежит разглашению.

Колфилд принялся яростно доказывать, что в его личной жизни не было ничего способного заинтересовать следователя. И в потоке оправданий Грегори уловил некоторые детали, ранее ему неизвестные и позволившие лучше понять личность Колфилда и побудительные мотивы его действий.

Когда Колфилд лежал в госпитале после случая с «Подсолнечником», вдова капитана часто его

навещала, расспрашивая о своем муже. Очевидно, оба они нуждались в утешении и сочувствии, так что в конце концов сблизились. Но новая жена Колфилда уже потеряла одного мужа в космосе и потому взяла с Колфилда слово никогда более не покидать Землю. Ему пришлось несладко, но ради жены он твердо держался своего слова. До тех пор, пока…

— Сближаемся с «Цербером», — объявил Нолан. — Десять секунд акселерации. Надеть ремни.

Когда перегрузки кончились, за иллюминатором возник «Цербер». До него было менее четверти мили. Колфилд застыл от изумления.

Резко освещенный солнцем и светом, отраженным от облачного слоя внизу, большой грузовой корабль выглядел весьма необычно. Три громадных шара «Цербера», соединенные коридорами, скрывались под слоем густой растительности. Корабль буквально зарос цветами, травой, кустарником, вьющимися растениями. Побеги плюща обвивали антенны и перископы, яркие пятна цветочных клумб живописно оттеняли зелень холмов, камыши окружали иллюминаторы будто гладь небольших прудов. Даже оставленные свободными участки чистого металла были

раскрашены так, что это не нарушало общей картины. С точки зрения Грегори, сады «Цербера» были слишком стилизованны, что свидетельствовало о недостатке воображения, но, как и капитан корабля, чьи вкусы они отражали, они производили впечатление своей основательностью и некоторым консерватизмом.

— Вы этого уже не застали, — сказал Грегори Колфилду. — Может, вам приходилось видеть изображения подобных садов, но взглянуть на такой сад собственными глазами всегда интересно.

Грегори обернулся к Хартману и приказал:

— Сообщи, что мы переходим к ним на борт. Пока не вернемся, не покидай мостика. Нолан, надень скафандр. Ты идешь со мной. И вы, Колфилд.

2. Пленник казался неуверенным в себе, когда они покинули корабль, но Грегори за него не беспокоился. Ни один космонавт не забудет, как вести себя в невесомости. Все равно как нельзя разучиться плавать или ездить на велосипеде.

Высадившись на поверхности «Цербера», они, прежде чем войти в люк, решили посмотреть сад. Колфилд плелся сзади.

Грегори отвлекся от рассматривания искус-

ственных растений и спросил:

— Вы знаете, — почему на кораблях устраивают сады?

— Ничего удивительного, — голос Колфилда в шлемофоне звучал тихо и глухо. — Уже в мои дни клаустрофобия среди пассажиров и команд была серьезной проблемой. Особенно в дальних рейсах. На кораблях мало свободного места, и это всегда ведет к клаустрофобии и неврозам. Если вспышка невроза выйдет из-под контроля, это не менее опасно для корабля, чем взрыв реактора. В то же время вокруг корабля избыток простора, который не только способен излечить любую клаустрофобию, но и вызвать агорафобию, боязнь открытого пространства. Надо было отыскать среднее между двумя фобиями, — продолжал Колфилд. — И выход был найден в превращении внешней оболочки корабля в сад. С одной стороны, это интересное занятие для команды в долгом пути, с другой — возможность для человека, если уж ему стало не по себе в тесном внутреннем помещении, выйти наружу и убедить себя, что он сидит ночью в земном саду и любуется звездами. Разумеется, сходство условно, но оно дает облегчение подсознанию. Нетрудно обмануть человека, если он этого хочет, так что садовая

терапия в большинстве случаев оказывалась эффективной.

— Вы правы, — Грегори постарался не показать удивления. Несмотря на искажения шлемофона, в голосе Колфилда звучали авторитарные нотки. «Странный механик», — подумал Грегори.

Приглядевшись, можно было понять, что участки травы в саду представляют собой тонкий слой умело раскрашенного пластика, который не мешал подошвам цепляться за намагниченную поверхность корабля. Пластиковыми были и цветы, и кусты, рассаженные через каждые десять ярдов. На изнанке одного из пластиковых листьев Грегори увидел буквы — сквозь краску проступало название продовольственной фирмы.

Растения были надежно прикреплены к корпусу. Грегори даже подергал какой-то цветок, чтобы в этом убедиться.

— Помимо психологического эффекта, — сказал он Колфилду, — сад служит дополнительной защитой от метеоритов. В то же время при сооружении таких садов должны соблюдаться строгие правила. Недопустимо, чтобы метеорит мог вырвать клок сада, создав опасность…

— Я знаю об этих правилах, — сказал Колфилд.

— Я в этом не сомневаюсь, — сухо ответил Гре-

гори, — учитывая, сколько вы их нарушили.

Он поглядел на крутой холмик, спрятавшийся между кустами, которые скрывали радарные антенны, и добавил:

— Пошли внутрь.

Капитан Стиллсон, крупный, полный человек, выглядевший нелепо в шортах, обычной одежде в космосе, не скрывал беспокойства. Капитан «Цербера» бывал по-женски суетлив, но Грегори симпатизировал ему по той простой причине, что тот был аккуратистом. И чем больше будет таких капитанов, тем меньше забот для Грегори.

— Добрый день, капитан, — приветствовал его Грегори. — Как ваш сад растет?

— Медленно, — ответил капитан. — Теперь, когда мы установили новый преобразователь отходов, меньше стало сырья для цветов. Хотите взглянуть?

— Потом, — ответил Грегори. — Сначала я хотел бы расследовать жалобу о преступной халатности…

Дружеская атмосфера на мостике мгновенно исчезла. Как будто кто-то впустил снаружи вакуум. После секундной растерянности Стиллсон потребовал подробностей и пожелал узнать, кто тот низкий лжец, который клевещет на его

корабль.

Грегори ознакомил капитана с жалобой, и тот вызвал подозреваемых. Оба, радист и механик, были настороже, но опыт подсказал Грегори, что они не виноваты. Но он мог и ошибиться…

— Обвинение заключается в том, — сказал Грегори, — что два дня назад, находясь на поверхности корабля, один из вас выкинул в пространство предмет или несколько предметов неизвестного назначения. Что вы можете сообщить по этому поводу?

Обоим космонавтам было что сообщить, и уже в начале допроса Грегори убедился, что они совершенно невиновны, но, несмотря на это, еще полчаса продолжал допрос. Он заставил их повторить свой рассказ несколько раз, придираясь к деталям. С одной стороны, он проводил этим наглядный урок для Нолана, с другой — хотел показать внимательно слушавшему Колфилду, что, когда придет его черед, врать будет бессмысленно. К тому же ему хотелось, чтобы у Колфилда не оставалось заблуждений относительно того, что законы против мусора в космосе остались такими же либеральными, как в давние дни. Так что Грегори заставил попотеть радиста и механика и наконец будто с сожалением позволил

им убедить себя, что при ремонте антенны им было необходимо забрасывать к ее вершине, которая находится в ста ярдах над поверхностью, тросик с грузом на конце. Изнутри корабля могло показаться, что они выбрасывают что-то в пространство.

Отпустив космонавтов, Грегори отправился осматривать новый преобразователь отходов и мусоросборники. Занимаясь инспекцией, он подумал, что полицейскому кроме необходимости быть психологом, астрономом, кибернетиком и так далее полезно пройти курс самой элементарной сантехники.

Вернувшись на «Декарт», Грегори решил, что имеет право поспать. Он задал Хартману направление, показал Колфилду его каюту и только успел улечься на койку, как вспомогательные двигатели загудели, меняя орбиту корабля. Капитан никак не мог уговорить свое тело, что оно устало и хочет спать.

Грегори думал о бывшем механике Колфилде, который лежит в двух футах от него, отделенный лишь тонкой пластиковой переборкой. В глазах Грегори не было большой разницы в том, был ли сам Колфилд виноват в преступной халатности, или в этом был виноват экипаж корабля,

или покойный капитан «Подсолнечника». Преступление, совершенное на «Подсолнечнике» одиннадцать лет назад, уже послужило причиной гибели одного корабля и восемнадцати человек, и этот счет жизням будет продолжаться в ближайшие годы, а может быть, и столетия. Масштабы жертв будущего будут зависеть от трех причин: от того, сколько знает Колфилд, сколько он сможет вспомнить и насколько эффективно он, капитан Грегори, сможет использовать информацию, полученную от Колфилда.

Ответственность, лежавшая на Грегори, была достаточно тяжелой, чтобы отогнать сон. К тому же Грегори сознавал, что, если хоть одна из этих трех причин окажется ему не под силу, он может погибнуть.

Полтораста лет назад, в пятидесятые годы двадцатого века, этой проблемы вообще не существовало. За исключением микрометеоритных потоков и редких метеоритов, космос был чистым, пустым и относительно безопасным. Затем появились первые спутники, за ними космические лаборатории и наконец гигантские многоступенчатые корабли, которые перенесли человека к Луне и ближайшим планетам. Все корабли в те дни были реактивными, и потому

проблема излишнего веса была самой насущной.

Ничто не сохранялось на кораблях ни секунды после того, как в этом проходила нужда. Резервные баки для горючего, контейнеры для пищи, органические и неорганические отходы, которые нельзя было использовать вновь, выбрасывались, чтобы облегчить корабль. Лишние полтонны горючего, особенно при вынужденной посадке, могли спасти корабль. Нехватка горючего для маневра вела к тому, что корабль становился зарывшимся в землю саркофагом для экипажа.

Так что все выбрасывалось. Быстро, автоматически, бездумно.

Мания избавляться от лишнего веса сохранилась и после того, как в этом пропала нужда. Появление атомных кораблей, которым не надо было приземляться и которые обслуживались баржами и катерами, перевозившими на орбиту грузы и пассажиров, придало проблеме лишнего веса только экономический характер. От этого теперь не зависела судьба корабля и экипажа. Но и экономические соображения перестали играть роль с разработкой новых типов реакторов и топлива. А обычай остался. В течение восьмидесяти с лишним лет, последовавших за первым полетом человека к Марсу, межпланетная торговля стано-

вилась все более рентабельной. Быстро растущие колонии на Марсе и Венере, научные базы на спутниках Юпитера и Сатурна вели все более интенсивный обмен с Землей. Постепенно число межпланетных кораблей превысило тысячу; и все эти корабли, и многие тысячи членов их экипажей во всех полетах беспрерывно совершали поступки, которые теперь караются как самые тяжкие преступления!

Грегори повернулся на койке, которая при полуневесомости в корабле казалась мягкой, как облако, и беспомощно выругался. Ведь никто ничего им не говорил!

Задумайтесь о составе и методе выброса обычного помойного ведра. И представьте, что случится с мусором после того, как он попал в безвоздушное пространство…

Объедки, картофельная кожура, пластиковые консервные банки, тубы для питания в невесомости, спитой чай, кристаллы сахарного песка… Стюард или свободный от вахты космонавт вытащит контейнер с мусором к входному люку, натянет скафандр, выйдет наружу и несколько минут подождет. Эти минуты нужны для того, чтобы жидкость полностью испарилась из объедков и помойное ведро стало совершенно чистым.

Ведь мыть посуду в космическом корабле, в невесомости, — пустая трата воды и усилий, куда экономичнее вакуумная чистка. Затем стюард просто высыплет мусор в пространство. Правда, ему придется поднатужиться, чтобы мусор отлетел подальше. Ведь в космосе предметы в свободном падении стремятся приблизиться к крупной массе. А если корабль облепят картофельные очистки, пассажиры будут недовольны. Не говоря уже о капитане корабля.

Выброшенные частицы мусора разлетятся веером. Через несколько секунд они уже будут в пятидесяти ярдах, через час займут несколько кубических миль пространства и даже спустя годы они будут разлетаться все дальше. Поскольку поток мусорных частиц будет иметь первоначальную скорость, равную скорости корабля, из которого они вылетели, то они будут двигаться много быстрее любого метеоритного потока в пределах Солнечной системы. Скорость их может быть достаточной для того, чтобы вылететь за пределы системы, но рано или поздно тяготение нашей звезды заставит их искривить орбиту и постепенно возвратиться к планетам. К тому времени искусственный поток метеоритов распространится вширь и сольется с другими

подобными потоками — мусором, выброшенным с корабля накануне или на следующий день. Ведь их скорость и направление движения идентичны. Влияние гравитационных полей планет может заставить этот поток вращаться и конденсироваться, а может, наоборот, раскидать его в разные стороны.

Может быть, через десятилетия этот поток окажется на пути других кораблей. Это будет сверхбыстрый, смертельный ультраразрушительный дождь метеоритов, занимающий тысячи миль пространства.

Космос беспределен, и частицы в подобном потоке так широко разлетаются, что корабль может пройти сквозь поток, не встретив ни единого метеорита. Но за последние полтораста лет в пространство выброшено столько мусора, что не всем кораблям так везет.

Когда-то люди смеялись над тем, что корабль может погибнуть, столкнувшись с чаинкой или замороженной картофельной кожурой. Но Грегори знал, что космонавты не смеются над такими шутками.

С этой мыслью Грегори уснул.

3. Через шесть часов Грегори проснулся, помыл-

ся, оделся и прошел на мостик, чтобы сменить Хартмана. Нолану оставалось еще четыре часа вахты, и он склонился над пультом связи, как всегда успевая заниматься разными делами одновременно. Уму непостижимо, как лейтенант умудрялся вникать в базар голосов в шлемофоне, в то время как его руки настраивали приемник, а глаза не отрывались от технического справочника на коленях.

Грегори попросил Хартмана, чтобы тот поднял Колфилда и, прежде чем сам уляжется спать, приготовил всем чего-нибудь поесть.

Хартман кивнул и немедленно приступил к выполнению приказа, как и положено молодому лейтенанту.

Когда Колфилд вошел, вид у него был невыспавшийся, он явно нервничал и, как показалось Грегори, сопротивляемость его была низка. Нолан поглядел на него, и Грегори понял, что Нолан разрывается между желанием послушать допрос и продолжать чтение. В конце концов он захлопнул книгу, вытащил капсулу из одного уха и приготовился слушать радиоразговоры и допрос одновременно.

Грегори включил магнитофон и быстро сказал:

— Надеюсь, вы выспались. Сядьте сюда, пожа-

луйста. Расскажите мне о том событии. Только не ту версию, что вы излагали одиннадцать лет назад. А правду. И прошу вас, не тратьте усилий на ложь, — добавил он. — Мне известно достаточно, чтобы вас поймать.

Несколько секунд бывший механик собирался с мыслями. Затем вяло произнес:

— Это был метеор… Он был во всем виноват. Он был велик, но его скорость относительно нас была невысока, поэтому при столкновении он не испарился. Он пролетел рядом с пультом управления, разбил антенны связи, пронзил защитную стенку реактора и вылетел… После того как поврежденные отсеки были изолированы и пассажиры успокоились…

— Когда это случилось? Точно!

Колфилд потер глаза.

— Мы покинули земную орбиту восьмого июня в двенадцать ноль-ноль. Мы разгонялись до полудня пятнадцатого июля. Затем реактор был выключен. Предполагалось, что мы будем в свободном полете двадцать пять дней, а затем начнем тормозить, чтобы перейти на орбиту вокруг Ганимеда. Метеор ударил нас рано утром на седьмой день свободного полета. А может быть, это случилось на девятый день…

— Придется быть точнее, — сухо сказал Грегори. — Но мы вернемся к этому вопросу позже. Рассказывайте, что произошло после столкновения.

Колфилд стал говорить о том, что произошло после столкновения. Чрезвычайно тяжелые реакторы, которые были на «Подсолнечнике», невозможно было поднять и поместить в корабль целиком, поэтому их защитную оболочку сделали разборной из сложным образом скрепленных свинцовых кирпичей. Метеор выбил часть этой оболочки, расшатав кирпичи настолько, что они стали ситом для радиации.

Экипаж постарался починить защиту с помощью манипуляторов, но возможности их были ограниченны и до конца исправить положение не удалось.

К тому времени, как реактор был починен, они уже находились в свободном полете девятнадцать дней и только тогда окончательно убедились, что пролетят мимо Ганимеда. Даже если бы вместе с атомной тягой они использовали химические ракеты, все равно скорость погасить не удалось бы.

Их единственный шанс был облегчить корабль.

— И вы, разумеется, это сделали, — перебил его Грегори, — поскольку вам удалось достичь Ганимеда. Но что и когда вы выбросили? И что об этом думали пассажиры и команда?

— Пассажиры ничего не знали, а команда молчала, чтобы не подводить капитана, — ответил Колфилд. — Уже в то время законы против выброса мусора в пространство были жесткими и наказание тяжелым. Но еще оставалось немало космонавтов, которые не считали выброс преступлением, во всяком случае серьезным. Кроме того, все понимали, что капитан был движим в первую очередь заботой о безопасности пассажиров.

— Ах, как благородно звучит! — вмешался лейтенант Нолан. — А на самом деле — это просто спасение собственной шкуры.

Грегори показалось, что Колфилд сейчас бросится на Нолана, но тот сдержался и мрачно замолчал. Глядя на бывшего механика, Грегори подумал, что его реакция была слишком острой, словно его лично оскорбили. Видно, он был очень близок к капитану.

— Спокойно, Нолан, — сказал Грегори лейтенанту. Потом обернулся к Колфилду: — Продолжайте.

— Сначала мы выкинули все контейнеры с мусором, — продолжал Колфилд низким злым голосом. — Затем избавились от личных вещей. Мы хотели бы выкинуть и груз, но этого нельзя было бы скрыть ни от пассажиров, ни от портовых служащих. К тому же это в основном были точные приборы и масса их была незначительна. Наконец, мы истратили химическое горючее. Это замедлило несколько нашу скорость и на несколько тонн облегчило корабль… Столкновение с метеоритом, должно быть, повредило один из клапанов в топливной системе, так как в тот момент, когда догорело топливо, в одной из труб раздался взрыв. Тогда меня и обожгло.

Теперь Колфилд продолжал уже более спокойно:

— Взрыв вновь расшатал защиту реактора и вырвал несколько кирпичей… В тот момент капитан был один в помещении реактора. Очевидно, он полагал, что ситуация достаточно серьезна, если тут же кинулся чинить эту проклятую защиту, к тому же практически голыми руками.

Колфилд помолчал, словно таким образом почтил память погибшего. Затем он продолжил:

— К тому времени, когда капитан кончил класть кирпичи на место, он был настолько

«горячим», что никто из нас уже не мог приблизиться к нему. Он принял дозу радиации, которая была в несколько раз выше смертельной, и ему оставалось жить несколько часов. Он радировал нам, что его долг — облегчить корабль, выругался, а затем выбросился в пространство…

После того как Колфилд кончил рассказ, на мостике несколько минут царила тишина. Грегори думал о капитане «Подсолнечника». Быстрый на решения, отважный, практичный и виноватый капитан Уоррен попал одиннадцать лет назад в трудную ситуацию. Все говорило о том, что его корабль неминуемо должен врезаться в Юпитер, и даже не было связи, чтобы вызвать помощь. Впрочем, не известно, успела ли бы она. Весьма возможно, что суд принял бы во внимание обстоятельства и капитан отделался бы лишь потерей капитанской лицензии. Разумеется, это при условии полной откровенности и строгого учета массы и состава выброшенного мусора. Если бы он сделал это тайно и не смог бы представить суду нужных материалов, судьи бы его буквально распяли. И может, ему лучше было умереть на корабле.

«Но такого рода мысли никуда не ведут, — оборвал себя Грегори, — лучше вернуться к делу».

— Очевидно, вы не знаете, в каком направлении он выбросился? — спросил Грегори.

— Возможно, мне и говорили об этом, — ответил Колфилд. — Но я был так обожжен, что меня пришлось накачать наркотиками, так что я ничего не помню.

Бывший механик смотрел на Грегори так, будто хотел сказать, что человек, осмеливающийся задать подобный вопрос, недостоин того, чтобы зваться человеком. «Может быть, — подумал Грегори, — может быть, он и прав».

В этот момент появился лейтенант Хартман с кофе и сандвичами. Кофе был в тубах — в полуневесомости из чашки не напьешься. Хартман раздал сандвичи, извинился и ушел спать.

— Совсем недавно вы сказали, — неожиданно произнес Грегори, — что столкновение с метеоритом произошло на седьмой или на девятый день свободного полета. Вам придется указать более точную дату. Чтобы этого добиться, мне придется погонять вас по всем этим дням, изолируя каждый из них по событиям, тогда происшедшим. Работа нам предстоит скучная, утомительная и долгая. Так что допивайте ваш кофе.

— Начнем с того, — продолжал он, запивая остаток сандвича, что вы можете вспомнить о

первых трех днях свободного полета?

Еще через три часа глаза Колфилда налились кровью, выглядел он куда хуже, чем в тот момент, когда Хартман вытащил его из кровати. Не многим лучше чувствовал себя и Грегори. Узнав наконец с точностью до часа время столкновения «Подсолнечника» с метеором, он решил прервать допрос. К тому же ему удалось установить примерную массу выброшенного материала, хотя промежутки времени между выбросами остались неизвестными. Наконец, к собственному удивлению, Грегори получил точную информацию о курсе и скорости «Подсолнечника», и это непроизвольно расположило его к пленнику.

— Вы меня удивляете, Колфилд, — сказал он. — Некоторые из данных, что вы мне сообщили, настолько специфичны, что я скорее предположил бы, что вы были штурманом, а не механиком.

— Я всегда был любопытен, — ответил Колфилд, — всегда интересовался чужой работой.

— Конечно, это ваше дело, — сказал Грегори, — но нам с этим повезло. Ладно, если хотите немного отдохнуть…

Он оборвал фразу, потому что увидел, что Нолан вдруг насторожился и прижал ладони к ушам,

чтобы лучше слышать голос в наушниках. Он настроился поточнее, а затем сообщил:

— Нас вызывает «Змей», сэр. Включить динамик… — Он бросил выразительный взгляд на пленника. — Или вы возьмете наушники?

— Динамик, — ответил Грегори. Он взял микрофон из руки Нолана: — «Декарт» слушает. Грегори у микрофона. Что случилось, капитан-лейтенант?

Голос капитан-лейтенанта Китли, капитана и единственного члена экипажа патрульного корабля «Змей», еле слышно прорывался сквозь сухой треск помех. Китли был не из тех, чье общество легко выносить подолгу, но, очевидно, всякий, кто может выдержать одновременно космос и собственную компанию на протяжении месяцев и не сойти с ума, имеет право на странности. Поэтому Грегори игнорировал отсутствие явно выраженного пиетета в голосе капитан-лейтенанта. Правда, он вел бы себя точно так же, даже если бы знал, что капитан-лейтенант старается в этот момент одновременно избежать метеоритного потока неизвестной плотности и размеров и не разминуться с ним.

— Пока мне удается уцелеть, — сообщил Китли. — Но, для того чтобы не попасться, мне нужны

дополнительные данные. У вас они есть?

— Кое-что, — ответил Грегори. Он думал об информации, только что полученной от Колфилда. Наконец он сказал: — Проверьте все имеющиеся у вас данные на бортовом компьютере, а мы прогоним их сквозь наш. Потом сверим результат. К тому времени, когда мы встретимся, все уже будет ясно. А пока сохраняйте минимально безопасное расстояние от потока и докладывайте через каждые двенадцать часов.

— Вас понял, — сказал Китли.

— Отлично. Связь окончена.

— До связи.

Вскоре Колфилд ушел к себе в каюту, а через полчаса, закончив вахту, за ним последовал Нолан. Грегори остался на мостике наедине с приемником и собственными мыслями. Правда, он предпочел бы заняться чем-нибудь еще, например проверить данные, полученные от Колфилда. Но в космосе в любой момент кто-нибудь может терпеть бедствие, так что строгие правила предписывают каждому кораблю постоянно слушать эфир, чтобы не пропустить просьбы о помощи.

Формального способа добиться, чтобы этого правила придерживались все, не существовало,

но большинство космонавтов были убеждены, что если оторвешься от связи даже на несколько минут, то кто-то другой тоже проспит твой призыв о помощи.

Космос живет по правилу: «Делай для других то, чего хочешь, чтобы другие делали для тебя».

«Проверка данных может подождать несколько часов, пока Хартман заступит на вахту», — сказал себе Грегори. К тому же эти данные даже без обработки позволили представить время возникновения, скорость и орбиту потока с «Подсолнечника». А об этом он мог думать и прислушиваясь к шорохам в приемнике.

Созданный людьми метеоритный поток, появление которого он расследовал, должен был состоять из двух отдельных потоков, движущихся по одной орбите, но с различной скоростью. Это объяснялось тем, что часть материалов была сброшена до торможения, а часть после того, как скорость корабля была погашена. К счастью, скорость движения потоков была известна, хотя точное время сброса и масса материала оставались тайной. Но Грегори надеялся, что в ближайшее время сможет узнать у Колфилда больше.

Грегори предположил, что первая серия вы-

бросов, происшедшая в то время, когда корабль находился в свободном полете, представляет собой длинный расширяющийся коридор. Второй поток, движущийся медленнее, постепенно сближался с первым, пока тот не пронзил его, обгоняя. Оба потока прошли в непосредственной близости от Юпитера, что изменило направление их движения и, возможно, придало им момент вращения. Затем потоки продолжали удаляться от Солнца до тех пора, пока могучее притяжение Солнца не остановило их бег и не начало тянуть их обратно, что, по-видимому, произошло через пять лет.

Итак, потоки вернулись внутрь Солнечной системы, набирая скорость по мере приближения к нашему светилу. На пути поток встретился с пассажирским кораблем «Санта Изабелла» и превратил его в груду обломков. Лишь один человек на корабле остался в живых, да и то на несколько секунд, чтобы сообщить время и место катастрофы. Затем наступила очередь громадного корабля «Ленинград», который, к счастью, двигался в том же направлении, что и поток. Он отделался вмятинами на обшивке, позже на них были обнаружены следы пластика. Анализ пластика позволил в конце концов определить, какой ко-

рабль стал виной гибели «Санта Изабеллы».

Оба мусорных потока промчались вблизи Солнца и вновь направились прочь от него, постепенно сближаясь. К этому времени диаметр потоков достиг тысячи миль, если, конечно, потоки сохранили цилиндрическую форму и не стали вращаться. В случае вращения острый конец потока будет направлен по оси движения, а это представит еще большую опасность для навигации.

Задача Грегори заключалась в том, чтобы установить положение потока настолько точно, чтобы определить его на пятьдесят лет вперед и зафиксировать во всех метеоритных регистрах. Он знал, что компьютерам на «Декарте» и «Змее» такая задача по плечу, но при условии достаточной информации. Без такой информации…

Грегори решил снова поговорить с Колфилдом, не согласится ли тот прибегнуть к средствам восстановления памяти. А пока он попытался, подражая лейтенанту Нолану, кое-что подсчитать в блокноте, не снимая наушников и проверяя различные частоты приемника. Ничего из этого не вышло.

4. На пятый день, после того как они поднялись

с Земли, «Змей» доложил, что передняя часть потока регистрируется задним радаром в виде расплывчатого пятна. По расчетам Китли, его корабль движется с той же скоростью, что и поток. Теперь он просит разрешения поглядеть на поток вблизи.

— Нет, — твердо сказал Грегори. — Не приближайтесь к потоку, пока мы не узнаем о нем больше. Это приказ!

Он отключился и вернулся к прерванному допросу.

— Вы мне говорили, — сказал он, — что решение облегчить корабль было принято лишь на десятый день после столкновения. Вы по шестнадцать часов трудились, стараясь восстановить реактор. Но вам это не удалось. Затем команде было приказано выбрасывать лишний вес. Мы с вами уже установили объем контейнеров для отходов на «Подсолнечнике», но теперь мне необходимо знать, через какие интервалы вы выбрасывали контейнеры. Постарайтесь припомнить.

— По-моему, это случилось в 7.00 и в 8.00, — устало ответил Колфилд.

— Я бы хотел быть в этом уверен, — настаивал Грегори. — Вы убеждены, что больше не слыша-

ли, как открывается и закрывается наружный люк? Может быть, вы заметили, что члены команды проходили мимо вас, неся контейнеры? Где вы находились в это время?

— Как где? С пассажирами, у реактора, на капитанском мостике…

— На капитанском мостике?

— Да… когда капитан спускался к реактору. У него же была ученая степень, он занимался ядерной физикой, вы же знаете.

— Да-да, — сказал Грегори. — Но вы должны что-то вспомнить! Эти люки всегда издают шум.

— Конечно, я помню! — сказал вдруг Колфилд. — Когда я был на мостике, то заметил, как дважды вспыхнули индикаторы внешнего люка. Но я не могу припомнить точно, когда это случилось. Поймите же, черт возьми, прошло одиннадцать лет!

— Над пультом управления всегда есть хронометр. Если вы лишь краем глаза уловили мигание индикатора, не глядя специально в этот момент на хронометр, в глубине памяти этот инцидент должен быть зарегистрирован. И мне нужно это знать. Давайте начнем с того момента, как вы закончили дежурить у реактора и поднялись на мостик…

Прошли еще два долгих и утомительных часа. Неожиданно Колфилд вскрикнул:

— Вспомнил! Они разобрали одно из акселерационных кресел и извлекли плоский лист пластика с пружинами по углам. Это была идея стюарда. Получилось нечто вроде катапульты, затем они наполнили переходник мусором и отпустили лист. Пружины распрямились, и лист вытолкнул всю кучу наружу. Это оказалось куда проще и быстрее, чем высыпать в космос контейнеры. Так что они выбросили все, что хотели, за какие-нибудь два часа.

Грегори сжал губы и принялся писать в блокноте. Объем переходника на «Подсолнечнике» был известен. Нетрудно было найти и спецификации пружин, которые использовались в те годы. В такую информацию компьютер с наслаждением запустит зубы. И что еще важнее, если весь мусор был выброшен так быстро, значит, диаметр первого потока должен быть куда меньше, чем предполагалось вначале. Грегори почувствовал, что его охватывает возбуждение, к которому, как он признался себе, примешивалось и чувство облегчения. Но останавливаться было нельзя.

— На девятнадцатый день свободного полета, — сказал он, — и на десятый после столкновения

вы решили избавиться от лишнего веса. Через день или два после этого произошел взрыв в трубе химического двигателя, в результате чего вас обожгло, а капитан получил смертельную дозу радиации. Вы признались также, что выброс происходил и после взрыва. Из чего он состоял?

— Из сломанного радиооборудования и тех отходов, которые накопились за два дня. — Колфилд отвечал хриплым усталым голосом. — Но поймите же, я не могу рассказать об этом точнее. Я был обожжен и напичкан наркотиками.

Помолчав несколько секунд, Грегори произнес:

— Может, нам удастся заставить вас вспомнить и об этом. А пока идите, Колфилд, ложитесь спать.

Когда пленник ушел, капитан Грегори откинулся в кресле и закрыл глаза, наслаждаясь возможностью помолчать. Он размышлял о том, что Колфилд — странная птица. К примеру, чем объяснить его паническую боязнь средств оживления памяти? Он явно что-то скрывает. В то же время совсем не производит впечатления пугливого человека.

Может, по причине излишней для полицейского щепетильности Грегори не любил навязывать подследственным средства, вызывающие полное

восстановление памяти, как и не любил излишне подчеркивать их безопасность. Ему было отлично известно, что трое из каждых двадцати, прошедших эту процедуду, теряли рассудок, хотя были подозрения, что эти люди и до того имели изъяны в психике. Грегори было куда легче, если подследственный сам вызывался подвергнуться такой процедуре.

Колфилд со своей стороны производил впечатление весьма образованного человека и, возможно, знал, что существует опасность сойти с ума. Но Грегори был почти убежден, что Колфилда останавливал не риск, а нечто связанное с его прежней жизнью.

Грегори не мог превозмочь нетерпения. Ему приходилось в жизни выслушивать признания, которые заставляли его не очень густые волосы вставать дыбом. Он не получал никакого удовольствия от этого, и моральные устои подследственных, если они не относились к делу, его не трогали. Но убедить Колфилда в этом он не мог. В то же время до тех пор, пока заключенный не согласится подвергнуться процедуре, Грегори не получит всех данных, касающихся инцидента на «Подсолнечнике», и не сможет проверить точность того, что узнал от бывшего механика.

Поэтому они были вынуждены сознательно лезть в пекло буквально с завязанными глазами.

«Может быть, изменить тактику? — подумал он. — Хватит ломиться в дверь, попробуем окна». Приняв такое решение, Грегори за весь следующий день не задал Колфилду ни одного вопроса. Тем временем «Декарт» несся на встречу со «Змеем» и неопознанным метеоритным потоком. На второй день Грегори вошел в маленькую, шесть на шесть, каюту Колфилда.

— Вы лежите, лежите, я здесь сяду, — сказал он вежливо, откидывая прикрепленное к стене сиденье. — Мне хотелось бы обсудить с вами некоторые личные вопросы, и я подумал, что вам удобнее говорить о них без свидетелей.

Колфилд насторожился, но промолчал.

— Я уже говорил, что ваша личная жизнь меня не касается, — продолжал Грегори. — Но подобный разговор имеет определенную психотерапевтическую ценность. Приятнее расслабиться, говоря об обычных, каждодневных вещах вместо надоевших допросов.

Грегори помолчал, потом продолжал:

— О чем бы вы хотели поговорить? Может, о ваших студенческих днях? Или о первом корабле? Может, о вашей жене?.. — Грегори взглянул

на фотографию, которую Колфилд прикрепил к стене. — Конечно, если вы откажетесь, мы снова перейдем к случаю на «Подсолнечнике».

— Вы все уже знаете о моей жене, — резко ответил Колфилд. — Она пришла в госпиталь расспросить о капитане. Она жалела меня, потому что я сильно пострадал. Я сочувствовал ее горю. Так все и началось. Через несколько месяцев мы поженились и жили счастливо, пока она не умерла два года назад.

— Странно, — сказал Грегори. — Мы ведь проверили все, что так или иначе касается механика Джеймса Эндрю Колфилда. До катастрофы он не производил впечатления человека, способного осесть и вести тихую жизнь. Он был крайне непоседливой натурой. Хотя, может быть, ваша жена была тем человеком…

— Она была именно тем человеком, — перебил его Колфилд. — И я не намерен обсуждать с вами ее характер. И учтите, я не соглашусь на вспоминание…

Разочарованному Грегори ничего не оставалось, как вернуться к допросу.

Еще через четыре дня на экране радара возникла звездочка — патрульный корабль «Змей», а в

двух тысячах миль за ним можно было различить туманное поблескивающее облачко — авангард метеоритного потока. На мостике «Декарта» царил мороз. Нолан и Хартман буквально источали холод. Колфилд делал вид, что не замечает открытой враждебности молодых офицеров. Капитан Грегори, недовольный собой за то, что не смог склонить Колфилда согласиться на сеанс вспоминаний, молча глядел в иллюминатор, наблюдая, как сближаются корабли.

В отличие от «Дакарта» «Змей» не был предназначен для посадок на планеты и потому был облачен в сад. Но мир, в который Китли время от времени удалялся, чтобы отдохнуть от невероятной тесноты маленького корабля, ничем не напоминал сад «Цербера». Там не было цветов, кустов и травянистых пригорков, пейзаж ничем не напоминал земной. Из корпуса «Змея» вырастали фантастические формы, разрисованные столь талантливо и точно, что составляли с окружающим космосом одно целое. Сад Китли был по-своему прекрасен холодной, жесткой красотой одиночества. Он заставлял представлять себе ледяные вершины избитого ветрами горного хребта под звездным небом.

Да, этот сад был прекрасен, но и страшен. Он

наглядно свидетельствовал о том, что капитан «Змея» слился с космосом. Но для большинства посетителей достаточно было одного взгляда на эти космические урочища, чтобы никогда больше их не видеть.

Грегори все еще разглядывал сад, когда Китли вышел в открытое пространство и перешел на «Декарт». Вскоре он был уже на мостике. Они принялись составлять карту потока, пользуясь компьютером «Декарта». Грегори был так увлечен работой, что совершенно забыл о Колфилде. Остальные офицеры делали вид, будто не замечают его. Вдруг вопрос Китли заставил Грегори вспомнить о пленнике.

— Данные, сообщенные подследственным, — сказал Китли, — не только неполны, но и в ряде отношений весьма неточны. — Не могло ли так случиться, что он сообщил их, чтобы избавиться от утомительных допросов? Мог ли он их попросту придумать?

На неподвижном лице Колфилда ничего не отразилось, хотя в глазах сверкнул гнев.

— Не хватало еще обвинять меня в трусости, — сказал он и поднялся. Не спросив разрешения и не попрощавшись, он покинул мостик. Грегори

сделал вид, что не заметил его ухода.

Через пятнадцать минут началась настоящая работа.

Грегори развернул корабль и соразмерил его скорость со скоростью потока таким образом, чтобы поток постепенно обгонял его. «Змей» двинулся в том же направлении, но держался на периферии потока, тогда как большой корабль постепенно смещался к его центру. На переднем радаре поток выглядел роем разлетающихся искр. Постепенно они приближались, превращаясь в расплывчатые пятна, разбросанные так широко, что казались безопасными. Это объяснялось тем, что «Декарт» вторгался в поток со скоростью улитки. Относительно частиц потока его скорость измерялась в сотнях миль в час. Если бы с потоком встретился обыкновенный корабль, то его скорость относительно скорости потока исчислялась бы тысячами миль в секунду. Сгустки света медленно расползались к краям экрана и перекочевывали на боковые экраны. Их опасность, их смертельный потенциал можно было осознать, наблюдая за цифрами, мелькающими на табло компьютера, который определял их число и плотность на каждые сто кубомиль.

Неопытный глаз ничего странного не уло-

вил бы. Ему показалось бы, что корабль висит в центре устрашающего в своем великолепии космоса.

Еще один экран компьютера строил пространственную модель потока. Поток представлял собой неправильной формы веретенообразное облако. Небольшое скопление материала выдавалось из основной массы, Грегори направил «Змея» к этому выступу, а затем переключил свое внимание на пространственную модель.

Справа от него Хартман наклонился вперед, натянув ремни и держа палец над кнопкой экстренного ускорения. Его взгляд метался между экранами и записывающими устройствами, и Грегори вдруг испугался, не вывихнет ли лейтенант глаза. Капитан едва не рассмеялся, но вовремя осекся. Положение, в котором они находились, было достаточно серьезным.

Конечно, он чувствовал бы себя куда спокойней, если бы данные Колфилда были проверены вспоминанием. Без сомнения, бывший механик что-то скрывал и понимал, что при сеансе ничто спрятанное в его мозгу не останется тайным. И Грегори оставалось только планировать всю операцию на основе сомнительных показаний Колфилда.

Грегори видел, что Колфилд старался быть полезным и многое из того, что он сказал, подтверждалось с большой долей точности. Но допустим, что вся эта точность была направлена на то, чтобы скрыть главное: что случилось на «Подсолнечнике» на самом деле? Колфилд признался, что на корабле он был не только механиком, но и совал нос во все дела и был в курсе всего, что происходило на борту. Так что же там произошло? Что было настолько тайным, чтобы грозить Колфилду худшими бедами, чем те, которые он уже на себя навлек?

5. На экране модель потока выглядела роем пчел. Туманные края скрывали центр роя. Фигуры Нолана и Хартмана казались каменными изваяниями с непрерывно двигающимися глазами.

А ведь вполне может быть, раздраженно думал Грегори, что секрет Колфилда связан всего-навсего с его личными делами. Ведь и поведение его после катастрофы коренным образом изменилось. Взять, к примеру, его решение остаться на Земле в угоду жене, — никак это не сходилось с характером Колфилда. Значит, в душе его должен был произойти резкий перелом…

Раздался металлический удар, который по-

казался громким только потому, что Грегори ждал его. Грегори вздрогнул и тут же облегченно вздохнул. Нолан и Хартман расслабились. Данные Колфилда, во всяком случае в той их части, которая касалась состава потока, оказались точными.

Метеорит, который ударился о корпус «Декарта», был заледеневшей, обезвоженной хлебной коркой, а может, картофельной шелухой, и столкновение произошло при относительной скорости предмета вдвое меньшей, чем у ружейной пули. Это означало, что они продвигаются в потоке достаточно медленно, чтобы уцелеть, и достаточно быстро, чтобы нанести поток на подробную карту за несколько дней. Теперь им оставалось лишь проложить курс «Декарта» таким образом, чтобы он в своих эволюциях смог прочесать все облако метеоритов, чтобы радары и вычислительные устройства смогли зарегистрировать все до единой частицы в потоке, определить его массу, состав, тенденции к развитию и курс на ближайшие пятьдесят лет.

На некоторое время Грегори забыл о своих подозрениях по поводу точности данных Колфилда. Но к концу первого дня они начали возвращаться. На третий день он был настолько встревожен,

что решил вызвать «Змея». Ум Китли был отточен и быстр настолько, что мог поспорить с любым компьютером, к тому же Китли был наделен непредсказуемой интуицией гения, не доступной ни одному электронному устройству. И хотя Грегори был командиром Китли, он никогда не позволял самолюбию влиять на свои решения.

— Меня тоже беспокоят размер и плотность этой части потока, — сказал Китли, когда Грегори изложил ему свои сомнения. — Но я не спешил делать выводы. Хотя убежден, что поток гораздо больше, чем должен быть.

— Есть ли у вас мысль, почему это могло произойти?

После краткого, но сосредоточенного раздумья Китли быстро заговорил:

— Поток «Подсолнечника» состоит из двух частей. Первая часть — это материалы, сброшенные до взрыва трубы. Состав этого потока, по уверению Колфилда, ему хорошо известен. Вторая часть была сброшена, когда он находился в госпитале, потому что обгорел. Об этом потоке он много сказать не мог, кроме того, что поток уступал первому по массе и состоял из остатков мусора, обломков радиоаппаратуры и некоторых легких приборов.

— Вы решили начать со второго меньшего потока, — продолжал Китли, — что мы и кончаем делать, а затем прибавить скорость и ждать, пока нас догонит быстрый поток с таким расчетом, чтобы его скорость ненамного превышала бы скорость наших кораблей и не представляла бы для них опасности.

— Вы правы, — сказал Грегори. — Он не торопил Китли, потому что понимал, что тот должен постепенно подойти к самому главному.

— Я полагаю, — продолжал Китли, — что Колфилд был не так плох и невменяем, чтобы не знать в действительности, из чего состоял второй поток. Я убежден, что мы сейчас завершаем измерения не второго медленного, а первого большого потока.

— Я думал о том же, — признался Грегори, — но очень надеялся, что вы меня переубедите.

Китли замолчал. Капитан и без него мог сделать нужные выводы. Если они будут разгоняться, чтобы оторваться от потока, принятого ими за малый и медленный, то, вместо того чтобы уйти от него и ждать, пока их догонит первый поток, они будут догонять медленную часть выброса и влетят в него на скорости, куда выше допустимой.

— Я предполагал, что это медленный поток, —

произнес Грегори, холодно глядя на бывшего механика. Колфилд, который присутствовал при разговоре, отвел глаза. — А может быть, — продолжал Грегори, — это не я предположил, а вы изложили события так, что я был вынужден это предположить. Что же вы молчите, Колфилд?

Бывший механик был испуган. Испуган смертельно. Грегори в этом не сомневался. Его блестящее неподвижное лицо покрылось капельками пота, а костяшки пальцев, сжимавших ручки кресла, побелели. Стараясь не смотреть на экраны радаров, он отрицательно покачал головой.

— Мне бы следовало догадаться, — сказал Грегори, — что данные, которыми вы нас снабдили, были слишком точны, чтобы их можно было вспомнить через одиннадцать лет. Все эти годы вы повторяли эту версию про себя, твердили наизусть. Ложную версию, которая была нужна вам в ваших целях. Так что же это за цель?..

— Подытоживая сказанное, — услышали они голос Китли, — мы можем говорить о двух выходах. Либо с ускорением двигаться вперед, либо тормозить. В любом случае мы можем опасно ошибиться. Но в нашем распоряжении, если верить данным Колфилда, остается десять часов.

— А если прав я, — произнес Грегори, не в силах

побороть гнев, вызванный страхом механика, — то у нас не осталось ни минуты.

Прошло не более трех секунд, как Нолан приглушенно воскликнул:

— Смотрите на экран!

На экране происходили странные изменения. Поток, который они кончили регистрировать, оставался туманным, слабым пятном, но на экране разгоралось новое созвездие — каждая звездочка в нем представляла собой тело массой во много фунтов и все эти звездочки, сбившись в тесный рой, с угрожающей быстротой неслись к «Декарту».

— Экстренное торможение! — закричал Грегори и тут же отдал другой приказ: — Сначала надеть скафандры! Мы не успеем уйти!

— Ты нас провел! — Хартман обернулся к Колфилду с такой яростью, словно готов был его убить. Но механик лишь растерянно тряс головой.

— Нет... — повторял он. — То есть да... но я не знал об этом! Я бы никогда не посмел скрыть!

— Всем замолчать! — рявкнул Грегори. И тут же обернулся к микрофону: — Китли, отводите свою скорлупу! Не прерывайте связи, включите записывающие устройства. Действуйте. Нолан,

девяносто градусов вправо и тормозите, как только возможно!

Нолан тормозил главным двигателем, но времени на торможение не оставалось. Резко возросли нагрузки. В таких условиях нелегко было натягивать скафандры. И в течение пяти бесконечных минут, которые потребовались, чтобы надеть и загерметизировать скафандры, Грегори не спускал глаз с экранов. Созвездие ярких точек неумолимо сближалось с «Декартом». Тому, кто не знал, что экран охватывает пространство в десять тысяч квадратных миль, могло показаться, что это происходит не так и быстро.

— Привязать ремни! — приказал Грегори, убедившись, что все надели скафандры. — Нолан, включи посадочные двигатели. Четыре g в течение пяти минут!

Посадочные двигатели взревели, и ремни врезались в тело. Грегори старался не потерять сознания, но у него потемнело в глазах.

Наконец эти бесконечные пять минут миновали. Когда Грегори смог толком разглядеть, что показывают радары, он хрипло крикнул, превозмогая головную боль:

— Мало! Повторите маневр!

После второго торможения он приходил в себя

дольше. На экране созвездие стало куда ярче и сместилось к центру. Это значило, что поток находится всего в нескольких сотнях миль по курсу. Грегори успел заметить, что из носа Нолана идет кровь, а искусственное лицо Колфилда превратилось в багровую маску. Грегори попытался откашляться.

Выключить посадочные двигатели, — сказал он. — Продуть систему питания химических двигателей. Продолжать торможение главным реактором!

Скорость «Декарта» падала, но поток все равно приближался слишком быстро. В таких обстоятельствах дальнейшее использование химических двигателей было слишком опасно. Хоть они и замедляли движение корабля эффективнее, чем реактор, при столкновении с метеоритом возникала вероятность повреждения линии питания или самих двигателей. И стоило только раскаленному при контакте метеориту соприкоснуться с топливом, как «Декарт» немедленно сам превратится в миниатюрную звезду.

Сверкающий шар — Грегори еще не приходилось видеть ничего подобного — занял весь центр экрана. Грегори поймал себя на том, что перестал дышать. Челюсть болела — с такой силой он

сжал зубы. Грегори вдруг подумал, что учебные тревоги были недостаточно убедительными. Да, линии питания продуты, в двигателях нет топлива, но удар метеорита может достичь топливного резервуара…

Первый удар корабль принял в лоб. Метеорит пробил обшивку почти параллельно оси корабля и пронзил угол капитанского мостика. Грегори увидел, как на месте верхнего радарного экрана возникла черная дыра. Некоторые огня погасли, некоторые загорелись, тревожным красным светом. Машинально Грегори подсчитал, что метеор соответствовал по весу, скорости и разрушительной силе трехфунтовому бронебойному снаряду. Так что можно считать, им еще повезло.

Он почувствовал, как вздохнул его скафандр, когда остатки воздуха вылетели в космос. Грегори нажал на кнопку внутренней связи и сказал:

Нолан, проверь реактор…

— Реактор действует нормально. Торможение продолжается, — ответил Нолан дрогнувшим голосом. — Броде бы цел…

Следующий удар последовал в ту же секунду. На этот раз они ничего не увидели, только корабль вздрогнул и начал вращаться вокруг своей оси. Грегори не успел приказать проверить, куда

попал метеорит, как последовал третий удар.

Мгновенно оценив силу удара, Грегори пришел к выводу, что торможение приносит свои плоды — скорость «Декарта» относительно потока уменьшилась. Будь поток из мелочей, о которых говорил Колфилд, корпус корабля бы выстоял. Грегори никак не мог понять, что за снаряды составляли этот поток.

Пол взорвался под ним и ударил по пяткам так, что тело конвульсивно сжалось. Акселерационное кресло Колфилда подскочило, сорванное с креплений, и рухнуло на капитана. Грегори успел инстинктивно поднять руки, чтобы защитить визор. Раздался еще один беззвучный удар, и свет погас.

Зловещий зеленоватый свет радарного экрана — единственного светящегося пятна на мостике — освещал происходивший кошмар. Округлые, мягкие тени фигур в скафандрах медленно двигались на фоне острых искореженных клочьев обшивки и поломанной геометрии разбитого оборудования. Казалось, ничего нельзя различить в этом аду, но Грегори увидел многое. И ощутил звериный, неконтролируемый ужас. Он хотел дотянуться до выключателя аварийного освещения,

но Колфилд навалился ему на грудь. И Грегори уже не знал, чего больше он хочет, включить ли свет или не видеть мостик при свете.

— Проверить реактор! — прохрипел он.

Плевать ему сейчас было на реактор — он хотел одного: услышать человеческий голос, понять, что он не один.

— Ход замедлился, сэр, — донесся до него голос Нолана. В голосе звучало облегчение. Он тоже понял, что не один на борту. — Я не знаю, что происходит, почти все приборы вышли из строя. Может, выключить реактор?

— Нет, — Грегори старался придать голосу твердость. — Мы не можем этого сделать, пока скорость не сравняется со скоростью потока. Ты можешь поглядеть в иллюминатор: эти бомбы идут так густо, что их можно различить невооруженным глазом. — Грегори перевел дух. Потом спросил: — Хартман, ты как?

— Я ничего не вижу, — ответил Хартман.

— Я тоже… Колфилд!

— Да?

«Никогда еще, — подумал изумленно Грегори, — никому из четверых людей так сказочно не везло». Вслух он произнес:

— Колфилд, слезьте с меня.

Пока механик выбирался из обломков кресла, еще один метеорит ударил по кораблю. Но удар был куда слабее, чем предыдущие, и Грегори понял, что метеорит не смог пробить корпус «Декарта». Затем через несколько секунд после того, как Грегори включил аварийное освещение, наступила невесомость. Торможение закончилось. На какое-то время они были в безопасности.

— Нолан, спустись к реактору и проверь его защиту, — быстро приказал Грегори. — Нацепи радиационную карту и возьми счетчик. Хартман, проверь степень повреждений. Двигайся, Нолан!

Но лейтенант не шелохнулся. Он вздрогнул, когда Грегори поднял голову, и дрожащей рукой указал на иллюминатор.

— Там человек… в скафандре! — произнес он. — В пятидесяти ярдах. Это… это, должно быть, капитан Уоррен!

— Забудь о нем! — сказал Хартман. — Он ничего нам не сделает. Он уже сделал все, что мог.

— Нет, — быстро возразил Грегори. — Нолан, проверь реактор. Хартман, выпусти магнитый захват и притяни тело к кораблю. Быстро!

Состояние «Декарта» было критическим, и в этой обстановке заниматься ловлей трупа одиннадцатилетней давности показалось лейтенан-

там бессмысленным. И они не скрывали своего удивления. Но они не видели лица Колфилда в тот момент, когда тело возникло за иллюминатором. Выражение глаз бывшего механика было настолько красноречивым, что Грегори вдруг понял: как только тело капитана «Подсолнечника» окажется на борту, тайна Колфилда будет раскрыта.

6. Нолан рапортовал дважды за последующие минуты. Колодец, ведущий к реактору, был завален обломками, и ему приходилось расчищать завал руками. Он сообщил, что в одном из резервуаров с химическим топливом есть пробоина. Появляющиеся из нее фосфоресцирующие шары выглядят очень красиво. К тому же постепенно повышается уровень радиации…

— Скорей пробирайся к реактору, — крикнул ему Грегори. — Не задерживайся, не время любоваться пейзажем!

Он был несправедлив к лейтенанту и понимал это. Но не исключалась возможность того, что начинка реактора в любой момент превратится в атомную бомбу. Извиниться перед лейтенантом он всегда успеет, если они доживут до этого момента.

— Я солгал вам! — неожиданно сказал Колфилд. Слова рвались из него быстро, голос стал высоким, и казалось, что он записан на слишком быстро вертящуюся пластинку. — Но какая разница! Я только хотел, чтобы вы прошли сквозь поток, не обнаружив его! Я не думал, что так может случиться! Клянусь, не знаю, что это такое!

— Заткнись! — оборвал его Грегори. Он готов был разорвать Колфилда за увечья корабля. Ничего себе — какая разница!

Но прежде чем он успел еще что-нибудь сказать, на мостике появился Хартман, который буксировал за собой тело в скафандре. В другой руке у него был какой-то серый предмет, который он подтолкнул к Грегори.

— Я нашел это внизу, — сказал Хартман. — Это, наверное, один из последних. У него хватило силы пробить корпус, но улететь дальше он уже не смог. Теперь многое становится ясным.

Серый предмет оказался свинцовым кирпичом, какие используются на космических кораблях для защиты реактора.

Грегори вдруг вспомнил, что Колфилд говорил ему, как «Подсолнечник» добрался до Ганимеда с запасом горючего. Это означало, что они даже слишком облегчили корабль. Глядя на тело,

повисшее в вакууме посреди мостика, Грегори мысленно произнес: «Идиот! Отважный, благородный, преступный идиот!»

Так вот он человек, который подверг себя смертельной дозе радиации, а затем, чтобы облегчить корабль, избавил его от собственного умирающего тела. Но и это показалось ему недостаточным. После того как он исправил реактор и уменьшил его оперативный объем, капитан восстановил защиту, а те свинцовые кирпичи, которые остались неиспользованными, он также выбросил в космос. «Возможно, ремонтной бригаде, — гневно подумал Грегори, — кто-то хорошо заплатил, чтобы они молчали о состоянии реактора ”Подсолнечника”…»

— Я не подозревал, что он выкинул и кирпичи… — начал Колфилд, но осекся, увидев, что Грегори начал отвинчивать шлем с тела капитана.

Грегори действовал почти автоматически. Высохшее черное лицо мумии, открывшееся взгляду, его не испугало. Ему уже приходилось видеть подобные лица. Но хоть и не было сомнений, чье тело они обнаружили, порядок требовал проверки его личного диска. Он достал диск и тут услышал голос Хартмана:

— Что с вами, Колфилд, — спрашивал лейтенант, — привидение что ли увидели?

И, глядя на лежащий на ладони личный диск, Грегори подумал: «Да, Хартман, ты прав. Он увидел привидение. Потому что, если верить диску, тело принадлежало Джеймсу Эндрю Колфилду!»

— Капитан! — прервал его мысли настойчивый голос Нолана. — Мы в беде. Перегревается реактор. Выбиты большие секции защиты, и счетчик Гейгера сошел с ума. Нам осталось полчаса, не больше, потом…

— Говори точнее, — остановил его Грегори. — Доложи состояние реактора.

Загадка Колфилда перестала быть тайной. Но об этом некогда было размышлять. Пока Нолан докладывал о положении в реакторе. Грегори поймал себя на мысли, что предпочел бы, чтобы один из свинцовых кирпичей с «Подсолнечника» пронзил не только реактор, но и его самого. И он сейчас был бы уже там, куда улетают души всех хороших космических капитанов, вместо того чтобы притворяться, что он умеет быстро думать, обязательно найдет выход из безвыходного положения и вообще относится к той породе людей, которые борются до последней секунды.

Положение было безнадежным.

— Я пошлю вниз Хартмана, чтобы он тебе помог, — сказал Грегори просто для того, чтобы оттянуть момент решения. Но Нолан не дал ему такой возможности.

— Нет, — сказал он.

Оказалось, что ход к реактору был настолько завален обломками, что там мог находиться лишь один человек. Двоим там негде было повернуться. К тому же все осложнялось очень высоким уровнем радиации и тем, что манипуляторы были выведены из строя. Ничего иного не оставалось, как, несмотря на всю опасность, приблизиться к самому реактору.

— Я даю тебе десять минут, — сказал Грегори. — Другого выхода нет. Через десять минут тебя сменят. Если мы трое будем сменять друг друга…

— Четверо, — внезапно сказал пленник.

— Хорошо, четверо. — Согласился он и добавил: — Мне не нужны чудеса героизма. Каждый не расстается с радиационной картой и, как только она посинеет, немедленно уходит. Всем ясно?

Хартман кивнул. Пленник сказал:

— Можно мне пройти в каюту? У меня там талисман.

— Идите, — нетерпеливо ответил Грегори. Пленник не производил впечатления суевер-

ного человека, но сейчас некогда было об этом думать.

Пройти к реактору можно было длинным колодцем диаметром в два фута. Скобы металлической лестницы едва выступали из стены, чтобы можно было надежно ухватиться за них. Грегори понимал, что один из метеоритов пронзил наискось нижнюю часть колодца. Но протиснуться вниз все же было возможно, доказательством чему были ноги Нолана, которые Грегори видел за завалом. Он приказал лейтенанту выбираться наружу и сам полез, чтобы занять его место.

Нолан смог установить зеркала и починить один из манипуляторов. Грегори видел, в чем дело, но с их возможностями исправить положение было немыслимо.

Реактор получил два попадания. Один из ударов пришелся по касательной и лишь сорвал часть обшивки, разбросав свинцовые кирпичи. Штук пятьдесят из них медленно плавали по помещению. Второй удар пришелся прямо в реактор. Грегори отыскал только входное отверстие. Так что метеорит должен был остаться внутри. Наибольшую опасность представляли несколько кирпичей, которые застряли внутри реактора. Графитовые стержни заклинились и не входили

внутрь, поэтому реактор постепенно разогревался, превращаясь в атомную бомбу.

Стараясь не спешить, Грегори проверил все четыре манипулятора. Надежды на них не было. Глядя в зеркала, чтобы разобраться в состоянии дел в активной зоне реактора, Грегори попытался захватить верхний кирпич, зажатый между концом стержня и стенкой. Но металлические захваты снова и снова соскальзывали с кирпича.

И вдруг кирпич двинулся.

Грегори заставил себя замереть и сосчитал до десяти, стараясь расслабить мышцы рук. Затем он вновь подвел захваты к кирпичу, пытаясь вытащить его наружу. Он крепко взялся за рукояти манипулятора и осторожно повел их.

Кирпич вылетел наверх. Еще два кирпича, которые были им заклинены, также всплыли над реактором. Остальные кирпичи были заклинены прочно. Но все же это означало какой-то сдвиг.

— Попробуй шестой, — сказал он Нолану.

Освободившийся стержень медленно двинулся вниз. Это отсрочит взрыв минут на десять-пятнадцать. Но остаются заклиненными еще девять стержней.

— Ваше время истекло, сэр, — напомнил Нолан. И добавил: — Колфилд готов сменить вас.

Грегори бросил последний взгляд на зеркала. Если бы можно было растащить кирпичи руками, вместо того чтобы возиться со сломанным манипулятором, он освободил бы стержни и починил бы защиту за полчаса. Но излучение через отверстия в обшивке было так велико, что задерживаться здесь нельзя было даже на лишние две минуты.

Если он сам пойдет на такой риск, то и его подчиненные последуют примеру командира, а всякий в космосе знает, к чему это может привести. Не раз случалось, что космонавты спасали свои корабли и умирали потом на пути домой от облучения — ослепнув, с выпавшими волосами и струящейся сквозь поры кровью… Грегори предпочел бы умереть сразу, в атомном взрыве.

— Возможно, вы считаете, что в ответе за все происшедшее, — сказал Грегори сурово, разминувшись с пленником в проходе. — Да, вы за все в ответе. Но если у вас возникнут идиотские мысли в течение следующих десяти минут, приказываю забыть о них. Вы меня слышите?

— Я понял, — ответил пленник. — Наконец-то вы осознали мою действительную ценность и не намерены терять такую добычу.

Грегори хотел сказать ему, что дело совсем не

в этом, что у него другие, отнюдь не корыстные желания, чтобы его собеседник остался жив. Но некогда было пререкаться, тем более что всякий спор мог бы сбить с толку Хартмана и Нолана и отвлечь их от работы. Его помощники еще не знали, что личный диск, найденный на трупе, принадлежит Джеймсу Эндрю Колфилду и что человек, которого они считают Колфилдом, на самом деле кто-то другой. Грегори полагал, что он знает истинное имя Колфилда, но сейчас не время было заниматься дедукцией подобно Шерлоку Холмсу. Так что пока суд да дело, пленник останется Колфилдом и может думать о мотивах, двигавших капитаном Грегори, что ему вздумается.

7. Грегори сердито оттолкнулся и поплыл к мостику, минуя Хартмана, который распутывал пучок проводов. Дела у Хартмана шли неплохо — Нолан склонился над пультом управления, на котором уже весело перемигивались огоньки. Он хотел было похвалить лейтенанта, но тут услышал голос Колфилда:

— Попробуйте девятый и восьмой.

Перчатки Нолана послушно потянулись к пульту, и два красных огонька сменили цвет на

зеленый.

— Молодец! — вырвалось у Нолана. Затем обернулся к капитану: — Это даст нам еще двадцать минут. Теперь мы, может быть, успеем.

— Колфилд! — закричал Грегори. — Я же приказывал вам не входить в активную зону!

— А я и не входил, — ответил пленник. — Мне просто повезло. Наверное, вы с Ноланом растревожили некоторые кирпичи. Моя карта все еще красная.

— Я вам не верю, — сказал Грегори. — Хартман, спустись вниз и проверь. Колфилд, встретите Хартмана у входа в колодец.

Он услышал, как пленник выругался про себя, затем до него донеслось тяжелое дыхание Хартмана, который пролезал колодцем. Меньше чем через минуту лейтенант доложил:

— Красная, как он и говорил, сэр. Он в порядке.

— Продолжайте, — сказал Грегори.

Его взгляд упал на экран радара и на кучное облачко посреди него. Рядом с облачком сверкала яркая точка, которая могла быть только кораблем Китли или в худшем случае обломками его корабля.

До этой минуты ему просто некогда было подумать о Китли. Он спросил Нолана, пытался ли

тот связаться со «Змеем», и в ответ узнал, что передатчик «Декарта» превратился в кучу металлолома. Грегори спросил, как дела с приемником. Нолан смущенно признался, что о приемнике не вспомнил.

— Попробуй, — сказал Грегори. — Может, он нас вызывает.

Через несколько секунд они услышали в шлемофонах голос Китли.

— Если кто-нибудь жив, отзовитесь. Если у вас есть прием, но нет передачи, дайте световой сигнал, я наблюдаю за вами в телескоп. «Змей» вызывает «Декарт»! Если кто-нибудь…

Неожиданно Грегори улыбнулся.

— Делай, как тебе велят, — сказал он Нолану.

— …Если у вас есть прием, но нет передачи… — продолжал Китли, — дайте световой сигнал… Ой, я глазам не верю! Я рад, что кто-то жив, — тут же продолжал он. В голосе Китли звучало облегчение. — Повреждения моего корабля невелики. Полетело несколько систем контроля… часа через четыре я буду в состоянии сблизиться с вами. Приходится быть осторожным, тут вокруг летают бомбы…

— Нолан! — быстро сказал Грегори. — Займись приемником. Постарайся приспособить его для

передачи. Сигнал будет слабым, но Китли его услышит. Передай ему, что наш реактор может в любую минуту взлететь на воздух. Вели ему не приближаться к нам!

— Попробуйте третий, — раздался голос пленника.

Нолан нажал на кнопку, и еще один зеленый огонек загорелся на пульте.

— Но такими темпами мы не исправим реактор. Почему «Змею» не приблизиться? — сказал он.

— Мы отсрочили взрыв на полчаса, — резко ответил Грегори. — Это пока все, чем мы можем похвастать. Делай, как тебе приказали.

Когда внутренние переговоры прервались, снова стал слышен голос Китли:

— Я опознал эти метеориты как свинцовые кирпичи из защиты реактора на «Подсолнечнике». Понимаете, что это означает? Вторая часть потока концентрируется вокруг массы кирпичей, и гравитация этой массы превосходит центробежные силы. Эта часть потока конденсируется. Поэтому его опасность для космоходства уменьшается, а лет через двадцать мы сможем попросту подогнать к нему корабль и погрузить добро на борт. Правда, об этом, наверно, лучше поговорить потом… В любом случае я зарегистрировал все

данные, касающиеся потока, так что не расстраивайтесь, если ваши приборы вышли из строя. Скоро увидимся…

Не успел Китли закончить фразу, как вновь послышался голос Колфилда:

— Попробуйте пятый.

Нолан нажал на соответствующую кнопку, свет на мгновение погас, но затем снова вспыхнул красный сигнал. Нолан взглянул на капитана.

— Колфилд, что там у вас происходит? — спросил Грегори.

Пленник ответил, что гнездо пятого стержня расчищено на четверть, но дальше он снова застрял. Что-то мешает внутри реактора. У Колфилда была идея, как с этим справиться, но время истекло. Можно ему поработать еще пять минут?

— Нет, — сказал Грегори.

— Но осталось немного, — возразил Колфилд. — У меня получается лучше, чем у всех вас, вместе взятых. Дайте мне пять минут, моя карта все еще красная…

— Ну хорошо, — сдался Грегори.

Тут он подумал о том, что, даже если реактор не взорвется, что, правда, вызывало тяжкие сомнения, особенно после последних слов Кол-

филда, корабль находится в страшном состоянии. Потребуется как минимум неделя, чтобы привести его системы в порядок и восстановить герметичность. Но Грегори не мог отделаться от леденящего предчувствия, что время утекает неотвратимо и им отмерены не дни, а минуты. Грегори знобило, неприятно сосало в желудке, и вдруг он понял, что эти симптомы означают лишь одну болезнь — страх смерти.

В этот момент Грегори ощутил, что корабль слабо содрогается, чуть вздрагивают подлокотники кресла.

— Что еще там случилось, Колфилд?

— Я двигаю стержни… надо проникнуть… — пленник делал паузы, чтобы перевести дыхание. — А то… а то мне не забраться внутрь.

Грегори почувствовал, как струйка пота потекла у него по лбу. Колфилд явно лгал. Стержни нельзя было так двигать. Они для этого не приспособлены. Но почему он врет? Что он там внизу делает?

Еще пятнадцать минут назад Грегори сразу ответил бы на этот вопрос. Именно поэтому он настоял на том, чтобы Колфилд не снимал карту, и предупредил его против глупостей. Этот человек понимал, что он виноват в той страшной

опасности, что создалась для кораблей, он понимал, что из-за него уже погибли люди и корабли, и, разумеется, мучился ощущением своей вины. Он мог решить, что обязан пожертвовать собой и кинуться в реактор, чтобы свести счеты с самим собой.

Теперь Грегори знал, что в течение одиннадцати лет этот человек скрывал свое настоящее имя. И все эти годы наказание за совершенное им преступление возрастало и соответственно возрастал страх разоблачения. И он скрывал свое имя до последней минуты, отказываясь от вспоминаний, и дал ложные показания о втором потоке в надежде, что они минуют его, не обнаружив тела. Но тело человека, умершего одиннадцать лет назад, было найдено, и на нем был диск с именем Джеймса Эндрю Колфилда.

Конечно, пленник чувствует себя плохо. И не известно, что в нем берет верх — чувство вины или чувство страха. Потому что он не бывший механик «Подсолнечника», а его бывший капитан Уоррен.

Грегори сделал знак Нолану, чтобы тот молчал и быстро выбрался с мостика. Без единого звука он постучал по шлему Хартмана и приказал ему жестом следовать за ним. Они вместе осторожно

спустились в колодец. Там плавали свинцовые кирпичи и обломки оболочки реактора, выброшенные туда пленником. Вот почему Грегори ощутил вибрацию!

Пробраться колодцем они теперь не могли, но видели, что происходит на его дне. Пленника там не было. И это могло означать лишь одно: он был в активной зоне реактора.

— Он выбросил все сюда руками! — сказал Грегори. — Нам придется расчищать проход. Времени нет!

— Не подходите ко мне! — раздался в наушниках хриплый голос Колфилда. Тут же послышался и голос Нолана:

— О чем вы говорите? Что там происходит?

Объяснять было некогда. Грегори потянул за отошедший лист обшивки и дернул его, пытаясь оторвать. Он был в отчаянии. Он ощущал себя заточенным на тысячелетия в бутылку джином…

Уоррен был любимым капитаном на своем корабле. Ему грозили суд, позор, разжалование и, возможно, тюрьма. Руки и лицо его обгорели во время взрыва в трубе настолько, что узнать его было невозможно. Даже по отпечаткам пальцев нельзя было определить его личность. Умираю-

щий механик выбросился в космос. И Уоррен по настоянию команды взял себе личность механика. А в госпитале на Земле миссис Уоррен поняла, что она вовсе не вдова. И она снова вышла замуж за своего для всех умершего мужа.

А Грегори подозревал черт знает что!

— Сэр! — буквально загремел в ушах голос Нолана. — Он туда залез! Он вытаскивает стержни руками! Что мне…

— Не вмешивайтесь, — раздался спокойный голос пленника. — Дайте мне подумать.

— Но мы же можем в любой момент взлететь на воздух!

— Колфилд, прекратите! — сказал Грегори. — Выйдите из зоны. Сейчас же!

Ответа не последовало.

Капитан Уоррен был умным и знающим космонавтом. Все годы, проведенные под чужим именем, он постоянно искал сообщений о жертвах, которые мог вызвать созданный им метеоритный поток. Не позавидуешь такой жизни. К тому же жена взяла с него слово, что он не вернется в космос. От этого было еще тяжелей. А вокруг все росла враждебность к тем, кто засорял космос, особенно к повинным в том капитанам… Страх, растерянность, чувство вины накапливались в

нем год от года.

Слишком долгое и жестокое напряжение может разрушить всякий разум. А страх и чувство вины могут превратиться внезапно в слепую бессмысленную ненависть к преследователям. Не исключено, что тело настоящего Колфилда послужило той соломинкой, которая сломала спину верблюду… Ведь преследователи бывшего капитана — его спутники на «Декарте»…

Грегори раскидывал обломки, набившие колодец, не задумываясь о том, что может повредить скафандр. Он уже верил в то, что в реакторе таится сумасшедший. И их жизнь сейчас зависела от того, успеют ли они вытащить его оттуда.

Так прошло несколько минут.

Внезапно на дне колодца Грегори увидел запрокинутое лицо Уоррена.

— Все в порядке, джентльмены. Я выхожу, — сказал он.

— Реактор дезактивирован, — возбужденно воскликнул Нолан, — Мы спасены!

«Да, мы спасены», — устало подумал Грегори. Но не все. От него до Уоррена было двадцать футов, а счетчик Гейгера безумствовал.

Работая как сумасшедшие, они соорудили временный переходник у одной из неповрежден-

ных кают. Загерметизировав каюту и снабдив ее аварийным запасом кислорода, они внесли туда Уоррена и раздели его. Он был достаточно облучен, чтобы добавлять к этому радиацию от скафандра. Тогда же они обнаружили, что он вошел в активную зону с самого начала. «Радиационная карта», которую они сняли с него, оказалась кружком, вырезанным из обложки его блокнота.

— Вот, значит, какой у вас талисман, — проворчал Грегори. Затем он поднялся на мостик, чтобы выяснить, соорудил ли Нолан передатчик. Оказалось, что все в порядке, и Грегори передал срочные инструкции Китли.

«Змей» приблизится к ним немедленно, возьмет на борт заключенного и проследует на максимальной скорости к Титану. Реактор «Декарта» был поврежден, но прямой опасности для корабля нет. «Змей» к тому же оставит им свои манипуляторы, чтобы ускорить ремонт. Тогда они смогут вернуться своим ходом, правда очень медленно. Именно поэтому заключенному нельзя было оставаться на «Декарте».

Отдав приказания Китли, Грегори вернулся к Уоррену.

— Вы знаете, на какое-то время я решил, что вы

намерены нас взорвать, — произнес смущенно Грегори, поднимая забрало шлема. — Когда вы начали двигать стержни…

— У меня не было другого выхода, чтобы вытащить эти чертовы кирпичи, — сказал Уоррен. Он лежал лицом к стене.

Грегори нужно было сказать заключенному слова, которые трудно произнести человеку его профессии и характера. А Уоррен не хотел ему в этом помочь. Грегори сказал:

— Там, на Титане, хороший госпиталь. Они специализируются на этих вещах… Вы там пробыли двадцать минут. Если они возьмутся за вас быстро, а мы постараемся, чтобы так и было, у вас есть шансы выкарабкаться. Я прилечу и попытаюсь уговорить вас согласиться на сеанс вспоминаний…

— Типично для вас, — устало произнес Уоррен.

Физически он не изменился — болезнь концентрировалась в костном мозге, в кроветворных органах, внутри… Наверное, сейчас он уже чувствует последствия облучения. Грегори продолжал:

— Я честно рассчитываю на то, что доклад о характере потока будет исходить от вас и, разумеется, будут учтены ваши заслуги в обнаружении

тела капитана «Подсолнечника»...

Уоррен лежал неподвижно.

— Да послушайте, Колфилд! — громко сказал Грегори. И замолчал.

Он подумал, как интересно устроено у человека подсознание. Даже после того как тело настоящего Колфилда было принято на борт, он продолжал называть пленника Колфилдом, и даже потом, когда у него было достаточно времени, чтобы посвятить во все Нолана и Хартмана, он продолжал молчать — а ведь при нормальных обстоятельствах он первым же делом рассказал бы им об этой удивительной истории. А он думал и думал о трагедии «Подсолнечника» и обо всем, что пережил и передумал Уоррен за одиннадцать лет. Наконец, он думал о том, что произошло в реакторе «Декарта», и понимал, что его подсознание оказалось мягче, чем он предполагал. И что дела куда важнее слов.

Он вынул из кармана личный диск механика Колфилда и надел цепочку на шею Уоррена.

— Желаю удачи, мистер Колфилд, — сказал он сухо, поднялся и вышел из каюты.

Диск — безусловное доказательство того, что пленник лишь выдавал себя за Колфилда. И если Грегори возьмет его себе, то когда-нибудь он

может поддаться слабости и лишний раз раскрыть рот, а то и подумать о той славе, которая достанется ему за то, что он распутал такое дело. Значит, оставалось, чтобы никогда не поддаться слабости, либо отдать диск человеку, который уже привык называть себя Колфилдом, либо выкинуть его за борт и забыть.

Но дело в том, что Грегори можно обвинить в разных грехах, в том числе и в невнимании к судьбе вещественных доказательств. Однако одного он никогда не сделает: выкинуть что-нибудь в космос капитан Грегори не способен. Это невозможно.

Челси Куинн Ярбро

Лягушачья заводь

Что бы там ни говорил мистер Томпсон, день для ловли лягушек и рыбы выдался отменный. Вокруг утреннего солнца был двойной ободок, так что погода обещала быть ясной. Мама еще спала, когда я встала. Отыскав кусок зачерствелого пирога, который мама спрятала накануне вечером, я схватила болотные сапоги и сетку и побежала к ручью. Мне и впрямь следовало уносить ноги побыстрее. Они считают, что мне вообще нельзя спускаться к ручью — мол, там, внизу, опасно.

Глупости, просто нужно знать, как себя вести. Держись подальше от розовых разводов на воде — и ничего с тобой не случится.

Я далеко обошла владения Бакстеров. Наверное, папа прав — там что-то неладно. Доктора Бакстера давно уже не видели на поселковой сходке, и папа думает, что какие-нибудь больные могли вселиться к Бакстерам и выжить их.

Я пробралась сквозь заросли ежевики к опуш-

ке, где растут молодые деревья. Был чудесный солнечный день, с севера дул славный, душистый ветерок — в том направлении на сотни миль нет ни одного города.

По дороге я наловила цикад, крупных таких, с длинными крыльями, — отличная наживка для шипастой рыбы, что водится на отмели. Нужно только прицепить их к сетке и опустить ее в воду. Шипастая рыба на них так и набрасывается! Правда, мистер Томпсон говорит, что есть ее вредно. Тоже мне знаток нашелся: я-то ее ем — и хоть бы хны!

Я направилась прямо к лощине Гнилой Колоды. Там есть отличная заводь и галечная отмель. Если не зевать, лягушек можно наловить видимо-невидимо. Они любят прятаться под лопнувшим трубопроводом, в пене. В последний раз я наловила не меньше десятка.

Для начала я прошла вдоль берега, глядя в воду — надо же знать, что там есть. Вода была спокойная, да и пены собралось не ахти сколько. Правда, рыбы тоже не было, так что я присела на теплую гальку, съела пирог и натянула сапоги. У них длинные голенища, и папа велит мне всегда натягивать их до самого верха. Э, меня это давно не волнует — можно подумать, помру я от капли

воды!

Немного погодя я со всеми предосторожностями вошла в воду — тихо-тихо, чтобы не спугнуть лягушек. Пробралась на середину ручья и принялась их высматривать. Сетка так и осталась у меня за поясом — не для лягушек она.

Только я притаилась в ручье, как вдруг ни с того ни с сего с обрыва летит куча камней и травы, а следом — этот парень из города и все норовит по дороге за кусты уцепиться. Труба его задержала — он так о нее и шмякнулся, но воду всю перебаламутил.

Через минуту-другую он стал подниматься, да долго так — все молотил руками вокруг и тянулся назад, к трубе. Всех лягушек распугал. До того я обозлилась, что заорала:

— Эй, мистер, может хватит?!

Черт возьми, ну и реакция! Он уставился на обрыв, завертелся, будто его окликнули из Службы инфекционных заболеваний или чего-то вроде, глаза помутнели, и весь затрясся. Прежде чем он успел шлепнуться еще раз, я крикнула:

— Да это я, мистер, внизу, в ручье.

Он поменял положение, для верности ухватившись за трубу. Я подождала, пока он устроится понадежней, и сказала:

— Так вы мне всех лягушек распугаете.

— Лягушек распугаю! — взвыл он, словно лягушки были какими-то чудовищами.

— Ну да. Хочу поймать несколько штук. Можете вы хоть минуту посидеть спокойно?

Мне было видно, что он задумался. Наконец он опять тихо так опустился на трубу, будто дух из него выпустили, и действительно спокойно сказал:

— А почему бы и нет?

И, откинув голову назад, закрыл глаза.

Пока он спал, я поймала трех лягушек, больших и жирных. Продела прутик им через глотки и опустила трепыхаться в ручей, чтобы не сдохли. Я уже почти поймала четвертую, когда парень проснулся.

— Послушай, — заорал он, — где это я?

— В лощине Гнилой Колоды.

— А где это?

И охота же ему глотку драть! Пусть подойдет поближе, чтобы не орать так.

— От разговора шуму меньше. Может, я все-таки поймаю лягушек, если мы не будем кричать.

Он оттолкнулся от трубы и поплелся по берегу, спихивая грязь и камни в воду.

— Привет, — сказала я, когда он подошел по-

ближе.

— Здравствуй.

Он все еще ужасно нервничал, и вокруг глаз у него были забавные круги, чем-то похожие на черепаший панцирь.

— Как тебя зовут?

Он изо всех сил старался казаться дружелюбным, и хоть мистер Томпсон зудит без конца, что на свете-де нет дружелюбных незнакомцев, уж кого-кого, а этого парня я наверняка обведу вокруг пальца.

— Алтия, — сказала я вежливо, как учила мама. — Но друзья зовут меня Торни. А вас?

— Гм, — он оглянулся, потом снова посмотрел на меня. — Стэил-Стэн. Зови меня просто Стэн.

Видно было, что он врет. Даже соврать толком не умел. Но я сказала, что конечно же его зовут Стэн, а потом подождала, не скажет ли он еще чего-нибудь.

— Тебе здесь нравится? — спросил он.

— Ага. Я часто сюда хожу.

— Значит, живешь недалеко?

Дурацкий вопрос. Вот уж истинно — горожанин он и есть горожанин. Может, он думает, что у нас в деревне подземка ходит? А он все поглядывал на трубу, словно ждал, что оттуда выскочит куча

народу.

— Да, у Бакстеров.

Вранье, конечно, но он первый начал, а потом папа говорит, чтобы я никому не рассказывала, где живу, — на всякий случай.

— А где это?

Он сделал вид, будто и не интересуется вовсе, вроде наплевать ему, где дом Бакстеров, — просто хотел лясы поточить с кем-нибудь. Я показала за спину и сказала, что, если идти по дороге, до Бакстеров будет с милю.

— А много народу там живет?

— Не очень. Человек шесть-семь. Собираетесь переселяться, мистер?

Тут он рассмеялся тем пронзительным смехом, который похож на всхлипывания. Мой брат Дэви всегда так плачет. Нехорошо, когда шестилетний ребенок так пищит. А уж такой, как этот Стэн — или как его там, — и вовсе никуда не годится.

— Что здесь смешного, мистер?

Я бы ушла и оставила его, да заметила, что он почти вляпался в зеленую жижу, которая течет из трубопровода и выносится на берег, поэтому немного громче сказала:

— А вам бы лучше уйти отсюда.

Он сразу замолчал, а потом спросил:

— Откуда? Почему?

Ох, ну и нервный же тип!

— Отсюда, — я показала на лужу, чтобы попугать его. — Эта штука вредная. Она может обжечь, если вы к ней не привыкли.

Конечно, это не совсем так. Некоторые вообще не могут к ней привыкнуть, но меня она никогда не обжигала, даже в первый раз. Как говорит мистер Томпсон, это значит, что селективные мутации адаптируются к новым условиям окружающей среды. Мистер Томпсон думает, раз он генетик, так уж и знает все на свете.

Стэн так рванулся прочь от зеленой жижи, словно та вот-вот готова была вцепиться в него.

— Что это?

— Не знаю. Просто грязь, которая течет из трубы. Два года назад в Санта-Розе взорвалась насосная станция, труба лопнула, и из нее стала сочиться эта зелень. — Я пожала плечами. — Она не вредная, только старайтесь до нее не дотрагиваться.

Похоже, Стэн опять готов был рассмеяться, и я выпалила:

— Спорить готова — вы из Санта-Розы, верно?

— Из Санта-Розы? А почему ты так думаешь?

Точно, он и в самом деле начинал нервничать,

стоило только спросить его о чем-нибудь.

— Да так. Санта-Роза — первый крупный город отсюда на юг. Я и подумала, что вы скорее всего могли прийти оттуда. А может, из Сономы или Напы, но это вряд ли.

— Почему ты так говоришь?

Теперь он чуть не плакал, а его пальцы без конца сжимались в кулаки.

— Очень просто, — ответила я, стараясь не смотреть на его руки. Судя по тому, как он то и дело сжимал и разжимал пальцы, он наверняка был болен, — Главное северное шоссе еще открыто, да только уж не то, что между Сономой и Санта-Розой.

Он закивал.

— Да, да, конечно. Именно так.

Потом посмотрел на меня, опять расслабив пальцы. «Слава богу», — с облегчением подумала я.

— Извини, Торни. Сам не думал, что могу так нервничать.

— Пустяки, — ответила я.

Мне не хотелось опять заводить его.

Стэн отошел назад и следил за мной, пока я высматривала лягушек. Потом он спросил:

— А здесь никому на ферме работники не тре-

буются, ты не знаешь?

Я ответила, что не знаю.

— Может, есть школа, где нужны учителя? Думаю, я мог бы кое-чему научить ребят. У вас ведь не так уж много хороших учителей?

Нашел, чем хвастать!

— Мой папа преподает в старших классах. Может, он сумеет помочь вам подыскать работу.

Нам-то учителя не требовалось, но если Стэн смыслит в преподавании, глядишь, он пригодится и для чего-нибудь другого.

— Ты здесь родилась?

Стэн рассматривал лощину с таким видом, будто не понимал, как здесь вообще можно родиться.

— Нет. Там, в Дэвисе.

Это было местечко, где папа занимался вирусологией растений до того, как он, и Бакстеры, и Томпсоны, и Вейнрайты, и Омендсены, и Левентали купили здешний участок.

— На ферме?

— Да, что-то вроде этого.

Послушать, как он говорит, можно подумать, что родиться на ферме все равно, что спасти морские водоросли или полететь на Луну.

— Я всегда мечтал жить в деревне. Может, те-

перь наконец-то удастся.

Он поплелся по берегу к песчаной прогалине напротив отмели и сел. Господи, ну и странный же он!

— Там змеи, — сказала я как можно мягче.

Конечно, он тут же взвился, визжа, как поросенок миссис Вейнрайт.

— Да не тронут они вас. Просто поглядывайте по сторонам. Змеи кусаются, только если их разозлишь.

Раз уж он так скачет вверх-вниз, лягушек мне точно не видать как своих ушей. Не иначе, придется терпеть его разговоры.

— Есть на этом берегу хоть одно безопасное место? — спросил он.

— Конечно, — улыбнулась я. — Как раз там, где вы сидели. Просто будьте начеку. Змеи здесь два фута длиной и такого красноватого цвета. Как иголки на соснах. — Я показала вверх на обрыв. — Вот как на этой.

— Боже правый! А давно это с иголками?

Я пробралась на глубокое место.

— Лет пять-шесть. Это все смог.

— Смог? Здесь нет никакого смога.

— У него же нет ни цвета, ни запаха. Мистер Томпсон говорит, что он везде, просто не разбе-

решь, есть он или уже исчез. Но деревья-то знают. Поэтому они так и перекрашиваются.

— Но они погибнут, — сказал он очень печально.

— Не исключено. А может, изменятся.

— Но как? Это ужасно.

— Сосны — те выдерживают, а почти все секвойи к югу от Наварро-Ривер давным-давно погибли. То есть многие деревья еще стоят, — торопливо пояснила я, заметив, что он опять меня не понимает, — но они уже неживые. А здешние сосны — они еще не погибли, а может, и погибать не собираются.

В его глазах мелкнула догадка, и я поняла, что проболталась. Я изо всех сил постаралась исправить свой промах.

— Нас учат этому в школе. Говорят, что мы должны будем как-то справляться с этими напастями, когда вырастем. Мистер Томпсон рассказывает нам о биологии.

Последнее по крайней мере было правдой.

— Биология? В твоем возрасте?

Этот разговор все-таки меня доконает!

— Послушайте, мистер, мне пятнадцать лет, а этого вполне достаточно, чтобы смыслить в биологии. И в химии тоже. Если отсюда далеко до

Санта-Розы, это не значит, что мы здесь не умеем читать и все такое прочее.

Я разозлилась не на шутку. Конечно, ростом я не вышла, но, черт подери, в наши дни коротышек полным-полно.

— Я не хотел тебя обидеть. Просто меня удивило, что у вас здесь такие хорошие школы.

Ну совсем он не умеет врать, этот Стэн!

— А чему учат там, откуда вы пришли?

Я знала, что от этого вопроса Стэн опять полезет на стенку, но уж очень мне хотелось поставить его на место.

— Ничему интересному. Истории, языку, изобразительному искусству. И почти ничему о том, как выжить. Вот, например, когда в прошлом семестре некоторые ученики попросили администрацию ввести такие дисциплины, как лесное хозяйство, изготовление корзин и прививка черенков, администрация вызвала службу и начался бунт. Один из службы, — Стэн как-то странно облизнул губы, — попал в засаду, и его повесили на фонарном столбе вниз головой.

— Паршиво, — сказала я.

Действительно, дело дрянь. Впервые я поняла, как плохо стало в городах.

Стэн все улыбался, рассказывая, что они сдела-

ли с этим парнем из службы. Слушать его было противно, хотя Стэн и старался выбирать слова. Он сказал, что в последний раз эту штуку проделали во время столкновений белых с неграми.

И этот парень хотел преподавать в наших школах! Он сказал, что на собственной шкуре испытал, что это такое, когда всюду полно людей, и мог бы внести свой вклад в наше общество. Я прямо-таки видела, как застывает папино лицо от того, что говорил Стэн. А тот все долдонил, что, по его разумению, для людей самое главное — понять общину, и его объяснения здорово смахивали на что-то религиозное. И, поверите, мне стало страшно.

— Пятнадцать — это слишком много, — продолжал он. — У тебя есть братья или сестры помоложе?

Я постаралась ответить похитрее.

— Два брата. И сестра.

Я умолчала, что Джемми уже занимается исследованиями, а Дейви ничего не делает. Или что Лайза готовилась обосноваться в соседнем поселке, чтобы в наших семьях не было слишком уж много кровосмешения.

— Старше или моложе?

— Старше главным образом.

Вот я и опять соврала. По крайней мере это у меня получалось неплохо. Ему и в голову не пришло выспрашивать о них дальше.

— Очень жаль. Мы должны изменить то, что происходит. Военное положение, обыски без ордеров, конфискации... Это ужасно, Торни, ужасно.

Не иначе как он думал, что мы здесь ничего не слышим и не видим. Он все говорил, как плохо, когда везде солдаты и какие они делают ужасные вещи. Я знала и это, и многое другое. Знала о бандах, которые убивают людей ради грабежа, и о клубах убийц, которые убивают ради развлечения. Черт возьми, Жюль Левенталь когда-то служил психиатром в клинике и немало порассказал нам о том, как ведет себя толпа и сколько людей доставляют беспокойство остальным.

— А как обстоят дела севернее? — спросил Стэн.

— Неплохо. В округе Гумбольдта все нормально, а в районе Кламат-Ривер народу уже много.

Мне совсем не хотелось, чтобы такой тип, как Стэн, оставался у нас. Я подумала, что, если наговорить ему про житье на севере, глядишь, он туда и подастся. Но он еще не пришел в себя и все кивал — ни дать ни взять как тот чокнутый про-

поведник, который несколько лет назад хотел, чтобы мы все отдали души за господа бога.

— Правда, это страна секвой, так что через несколько лет и у них могут быть неприятности.

Он уставился на меня тяжелым взглядом.

— Торни, а ты смогла бы объяснить, как добраться до округа Гумбольдта?

Дурак он и есть дурак, уж можете мне поверить. Ему бы просто топать по старой дороге 101 — вот и все. А этот псих даже на карту не взглянул. А может, и взглянул, да старался загнать меня в ловушку, только меня голыми руками не возьмешь.

— Можно и дальше идти по главному шоссе, — я старалась, чтоб мой голос звучал искреннее. — Но там впереди могут быть люди из службы — знаете, возле Юкии или Виллитса. Лучше бы свернуть к побережью и идти дальше вдоль берега.

«Ну вот, — подумала я. — Это его должно пронять. Он и так уже достаточно психовал».

— Да, да. Это лучше всего. Там Юрека, а это океанский порт, и будет связь…

Стэн распинался в том же духе еще минут пять. Он, видите ли, хотел организовать нападение на общину, чтобы защитить людей, но ради другой общины. Он твердил о правах, говорил, откуда

ему известно, чего люди хотят на самом деле, что он изменит все, чтобы они это получили. Он сказал, будто знает, что для них самое лучшее. Ух, жаль мистер Левенталь не мог его послушать.

— Ну а что же ты? Ты ведь должна быть в школе, верно?

— Не-а, — протянула я. — У нас занятия всего два раза в неделю. Остальное время мы свободны.

Интересно, стоило ли говорить ему так много. Пожалуй, мы не должны особенно распространяться насчет школы.

— Но ты же зря теряешь время, неужели тебе это непонятно?

Стэн присел на берегу, похожий на тощего кролика, который сидит на корточках.

— Сейчас тебе самое время изучать философию политики. Ты должна узнать, как функционирует общество. Это очень важно.

— Я знаю, как функционирует общество, — сказала я.

В конце концов, это известно всем ребятам, которые учились у мистера Вейнрайта. Да и сами Вейнрайты переехали сюда вместе с нами отчасти из-за того, что политиканам из Сакраменто не нравилось, как мистер Вейнрайт учил о том, как

они функционировали. А они были обществом.

— Да не то общество, — надменно возразил он и на мгновение напомнил мне мистера Томпсона, когда тот бывал чем-то недоволен. — Я имею в виду города, населенные центры.

Он все говорил и говорил, когда я увидела двух лягушек, которые ползли по дну. Я посмотрела, куда они ползут, а потом нагнулась над ними, задержав дыхание, едва лицо коснулось воды. Мне удалось поймать одну, а вторая удрала.

— Тратишь время на ловлю лягушек, — съязвил Стэн.

— А что? Они очень вкусные. Мама начиняет их маслом и жарит.

— Ты хочешь сказать, что вы их едите? — побледнев, пискнул он.

— Конечно. Это же мясо, разве не так?

Я пробралась к прутику с насаженными лягушками и прибавила новую. Стэн поерзал, подергался, но вскоре успокоился.

— Лягушки… — пробормотал он, — все же как вы можете есть лягушек?

— Очень просто.

Вряд ли он поверил, будто мы едим лягушек. Но для верности я дотянулась и схватила прут с лягушками. — Видите? Вот эта, — я ткнула боль-

шим пальцем в живот лягушки, — жирнющая. Самый что ни на есть лакомый кусочек.

— И ты видишь их под водой?

Я повернулась и взглянула на него. Он стоял на противоположном берегу выпрямившись, и в его глазах был прежний страх.

— Конечно. Надо же видеть, что ты хочешь поймать.

— Но в этой воде…

— А, просто я не открываю глаз так, как это делаете вы, — сказала я как бы между прочим. — Я за ними охочусь вот с этим. — И я мигнула мембранами.

У Стэна был такой вид, точно он проглотил саламандру.

— Что это было? — испуганно спросил он.

— Мигательная перепонка — меня так и проектировали с самого начала.

— Мутанты, — завопил он, — уже!

Он попятился, стараясь выкарабкаться на берег и не отрывая от меня взгляда, будто я оборотень какой. Он скользил и спотыкался, пока не взобрался наверх, а потом умчался прочь — было слышно, как он ломился сквозь кустарник, шуму от него было больше, чем от стада оленей.

Когда он исчез, на прогалине было полно ли-

стьев, сучьев и гальки, и я поняла, что сегодня ни лягушек, ни рыбы мне уже не поймать. Я взяла снизку с лягушками, сняла сапоги и направилась домой. Конечно, мама будет недовольна, но я надеялась, что мой улов смягчит ее гнев. Наверное, следует рассказать им о Стэне. Они не любят, когда здесь появляются посторонние.

И в самом деле, дома мне учинили хорошенький разнос. Самое смешное — их больше всего разозлило, что я показала Стэну свои мембраны. Есть о чем говорить, какая-то крохотная кожная заслонка, которую нам закодировал мистер Томпсон. Паршивый кусочек лишней кожицы возле глаз!

А послушать, как мистер Томпсон говорит об этом, — можно подумать, он перевернул всю Вселенную!

У. Эрлс

Транспортная проблема

Дэвис свернул с 42-й улицы на третью скоростную полосу, к старому рокфеллеровскому центру, спустился по четырехполосному переезду и затормозил на четвертом ярусе. Он задержался на мгновение, прежде чем выйти из машины, стараясь отдышаться: даже при усиленной работе фильтров воздух в салоне был ужасным. Он надел противогаз, вышел на площадку, хлопнув своей левой дверцей о дверцу «кадиллака», паркованного рядом.

— Так ему и надо, не будет высовываться за свою линию, — проворчал Дэвис. Он едва успел отскочить в сторону, когда «Мустанг-5» промчался мимо него и, обогнув угол, ринулся по эстакаде к улице. Дэвис послал ему вслед проклятие.

Он выглянул из прохода между машинами, прежде чем кинуться бегом через проезжую часть к лифту на противоположной стороне. Лифтер поспешил ему навстречу, чтобы потребовать

ежедневную плату в тридцать долларов, но тут же отступил почтительно, как только Дэвис показал ему свой жетон управляющего движением.

Кабинет Дэвиса находился в нижнем этаже Управления дорог и движения. Выйдя из лифта, он обнаружил, что в холле столбом стоит пыль и яростно стучит пневматический молоток. Человек с молотком был одет в голубой комбинезон Отдела дорожного строительства. Дэвис вспомнил, что обходную полосу на втором ярусе 57-й восточной улицы наметили провести именно здесь, но не ожидал, что это произойдет так быстро.

Одна стена кабинета была сорвана, и деррики укладывали стальные фермы для дорожного полотна. Рабочие крепили их к бетонному полу, загоняя магнитные заклепки.

Дэвис подошел ближе, один из рабочих хотел отстранить его, но он показал ему свой жетон.

— Это еще мой кабинет. — Дэвис подошел к контрольной панели и позвонил директору.

— На проводе Дэвис, — произнес он.

«Кажется, старому негодяю уже нужен рапорт», — подумал он.

— Есть, — ответила секретарь директора. — Я передам.

От стола аварий ему помахал рукой Лейнген. Он только освободился от дежурства. «Везет же, будет через три часа дома, если сумеет...» — невольно подумал Дэвис.

Отчет об авариях был ужасным: на 4,3 процента больше, чем вчера, — на одной только эстакаде в районе здания ООН семнадцать смертных случаев. Дэвис набрал номер дорожной службы.

— Дорожная, — отозвался голос на другом конце провода.

— Говорит управляющий движением. Пришлите птицу. Я хочу поглядеть с воздуха. — Он просмотрел еще несколько сообщений. Два столкновения на пятом ярусе Таппанского моста, и в обоих случаях «форды» позапрошлого года. Эти черти вообще не имеют права показываться на улицах в машинах двухлетней давности. Дэвис позвонил в Отдел арестов.

— Все старые «форды» удалить с улиц, — приказал он.

— Есть. — Он следил за красными точками на табло: это были «форды», которые сгоняли на боковые эстакады. Он включил телекамеру на одном из участков: бульдозеры теснили скопившиеся машины.

Шум вокруг все нарастал, с потолка стали сы-

паться куски облицовки.

— Поставьте защитный экран, — приказал он. Но никто ему не ответил. Он посмотрел на рабочего, который загонял заклепки в ферму. «Джонса-то нет», — подумал он вдруг. Конечно, нет — ферма стоит там, где был его стол. Без Джонса ему будет тоскливо.

— Это не первоочередная работа, приятель, — сказал ему рабочий. — Если вам нужен экран, получайте его от строительства.

Дэвис буркнул что-то себе под нос и посмотрел на часы: 08.07. Начинался как раз третий наплыв, третий пик. Словно по сигналу, здание задрожало, — это служащие нижнего звена кинулись в своих «линкольнах» и «мерседесах» на свою незаметную работу в незаметных маленьких учреждениях.

Коротко зажужжал телефон. Директор.

— Слушаю, сэр, — отозвался Дэвис.

— Дэвис? — прозинес дрожащий голос. («Умри, старый негодяй», — подумал Дэвис.) — Число аварий непрерывно растет.

— Дороги забиты, сэр.

— Вы же управляете движением. Сделайте что-нибудь.

— Нам не хватает дорог. Только вы один можете изменить положение.

— Никаких больше дорог. Но движение не должно останавливаться. Выполняйте свои обязанности. — Голос перешел в судорожный кашель. — Вот станете директором, будете строить дороги.

— Понял, сэр. — Связь отключилась. Конечно, он должен поддерживать движение на улицах.

— Птица прибыла, — раздался голос в динамике.

— Смит, — окликнул Дэвис помощника, и тот оторвал взгляд от главного табло. — Я улетаю. Вы остаетесь за меня.

В лифте по пути на десятый этаж он включил телерекордер.

— Пробка у статуи Свободы, Восток, — пролаял диктор. — Семнадцать машин и школьный автобус. Прибыла скорая. Повреждены конструкции на пятом ярусе, Восток, скоростная трасса к Янки-стадиону. Аварии на Стэйтен-Айленд, 4, 9 и 13-я улицы… — Дэвис выключил рекордер. Положение было хуже, чем он предполагал.

На пятом этаже он сменил лифт, чтобы избежать эстакады, ведущей с главной полосы на четвертый ярус, взлетел на крышу и вскочил в

ожидавший вертолет.

— Пробка из пятидесяти машин на четвертом ярусе, Янки-стадион, — кричало радио в вертолете, и он нажал кнопку центральной диспетчерской.

— Говорит Дэвис.

— Да, сэр.

— Каков срок для оповещения родственников? — спросил он.

— Двадцать три минуты, сэр.

— Пусть будет девятнадцать. Сообщить всем группам.

— Да, сэр.

— Подъем, — бросил он пилоту.

Дэвису хорошо были видны машины, мчащиеся за краем крыши. «Я мог бы протянуть руку и дотронуться до них, — подумал он, — и руку мне оторвало бы со скоростью сто миль в час...»

Дэвис закашлялся. Он всегда забывал надеть противогаз, когда бежал от лифта к вертолету, я это неизменно отзывалось на его легких.

К счастью, смог в это утро не был густым, и он видел под собою серое пятно Манхаттана. На юге можно было различить шпиль Эмпайр стейт билдинг, вознесшего свои сорок этажей над четырехлистной развязкой вокруг, а еще дальше

виднелись башни Международного торгового центра и гигантская глыба Гаража, рядом с которым они казались совсем небольшими.

— Направо, — приказал он пилоту. — Идите вдоль реки и пониже.

На перекрестке возле пирса 90 была пробка, и он увидел, как вертолет магнитом цепляет изуродованные машины и перебрасывает их через реку к перерабатывающему депо.

Увидев в депо груды обломков, которые громоздились перед тремя огромными дробилками, он позвонил директору. Изуродованные «форды» и «бьюики» на глазах превращались в трехфутовые металлические брикеты, которые машина выплевывала прямо на баржи. Буксиры отводили баржи из пролива к новому ракетопорту. Однако каждая дробилка перерабатывала в час только двести машин, для часов пик этого было недостаточно.

— Да, Дэвис, — проскрипел голос директора.

— Не позвоните ли вы в Сталелитейное объединение? — спросил Дэвис. — Необходима еще одна дробилка.

— Не знаю, так ли уж она необходима, но позвоню.

Дэвис со злостью отключился.

Опытным взглядом он оценил движение на мостах. Машины шли с интервалом 8 футов, и он приказал им сблизиться до 7,2, на десять процентов увеличив пропускную способность трасс. Это было почти эквивалентно созданию еще одного яруса.

Проезжая часть над пирсами была забита. Самосвалы с грузами на мгновение задерживались на вершине эстакады, а потом стремительно кидались в поток машин. Дэвис увидел, как один самосвал, груженный стальными контейнерами, получил удар от «кадиллака», потерял управление, перевалился через край полотна и рухнул с высоты 100 футов вниз, минуя пять ярусов. Контейнеры разлетелись во все стороны, сталкиваясь с машинами на всех ярусах. Даже с двухсотфутовой высоты ему были слышны скрежет тормозов и грохот сталкивающихся машин. Он поспешил вызвать контроль.

— Скорую помощь на причал 46, на все ярусы, — приказал он.

Он довольно улыбнулся. Всегда приятно первому сообщить об аварии. Это свидетельствует о том, что он не теряет формы. Как-то он сообщил в одно утро о четырех авариях, — это был рекорд.

Но теперь за такие сообщения введены премии, и представителям Службы движения редко удается оказаться на месте первыми. Раньше дорожными авариями занималась полиция, но сейчас она слишком занята вылавливанием грабителей. Авария опасна только в том случае, если нарушает нормальный поток движения.

А движение было напряженным на всех ярусах — он видел это, хотя с вертолета просматривались только три верхних яруса. Главная переходная полоса у Таймс-сквер работала хорошо, как и самая широкая на Манхаттане, она протянулась от 42-й до 49-й улиц и от 5-й до 8-й авеню. Многие протестовали против ее строительства, особенно кинофанатики и библиотечные черви, но теперь это была самая замечательная в мире эстакада шириной в шестнадцать полос. «Притихли даже любители библиотек», — подумал он; именно ему принадлежала мысль перенести фигуры львов со старого места к началу Большого скоростного пути на Янки-стадион — не вступись он, они были бы уничтожены вместе с прочими зданиями.

Нырнув, вертолет направился вдоль паркировочных площадок Вест-сайда к развязке у статуи Свободы. Проектировщики поступили разумно, использовав основание статуи на острове Бедло

как фундамент для развязки: это сэкономило миллионы, не пришлось вбивать сваи в дно залива, да и бронза пошла на слом по хорошей цене.

Конечно, консерваторы, любители старины, протестовали и здесь, но их, как всегда, перекричали. Дорогу транспорту! Не так ли?

Манхаттан внизу кишел массой мчащихся разноцветных машин. Аварийные вертолеты пикировали на них, спеша убирать искалеченные обломки, пока на дороге не образовалась пробка. На остров с севера на юг над местами прежних улиц в сорока футах друг от друга шли двести полос. Они бежали над зданиями, под ними и даже сквозь них. Это был лучший в мире город, созданный машинами и для машин. А Дэвис по восемь часов в сутки управлял судьбами этого автомуравейника. И всегда, когда парил здесь на вертолете, он особенно остро ощущал свое могущество.

— Сюда, — бросил он пилоту, указывая на пятую полосу, ведущую к причалу. Темно-красный «додж» шел со скоростью 65 миль в час, задерживая движение на мили позади. Места обойти его не было, пробка была неизбежна. — Вниз, — снова скомандовал Дэвис, взял «додж» на прицел и выстрелил.

Заряд краски попал на капот машины. Водитель понял предупреждение и увеличил скорость до безопасной цифры — 95 миль. Но метка осталась, водителя найдут по ней — краска смывается только спецрастворителем, принадлежащим Службе движения, — и накажут. За первую пробку штраф двести долларов, а за последующие водителя снимают с дорог на сроки от пяти до ста дней. В таком случае приходится ездить городским транспортом. Дэвис содрогнулся при одной мысли об этом.

На Батарейном мысе и острове Бедло был порядок, и вертолет повернул назад. Дэвис взял бинокль, чтобы проверить Стейт-айлендское шоссе, и увидел, что из двадцати двух полос при входе в Нью-Йорк заняты только шестнадцать. Главный пик почти миновал, можно начать готовиться к следующему, в часы ленча.

Вокруг Международного торгового центра скопление машин не рассасывалось. То же самое наблюдалось и у громады Гаража. Смог держался на уровне семьдесят девятого этажа. Дэвис увидел красные сигналы «Занято» на всех нижних девяноста двух этажах и понял, что остальные сорок не смогут вместить всех машин, стремящихся сюда по двадцати пяти подъездным путям. Он

вызвал контроль.

— Говорит Дэвис. Дайте мне Управление парков и площадок.

— Парков и площадок? — голос прозвучал недоверчиво.

— Да. — Он подождал и, когда ему отозвались, заговорил быстро и напористо — Я управляющий движением Дэвис. Приказываю очистить Батарейный парк. Я намерен через пять минут перебросить туда две тысячи машин.

— Вы не можете…

— К чертям, если не могу! Кто управляет движением? Очищайте парк!

От Центрального парка осталось только немного травы, задыхающейся в выхлопных газах, гибнущей в тени многоярусных путей и под ногами миллионов горожан, которые устремлялись сюда к единственному клочку зелени в радиусе одиннадцати миль. Большая часть парка была погребена под огромным Гаражом и семью ярусами путей. В качестве уступки любителям прошлого на крыше Гаража поставили клетки с животными, они простояли там две недели, пока на них не наехал какой-то пьяный в «линкольне». Угоревшие животные разбежались по эстакадам, но тех, что не погибли под колесами,

скоро выловили.

— Как быть с людьми? — спросил Отдел парков.

— Сочувствую им. У них есть еще четыре с половиной минуты. — Он выключился, вызвал Отдел регулировки.

— Говорит Дэвис, — сказал он. — Направьте Пятую батарейную, ярусы два — десять в Центральный парк.

— Есть, сэр.

Потом он вызвал Нижний город, приказал на протяжении семи кварталов закрыть Уолл-стрит. Позже придется направлять транспорт в обход, это затянется часа на четыре.

Самая большая пробка была, как всегда, у Эмпайр стейт билдинг, где северо-южная магистраль обходила огромное здание на двенадцать полос в сторону. На поворотах машины заносило, прижимая к ограждениям, и ежедневно здесь теряли управление и валились, разбиваясь о нижележащие ярусы, десятки машин. Это было своего рода зрелище, и служащие теснились у окон, чтобы видеть, как крутятся вышедшие из повиновения машины. Сегодня движение казалось почти нормальным, и Дэвис приказал держать скорость 110 миль на повороте и 115

при выходе из него. Но все же этого было недостаточно: приходилось притормаживать, теряя скорость, и после поворота ширина движения уменьшилась. Дэвис увидел, как один «бьюик» пошел юзом, ударился об ограду, перевернулся, и водитель, вылетев сквозь съемную крышу, упал ярусом ниже и исчез в потоке машин. «Бьюик» откатился и тоже исчез из виду.

— Домой, — приказал Дэвис.

Вертолет опустил его на крышу.

Дэвис просмотрел сводки об авариях, подписал их. Выше нормы, а в секторе у Эмпайр стейт на 6,2 % выше, чем на прошлой неделе. Сам Дэвис был упомянут как сообщивший о пробке у причала; была и информация о том, что заполнен Центральный парк, к тому же директор взбесился, узнав о переброске туда машин. «К чертям его», — подумал Дэвис. Была еще одна жалоба от фирмы «Меррилл Линч, Пите, Феннер и Агню». Двое из членов ее правления застряли на Уолл-стрит и опоздали на совет. Он бросил жалобу в корзину. Снаружи или внутри, — это трудно определить, когда одной стены нет, — рабочие сбрасывали стальные плиты для дороги, выдергивая для экономии времени часть болтов.

— Оставьте эти чертовы болты, — прорычал Дэвис. — Эта штука все равно будет трястись.

Грохот был оглушительным даже сейчас, когда семь транспортных полос находились в тридцати футах отсюда, а, когда ветка пройдет здесь, он станет еще сильнее. Дэвис надеялся, что стену поставят обратно. Он позвонил Смиту, спросил о показателях у Эмпайр стейт билдинг.

— С девяти утра четырнадцать смертельных случаев.

Это было на 10,07 % выше нормы, а пик, связанный с ленчем, должен был начаться через четыре минуты.

— Проклятый Эмпайр, — проворчал Дэвис. На табло сектора штаб-квартиры ООН вспыхнул красный свет; он включил видеофон и увидел нагромождение двенадцати машин на четвертом ярусе, увидел, как сыплются тела и части тел, машины и части машин. Черт, теперь не миновать еще одного гневного звонка. Проклятые иностранцы, — почему они думают, что их идиотские проблемы важнее транспортных?

Зазвонил красный телефон директора, и он взял трубку.

— Дэвис слушает.

— Показатели растут, — проскрипел дирек-

тор. — В чем дело?

— Сектор Эмпайр стейт, — ответил Дэвис. — Это и еще кое-какие здания.

— Сделайте что-нибудь. Я уполномочиваю вас.

— Нужно убрать Эпайр стейт, — сказал Дэвис. — И получить еще сорок ярусов в гараже центра.

— Это невозможно.

«Ничего нет невозможного, — подумал Дэвис. — Просто ты боишься консерваторов. Трус».

— Сделайте что-нибудь, — повторил директор.

— Хорошо, сэр. — Он подождал, пока в трубке щелкнуло, и бросил ее на рычаг. Он глубоко вдохнул воздух кабинета — это было действенней затяжки сигаретой — и начал отдавать короткие приказания по общему каналу.

— Пошлите еще десять аварийных вертолетов, — бросил он. Когда их в полтора раза больше, то и обломки убираются во столько же раз быстрее. — Сократите сроки оповещения родных до пятнадцати минут. — Это было уж слишком, но явно ускорит обработку аварий в Бруклине и Нью-Джерси. Сейчас, когда один пик только что прошел, а другой начинается, обломки накапливаются вне приемных центров и дробилки часто бездействуют. — Повысьте минимальную скорость на пять миль в час. — Это составит не

меньше ста миль на магистралях и шестидесяти пяти на ярусах.

Он включил видеофон, проследил, как вводятся новые скорости, как начинают спешить машины. Отдел очистки сообщил о посылке десяти вертолетов; он вздохнул свободнее, переключил видеофон на сектор Эмпайр, увидел третье за этот день огромное нагромождение на третьем ярусе и чертыхнулся. Он закрыл проезд на 34-ю улицу, приказал трем бульдозерам сгонять туда все обломки, позвонил в Отдел оповещения, чтобы срочно направили бригаду. К полуночи, когда движение уменьшится, можно будет отправить машины и трупы в Нью-Джерси.

Красный телефон зазвонил трижды. Что-то сверхважное. Он схватил трубку, выкрикнул свое имя.

— Только что умер директор, — прозвучал истерический голос. — Вы — его заместитель.

— Сейчас приду. — Заместитель, ладно. До конца дежурства остается шесть часов, за это время он успеет кое-что сделать. Он повернулся к Смиту. — Вы будете управляющим здесь, — сказал он, — Я сейчас получил повышение.

— Есть. — Смит едва взглянул на него. — Открыть полосы один — девять, — приказал он.

Переход от помощника к управляющему совершился мгновенно. «Вот что значит хорошая школа», — подумал Дэвис.

Он поднялся в кабинет директора. Сотрудники стояли молча, глядя на труп на полу. Светились четыре табло, звонила дюжина телефонов. Дэвис отдал короткие распоряжения.

— Вы, вы и вы, отвечайте на звонки, — сказал он. — Вы и вы, следите за табло. Вы, вынесите труп. Вы, — указал он на секретаря, теперь его секретаря, — созовите общее совещание. Срочно!

Он просмотрел табло, проверил отделы движения, регулировки, аварий, оплаты въезда, оповещения. Отдел смертности показал отличные цифры — новым управляющим там стал Уиллборн. Дробилки работали хорошо. Отдел аварий сообщал, что темпы уборки выше нормы.

— Директор скончался, — сказал он сотрудникам. — Его место занимаю я. — Все кивнули. — Большинство отделов работает хорошо. — Он взглянул на Смита. — Но движение транспорта — никудышнее. Почему?

— Эмпайр, — ответил Смит. — Мы теряем 20 % только на том, чтобы обогнуть это чертово здание.

— Как у вас с распределением работ по бри-

гадам? — обратился Дэвис к управляющему строительством.

— В порядке. — Управляющий быстро перечислил с дюжину мелких работ.

— Главное — Эмпайр, — резко проговорил Дэвис. — Мы не можем вечно огибать его. — Он взглянул на управляющего строительством. — Уберите его, — приказал он. — Совещание окончено.

Позже, когда он посмотрел с крыши в ту сторону, бригада разборщиков уже сняла верхние десять этажей Эмпайр стейт билдинг и срезала угол на сороковом ярусе путепровода, по которому уже мчались машины. Поток был ровным, и Дэвис улыбнулся. Он не помнил, чтобы принимал когда-либо более необходимое решение.

Роберт Шекли

Недетерминированный ключ

Сидя за своим столом в пыльной конторе фирмы «ААА — Абсолютная адекватная апробированная очистка планет», Ричард Грегор коротал время, раскладывая пасьянс необыкновенной сложности. Хотя было уже за полдень, но Арнольд, его компаньон, пока не появлялся.

В прихожей раздался громкий треск. Дверь конторы приоткрылась, и в щель просунулась голова Арнольда.

— Гуляем? — спросил Грегор.

— Полчаса назад я сделал нас с тобой миллионерами, — ответил Арнольд и театральным жестом распахнул дверь. — Вноси, ребята.

Четверо взмыленных грузчиков втащили в контору большой черный ящик размером со слоненка.

— Вот он! — гордо объявил Арнольд. Он расплатился с грузчиками и, заложив руки за спину, принялся рассматривать аппарат сквозь полу-

прищуренные веки.

Медленными движениями человека, которого уже ничем не удивишь, Грегор смешал карты, поднялся из-за стола и обошел ящик кругом.

— Ладно, сдаюсь. Что это?

— Считай, миллион долларов у нас в кармане.

— В этом я и не сомневался. Но как его зовут, этот миллион?

— Это — Даровой изготовитель, — торжествующе улыбнулся Арнольд. — Иду я сегодня утром мимо лавки межпланетного старьевщика Джо и вдруг вижу: эта штука красуется прямо на витрине. Отхватил ее просто за гроши. Джо и понятия не имеет, что он продал за бесценок.

— Я тоже не имею, — ответил Грегор. — А ты?

Арнольд ползал перед машиной на четвереньках, пытаясь прочитать инструкцию, выгравированную на передней панели. Не поднимая головы, он спросил:

— Тебе доводилось слышать про планету Мелдж?

Грегор кивнул. Так называлась третьеразрядная планетка на северной оконечности Галактики, вдали от торговых путей. В давние времена ее цивилизация достигла небывалого расцвета благодаря так называемому Древнему Знанию. Само

Древнее Знание давно утрачено, но созданные в ту пору машины время от времени обнаруживают в разных забытых уголках Галактики.

— Так это плод Древнего Знания?

— Вот именно. Это Мелдженский даровой изготовитель. Вряд ли их осталось больше четырех-пяти штук. Воспроизвести их невозможно.

— А что именно он изготавливает?

— Почем я знаю? — ответил Арнольд. — Будь добр, передай мне мелджо-английский словарь.

Грегор с плохо скрытым возмущением повернулся к полкам.

— Ты его купил, даже не поинтересовавшись, что он изготавливает?

— Я просил словарь. Благодарю. Какое это имеет значение? Что бы эта штука ни изготавливала, самое главное, что она делает это бесплатно. Даром! Она берет энергию из воздуха, от Солнца, из космоса, откуда придется. Ее не надо ни включать в сеть, ни смазывать, ни обслуживать. Она будет работать вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся переводить инструкцию.

— Даровой энергии не бывает…

— Древние ученые тоже были не дураками, — прервал его Арнольд, записывая одновременно

перевод надписи в свой блокнот. — Изготовитель черпает энергию из окружающей среды. Поэтому совершенно несущественно, что именно он изготавливает. Сколько бы ни дали за конечный продукт, в накладе мы не останемся.

Грегор с сожалением посмотрел на щуплого энергичного компаньона, и его грустное вытянутое лицо сделалось еще печальнее.

— Арнольд, позволь мне напомнить тебе кое о чем. Прежде всего ты — химик, я — эколог. Мы оба ровным счетом ничего не смыслим в технике, а в сложной технике чужих цивилизаций — тем более.

Арнольд рассеянно кивнул и повернул диск на панели. Изготовитель сухо кашлянул.

— Больше того, — продолжал Грегор, отступив на несколько шагов назад, — наше дело — очистка планет. Ты не забыл об этом? За каким чертом нам надо ввязываться…

У изготовителя начался припадок кашля.

— Готово, — сказал Арнольд. — Здесь написано: «Мелдженский даровой изготовитель — последний триумф Глоттенской лаборатории. Фирма гарантирует его неразрушаемость, неуничтожаемость и бездефектность. Изготовитель не требует источника энергии. Включается

нажатием кнопки, выключается индетерминированным ключом. При обнаружении любых неисправностей просим немедленно сообщить в Глоттенскую лабораторию».

— Должно быть, ты не понял меня, — снова начал Грегор, — мы с тобой занимаемся…

— Не будь занудой, — перебил Арнольд. — Как только мы включим с тобой эту штуку, нам уже незачем будет работать. А вот и кнопка.

Машина угрожающе заскрежетала, затем скрежет сменился ровным гудением. Прошла минута, другая, третья — видимых результатов не было.

— Ей надо прогреться, — неуверенно пробормотал Арнольд.

Из отверстия в панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, отходы производства, — сказал Грегор.

Прошло четверть часа, а порошок продолжал сыпаться.

— Удача! — завопил Арнольд.

— Да, но что это? — поинтересовался Грегор.

— Не имею представления. Надо будет проделать анализ.

С видом победителя Арнольд отобрал в пробирку немного порошка и направился к лаборатор-

ному столу.

Грегор стоял перед изготовителем и молча смотрел, как из машины сыплется серый порошок.

— Не выключить ли его пока? — проговорил он наконец.

— Ни за что! — возразил Арнольд. — Чем бы этот порошок ни оказался, он стоит денег.

Арнольд зажег бунзеновскую горелку, налил в пробирку немного дистиллированной воды и принялся за работу.

Грегор пожал плечами. Он уже привык к сумасбродным затеям Арнольда. С того самого дня, как они основали собственную фирму, Арнольд, не переставая, искал легких путей к богатству. Как правило, усилий эти легкие пути требовали больше, а денег приносили меньше, чем простая добросовестная работа. Но Арнольд быстро забывал о прошлых неудачах. «Что ж, — подумал Грегор, — все лучше, чем сидеть сложа руки. По крайней мере хоть не так тоскливо». Он принялся раскладывать самый сложный из своих пасьянсов.

Несколько часов в конторе было тихо. Арнольд кропотливо трудился, добавляя реактивы, отбирая осадок и поминутно заглядывая в толстые справочники. Грегор сходил за кофе и бутер-

бродами. Поев, он принялся расхаживать по комнате, наблюдая, как из машины сыплется серый порошок.

Постепенно гудение машины сделалось более громким, а тоненькая струйка заметно потолстела.

Час спустя Арнольд встал.

— Дело в шляпе, — торжествующе провозгласил он.

— Что же это такое? — осведомился Грегор, втайне надеясь, что Арнольд хоть раз в жизни попал в точку.

— Это не что иное, как тангриз, — ответил Арнольд и выжидающе посмотрел на партнера.

— Тангриз, говоришь? Не может быть! Ты уверен?

— Абсолютно.

— Тогда будь так добр и объясни, что такое тангриз! — заорал Грегор.

— Я был уверен, что ты знаешь. Тангриз — это основная пища мелдженцев. Взрослый мелдженец съедает за год несколько тонн этого порошка.

— Пища, говоришь? — Грегор с уважением посмотрел на толстую струю. На машине, которая безостановочно, двадцать четыре часа в сутки

производит пищу, можно неплохо заработать. Особенно, если эта машина не нуждается ни в энергии, ни в обслуживании и себестоимость продукта равна нулю.

Арнольд уже раскрыл телефонный справочник и набирал номер.

— Алло, это Галактическая корпорация пищевых продуктов? Соедините меня с президентом. Что? Вышел?.. Тогда с вице-президентом… По очень важному делу… Что? Изложить в письменном виде?.. Послушайте, я могу снабдить вас практически неограниченным количеством таигриза — главной пищи мелдженцев… Вот именно!.. Я так и знал, что вас это заинтересует. Подождать у телефона?.. Так и быть, подожду.

Арнольд посмотрел на Грегора.

— Эти крупные корпорации воображают, будто… Да, сэр! Совершенно верно, сэр!.. Ваша фирма торгует тангризом?.. Превосходно…

Грегор подошел поближе, пытаясь расслышать, что говорят на другом конце провода. Арнольд отпихнул его.

— По какой цене? А какая сейчас средняя рыночная цена? Ах, так… что ж, пять долларов за тонну, конечно, не бог весть что, но я могу… Как вы сказали?.. Пять центов за тонну? Оставьте

шуточки! Давайте говорить серьезно!

Грегор отошел от стола и уныло опустился в кресло. С безучастным видом он слушал, как Арнольд говорит:

— Да… да… понимаю… Нет, этого я не знал… да… понимаю… что ж, извините за беспокойство.

Арнольд повесил трубку.

— Похоже, что в данный момент тангриз не пользуется особым спросом. На Земле сейчас всего 50 мелдженцев, а транспортные расходы на перевозку в южное полушарие очень высоки.

Грегор поднял брови и посмотрел на машину. Надо полагать, она вышла на полную мощность, потому что порошок хлестал из отверстия, словно вода из пожарного шланга. В комнате все предметы покрылись толстым слоем серой пыли. Куча порошка перед машиной была уже по щиколотку.

— Не унывай, найдем другое применение, — проговорил Арнольд, раскрыв еще более толстый фолиант.

— Не лучше ли до поры до времени ее выключить? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае, — ответил Арнольд. — Как ты не понимаешь? Порошок достается даром. Считай, машина печатает денежные купюры.

Арнольд углубился в справочники. Грегор принялся расхаживать по комнате, но ноги вязли толстом слое порошка. Он плюхнулся в кресло, сожалея, что в свое время вместо экологии не занялся разведением цветов.

К вечеру куча порошка достигла нескольких футов. Где-то под ним оказались погребены авторучка, карандаши, папка с бумагами, картотека. Грегор начал тревожиться, выдержит ли пол. Сделав из корзинки для бумаг импровизированную лопату, он расчистил путь к выходу.

Наконец Арнольд захлопнул справочники. Вид у него был усталый, но довольный.

— Есть еще одно применение.

— Какое?

— Тангриз можно использовать в качестве строительного материала. Знаешь, оказывается, пролежав два-три дня на воздухе, он застывает в твердую, как гранит, массу.

— Нет, не знаю, — ответил Грегор.

— Позвони в какую-нибудь строительную компанию. Мы уладим дело немедленно.

Грегор позвонил в строительную фирму «Филадель-фия-Марс» и сообщил мистеру О'Тулу, что они готовы снабжать его тангризом в неограни-

ченном количестве.

— Тангриз, говорите? — отозвался О'Тул. — Этот материал сейчас вышел из моды. Знаете, он совсем не берет краску.

— Не знаю, — ответил Грегор.

— Это факт. Послушайте, этот тангриз жрет какая-то полоумная раса. Почему бы вам…

— Мы предпочитаем продавать тангриз как строительный материал, — прервал его Грегор.

— Что ж, пожалуй, я куплю. Дешевый стройматериал всегда пригодится. Предлагаю пятнадцать за тонну.

— Долларов?

— Центов.

— Мы подумаем, — ответил Г регор.

Услышав о предложении О'Тула, Арнольд глубокомысленно кивнул.

— Все в порядке. Скажем, машина дает десять тонн порошка в сутки, и так день за днем. В год это выходит, — он быстро подсчитал на логарифмической линейке, — … пятьсот пятьдесят долларов. Не густо конечно, а все же будет полегче платить за контору.

— Но мы не можем держать машину здесь, — возразил Грегор, с тревогой глядя на растущий слой порошка.

— Разумеется, нет. Отыщем тихое местечко где-нибудь за городом и поставим ее там. А они смогут вывозить это добро в любое удобное для них время.

Грегор снова позвонил О'Тулу и сообщил ему, что они будут счастливы снабжать его тангризом.

— Прекрасно, — ответил тот. — Вы знаете, где моя фабрика. Завозите свой товар в любое удобное для вас время.

— Нам завозить? Я думал, вы сами…

— Это по пятнадцать-то центов за тонну? Я и так делаю вам одолжение, что беру его. Нет уж, доставка ваша.

— Скверно, — подал голос Арнольд, когда Грегор повесил трубку, — перевозка обойдется нам…

— …куда дороже пятнадцати центов за тонну. Выключай-ка свою игрушку, пока мы не решим, что с ней делать.

Увязая в порошке, Арнольд подобрался к изготовителю.

— Сейчас поглядим. Выключают недетерминированным ключом.

Он осмотрел переднюю панель.

— Выключай. Не тяни.

— Одну минуту.

— Скорее.

— Потерпи, потерпи.

— Послушай, ты ее выключишь или нет?

Арнольд выпрямился.

— Не так-то это просто, — принужденно хихикнул он.

— Почему?

— Для этого необходим индетерминированный ключ. Боюсь, что у нас его нет.

Несколько следующих часов Грегор и Арнольд провели у телефона, лихорадочно обзванивая всю страну. Они справлялись в музеях, научно-исследовательских институтах, на археологических кафедрах университетов. Они звонили по всем адресам, какие только приходили в голову. Никто даже и не видел индетерминированного ключа. Больше того — никто и не слышал ничего о нем.

В полном отчаянии Арнольд позвонил межпланетному старьевщику Джо в его загородный особняк.

— Никакого недетерминированного ключа у меня нет и никогда не было, — ответил Джо. — Стал бы я иначе продавать эту штуку почти даром!

Партнеры молча уставились друг на друга. Из Дарового изготовителя все так же бодро струился

порошок, не имеющий цены. Куча уже сравнялась со столом; глубоко под ним остались два кресла, стулья и радиатор.

— Ах, какой очаровательный источник дохода, — сказал Грегор.

— Не волнуйся. Не может быть, чтобы мы чего-нибудь не придумали.

— Мы?!

Арнольд снова зарылся в книги; остаток ночи он провел в поисках применений тангриза. Грегор до утра таскал порошок в коридор, иначе контору засыпало бы до самого потолка.

Взошло солнце, его лучи едва пробились сквозь серые от пыли окна. Арнольд встал, потянулся и зевнул.

— Безуспешно? — спросил Грегор.

— Боюсь, что да.

Грегор выкарабкался наружу, чтобы сходить за кофе. Вернувшись, он нашел Арнольда в обществе управляющего зданием и двух меднолицых полисменов.

— Я требую, чтобы вы немедленно убрали свой песок из коридора! — вопил управляющий.

— А кроме того, вы нарушили постановление муниципалитета, запрещающее фабрики в центре города, — добавил один из полисменов.

— Это не фабрика, — объяснил ему Грегор, — а Мелдженский даровой изгото…

— А я говорю, что это фабрика, — ответил полисмен. — И я требую, чтобы вы ее немедленно закрыли.

— В том-то и вся трудность, — вмешался Арнольд. — Мы не можем ее выключить.

— Не можете выключить? — Полисмен подозрительно оглядел обоих компаньонов. — Издеваться надо мной вздумали? А ну-ка, выключайте ее к…

— Сержант, честное слово…

— Слушай, умник, даю тебе час сроку. Если через час помещение не будет очищено, я вручу вам повестку в суд.

Оставшись одни, компаньоны молча поглядели сначала друг на друга, а потом на изготовитель. Порошка было уже по пояс, и куча продолжала расти.

Арнольд был на грани истерики.

— Черт возьми! Неужели мы так ничего и не придумаем? Должен ведь существовать какой-то спрос. Весь этот тангриз нам ровно ничего не стоит. Каждая песчинка достается нам даром, даром, даром!

— Успокойся, — проговорил Грегор, устало вы-

скребая порошок из собственных волос.

— Нет, как ты не понимаешь? Если товар существует в неограниченном количестве, то на него должен найтись покупатель. Нам он достается совершенно бесплатно…

Дверь распахнулась, и в контору вошел высокий худой мужчина в темно-сером костюме. В руках он держал какой-то портативный прибор со шкалой.

— Так вот это где, — сказал мужчина.

У Грегора мелькнула безумная надежда.

— Скажите, это у вас случайно не индетерминированный ключ?

— Какой ключ? Нет-нет. Это измеритель утечек.

— Ах, вот оно что, — протянул Грегор.

— Похоже, я наконец у цели, — сказал мужчина. — Меня зовут Герстайрс.

Он расчистил от порошка краешек стола, поставил на него прибор, снял последнее показание и принялся заполнять официального вида бланк.

— В чем дело? — спросил Арнольд.

— Я из городской энергетической компании, — ответил Герстайрс. — Вчера около полудня мы неожиданно обнаружили колоссальную утечку энергии из наших линий.

— И поиски привели вас сюда? — спросил Грегор.

— Прямиком к вашей установке, — ответил Герстайрс. Он кончил заполнять бланк, сложил его и спрятал в карман. — Благодарю вас, джентльмены, за добровольное сотрудничество. Счет вам пришлют по почте.

Он с трудом приоткрыл дверь, остановился и еще раз оглядел изготовитель.

— Чтобы оправдать такой колоссальный расход энергии, ваша установка должна производить очень дорогой продукт. Что она у вас делает? Платиновый порошок?

Любезно улыбнувшись, он поклонился и вышел.

Грегор посмотрел на компаньона.

— Так энергия, говоришь, даровая?

— Я думаю, что машина попросту забирает энергию из ближайшего доступного ей источника, — ответил Арнольд.

— Это я уже понял. Высасывает ее из космоса, из воздуха, из Солнца, но не брезгует и линиями электропередач, если они окажутся под рукой.

— Похоже, что так. Но в основе принципа действия…

— К черту все твои принципы! — взорвался

Грегор. — Машину нельзя выключить без индетерминированного ключа, а ключа ни у кого нет, и никто даже не знает, как он выглядит, мы по горло увязли в никому не нужном порошке, вывозить его нам не по средствам, а вдобавок ко всему эта штука жрет энергию, словно сверхновая звезда.

— Должен же быть выход, — упрямо повторил Арнольд.

— Что ты говоришь? Может быть, ты будешь так добр, что найдешь его?

Арнольд уселся по-турецки прямо на порошок над тем самым местом, где стоял его стол, и закрыл глаза. Из прихожей послышались громкие раздраженные голоса, в дверь забарабанили.

— Не впускай никого, — сказал Арнольд.

Грегор запер дверь. После нескольких секунд глубокого раздумья Арнольд встал.

— Не все потеряно, — заявил он. — Эта машина еще озолотит нас с тобой.

— Давай сломаем ее, — жалобно попросил Грегор, — или выкинем в океан.

— Ни в коем случае! Я нашел выход. Пошли готовить звездолет.

Несколько дней компаньоны не знали ни се-

кунды отдыха. Прежде всего им пришлось за двойную плату нанять рабочих, чтобы очистить здание от тангриза. Затем они немало повозились с перевозкой изготовителя в космопорт и установкой его в грузовом трюме звездолета. Наконец все хлопоты остались позади. Звездолет стремительно мчался к месту назначения, а Даровой изготовитель с сумасшедшей скоростью заполнял тангризом трюм.

— Вполне логичное решение, — объяснял по пути Арнольд своему компаньону. — Естественно, тангриз не может пользоваться спросом на Земле. Поэтому там бессмысленно и пытаться им торговать. Зато на планете Мелдж…

— Ох, не нравится мне эта затея, — сомневался Грегор.

— Дело беспроигрышное, посуди сам. Возить тангриз на Мелдж было бы слишком накладно. И мы переносим туда целиком всю фабрику. У нас будет неограниченный рынок сбыта.

— А вдруг и там не окажется спроса?

— Да ведь эта штука для мелдженцев все равно что хлеб насущный. Они только им и питаются. Как же там может не оказаться спроса на тангриз? Нет, уж на этот раз мы не промахнемся.

Через две недели справа по борту показалась планета Мелдж. Ее появление было более чем своевременным. Трюм был забит тангризом до отказа. Порошок угрожал разорвать обшивку звездолета. Пришлось ежедневно выгребать тонны порошка в космос. Это занятие отнимало силы и время, к тому же вместе с тангризом звездолет терял тепло и воздух.

Задыхаясь от нехватки кислорода и дрожа от холода, компаньоны вывели до отказа набитый тангризом звездолет на спиральную орбиту вокруг Мелдж.

Едва они совершили посадку, как на борт поднялся таможенник. Это был здоровенный детина апельсинового цвета.

— Добро пожаловать на Мелдж, — приветствовал он компаньонов. — Нашу бедную заброшенную планетку не часто посещают гости. Вы к нам надолго?

— Не исключено, — ответил Арнольд, — Мы хотим открыть у вас фабрику.

— Ах, как замечательно! — просиял чиновник. — Если бы вы только знали, как нашей планете необходимы предприимчивость и инициатива. Позвольте полюбопытствовать, а что именно вы собираетесь производить?

— Мы намерены торговать тангризом, основной пищей…

Радость таможенника как рукой сняло.

— Чем?! Повторите-ка еще раз, чем вы собираетесь торговать?

— Тангризом. У нас с собой Даровой изготовитель, и мы…

Чиновник нажал на кнопку портативного передатчика.

— Весьма сожалею, однако вам придется немедленно покинуть планету.

— Но ведь у нас есть визы, паспорта, разрешение…

— А у нас есть законы. Вы вместе с вашим Даровым изготовителем немедленно уберетесь обратно в космос.

— Послушайте, — обратился к нему Грегор, — но ведь на вашей планете разрешено частное предпринимательство.

— Только не для производства тангриза.

Десяток танков старой конструкции выехали на поле и кольцом окружили звездолет. Чиновник вылез в люк и принялся спускаться по трапу.

— Постойте, — в отчаянии завопил ему вслед Грегор, — вы, верно, опасаетесь конкуренции? Так и быть. Возьмите изготовитель в подарок.

— Никогда! — вскричал таможенник.

— Мы вам его дарим! Раскопайте трюм и увезите его. Будете бесплатно кормить бедняков. Мы ничего не просим взамен. Соорудите в нашу честь монумент, вот и все.

Второе кольцо танков сомкнулось вокруг звездолета. Низко над головой пронеслось звено старинных реактивных истребителей.

— Убирайтесь отсюда! — крикнул снизу чиновник. — Вы что, всерьез надумали торговать на Мелдже тангризом? Да вы только посмотрите вокруг.

Они огляделись. Поле космодрома было пыльного серого цвета. Его окружали такие же серые некрашеные здания. За ними, насколько хватало глаз, тянулась унылая серая равнина. На горизонте поднимались безрадостные серые цепи гор.

Всюду и везде был тангриз, один тангриз…

— Неужели вы хотите сказать, — начал Грегор, — что вся планета…

— Посудите сами, — перебил чиновник, не прекращая спускаться.

— Ведь именно здесь родилось когда-то Древнее Знание. А дурак, у которого чешутся руки нажать на кнопку, всегда найдется. Немедленно убирайтесь отсюда! Да, кстати: если вам когда-нибудь

попадется индетерминированный ключ, можете вернуться, мы дадим за него любую цену.

Роберт Шекли

Координаты чудес[1]

— Войдите, войдите!

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал:

— Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модели. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модели было приятным.

— Распрекрасным, — пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно осточертели.

— Ну, как поживает мистер Модели? — спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

---

[1] notes: 1
Главы из романа. Публикуется с сокращениями.

— Расчудесно. А где я?

— Разве мой секретарь в приемной не объяснил вам?

— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел!

— Ай-яй-яй! — нежно закудахтал Сизрайт. — Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять ее чинил, но она вечно десинхронизируется. Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже — бедняга тоже выпадает из фазы и иногда не может попасть домой, к семье, по неделе и больше.

— Да, плохи его дела, — сказал Кармоди, чувствуя, что уже близок к истерике. — А не намерены ли вы все-таки, — продолжал он, еле сдерживаясь, — объяснить мне для начала, что же это за место и как мне отсюда попасть домой!

— Успокойтесь, — сказал Сизрайт. — Может быть, чашечку чаю, а? Нет? Так вот, это, как вы изволили сказать, место — Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал? — спросил Кармоди.

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами.

— Очень просто, сэр. Когда я получил письмо от мистера Модели, то я распорядился предпринять

розыск. Клерк нашел вас на Земле B3444123C22. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модели сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас в бюро. Но если вы хотите вернуться на ту вышеупомянутую Землю…

— Нет, нет, — сказал Кармоди. — Я только никак не пойму, где… Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат, — вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— Так значит, — взревел Кармоди, — вы никогда не бывали на Земле! Так почему же, черт вас возьми, вы сидите в этой комнатенке при свечах да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса? Почему, а? Я знаю сам. Меня опоили каким-то зельем. И все мне чудится… И вы сами чудитесь со всеми вашими ухмылками.

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь

все вокруг рассыплется, все его нелепые видения исчезнут, а сам он проснется в своей кровати, в своей квартире, или на диване у приятеля, или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал…

— Вы закончили ваш монолог? — ледяным тоном спросил Сизрайт.

— Кончил, — вздохнул Кармоди. — Простите.

— Не терзайтесь, — спокойно сказал Сизрайт. — Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею помочь вам, если вы не возьмете себя в руки. Разум может привести вас домой, истерика не приведет никуда. Что касается этой комнаты, которая так вас напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось за недостатком времени. И лишь для того, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Это вы хорошо придумали, — сказал Кармоди. — Значит, и ваша внешность?..

— Конечно, — улыбнулся Сизрайт. — Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Но нашим клиентам такие штришки

нравятся.

— Мне тоже нравится, — согласился Кармоди. — Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало, — сказал Сизрайт. — А насчет вашего предположения, что все это сон, что ж… в нем что-то есть!.. Ведь строго говоря, — продолжал он, — между воображаемыми и подлинными событиями существенной разницы нет. Разница лишь в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но будь все это сном, вы должны были бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю, — сказал Кармоди. — Только верю вам на слово, что все это в действительности…

— Тогда подумаем, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше, — согласился Кармоди. — А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал, — протянул Сизрайт. — Это дело, конечно, сложное, требующее точности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным?

— Квадратные уравнения, — не задумываясь ответил Сизрайт. — Никак не могу научиться

их решать, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, трудно!

— А вы знаете, куда ушла моя Земля? — спросил Кармоди.

— «Куда» — это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «когда» без лишней возни. «Какая» Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Да что там! — сказал Сизрайт. — Всего-навсего рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас: все равно что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал, — сказал Кармоди. — А это легко?

— Какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите сразу. Значительно труднее попасть в кильку в цистерне. Зависит от масштабов. Но вы все-таки должны признать, что и в том и в другом случае принцип один и тот же, и весьма простой.

— Да, наверное, — согласился Кармоди. — Но хоть это в принципе и просто, не понадобится ли слишком много времени, если будет слишком

много вариантов?

— Не совсем так, но верно подмечено, — просиял Сизрайт. — Сложность, знаете ли, иногда полезна. Она способствует классификации и идентификации.

— А что теперь?

— Теперь к делу! — воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки. — Мы с коллегами подобрали тут некоторое количество миров. И между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его можете, конечно, только вы сами.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны в них вжиться. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или же в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, мы переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно, — сказал Кармоди. — А много у вас этих вероятных земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только…

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу, — сказал Сизрайт. — И, как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноформные сцены» — я так бы их назвал — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно! Безопасного убежища нет. Но запомните: все доброе действует открыто. Все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами… Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно…

— Да, мне везло. Пока.

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство и нет везения. Кто скажет, что важнее? Не я, сэр. И, конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете… э-э, планеты., берет! Верно? Так что изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что, если я нечаянно прозеваю? — спросил Кармоди.

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Число возможных земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять

начать сначала!

— Ну, ладно, — неуверенно сказал Кармоди. — Видимо, другого пути нет. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. И благодарю вас за заботу и терпение…

— Пожалуйста, — сказал Сизрайт, явно довольный. — Будем надеяться, что самый первый мир и окажется тем, который вы ищете.

…И вот куда-то мы попали, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, который оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это тот Нью-Йорк? — спросил Кармоди.

— А черт его знает! — ответил кто-то.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос принадлежит выигранному им в галактической лотерее говорящему Призу и исходит из черного зонтика, который он держит в руке.

— Это ты, Приз? — спросил он.

— Конечно, я. А ты подумал — это шотландский пони?

— А где ты был раньше?

— В отпуске. В кратковременном, но заслуженном отпуске, — сказал Приз. — И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в

соглашении между Амальгамированными Призами Галактики и Лигой Реципиентов.

— Я и не жалуюсь, — сказал Кармоди. — Я просто так… А, неважно!.. Вот что: это место точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь Нью-Йорк!..

Вокруг был город. Потоки машин и людей. Вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу. Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю банкротства. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северянин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, были еще «Северовосточник», «Югозападник», «Востоксеверовосточник» и «Западсеверозападник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, многокрасочней и увлекательней, чем Библия!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом был дансинг «Омфала», где выступала труппа народного рок-и-ролла по имени «Шитлы». И девчонки-подростки в платьицах мидллесс танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это жизнь! — воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе, — заметил Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой, — сказал Кармоди. — Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет, — ответил Приз. — Это место действует мне на нервы. Присмотрись как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди же видел, что это угол Бродвея и 50-й улицы! Вот и вход в метро — прямо перед ним! Да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было знакомо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного тоннеля, исчезал в другом…

— Ох! — вскрикнул Кармоди.

— В чем дело? — спросил Приз.

— Ни в чем… Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со стоек и потянулся к нему, будто бронзовое змеиное жало. Кар-моди побежал, опрокидывая встречных, но они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки.

Мраморный пол сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт! — завопил Кармоди. — Заберите меня отсюда!

— И меня! — пискнул Приз.

— И меня! — завизжал хищник, ибо это он искусно притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего!.. Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог отлучиться: вышел пообедать или же в уборную или же заговорился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурнокрасными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жадно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника послышалось урчание, обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны как свиньи и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите! — продолжал вопить Кармоди. — Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему! — зарыдал Приз. —

Или же если это вам трудно, то помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все сделаю для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотомщенным! И в дальнейшем я посвящу себя…

— Кончай болтать, — сказал голос Сизрайта. — Стыдно! Что касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того, чтобы вытаскивать вас всякий раз из петли в последний миг!

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да? — умолял Кармоди.

— Сделано! — сказал Сизрайт.

И снова Кармоди был в городе, похожем на Нью-Йорк, — на этот раз он стоял перед отелем «Уолдорф-Астория».

На нем было добротное пальто фирмы Барберри. Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротником, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки тоже оказались снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейзена, галстук

от Графини Мары, костюм от Харта и Шеффнера, носки Ван Кемпа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана. И кроме всего, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколона «Дубовый мох» фирмы Аберкромби и Фитч.

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик! А ведь он честолюбив, ему хотелось двигаться вперед и выше — выйти в люди того сорта, у которых икра на столе не только к рождеству и которые после бритья употребляют лосьон «Оникс», носят рубашки от братьев Брукс, а куртки — только от Пола Стюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в категорию потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекало скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов. Его лимузин, его додж «Хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств. Так почему же ему не повысили категорию? Забыли? Не замечали?!

Теперь он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в категорию НТС-2 (нестандартные товары, сорт 2-й).

В нем сейчас жили два Кармоди.

Все эти мысли, чувства и действия казались естественными только одному Кармоди (его активному Я). А другой Кармоди (рефлективное Я) следил за активным с немалым удивлением.

Активное Я нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд бармена — тот и рта не успел открыть, а он уже крикнул: «Повтори, дружище!» (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак, — сказал бармен, улыбаясь. — Вот тебе «Баллантайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди должен был сказать сам — его застигли врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая виски.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Нейт Стин окликнул его, старый друг и сосед. Тоже из Нью-Джерси.

— А я пью колу, — сказал Стин. — После колы я

веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом допил виски и крикнул: «Эй, друг, повтори! Наповторяюсь до зари!» Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового? — спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра уже в Майами, — сказал тот. — На неделю. Солнечный рейс «Американ Эйруэйс», два часа и меньше даже — вот уже и вы на пляже!

— Отлично! И я сегодня свою заслал на острова, — подхватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома). — Отправьте жену на Багамы — не будет семейной драмы!

— Точно! — прервал Стин. — Но если у вас всего лишь недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоценные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня — Марлборо!..

— Верная мысль! — подхватил Кармоди. — А кроме того…

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи, — перебил Стин. — Живу на даче — не тужу, не плачу.

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул: «Эй, друг, повтори!» Но не мог же он кричать «повтори» до бесконеч-

ности. Что-то было не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Этого он сейчас никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся продемонстрировав свои новые небесно-голубые подмышники, пришитые, конечно, снаружи, и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стиркой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй, — сказал он, хихикнув. — Помнишь песенку «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба они неудержимо расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и приложил свой рукав рубашки к рукаву Кармоди, поднял брови и открыл рот.

— Эй! — сказал он. — А моя рубашка все же белей!

— Смотри-ка! — отозвался Кармоди. — Чудно! Стиральные машины у нас одной марки, и ты тоже стираешь «Невинностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро»! — ехидно сказал Стин. — Рекомендую!

— Увы, — задумчиво вздохнул Кармоди. — Зна-

чит, «Невинность» меня подвела…

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах победный марш. Кармоди подумал, не заказать ли еще хваленого виски, но оно было пресным, да и Стин — слишком прыткий сейчас для него партнер.

Он оплатил виски кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж, № 666, 5-я авеню.

Встречные сослуживцы пытались втянуть его в свои рекламные гамбиты. Кармоди приветствовал их с демократическим дружелюбием. Но теперь он не мог позволить себе отвлекаться. Наступал решающий час. Если вы отважились ввязаться в соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарское шале в девственных дебрях штата Мэн или лимузин «Порше 911-S», который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью Земли, — ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, примитивная целеустремленность в деле, наконец, — это тоже не все. Вы должны доказать, что

вы сами из Людей Особого Покроя — Из Тех, Кто Может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе! — сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о ладонь. — Сказано — сделано!

И он героически распахнул дверь мистера Юбермана, своего босса.

Кабинет был еще пуст. Но Юберман должен был появиться с минуты на минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно пахнет...» И после паузы еще раз вот так: «**Скверно пахнет!**» А затем: «Но я нашел...»

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но если ты настоящий мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто ощущал устремленные на него глаза этих полулегендарных личностей — их величеств промышленников.

— Привет, Карми! — бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми

сединой, — благородный признак высокого положения. Роговая оправа очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

— Мистер Юберман, — дрожащим голосом начал Кармоди, — Вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я…

— Кармоди, — прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Персонна» рассекает дряблую плоть. — Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту! «Поцелуй менестреля!» Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую!

Фантастическое невезение: босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Изо рта Юбермана уже не разило, как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи. Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.

— Слыхали об этой пасте?.. — И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди иронически улыбнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему лишь сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен и фантастически утомителен. Может, он хорош

для людей иного склада, но Кармоди не из этого теста. Значит, все.

Он понимал, что ему будет жалко расставаться со своими потребительскими сертификатами и с замшевой кепкой, со светящимся галстуком и с портфелем. «Все мое ношу с собой», со стереофоником KLH-24 и особенно со своей наимоднейшего силуэта импортной мягкой новозеландской дубленкой с шалевым воротником «Лейкленд».

«Э-э… Чем хуже, тем лучше!» — сказал сам себе Кармоди.

— В самом деле? Так какого же черта? — спросил один Кармоди у другого Кармоди. — Смотри! Не слишком ли быстро ты здесь акклиматизировался?..

Оба Кармоди понимающе глянули друг на друга, подвели итоги и слились.

— Сизрайт! Заберите меня отсюда…

И со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил его на следующую из вероятных Земель. Перемещение произошло более чем мгновенно — так быстро, что время скользнуло назад и чуточку отстало от себя самого: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, крохотное, но все

же противозаконное. Однако Сизрайт все исправил методом подчистки, и никакое начальство ничего не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки на пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мэйплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там с трех лет до восемнадцати. Да, это был его дом, если только у него был вообще где-нибудь дом.

Или, точнее, это был его дом, если Мэйплвуд был Мейплвудом. Но именно это и предстояло определить.

Кармоди стоял на углу Дюранд-род и Мэйплвуд-авеню: прямо перед ним — торговый центр, позади — улицы пригорода с многочисленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожная станция.

— Ну и как, путешественник? — прозвучал голос у его правой ляжки. Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять изменился?

— Я метаморфичен по природе, — сказал Приз. — Изменяюсь непредвиденно для самого

себя. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Было бы сподручнее, — заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво, — сказал Приз. — Я откликаюсь, когда меня зовут. А раз не зовут, значит, я не нужен. В последнем мире ты во мне не нуждался. Так я пошел и выпил с приятелем.

— Ладно, заткнись. Дай сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город, — сказал Кармоди. — Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно? — спросил Приз. — Кто знает, как выглядит его родной город, тот его и узнает.

— Когда я здесь жил, я его не разглядывал. А с тех пор как уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню, — сказал Кармоди и вдруг с ужасом подумал, что ему никогда не удастся найти свой настоящий дом. И медленно побрел по Мэйпл-вуд-авеню.

Все было как будто таким, каким и должно было быть. В Мейплвудском театре днем на экране шла «Сага Элефантины», итало-французский приключенческий фильм Жака Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — четырежды Париж». На сцене выступала — «проездом, только один раз!» — новая вокальная труппа «Якконен и Фунги».

Кармоди остановился у галантереи Марвина, заглянул в витрину. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «собачья рвань», шейные платки с рискованными картинками и белые рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди подержал свежий номер «Кольерса», перелистал «Либерти», заметил еще «Манси», «Черного кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан»[2].

— Ну? — спросил Приз — Твой город?

— Рано говорить, — ответил Кармоди. — Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусочную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошень-

---

[2] notes: 2
Журналы и газеты, давно прекратившие существование. — *Прим. пер.*

кая девочка — Кармоди ее сразу узнал.

— Лэна Тэрнер[3]! Как поживаешь, Лэна?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе, — объяснил Кармоди Призу, выйдя из закусочной. — Забавно, когда все это вспоминаешь!

— Забавно, забавно, — с сомнением сказал Приз.

На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Маунтейн-род, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер, — сказал Кармоди. — Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вон, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джен Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она… — Кармоди понизил голос, — все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа, — сказал Приз.

— Ну, конечно! Я же вырос здесь. А это мисс Харлоу, она идет в салон красоты Пьера.

---

[3] notes: 3

Все «друзья», которых встречает Кармоди в иллюзорном городе детства, — кинозвезды. — *Прим. пер.*

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия… А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно, — тоскливо заметил Приз.

— Да, мне это интересно. Вот еще знакомый… Добрый день, мистер мэр!

— Добрый день, Том, — ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

— Это Фредрик Марч, наш мэр, — объяснил Кармоди. — Грозная личность. Я еще помню его дебаты с местным радикалом Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то во всем этом не то, — сказал Приз. — Что-то таинственное, что-то неправильное. Не чувствуешь?

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем себя самого. О, вот Полетт Годдар там наверху! Она помощник библиотекаря. Эй, Полетт!

— Эй, Том — откликнулась женщина.

— Мне это не нравится, — настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко, — сказал Кармоди. — Она гуляла с парнем из Милборна по

имени Хэмфри Богарт. У него был галстук бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лоном Чэни, школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в то время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лой, а Мирна знала Богарта и…

— Кармоди, — тревожно прервал Приз. — Остерегись. Ты слыхал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Болтовня курам насмех! Я говорю тебе, что знаю этот народ! Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник…

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане…

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну, конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, все улыбались, старые товарищи. Он заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри

Вестера Крэбба. А за ними — Спенсер Трэси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер.

— Что-то не то! — твердил Приз.

— Все то! — твердил Кармоди. Кругом были друзья. Друзья протягивали руки. Никогда он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все оживало.

— Кармоди! — крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты не слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда исходят звуки.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице, послышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем…

— Так это музыка к фильмам! — мрачно сказал Кармоди. — Так все это дерьмо разыгрывается, как по нотам, а я не учуял!..

Франшо Тон коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегар облапил как медведь. Ширли Тэмпл вцепилась в правую ногу. Остальные обступали плотней и плотней, все еще улыбаясь…

— Сизрайт! — закричал Кармоди. — Сизрайт, бога ради!..

Кармоди снова попал в Нью-Йорк, теперь на угол Риверсайд-Драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце опускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска «Спрай». Легкие дуновения выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом? — спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился — он превратился в часы «Дик Трэси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой, — сказал Кармоди.

— Интересное место, — заметил Приз. — Оживленное. Мне нравится.

— Угу! — неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства испытывает, почуяв

дымы отечества.

Он двинулся к центру. В Риверсайд-парке зажигали огни. И матери с детскими колясочками спешили освободить его для бандитов и полицейских патрулей. Смог наползал по-кошачьи бесшумно. Сквозь него дома казались заблудившимися циклопами.

Сточные воды весело бежали в Гудзон, а Гудзон весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в потертом пиджаке, в тапочках, котелке рі с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джоаджа Марунди, знакомого художника, не из процветающих.

— Здорово, старик, — приветствовал его Марунди, протягивая руку.

— Здорово, — отозвался Кармоди, улыбаясь как заговорщик.

— Как живешь, старик? — спросил Марунди.

— Сам знаешь, — сказал Кармоди.

— Откуда я знаю, — сказал Марунди, — когда твоя Элен не знает.

— Да ну!

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Придешь?

— Факт. А как Тэйт?

— Сам знаешь.

— Ох, знаю! — горестно сказал Кармоди. — Он все еще того?.. Да?

— А ты как думал?

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить? — вмешался Приз.

— Заткнись, — шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а? — Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди. — Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Запрогроммирован? Да?

— Я не запрограммирован, — сказал Приз. — Я автономен.

— Во дает! — воскликнул Марунди. — Нет, на самом деле дает! Эй, ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты знаешь куда!.. — огрызнулся Приз.

— Прекрати! — угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну! — восхитился Марунди. — Силен малыш! Правда, Кармоди?

— Силен, — согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что, уезжал? Так вот почему я тебя не

видел чуть ли не полгода.

— Наверное, потому, — сказал Кармоди.

— А где ты был?

Кармоди уже собирался ответить, будто он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто-то за язык дернул.

— Я странствовал по Вселенной, — брякнул он, — видел жителей Космоса. Они — такая же реальность, как и мы, и пусть все знают об этом.

— Ах, вот что! — присвистнул Марунди. — Значит, и ты тоже «пустился в странствие»!..[4]

— Да, да, я странствовал…

— Сила! Как забалдеешь, как полетишь, так сразу все твои молекулы сливаются воедино с молекулами мира и пробуждаются тайные силы плоти…

— Не совсем так, — перебил Кармоди. — Я познал силу тех существ. В самих молекулах, увы, ничего, кроме атомов. Мне открылась реальность других, но сущность я мог ощутить только собственную…

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл настоящие «капельки», а не какую-то разбавленную дрянь? Где достал?

---

[4] notes: 4

«Пуститься в странствие» — стать наркоманом, принимающим ЛСД (*жарг.*). — *Прим. пер.*

— Капли чистого опыта добывают из дряни бытия, — сказал Кармоди. — Суть вещей хочет познать каждый, а она открывается лишь избранным.

— Темнишь, да? — хихикнул Марунди. — Ладно, старина! Теперь все так. Ничего. Я и с тем, что мне попадается, неплохо залетаю.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с ним, с этим. Ты — на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза:

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь! Сегодня открытие самой значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда, — сказал Марунди. — Пойдешь?

Приз принялся брюзжать, но Кармоди уже двинулся в путь. Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по антиамериканской деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя комиссию и оставили под подозрением; о новом

сенсационном проекте замораживания людей; о диком успехе многосерийного телефильма «Нейшнл Бродкастинг» — «Чудеса золотого века капитализма». И тут они дошли до 106-й улицы.

Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов и на их месте выросло новое сооружение. Издали оно выглядело как замок.

— Работа великого Дельваню, — сказал Марунди, — автора «Капкана Смерти-66», знаменитой нью-йоркской платной дороги, по которой еще никто не проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал башни Флэш-Пойнт в Чикаго, единственные трущобы в мире, которые прямо и гордо были задуманы именно как современнейшие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбанамерике.

— Да, помню. Уникальное достижение, — согласился Кармоди. — Ну, а это как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус магнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створ-

ки которых были инкрустированы ржавыми матрацными пружинами. Над портиком глянцевитыми селедочными головками был выложен девиз: «Чревоугодие — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтилена, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится? — спросил Марунди.

— Н-не знаю, — сказал Кармоди. — А что все это такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу. И как отнеслись к этой идее?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы — знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика быстро ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное Искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе…

Марунди взглянул на него с сожалением:

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике!.. А что тебе нравится? Может быть, греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же должно нравиться именно это?

— Потому что, Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство идет от реальности. Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от помоев — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же — что такое помои? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать» — таким был извечный завет. Но он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «А зачем говорить об отбросах?» Ну что ж! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, то это выглядит закономерно, — сказал Кармоди. — И все же…

— Иди за мной, смотри и думай! — приказал Марунди. — И смысл этого воздвигнется в твоем мозгу, как гора мусора!

Они перешли в Зал наружных шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных мото-

ров, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтомоторного самолета, татаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марунди открыл дверь «Бум-рум» — магнитофонной, но Кармоди тотчас поспешно выскочил оттуда.

— И правильно, — заметил Марунди. — Это опасно. Однако многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— А кто там орет? — спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов, — пояснил Марунди. — Первый голос — Эда Брена, полузащитника «Грин Бэй Пэккерс». А тот писклявый, воющий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А это — гвоздь программы: влюбленное мычание мусорного грузовика, пожирающего помои. Прелестно, а? Теперь — вперед! На выставку пустых бутылок из-под виски. Над ней звукообонятельная копия метро — все точно до последнего штриха. Атмосфера кондиционирована всеми дымами Вестингауза.

— Уф! — вздохнул Кармоди. — Давай уйдем отсюда.

— Обязательно. Только на минуточку заглянем

в галерею настенных надписей, чтобы познакомиться с уникальным собранием.

Тут Марунди повернулся к Кармоди и назидательно сказал:

— Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе вещь, со всей ее тягой к излишествам. Не поп-арт, спешу заметить, не искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное, оно просто существует. В пашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем естественность искусственности.

— Именно это мне и не по душе, — сказал Кармоди. — Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь? — спросил Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил! — закричал Марунди. — Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано «Маленький черный чемодан».

— Я врач, — сказал человек. — Позвольте вас

осмотреть.

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

— Хм-хм, да, — протянул доктор. — Симптомы острой галлюцинаторной недостаточности… М-да. Поверните голову. Минуточку… М-да… Удивительно! Бедняга буквально создан для галлюцинаций!

— Док, вы можете помочь ему? — спросил Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя, — сказал доктор. — Пока положение поправимое. У меня с собой просто волшебное средство!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из «Маленького черного чемодана» шприц.

— Стандартное укрепляющее, — сказал он Кармоди. — Не беспокойтесь. Не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психоэлеваторов, стимуляторов и других хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятие! Сизрайт! Скорей отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно, — мурлыкал доктор, нацелив шприц.

И в этот самый момент, или примерно в этот

момент, Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, но затем все пришли в себя, и снова воцарилось олимпийское спокойствие.

Что до Кармоди, то священник сказал о нем: «О достойнейший, ныне дух твой вознесся в то царствие, где уготовано место для всех излишних в этой юдоли!»

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады вероятных земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз упрекал его, брюзжал: «Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?»

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай? — насмешливо заметил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все, — сказал Приз с горечью. — Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я уже все постиг. Нельзя уцелеть в этой Вселенной.

— Это неразумно, — сказал Приз. — Ты же все упустил!

— Не согласен, — усмехнулся Кармоди. — Позволь заметить, что в эту секунду я еще жив!

— Но только в данный момент!

— Я всегда был жив только в данный момент, — сказал Кармоди. — И не рассчитывал на большее. Это и была моя ошибка — ждать большего. Возможности — возможностями, а реальность — реальностью. Такова истина.

— И что тебе даст это мгновение?

— Ничего, — сказал Кармоди. — И все.

— Я перестал тебя понимать, — сказал Приз. — Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость, — сказал Кармоди. — Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мое мгновение, и мне

достаточно.

— Блаженный Кармоди! — саркастически сказал Приз. — Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его, — сказал Кармоди. — А для чего существуют мгновения?

Финн О'Донневан

Пушка, которая не бабахает

Диксону показалось, что сзади хрустнула ветка. Он обернулся и успел краешком глаза заметить скользнувшую под кустом черную тень. Он замер на месте, вглядываясь в заросли. Стояла полная тишина. Высоко над головой какая-то птица вроде стервятника парила в восходящих потоках воздуха, что-то высматривая внизу, чего-то ожидая.

И тут Диксон услышал в кустах тихое нетерпеливое рычание.

Теперь он точно знал — звери крадутся за ним. До сих пор это было только предположение. Но смутные, едва заметные тени рассеяли его сомнения. По дороге на радиостанцию они его не тронули — только в нерешительности следили за ним. А теперь они готовы действовать.

Он вынул из кобуры дезинтегратор, проверил предохранитель, снова сунул оружие в кобуру и зашагал дальше.

В кустах опять послышалось рычание. Кто-то терпеливо преследовал его, вероятно, ожидая, когда он минует заросли кустарника и войдет в лес. Диксон ухмыльнулся про себя.

Никакой зверь ему не страшен. У него есть дезинтегратор.

Если бы не это, Диксон ни за что не решился бы отойти так далеко от корабля. Никто не может позволить себе просто так разгуливать по чужой планете. Но Диксон мог. У него на поясе болталось оружие, с которым не могло сравниться никакое другое, — абсолютная защита от всего, что только может ходить, ползать, летать или плавать.

Это был самый совершенный пистолет, последнее слово техники в области личного оружия.

Это был дезинтегратор.

Диксон снова оглянулся. Меньше чем в полусотне метров позади показались три хищника. Издали они напоминали собак или гиен. Они зарычали и медленно двинулись вперед.

Он взялся за дезинтегратор, но решил пока не пускать его в ход. Успеется — пусть подойдут поближе.

Альфред Диксон был человек небольшого роста, с широченными плечами и грудью. У него были светлые волосы и светлые с закрученными

кончиками усы — они придавали его загорелому лицу свирепое выражение.

Его любимым местонахождением были земные бары и таверны. Там он, одетый в видавший виды походный костюм, мог громким, воинственным голосом заказывать себе выпивку и пронзать собутыльников взглядом прищуренных глаз цвета вороненой оружейной стали. Ему доставляло удовольствие снисходительно растолковывать пьяницам разницу между лучевым ружьем Сайкса и тройным кольтом или между адлепером с Марса и венерианским скомом и наставлять их, что следует делать, когда на тебя в густом лесу кидается рогатый танк с Раннара, или как отбиться от крылатых блестянок.

Некоторые считали Диксона трепачом, но избегали высказывать это вслух. Другие относились к нему хорошо, несмотря на его непомерное самомнение. «Он просто слишком самоуверен, — объясняли они. — Это дело поправимое — стоит ему только погибнуть или покалечиться».

Диксон свято верил в силу личного оружия. По его твердому убеждению, покорение Дикого Запада в Америке представляло собой не что иное, как состязание между луком и кольтом 44-го калибра. Африка? Копье против винтовки.

Марс? Тройной культ против метательного ножа. Водородная бомба может испепелить города, но занимать вражескую территорию приходится людям, вооруженным винтовками и пистолетами. Зачем измышлять какие-то непонятные экономические, философские или политические объяснения, когда все так просто?

И на дезинтегратор он, конечно, полагался целиком и полностью.

Оглянувшись, Диксон заметил, что к трем хищникам прибавилось еще с полдюжиины. Они уже перестали прятаться и понемногу приближались, высунув языки.

Он решил еще немного подождать, прежде чем открывать стрельбу. Чем ближе они подойдут, тем сильнее будет впечатление.

В свое время Диксон сменил немало профессий: был геодезистом, охотником, геологом, работал на астероидах. И всегда ему не везло. Другие вечно натыкались на заброшенные древние города, подстреливали редких зверей, находили рудные залежи. Но он не унывал. Не везет, что поделаешь? Теперь он работал радистом — обслуживал десяток радиомаяков на незаселенных планетах.

А главное — ему было поручено провести первое полевое испытание самого совершенного

личного оружия. Изобретатели надеялись, что оно завоюет всеобщее признание. На всеобщее признание надеялся и Диксон.

Он приблизился к опушке тропического леса. Корабль, на котором он прилетел, стоял в лесу, милях в двух от опушки, на небольшой поляне. Войдя в лес, Диксон услышал возбужденный писк древолазов. Эти небольшие оранжевые и голубые существа внимательно следили за ним сверху.

«Похоже на Африку, — подумал Диксон. — Хорошо бы повстречать какую-нибудь крупную дичь. Привезти с собой в виде трофея две-три страшных головы с рогами...»

Дикие собаки уже приблизились метров до двадцати. Это были животные величиной с терьера, серо-бурого цвета, с челюстями, как у гиены. Часть их побежала через кусты, чтобы отрезать ему путь.

Пора было продемонстрировать дезинтегратор.

Диксон вынул его из кобуры. Оружие имело форму пистолета и было довольно тяжелым да к тому же еще и плохо сбалансированным. Изобретатели обещали в следующих моделях уменьшить вес и сделать дезинтегратор более прикладистым. Но Диксону он нравился именно

таким. Он сдвинул предохранитель и поставил кнопку на одиночную стрельбу.

Стая с лаем и рычанием кинулась на него. Диксон небрежно прицелился и выстрелил.

Дезинтегратор издал едва слышное гудение. Впереди, в радиусе сотни метров, часть леса исчезла.

Это был первый выстрел из первого дезинтегратора.

Луч из его дула веером расходился до четырехметровой ширины. В гуще леса на высоте пояса появилось конической формы пустое пространство длиной в сотню метров. В нем не осталось ничего — исчезли деревья, насекомые, трава, кустарник, дикие собаки, бабочки. Свисавшие сверху ветки, которые задел луч, были срезаны, будто гигантской бритвой.

Диксон прикинул, что истребил по меньшей мере семь собак. Семь животных за полсекунды! И не надо думать об упреждении, как при стрельбе из обычного пистолета; не надо беспокоиться о боеприпасах — запаса энергии в дезинтеграторе хватит на восемнадцать часов работы. Идеальное оружие!

Он отвернулся и пошел дальше, сунув дезинтегратор в кобуру.

Наступила тишина: лесные обитатели осваивались с новым явлением. Но уже через несколько мгновений их удивление бесследно прошло. Голубые и оранжевые древолазы вновь закачались на ветках у него над головой. Стервятник в небе опустился пониже, и откуда-то издалека появилось еще несколько чернокрылых птиц. А в кустах снова послышалось рычание диких собак.

Они все еще не отказались от преследования. Диксон слышал, как они перебегают в зарослях по обе стороны от него, скрытые листвой.

Он снова вытащил дезинтегратор. Неужели они осмелятся попробовать еще раз?

Они осмелились.

За самой его спиной из-за кустов выскочила пятнистая серая собака. Дезинтегратор загудел. Собака исчезла на лету во время прыжка — вокруг только ветром шевельнуло листья, когда воздух ворвался в возникший вакуум.

Еще одна собака бросилась на Диксона, и он, слегка нахмурившись, уничтожил ее. Нельзя сказать, чтобы эти звери были такие уж глупые. Почему же они никак не поймут, что против него, против его оружия они бессильны? По всей Галактике живые существа быстро научились

остерегаться вооруженного человека. А эти?

Еще три собаки прыгнули на него с разных сторон. Диксон переключил дезинтегратор на автоматическую стрельбу и скосил их одним движением руки. Взлетела пыль — воздух заполнил вакуум.

Он прислушался. Рычание раздавалось по всему лесу. Новые и новые стаи собак сбегались, чтобы урвать кусок добычи.

Почему они не боятся?

И вдруг его осенило. Они не видят, чего нужно бояться!

Дезинтегратор уничтожает их быстро, аккуратно, тихо. Попавшие под луч собаки чаще всего просто исчезают — они не визжат в агонии, не воют, не рычат.

А главное — не слышно громкого выстрела, которого они могли бы испугаться, не пахнет порохом, не щелкает затвор, досылая новый патрон…

«Наверное, у них просто не хватает ума сообразить, что эта штука смертельна, — подумал Диксон. — Они просто не понимают, что происходит. Они думают, что я беззащитен».

Он зашагал быстрее.

«Никакой опасности нет, — напомнил он сам

себе. — Пусть они не понимают, что это смертоносное оружие, — от этого оно не становится менее смертоносным. Но все равно нужно будет сказать, чтобы в новые модели добавили какое-нибудь шумовое устройство. Наверное, это будет нетрудно».

Теперь осмелели и древолазы — они, оскалив зубы, раскачивались почти на уровне его головы. «Наверное, тоже хищники», — решил Диксон и, переставив кнопку на автоматический огонь, прорезал огромные бреши в кронах деревьев.

Древолазы с воплями скрылись. На землю посыпались листья и ветки. Даже собаки на мгновение отступили.

Диксон ухмыльнулся — ив тот же самый момент распластался на земле, придавленный огромным суком, который луч дезинтегратора перерезал у основания. Удар пришелся по левому плечу.

Дезинтегратор вылетел из руки Диксона и упал метрах в трех, продолжая уничтожать ближние кусты. Диксон выполз из-под сука и бросился к оружию, но его уже схватил один из древолазов.

Диксон ничком кинулся на землю. Животное с торжествующими воплями размахивало дезинтегратором. На землю валились гигантские

деревья, в воздухе потемнело от падающих листьев и ветвей, землю избороздили рытвипы. Луч дезинтегратора прорезал ствол дерева, у которого только что стоял Диксон, и взрыл землю у самых его ног. Диксон отскочил в сторону, и луч едва миновал его голову.

Диксон пришел в отчаяние. Но тут древолаза одолело любопытство. Весело тараторя, животное повернуло дезинтегратор дулом к себе и попыталось заглянуть в отверстие.

Голова животного беззвучно исчезла.

Диксон тут же перескочил рытвину, схватил дезинтегратор, прежде чем им смогли завладеть другие древолазы, и тут же выключил автомат.

Несколько собак вернулись. Они стояли поблизости и внимательно следили за ним. Стрелять Диксон не стал. У него так тряслись руки, что это было бы опасно не столько для собак, сколько для него самого. Он повернулся и заковылял в сторону корабля.

Собаки последовали за ним.

Через некоторое время Диксон пришел в себя. Он посмотрел на сверкающий дезинтегратор, который держал в руке. Теперь он испытывал к этому оружию куда большее уважение. И изрядно его опасался. Во всяком случае, больше,

чем собаки. Те, очевидно, никак не связывали с дезинтегратором разрушения, произведенные в лесу. Все это показалось им внезапно налетевшей бурей.

А теперь буря прошла, и можно возобновить охоту.

Диксон шел сквозь густой кустарник, прожигая себе дорогу. Собаки по обе стороны не отставали. Время от времени то одна, то другая попадала под луч. Но их было несколько десятков, и они приближались.

«Черт возьми, — подумал Диксон, — почему они не подсчитают свои потери?» Но тут же сообразил, что вряд ли они вообще умеют считать.

Он пробивался вперед. До корабля было уже совсем недалеко. Диксон занес ногу, чтобы переступить через лежащее на пути толстое бревно, — и тут бревно ожило и злобно распахнуло огромную пасть под самыми его ногами.

Он нажал на спуск и не отпускал его целых три секунды, чуть не задев собственные ноги. Существо исчезло. Диксон всхлипнул, покачнулся и съехал в яму, которую только что разверз сам.

Он тяжело упал на дно, подвернув левую ступню. Собаки окружили яму, щелкая зубами и не отрывая от него глаз.

«Спокойно», — сказал себе Диксон. Двумя выстрелами он очистил края ямы от хищников и попытался выбраться наружу.

Но у ямы были слишком крутые стенки, и к тому же они оплавились, превратившись в стекло.

В панике он снова и снова, не жалея сил, бросался на гладкую поверхность. Потом остановился и заставил себя подумать. В эту яму он попал из-за дезинтегратора; пусть дезинтегратор его отсюда и извлекает. Нажав на спуск, он прорезал пологий откос и, преодолевая боль в ноге, выполз наружу.

На левую ногу он с трудом мог ступить. Еще сильнее болело левое плечо. «Этот сук, наверное, сломал мне ключицу», — подумал Диксон и заковылял дальше, опираясь на ветку, как на костыль.

Собаки несколько раз бросались на него. Он расстреливал их, но дезинтегратор в руке становился все тяжелее. Стервятники опустились на землю и уселись на аккуратно разрезанные лучом трупы собак. Глаза у Диксона время от времени застилало тьмой. Он старался взять себя в руки — нельзя терять сознание, когда вокруг собаки.

Корабль был уже виден. Диксон неуклюже по-

бежал и тут же упал. Несколько собак вцепились в него.

Он выстрелом рассек их на части, срезав полдюйма собственного сапога в непосредственной близости от большого пальца. Шатаясь, он поднялся на ноги и двинулся дальше.

«Вот это оружие, — подумал он. — Смертельно опасное для всех, включая стрелка. Изобретателя бы сюда! Надо же быть таким идиотом — построить пушку, которая не бабахает!»

Наконец он добрался до корабля. Пока он возился с люком воздушного шлюза, собаки окружили его плотным кольцом. Двух, которые подскочили ближе всех, Диксон уничтожил и ввалился внутрь. В глазах у него снова потемнело, к горлу подступил комок. Из последних сил он захлопнул люк и сел на пол. Спасен!

И тут он услышал тихое рычание.

Одна из собак проникла внутрь вместе с ним.

У него уже, казалось, не было сил удержать тяжелый дезинтегратор, но он все же медленно поднял руку с оружием. Собака, еле различимая в полумраке корабля, кинулась на него.

Диксон похолодел от ужаса: он почувствовал, что у него недостает сил нажать на спуск. Собака уже подбиралась к горлу. Его спасло непроиз-

вольное движение сжавшихся пальцев.

Собака взвизгнула и умолкла. Диксон потерял сознание.

Придя в себя, он долго лежал, наслаждаясь одним радостным сознанием того, что жив. Он решил немного отдохнуть. Потом он смоется отсюда, пошлет к черту все чужие планеты и приземлится в первом же попавшемся баре. Вот когда он как следует напьется! А потом он разыщет этого изобретателя и вобьет ему в глотку дезинтегратор. Поперек. Изобрести пушку, которая не бабахает, мог только маньяк-убийца!

Но это потом. А пока — какое наслаждение быть живым, лежать на солнышке, всем телом чувствуя…

Солнышко? Внутри корабля?

Он сел. У его ног валялась одпа собачья лапа и хвост. А перед ним в корпусе корабля зияло зигзагообразное отверстие шириной сантиметров в восемь, тянувшееся больше чем на метр. Сквозь отверстие светило солнце. А снаружи в щель внимательно смотрели четыре собаки.

Убивая последнюю собаку, он прорезал корпус своего собственного корабля.

Теперь он увидел еще несколько брешей. А откуда взялись они? Ах да, это, наверное, когда он

пробивался к кораблю. Последняя стометровка. Несколько выстрелов, вероятно, задели корабль.

Он поднялся и начал внимательно разглядывать повреждения. «Чистая работа, — подумал он с равнодушием отчаяния. — Это точно, уж такая чистая работа, что чище некуда».

Вот перерезанные кабели управления. Вот тут было радио. А здесь он ухитрился одним выстрелом угодить сразу в кислородные баллоны и в цистерну с водой — вот это меткость! А вот… да, конечно, только этого еще и не хватало. Самый удачный выстрел — он перебил топливную магистраль. Все горючее, согласно закону тяготения, вытекло наружу — под кораблем стояла лужа, которая понемногу впитывалась в землю…

«Неплохо для первого раза, пришла ему в голову безумная мысль. — Даже газовым резаком лучше не сработать».

Впрочем, газовым резаком он тут ничего бы не сделал. Корпус космического корабля резаком не взять. А вот старым, добрым, верным, надежным дезинтегратором…

Год спустя, так и не дождавшись от Диксона никакого сообщения, Земля послала за ним корабль. Экипажу было приказано устроить подобающие случаю похороны, если удастся разыскать

останки, и привезти обратно опытный образец дезинтегратора.

Спасательный корабль приземлился рядом с кораблем Диксона, и его экипаж принялся с большим интересом разглядывать изрезанный и выпотрошенный корпус.

— Есть же люди, которым нельзя давать в руки оружие, — сказал механик.

— Вот это да! — удивился пилот.

Из леса донесся какой-то стук. Они поспешили туда и обнаружили, что Диксон жив. Он работал, горланя песню.

За год Диксон построил деревянную хижину и посадил вокруг овощи. Огород был окружен частоколом. Когда спасители подошли, Диксон заколачивал в землю новый кол взамен сгнившего.

— Ты жив? — вскричал кто-то.

— Точно, — отозвался Диксон. — Правда, дело было плохо, пока я не построил этот частокол. Сволочи эти собаки. Но я их проучил.

Он ухмыльнулся и показал на прислоненный к частоколу лук. Он был вырезан из упругого, крепкого дерева, а рядом лежал колчан, полный стрел.

— Научились остерегаться, — сказал Диксон, —

когда увидели, как их приятели кувыркаются со стрелой в боку.

— А дезинтегратор?.. — начал пилот.

— А, дезинтегратор! — воскликнул Диксон с веселым огоньком в глазах. — Не знаю, что бы я делал без него.

Он продолжал свою работу. Кол быстро уходил в землю под ударами увесистой плоской рукоятки дезинтегратора.

Джон Браннер

Заключение о состоянии лунной поверхности

От начальника базы «Луна-1»
Начальнику проекта «Диана»
Результаты исследования лунной поверхности

Благодаря успешному созданию укомплектованной людьми базы на поверхности Луны мы имеем теперь возможность дать вполне определенный ответ на вопрос, с давних пор занимающий умы ученых, — а именно, из чего состоит поверхность нашего естественного спутника.

До сих пор существовали три конкурирующие гипотезы. Особенно популярны среди специалистов были две из них; первая предполагала, что поверхность Луны состоит из вещества, напоминающего пепел и лаву, извергаемые земными вулканами; согласно второй гипотезе Луна из-за непрерывной бомбардировки метеоритами

покрыта слоем мельчайшей пыли, сходной, естественно, по своему химическому составу с пылью, рассеянной в пространствах космоса.

Однако исследования, проведенные нами на месте, подтвердили, и притом совершенно неожиданным образом, истинность не двух вышеупомянутых, а третьей гипотезы.

Прежде чем перейти к деталям, необходимо остановиться на двух следующих обстоятельствах. Первое: согласно нынешним теориям, объясняющим происхождение Солнечной системы, первоначально Земля и Луна не были шарами раскаленного газа (как думали раньше) — они, как теперь полагают, сгустились из вращавшегося облака сравнительно холодных газов и пылевых частиц, и есть предположение, что ко времени, когда образовались планеты, уже существовали сложные органические молекулы, давшие начало жизни, как мы ее понимаем.

Специалисты утверждали, что, хотя обнаружить на Луне какие-либо существа не удается, там тем не менее вполне может оказаться, фигурально выражаясь, такое сырье, из которого развилась жизнь на Земле. Хочу напомнить: из опасения, что земные бактерии могут вступить в химико-биологическое взаимодействие с пред-

полагаемым на Луне запасом протоорганических молекул и, таким образом, лишить нас доступа к ценнейшей информации, проливающей свет на происхождение жизни, были приняты все мыслимые меры, чтобы обеспечить надежную стерилизацию посланных на Луну ракет.

Во-вторых, хочу напомнить, что в период, непосредственно предшествовавший нашему успешному прилунению, один из оснащенных телеобъективами спутников, в задачу которых входило выбрать место прилунения, сошел с заданной орбиты и упал неподалеку от места, где потом была построена наша база «Луна-1». За время, истекшее с момента создания базы, мы тщательно обследовали обломки спутника. Подробный отчет о результатах обследования будет направлен вам позднее: подготовку отчета пришлось отложить из-за условий, в которых мы работаем.

Однако, как было установлено, спутник сошел с заданной орбиты из-за находившегося внутри его постороннего предмета. В связи с этим прошу провести в пункте запуска тщательное расследование, чтобы установить, кто именно из техников несет за это ответственность: не составит большого труда выяснить, кто из наличного

штата сотрудников подвластен велениям своего желудка настолько, что приносит сэндвичи на рабочее место, кладет их возле себя во время работы, а потом о них забывает. Дело в том, что именно такова природа постороннего предмета, о котором мы упоминали выше, — это большой сэндвич, от которого откусили один раз.

От удара о поверхность Луны телеспутник раскололся на несколько частей, и сэндвич, по-видимому, выбросило наружу — мы нашли его в двух шагах от обломков. Теперь, боюсь, мы можем только гадать, был ли сэндвич единственным фактором, определившим нынешнее состояние лунной поверхности, или же действовали и другие; лично я полагаю, что других не было.

Предупреждавших, что земные бактерии могут вступить во взаимодействие с протоорганическими молекулами, можно поздравить: их предсказание сбылось. Техника, забывшего сэндвич в спутнике, следовало бы повесить, колесовать и четвертовать — но здесь решение за вами. Или посадите его так, чтобы только голова торчала наружу, в бочку славного зрелого лимбургского сыра, сэндвичи с которым он так любит, и пусть сидит в ней до тех пор, пока не потеряет способность не то что есть этот сыр, но

даже на него смотреть. Тогда он поймет, каково нам здесь сидеть и с каждым глотком консервированного воздуха вдыхать эту вонь.

Да вы уже, наверно, и сами чувствуете, как благоухают листы отчета. Со всей авторитетностью могу заявить, что благодаря этому проклятому сэндвичу Луну теперь с полным правом можно считать покрытой зеленым сыром.

Витольд Зегальский

Зеленый проклятый остров

Сначала показались верхушки пальм, растущих как бы прямо из океана, и только потом, много времени спустя, всплыл плоский диск острова, обрамленный каймой пляжа. Эрт стоял на понтоне и смеялся. Это было спасение. Он уже не чувствовал жжения потрескавшейся кожи и жара тропического солнца, которое будило бессильную ненависть, длящуюся до сумерек. Дни скитания по океану, их кошмары отступали, становясь прошлым.

Небольшой остров окружали коралловые рифы, у которых белой линией пены и водоворотов гремел океан. Эрт, однако, не испытывал страха — спасательный понтон проскользнет через один из многочисленных узких проходов. Его не огорчала мысль, что остров может быть необитаем. Он предполагал даже, что так оно и есть. Скорее, было бы удивительно встретить здесь людей. Но робота-наблюдателя он найдет наверняка. Их не

было только на одиночных отдаленных рифах, постоянно заливаемых волнами, а здесь, как и на всех островах Земли, он должен был быть.

Эрт поднял маленький парус и сел. При всем невезении выпала ему и крупица счастья. Виной всему, собственно говоря, были станции погоды. Когда на одной из них случалась авария, другие не могли своевременно справиться с температурой и влажностью. Конечно, Тихий океан — это не какая-нибудь лужа вроде Балтийского или Средиземного морей, но допустить появление циклона — грубейший недосмотр. В этом он был уверен. Они отплыли на яхте в короткий, всего на несколько дней, рейс при благоприятном прогнозе. Циклон захватил их врасплох. Конечно, часть вины лежала и на них самих (они не слушали сообщений), но ведь прогноз давался на длительный период. Впрочем, прикинул он, у них все равно не было бы времени на поиски убежища — яхта плыла по пустынным просторам Тихого океана, ближайшие острова были в тысяче километров. Правда, они могли бы попытаться уйти с пути циклона. Эрт старался не думать о товарищах. Он был уверен, что они погибли вместе с яхтой. После катастрофы он никого не обнаружил — трудно было что-нибудь увидеть среди бьющих

о понтон водяных гор. Он закрылся в понтоне и припал к окну. Понтон подпрыгивал, трещал под ударами волн, но выдержал. Не выдержала только радиостанция. Когда через несколько часов Эрт очнулся и подполз к ней, то напрасно крутил ручки и нажимал клавиши. Только потом он заметил на ее корпусе глубокие вмятины. По ней ударил опреснитель воды; такое было трудно даже вообразить, так как опреснитель был закреплен на другой стороне. Эрт не пытался разгадать эту загадку — когда он был без сознания, ситуация явно не принадлежала к числу тех, что могли предвидеть конструкторы понтона.

Опреснитель, однако, уцелел. Несмотря на повреждения, он давал в сутки два литра воды, которые вполне могли утолить жажду одного человека. Эрт назвал это «счастливым невезением» — если бы, наоборот, вышел из строя опреснитель, но уцелела радиостанция, то его спасли бы через несколько часов. За время своего более чем недельного дрейфа в океане он не раз представлял себе дисколет, совершающий сужающиеся круги над океаном, центром которых был подскакивающий на волнах понтон, испускающий пульсирующий сигнал.

Действительность, однако, не располагала к

мечтам: аварийный запас пищи кончился и подошел момент, когда он был вынужден открыть коробку с питательными таблетками. А перед этим он пробовал ловить рыбу. Он вызвал в памяти сцены из фантомовизийных фильмов о море и древних людях, называвшихся рыбаками. Эрт даже сделал крючок на манер виденных им когда-то в музее. И как те, что были на экране, насадил на острый конец приманку и бросил на леске за борт. Но он ничего не поймал и в конце концов прекратил попытки, не желая зря тратить остатки пищи. Почти все время он лежал в тени у жилого отсека и бессмысленно смотрел в небо. Иногда до него долетал гул. На недосягаемой для глаза высоте пролетали межконтинентальные ракеты. Конечно, с них его не могли заметить. На этот счет он не обманывался.

Теперь остров был гораздо ближе. Сильное течение несло понтон к белому барьеру клубящейся пены. Эрт встал и внимательно огляделся; как он и предполагал, проходов было много. Он свернул парус и стал грести. Но это почти не помогало; течение несло понтон прямо к широкому проходу между рифами, поэтому достаточно было удерживать его на главном течении, чтобы выплыть на спокойные внутренние воды. Когда грохот

прибоя уже остался позади, он бросил весло и стал смотреть на приближающийся берег. Несколько минут работы веслом напоминили ему, что он истощен и голоден, а кожа его в трещинах.

Понтон подплывал к косе. Эрт заметил поломанные деревья и следы, которые оставили далеко на суше волны. И этот остров не миновал циклон. Дно понтона заскрежетало по коралловому песку. Эрт вышел на берег, с трудом сохраняя равновесие. Потом он вытянул понтон и упал в тени первой же пальмы.

Когда слабость прошла, он проглотил таблетку и напился. Надо было подождать несколько минут, пока вернутся силы. Робот, если он заметил подплывающий понтон, мог появиться в любую минуту. Но минуты шли…

Эрт надел сандалии и, опираясь на весло, пошел искать робота. Подойдя к линии деревьев, Эрт остановился.

— Робот! Робот, ко мне! — крикнул он.

С минуту Эрт прислушивался. Кругом царила тишина, нарушаемая только шелестом пальмовых листьев и отдаленным шумом прибоя. Он пошел дальше. У первых деревьев он зацепился ногой за валяющуюся проволоку, немного дальше лежали пластиковые столбы, подмятые

упавшим деревом. В чаще что-то зашелестело. Он остановился. Шелест повторился ближе. Потом сквозь жужжание мух до него долетело слабое попискивание. В путанице ветвей ползло какое-то создание. Эрт раздвинул лианы, чтобы лучше его рассмотреть, и с отвращением попятился. Это был какой-то зверек величиной с кролика, весь покрытый слезящимися язвами. Задние лапы животного тащились за распухшим, израненным туловищем. Почувствовав чье-то присутствие, зверек повернул голову в сторону Эрта. Тот пошел дальше, с трудом преодолевая тошноту.

— Робот! Робот, ко мне! — со злостью крикнул Эрт.

Заросли поредели. Он вышел на край скалистой долины, отлого спускающейся к далеким голубым водам залива. Щуря ослепленные солнцем глаза, он разглядел беспорядочное нагромождение огромных серого цвета фигур. Кубы, призмы, усеченные и ступенчатые пирамиды являли собой хаос форм и размеров. Эрт прикинул, что самое высокое из сооружений не превышает трех-четырех метров.

— Робот! Робот, ко мне! — снова закричал он, приложив ладони ко рту. Через минуту издалека донесся плаксивый звук сигнала. Эрт сел. Он

ждал, оглядывая далекую бухту. Не без удивления он понял, что через песчаный пляж тянется проволочное заграждение. Робот приближался очень быстро. Его назойливый сигнал звучал все громче. В нем было что-то тревожное. Эрт вскочил. Из пальмовых зарослей на противоположной стороне долины выскочил робот. Он бешено несся на своих гусеницах, оставляя за собой тучи пыли.

Эрт с удивлением пригляделся к нему. С таким типом машин он еще не встречался, хотя… Возможно, он рассчитан для ведения археологических раскопок? Да, теперь он был уверен в этом, он видел эту модель в фильме, посвященном историческим памятникам, музеям… Сигнал смолк, и робот резко остановился в нескольких шагах от Эрта. Эрт подошел к роботу. Автомат вздрогнул и предостерегающе завыл.

— Выключи сирену! — рассерженно приказал Эрт. — Какая модель? Доложить не умеешь?!

— Немедленно беги! — крикнул робот. Немедленно покидай остров!

Эрт задрожал от гнева.

— Ты еще будешь мне приказывать?! Ты что, поврежден…

— Здесь находится старое кладбище радиоактивных отходов! — крикнул робот. — Беги

отсюда! За рифы! Ты уже получил такое количество рентген, что тебя трудно будет спасти. Помощь тебе окажут через тридцать минут.

Эрт обратился в бегство. Колючие ветви рвали одежду, царапали кожу, хлестали по лицу. Не чувствуя боли, он продирался к берегу, падал, поднимался. Казалось, сердце разорвет грудь, не хватало воздуха. Голубой берег становился ближе. Наконец он упал, запутавшись в лежащей на земле проволоке, и не смог подняться. Через пляж он уже полз, задевая лицом горячий песок. Сзади доносился тревожный сигнал двигающегося за ним робота. Эрт сознавал только одно — как можно скорее выкупаться и как можно дальше отплыть в море, за рифы. Пересиливая чудовищную усталость, он уперся в борт понтона и с трудом, сантиметр за сантиметром, начал сталкивать его в воду.

Джон Энтони

Гипноглиф

Уютно, словно в гнездышке пристроив в ладони очередной экспонат, Джарис провел большим пальцем по неглубокой выемке на отполированной поверхности.

— Вот воистину жемчужина моей коллекции, — сказал он, — только она до сих пор безымянная. Правда, мысленно я подобрал ей подходящее название: гипноглиф.

— Гипноглиф? — задумчиво повторил Мэддик и отложил в сторону изысканно ограненный венерианский опал величиной с доброе гусиное яйцо.

Джарис снисходительно улыбнулся гостю: тот был значительно моложе хозяина дома.

— Гипноглиф. Да вот, поглядите. — Он любезно протянул вещицу.

Ладонь Мэддика бережно приняла предмет, о котором шла речь; большой палец нежно прошелся по выемке, остальные принялись легонько

поглаживать диковинку.

— Жемчужина коллекции? — недоверчиво протянул Мэддик. — Да ведь это обыкновенный кусочек дерева, не более.

— Аналогичное определение можно дать и понятию «человек»: «обыкновенная глыба мяса, не более», — возразил Джарис. — Однако человек подчас бывает наделен и кое-чем необыкновенным.

По-прежнему лаская пальцем неглубокую выемку, Мэддик обвел взглядом все несметные сокровища, принадлежащие хозяину дома.

— Это уж точно. В жизни не видывал необыкновенного в таком количестве.

Джарис ответил мягко — по-видимому, пропустил мимо ушей алчные нотки в голосе младшего собеседника.

— Ну, у вас еще не так много лет за плечами. Глядишь, и вам выпадет на долю что-нибудь необыкновенное.

Мэддик вспыхнул, едва заметно надув губы, пожал плечами.

— Для чего, собственно, предназначена эта штучка? — поинтересовался он. Вещицу он поднес чуть ли не к самому носу и, любуясь ею, поглаживал то одним, то другим пальцем.

Джарис улыбнулся с прежней снисходительностью.

— Именно для того, что вы с нею проделываете. Эта, как вы изволили выразиться, штучка срабатывает безотказно. Стоит только взять ее в руки — и ваш палец безотчетно принимается поглаживать ямочку и столь же безотчетно противится любым попыткам заставить его прекратить свое занятие.

Мэддик заговорил с теми самыми интонациями, какие припасены у молодежи на случай, когда, хочешь не хочешь, приходится ублажать ветхих старцев.

— Приятная вещица, — похвалил он. — Но к чему такое претенциозное название?

— Пре-тен-ци-озное? — удивленно протянул Джарис. — А я бы сказал — описательное. Гипноглиф-то и на самом деле оказывает гипнотическое воздействие на всех без исключения.

Он с улыбкой наблюдал за тем, как ласкают вещицу пальцы молодого человека.

— На рубеже двадцатого и двадцать первого веков (вы, наверное, это проходили) такими материями занимался один ваятель, некий Гейнсдэл. Он даже породил новое направление в скульптуре — так называемый тропизм.

По-прежиему поглощенный необычной забавой, Мэддик пожал плечами.

— В ту эпоху кто только не основывал новые направления… Но о тропизме мне, кажется, не доводилось слышать.

— В основе тропизма лежала прелюбопытнейшая гипотеза, — продолжал Джарис, вертя в руке арктурианский астрокристалл и следя за переливчатой игрой преломленных солнечных лучей. — Гейнсдэл утверждал (притом, насколько мне дано судить, не без оснований), что поверхностному слою любого животного организма свойственны те или иные врожденные осязательные реакции. Коту изначально присуща любовь к почесыванию за ухом. Подсолнуху изначально присуща тяга к свету.

— А ушам изначально присуще стремление вянуть, — подхватил Мэддик. — Вы преподнесли мне несколько основополагающих фактов. Что же из них вытекает, какова мораль?

— Интересны не столько сами факты, сколько способ ими распорядиться, — отвечал Джарис, не обратив внимания на колкость младшего собеседника. — Гейнсдэл просто-напросто довел свое осознание тропизма дальше кого бы то ни было. Во всяком случае, дальше, чем любой другой

житель Земли. Гейнсдэл утверждал, что каждому участку человеческой кожи изначально присуща специфическая реакция на определенные формы и фактуры, и задался целью ваять такие предметы, которые, как он сформулировал, приносили бы тем или иным участкам кожи первозданное наслаждение. Он создавал специальные предметы для растирания шеи, для поглаживания лба. Даже уверял, будто умеет таким способом исцелять людей, страдающих головными болями и мигренями.

— Это же не что иное, как древняя китайская медицина, — блеснул эрудицией Мэддик. — Да вот не далее как с неделю назад я приобрел талисман — изделие, датированное восьмым веком, — для растираний при ревматических болях. Антикварная вещь.

— Бесспорно, Гейнсдэл был знаком с восточной глиптикой, — вежливо сказал Джарис. — Но он пытался систематизировать идеи, лежащие в ее основе, и выстроить их в упорядоченную теорию. Даже ударился в возрождение нэцкэ — фигурок, посредством которых японские самураи подвешивали к поясу трубки и кисеты. Ведь своим ваянием Гейнсдэл стремился охватить подспудные реакции всех частей человеческого тела.

На одном из этапов своего творчества он даже взялся за бижутерию и сконструировал браслеты, приятные руке. Позднее переключился на конструирование кресел, неотразимых для ягодиц.

— Тоже искусство, — вставил Мэддик; все это время он то перекатывал диковинную вещицу в кулаке, то возвращал в излюбленное положение — выемкой к большому пальцу, чтобы удобнее поглаживать. — Скульптор-то поистине ухватился за суть тела.

Он улыбнулся Джарису, как бы приглашая оценить шутку, но не встретил ожидаемого отклика.

Опустив глаза, Джарис перевел взгляд на руку гостя: пальцы по-прежнему оглаживали гипноглиф, словно обрели самостоятельную жизнь.

— После этого, — продолжал Джарис, не обратив внимания на выпад, — Гейнсдэл перешел к конструированию спальных принадлежностей: создавал деревянные подушки наподобие японских чурбаков, уверяя, будто такая подушка навевает сладостные сновидения. Но плодовитее и охотнее всего он творил для кисти человеческой руки, так же как мастера японской пластики предпочитали творить именно нэцкэ. Ведь у человека пальцы рук наряду с осязанием наделены

подвижностью, поэтому они с особо обостренным наслаждением реагируют на фактуру и массу раздражителя.

Джарис положил астрокристалл на место; теперь он смотрел, не отвлекаясь, только на пальцы Мэддика.

— Точь-в-точь как сейчас ваши, — добавил он. — Гейнсдэл добивался такой формы, перед которой не устояла бы рука человека.

Мэддик перевел взгляд на вещицу: пальцы теребили ее так самозабвенно, словно после долгого ожидания только сейчас наконец-то остались с нею наедине, вдали от взрастившей их руки и управляющего ими мозга.

— Должен признать, ощущение приятное, — сказал он. — Но, думается, теорийки ваши притянуты за уши. Едва ли можно утверждать, что удовольствие это абсолютно неотразимо. Если человеком овладевает жажда подобного наслаждения и он над нею не властен, то отчего мы с вами до сих пор не вцепились друг другу в глотки, не передрались из-за права на удовольствие гладить эту штуковину?

— Наверное, оттого, что мое желание слабее вашего, — мягко ответил Джарис.

Мэддик обвел взглядом сокровищницу хозяина

дома.

— Да, вы, черт возьми, и без того как сыр в масле катаетесь! — вырвалось у него, и на какой-то миг его голос утратил обычную вкрадчивость. Однако Мэддик тут же понял, что выдает себя с головой, и поспешил сменить тему беседы. — А я-то полагал, вы коллекционируете исключительно предметы внеземного происхождения. Как же затесался сюда этот экспонат?

— Да, действительно, любопытное совпадение, — отозвался Джарис. — Вернее, одно из звеньев в цепи любопытных совпадений. В руке у вас экспонат внеземного происхождения.

— А прочие любопытные совпадения? — не унимался Мэддик.

Джарис раскурил зловонную манильскую сигару.

— Начну-ка я, пожалуй, с самого начала, — произнес он сквозь клубы дыма.

— Я так и чувствовал — не миновать мне длинной истории, — отозвался Мэддик. — Узнаю коллекционера, все вы на один лад. Великие мастера плести небылицы. Ради этого, я считаю, и собирают коллекции.

— Профессиональная болезнь, — улыбнулся Джарис. — Сакраментальный вопрос: собираем

мы коллекцию ради того, чтобы плести небылицы, или плетем небылицы ради того, чтобы собрать коллекцию? Если свою небылицу я изложу достаточно складно, то мне, быть может, посчастливится и я заполучу в коллекцию вас самого. Усаживайтесь-ка поудобнее, а я уж приложу все старания: как-никак новая аудитория — новый стимул.

Радушным взмахом руки он указал Мэддику на кресло, причудливо вырезанное из слоновой кости, придвинул поближе к гостю вентилятор-увлажнитель, ароматические пастилки и графин с дунайским бренди, сам же расположился за письменным столом и опять-таки знаком предложил Мэддику угощаться.

Выдержав неизбежную эффектную паузу, в какой не откажет себе ни один рассказчик, Джарис заговорил:

— Этой безделкой я дорожу по многим причинам, но по крайней мере одна из них чрезвычайно проста: гипноглиф мне достался в последнем моем дальнем рейсе. Как видите, — прибавил он, небрежно поведя вокруг рукой, — я допустил ошибку: вернулся разбогатевшим, и богатство убило во мне тягу к странствиям. Пожадничал — и вот теперь до конца дней своих прикован

к Земле.

Все еще поглаживая большим пальцем выемку, Мэддик вставил:

— Насколько я понимаю, если у человека денег куры не клюют, то это не самая страшная беда.

Но Джариса не так-то легко было отвлечь от нити повествования.

— Вел я тогда поиск астрокристаллов вблизи Денеб-Кайтоса, и мне вдруг сказочно повезло: я наткнулся на пояс астероидов, а те буквально ломились от феерически красивых самоцветов. Набили мы ими звездолет так, что нам вполне по карману оказалось бы дважды купить такую планету, как Земля, со всеми потрохами, и уж собрались было в обратный путь, как вдруг обнаружили, что вокруг Денеб-Кайтоса обращаются какие-то планеты. До нас там шарило еще несколько экспедиций, и никто в своих отчетах даже словечком не обмолвился о планетной системе, сами же мы до того увлеклись погрузкой кристаллов на борт, что не очень-то озирались по сторонам. После уж я сообразил: то, что мы приняли за астероидный пояс, на самом деле было обломками погибшей планеты, они по-прежнему обращались вокруг своего светила. А поскольку в тех обломках содержание самоцветов состав-

ляло восемь процентов, можно было надеяться, что где-то неподалеку отыщется главная жила. Мы в темпе произвели съемки всей системы, сделали необходимые экспресс-анализы и приняли решение высадиться на восьмой планете — собрать там образцы пород, а также данные о формах жизни. Признаки жизни отмечались и на ДК-6, но не настолько явные, чтобы стоило там бросать якорь. А вот на ДК-8, судя по всему, жизнь отличалась многообразием. В этом случае вполне можно было всерьез надеяться на премию Галактической федерации. Конечно, когда у тебя на борту груз астрокристаллов, экипажу корабля даже миллион юнитов покажется разменной монетой, но ведь всякому лестно войти в историю, всякий мечтает стать первооткрывателем новой формы разума. Сами понимаете, колумбов комплекс и т. д.

В общем, высадились мы на ДК-8, и там-то я раздобыл вещицу, которой вы забавляетесь. На ДК-8 она служит охотничьей принадлежностью.

Мэддик был озадачен.

— То есть как охотничьей? — переспросил он. — Вы имеете в виду тот способ, каким Давид разделался с Голиафом? Камень для пращи?

— Да нет же, — Джарис брезгливо поморщил-

ся. — Это вовсе не метательный снаряд. Это приманка. Манок. Аборигены расставляют в лесу такие манки и с их помощью отлавливают диких зверей.

Не переставая вертеть диковинку в пальцах, Мэддик пригляделся к ней повнимательней.

— Да полноте! — сказал он. — Что же с нею можно поймать? Выходит, там попросту раскладывают в лесу такие игрушки и ждут, пока в них наползут муравьи, чтобы после их съесть? А приманкой служит эта выемка?

— В глубоком космосе приключаются и не такие чудеса, — голос Джариса прозвучал резче обычного, но тут же смягчился. — Вы молоды, у вас еще все впереди. Вот, например, это орудие охоты; вы наверняка не поверите, что на нем зиждется целая культура. Вы еще не подготовлены к тому, чтобы уверовать.

Улыбка Мэддика означала: «В конце-то концов, нельзя же надеяться, что я всерьез развешу уши, выслушивая подобный вздор!». Вслух же он сказал:

— Небылица и есть небылица, какой с нее спрос. Выкладывайте дальше.

— Да, — согласился Джарис, — пожалуй, звучит неправдоподобно. В известной мере именно

это и характерно для космоса: там на каждом шагу тебя подстерегает что-нибудь неправдоподобное. Спустя какое-то время начинаешь забывать о том, что же такое норма. Тогда-то и становишься заправским астронавтом. — Он обвел глазами свою уникальную и бесценную коллекцию. — Взять хотя бы ДК-8. Коль скоро к встрече с разумной жизнью нас подготовил индикатор, мы ничуть не удивились, увидев там гуманоидов. Уже в то время стала общеизвестной истина: разумная жизнь возможна только в форме приматов или квазиприматов. Кто лишен надбровной дуги и цепкой, приспособленной к хватанию конечности, у того просто-напросто отсутствуют предпосылки к зарождению разума. У обезьяны развиваются хватательные конечности, они позволяют ей держаться за ветви, когда она лазает по деревьям; развивается и глаз, он позволяет прикинуть расстояние при перескакивании с ветки на ветку; и вот благодаря этому обезьяна оказывается приспособленной к окружающей среде. Но тут случайно выясняется, что лапой можно подбирать с земли различные предметы, а глазом — производить визуальные исследования; минул исторически обозримый срок — обезьяна вовсю подбирает предметы,

пристально их разглядывает, и у нее появляются какие-то идейки. Вот она уже пользуется какими-то орудиями труда. Копытным и за миллиард лет не додуматься до этого, им нечем эти орудия держать. По-моему, никакими здравыми доводами невозможно опровергнуть вероятность появления разумных ящериц, но вот до сих пор таковые что-то не появлялись. Надо полагать, эти существа слишком низкоорганизованны.

Джарис спохватился, поняв, что увлеченный собственной логикой невольно повысил тон.

— Простите мне это отступление, — сказал он с улыбкой. — В дальних космических полетах принято вести подобные дискуссии, и страсти при этом накаляются. — Голос его опять смягчился. — Итак, я остановился на том, что мы не слишком-то удивились при виде гуманоидов, будучи заблаговременно предупреждены о наличии разумрюй жизни на планете…

— Очень странно, об этом я впервые слышу, — перебил Мэддик. — А ведь такого рода информация — мой конек, я за ней слежу внимательнейшим образом. И конечно же, если форма жизни достаточно близка к нашей…

— Дело в том, — в свою очередь прервал его Джарис, — что об этой форме жизни мы никому

не докладывали.

Возмущению Мэддика не было предела.

— Боже правый, и вы об этом так хладнокровно заявляете? Ведь я же могу сообщить в Главное управление Космической федерации. — Его глаза хищно обежали сокровищницу, как бы составляя каталог, губы на миг хитровато поджались. — Если, конечно, поверю вам на слово.

Джарис откинулся на спинку стула, словно погруженный в задумчивость, казалось, голос его доносится откуда-то издалека.

— В общем, это не имеет значения, — сказал он. — А кроме того, — тут к нему вернулась улыбка, и голос его зазвучал не так приглушенно, — вы же мне все равно не верите.

Мэддик не сводил глаз со своей руки, а рука тем временем поглаживала полированные бока вещицы. Большой палец с маниакальным упорством сновал по выемке. Внутрь-вверх-назад, внутрь-вверх-назад. Не поворачивая головы, Мэддик перевел взгляд и в упор посмотрел на Джариса.

— Разве я не прав в своем неверии? — спросил он. И вновь обшарил взглядом сокровищницу, дольше всего задержавшись на горке с астрокристаллами.

Перехватив его взгляд, Джарис улыбнулся.

— Зачастую я и сам подумываю, какой идеальной жертвой мог бы стать для шантажиста.

Мэддик поспешно отвел глаза.

— В том случае, если шантажист примет вашу выдумку за чистую монету.

— Всегда остается доля сомнения, — усмехнулся Джарис. — Хотите, я поклянусь, что родство двух рас предельно близкое и земляне успешно спаривались с декайцами?

Прежде чем ответить, Мэддик с минуту следил за тем, как его пальцы обвивают и поглаживают чудесную вещицу. Наконец, он тряхнул головой, будто отгоняя какую-то докучливую мысль.

— Теперь меня ничем не проймешь. Как ни странно, я вам верю. Хотя, как ни странно, сознаю, что должен с пеной у рта отрицать всякую возможность такого спаривания. — Неожиданно он дал волю своему раздражению. — Послушайте, к чему вся эта пустопорожняя болтовня? — вскипел он. И тут же утихомирился. — Впрочем, ладно. Конечно же, я вам верю. Ясно, как дважды два, что я спятил, но вам я верю.

— Верите ровно настолько, чтобы выдать меня федеральным властям?

Не отвечая, Мэддик залился румянцем.

— Боюсь, вам там ответят только, что этого не может быть, — сказал Джарис. И утомленно прибавил: — А жаль. Я ведь говорил, для шантажиста я — лакомый кусок. — Помедлив, он ласково посоветовал: — Не стоит волноваться, сынок.

В голосе Мэддика не слышалось злости. Он смотрел вниз, на кисть своей руки, которая все поглаживала гипноглиф.

— Это угроза? — осведомился он безучастно.

Джарис качнул головой:

— Жалость. — Выпустив изо рта клуб дыма, он заговорил чуть оживленнее: — К тому же чересчур убедительны доводы в пользу полнейшей немыслимости подобного явления. Лишь при одном условии могут две разные формы жизни, соединившись, дать потомство и тем самым навести мост между двумя ветвями дивергентной, расходящейся эволюции: если у них был общий предок. Например, лев и тигрица, лошадь и осел. Совсем иное дело — эволюция конвергентная, то есть параллельная. Не исключено, что где-то в дальнем космосе эволюционирует биологический вид, сходный с Homo sapiens, а при бесконечности пространства и времени высока вероятность того, что таких видов появится великое множество. Однако химия и физиология

клеток и генетических структур — дело слишком тонкое, при отсутствии общего предка не может быть речи о сходстве и тем более совместимости. Тем не менее земляне могут соединяться браком с декайскими женщинами, что они и проделывали, получая при этом потомство. Здесь, в моем доме, все это звучит совершеннейшим бредом, но я давно убедился, что в глубинах космоса ничего неправдоподобного не бывает.

— В глубинах космоса, — промурлыкал Мэддик: казалось, он ласкал языком эти слова с тем же чувственным наслаждением, с каким его пальцы вертели полированную вещицу.

Уловив изменившуюся интонацию, Джарис понимающе кивнул.

— У вас-то все впереди. Вы-то там побываете. Но вернемся к ДК-8. Единственное различие между декайцами и землянами — в строении волос и кожи. На ДК-8 атмосфера крайне плотна. Влажный воздух, высокий процент углекислоты, вечный туман. Сквозь такую атмосферу лучи светила пробиваются с неимоверным трудом. К тому же на всей планете царит тропический климат. Поэтому животный мир там никогда не сталкивался с необходимостью в волосяном покрове. Зато в ходе эволюции кожа живых организмов стала

необычайно чувствительна к тем скудным лучам солнца, которые на нее попадают. Она мягкая и мертвенно-бледная, как у слизня. Если уроженец той планеты хоть на несколько минут угодит под прямые лучи нашего солнца, он тут же погибнет от солнечного удара.

Вынув изо рта сигару, Джарис дунул на горящий кончик.

— Природа вечно ухитряется сдавать по два козыря сразу, — пояснил он. — Цепкая конечность эволюционировала для одной цели, а пригодилась для другой. Точно так же сверхчувствительная кожа декайцев, первоначально предназначенная к тому, чтобы поглощать возможно большее количество солнечных лучей, со временем превратилась в орган сверхъестественно развитого осязания. То же самое относится и к более низкоорганизованным формам жизни. Их осязательные реакции превалируют над всеми прочими. Стоит зверю лишь лапой провести по такой вот игрушке, как у вас, — и он просто не в состоянии уняться.

Мэддик улыбнулся и, ничего не ответив, взглянул на свою ладонь. Тускло поблескивали полированные бока гипноглифа, по выемке описывал спирали большой палец. Вниз-вбок-вверх,

вниз-вбок-вверх.

— Не опасаясь преувеличений, утверждаю: культуру осязания декайцы довели до непостижимого для нас уровня. На ДК-8 в нее вкладывают всю ту энергию, которая у нас затрачивается на производство средств производства. По нашим понятиям, тамошнее общество стоит на одной из низших ступеней общественного развития: племенной строй, жесткий матриархат, орудий труда — раз-два и обчелся, причем ими разрешается пользоваться только женщинам, да и то далеко не всем, а только представительницам определенного клана. Остальные праздно слоняются по живописным холмам или лежат себе недвижно — только знай впитывай в себя солнечную энергию да занимайся колдовством на основе гипноза и осязательных эффектов. — Голос рассказчика зазвучал проникновенно и чуть сдавленно. — Как и следовало ожидать, они чудовищно полнеют. Поначалу противно становится при виде этих разлегшихся туш. Но ведь на ДК-8 полнота — условие, необходимое для выживания индивидуума. Ведь чем полнее существо, тем больше поверхность его тела и тем большее количество солнечных лучей она улавливает. А телом своим тамошние женщины

владеют до того виртуозно, что остаются статными и пропорционально сложенными.

Джарис откинулся на спинку стула и зажмурился.

— Феноменально владеют, — пробормотал он едва слышно. Потом вдруг как-то неожиданно хмыкнул: — Вас же, наверное, удивляет, каким образом они полируют твердое дерево, не располагая практически никаким инструментом. А вы присмотритесь повнимательнее и заметите полное отсутствие древесных волокон. Да это и не дерево, а этакий громадный орех, нечто вроде косточки авокадо. Как известно, свежая косточка авокадо подобна глине, высохнув же, становится в высшей степени твердой. В высшей степени.

— В высшей степени, — поддакнул Мэддик отрешенно.

— Женщины привилегированного клана изготавливают такие вещицы, а мужчины раскладывают по лесу. Как нетрудно догадаться, декайские мужчины — народец тщедушный, и будь охотничья удача хоть как-то связана с мужскими статями да отвагой, не говоря уж о физической силе, там все бы давно повымирали с голоду. Однако благодаря охотничьим принадлежностям ничего подобного не происходит. Звери, все как

один необычайно восприимчивые к гипнозу осязания, проходят лесной тропой и натыкаются на гипноглиф. Начинают его ощупывать, поглаживать — и уже не в силах остановиться. Мужчины их даже не убивают; забоем и разделкой ведает правящий клан женщин. А мужчины в лесу всего-навсего дожидаются, пока добыча впадет в состояние гипнотического транса, после чего отводят зверя на территорию бойни — все еще одурманенного, разумеется.

— Разумеется, — согласился Мэддик. Пальцы его любовно и ритмично выполняли свою монотонную работу.

Джарис откинулся на спинку стула. Его хозяйская вежливость оставалась безукоризненной, но в голосе нарастало торжество.

— Собственно, не мешало бы вам узнать еще одну подробность. Во времена оны на декайских мужчин порой находили приступы неуправляемой ярости. А потому сложилась традиция подвергать их перманентному гипнозу практически с момента рождения. Этот обычай восходит к седой старине.

К сожалению, природа коварна, хоть и не злонамеренна. Если тот или иной биологический вид достаточно долго удерживать в слепом

повиновении, у этого вида исчезнет стимул к эволюционному совершенствованию. Потомки неисчислимых загипнотизированных поколений, нынешние декайские мужчины напрочь лишены воли к жизни, они нежизнеспособны, и впридачу год от года их рождается все меньше и меньше. К моменту нашей высадки на ДК-8 там мужчин оставалось ровно столько, чтоб было кому расставлять по лесам манки.

С улыбкой Джарис подался вперед, к собеседнику.

— Представляете, каким подарком судьбы предстал перед вождессами племени наш экипаж, когда выяснилось, что между нами возможны смешанные браки и что такие браки дают потомство! Новые энергичные и предприимчивые мужчины, начало новой жизни, свежая благотворная струя крови.

Он помедлил, а когда продолжил, голос его звучал сухо и непреклонно.

— Теперь вам, наверное, понятно, отчего из всего экипажа вернулся на Землю один только я. Перед вами единственный во всей Вселенной мужчина, когда-либо покидавший ДК-8. Впрочем, — поправился он, — на самом деле я в известном смысле слова тоже так и не покидал

той планеты.

— Так и… не… покидал… той планеты… — с запинкой повторил Мэддик.

Джарис кивнул, выбрался из-за письменного стола, подошел к гостю и, наклонясь над ним, выпустил клуб дыма в его широко раскрытые глаза. Мэддик даже не моргнул. Взгляд его был неотрывно устремлен вперед, в одну точку, он сидел не шевелясь. Двигалась только кисть правой руки, то так, то этак обхватывая полированную диковинку; большой палец без устали сновал по выемке.

С прежней грустной улыбкой Джарис распрямился, взял со стола изящный колокольчик и коротко, отрывисто звякнул.

В дальнем конце зала распахнулась дверь; за дверью, в затененном алькове, виднелось нечто массивное и бледное.

— Готов, дорогая, — произнес Джарис.

Лестер Дель Рей

Крылья ночи

— Черт подери всех марсияшек! — тонкие губы Толстяка Уэлша выплюнули эти слова со всей злобой, на какую способен оскорбленный представитель высшей расы. — Взяли такой отличный груз, лучшего иридия ни на одном астероиде не сыщешь, только-только дотянули до Луны — и, не угодно ли, опять инжектор барахлит. Ну, попадись мне еще разок этот марсияш-ка…

— Ага. — Тощий Лейн нашарил позади себя гаечный ключ с изогнутой рукояткой и, кряхтя и сгибаясь в три погибели, снова полез копаться в нутре машинного отделения. — Ага. Знаю. Сделаешь из него котлету. А может, ты сам виноват? Может, марсиане все-таки тоже люди? Лиро Бмакис тебе ясно сказал, чтоб полностью разобрать и проверить инжектор, нужно два дня. А ты что? Заехал ему в морду, облаял его дедов и прадедов и дал ровным счетом восемь часов на всю починку. А теперь хочешь, чтоб он при такой спешке пред-

ставил тебе все в ажуре… Ладно, хватит, дай-ка лучше отвертку.

К чему бросать слова на ветер? Сто раз он спорил с Уэлшем — и все без толку. Толстяк — отличный космонавт, но начисто лишен воображения, никак не позабудет бредятипу вроде той, что люди, мол, для того и созданы, чтоб помыкать всеми иными племенами. А впрочем, если бы Толстяк его и понял, так ничего бы не выиграл. Лейн и высоким идеалам цену знает, что от них толку.

Он-то к окончанию университета получил лошадиную дозу этих самых идеалов да еще солидное наследство — хватило бы на троих — и вдохновенно ринулся в бой. Писал и печатал книги, произносил речи, беседовал с официальными лицами, вел переговоры в кулуарах, вступал в разные общества и сам их создавал и выслушал по своему адресу немало брани. А теперь он, ради хлеба насущного, перевозит грузы по трассе Земля — Марс на старой, изношенной ракете; на четверть ракета — его собственность. А тремя четвертями владеет Толстяк Уэлш, который возвысился до этого без помощи каких-либо идеалов, хотя начинал уборщиком в метро.

— Ну? — спросил Толстяк, когда Лейн вылез наружу.

— Ничего. Не могу я это исправить, слабовато разбираюсь в электронике. Что-то разладилось в реле прерывателя, но по индикаторам не поймешь, где непорядок, а наобум искать опасно.

— Может, до Земли дотянем?

Тощий покачал головой.

— Навряд ли. Лучше сядем где-нибудь на Луне, если ты сумеешь дотащить нашу посудину. Тогда, может, и найдем поломку, прежде чем кончится воздух.

Толстяку тоже это приходило в голову. Пытаясь как-то уравновесить перебои в подаче горючего и кляня лунное притяжение — хоть и слабое, оно порядком мешало, — он повел ракету к намеченному месту: посреди небольшой равнины он высмотрел на редкость чистую и гладкую площадку, без каменных обломков и выбоин.

— Пора бы тут устроить аварийную станцию, — пробурчал он.

— Когда-то станция была, — сказал Лейн. — Но ведь на Луну никто не летает, и пассажирским кораблям тут садиться незачем, проще выпустить закрылки и сесть в земной атмосфере, чем тратить здесь горючее. А грузовики вроде нас не в счет. Странно, какая ровная и чистая эта площадка, мы в миле, не выше, и ни одной метеоритной

царапинки не видно.

— Стало быть, нам повезло. Не хотел бы я шлепнуться в какой-нибудь кратеришко и сбить дюзу или пропороть обшивку. — Толстяк взглянул на высотомер и на указатель скорости спуска. — Мы здорово грохнемся. Если… эй, что за черт?

Тощий Лейн вскинул глаза на экран: в тот миг, как они готовы были удариться о поверхность, ровная площадка раскололась надвое, половинки плавно скользнули в стороны — и ракета стала медлительно опускаться в какой-то кратер; он быстро расширялся, дна не было видно; рев двигателей вдруг стал громче. А экраны верхнего обзора показали, что над головой опять сошлись две прозрачные пластины. Веря и не веря собственным глазам, Лейн уставился на указатель высоты.

— Опустились на сто шестьдесят миль и попались в ловушку! Судя по шуму, тут есть воздух. Что за капкан, откуда он взялся? Бред какой-то!

— Сейчас не до того. Обратно не проскочить, пойдем вниз, а там разберемся. Черт, неизвестно еще, какая внизу площадка.

В таких вот случаях очень кстати, что Толстяк не страдает избытком воображения. Делает свое дело — опускается в исполинском кратере,

будто на космодроме в Йорке, и занят только неравномерностью вспышек из-за барахлящего инжектора, а что ждет на дне, ему плевать. Тощий удивленно посмотрел на Толстяка, потом вновь уставился на экраны — может, удастся понять, кто и зачем построил этот капкан.

Лъин лениво поворошил кучку песка и истлевшего сланца, выудил крохотный красноватый камешек, с первого раза не замеченный, и медленно поднялся на ноги. Спасибо Великим, очень вовремя они послали ему осыпь: старые грядки столько раз перерыты, что уже совсем истощились. Чуткими ноздрями он втянул запах магния, немножко пахло железом, и серы тут сколько угодно, все очень, очень кстати. Правда, он-то надеялся найти медь — хоть щепотку. А без меди…

Он отогнал эту мысль, как отгонял уже тысячи раз, и подобрал грубо сработанную корзину, набитую камешками пополам с лишайником, которым заросла эта часть кратера. Одной рукой растер в пыль осколок выветрившегося камня заодно с клочком лишайника и все вместе отправил в рот. Благодарение Великим за эту осыпь! Приятно ощущать на языке душистый магний, и лишайник тоже вкусный, сочный, потому что

почва вокруг неистощенная. Если бы еще хоть крупицу меди — больше и желать нечего.

Лъин печально вильнул гибким хвостом, крякнул и побрел назад, к себе в пещеру; мельком глянул вверх, на далекий свод. Там, наверху, за много миль, ослепительно сверкал луч света и, постепенно слабея и тускнея, слой за слоем пронизывал воздух. Значит, долгий лунный день близится к полудню, скоро солнце станет прямо над сторожевым шлюзом, и луч будет падать отвесно. Шлюз чересчур высоко, отсюда не увидишь, по Лъин знает: там, где покатые стены исполинской долины упираются в свод, есть перекрытое отверстие. Долгие тысячелетия вырождалось и вымирало племя Лъина, а свод все держится, хоть опорой ему служат только стены, образующие круг около пятидесяти миль в поперечнике, неколебимые, куда более прочные, чем сам кратер — единственный и вечный памятник былому величию его народа.

Лъин об этом не задумывался, он просто знал: свод не создан природой, его построили в те времена, когда Луна теряла остатки разреженной атмосферы и племя напоследок вынуждено было искать прибежища в самом глубоком кратере, где кислород можно было удержать, чтобы не

улетучивался. Лъин смутно ощущал протекшие с тех пор века и дивился прочности сводчатой кровли, над которой не властно время.

Некогда народ его был велик и могуч, тому свидетельство — исполинская долина под сводом. Но время не щадило его предков, оно состарило весь народ, как старило каждого в отдельности, отнимало у молодых силу и растило в них медленные, сосущие всходы безнадежности. Какой смысл прозябать здесь, взаперти, одинокой малочисленной колонией, не смея выйти на поверхность собственной планеты? Их становилось все меньше, они позабыли многое, что знали и умели прежде. Машины сломались, рассыпались в прах, и новыми их не заменили; племя вернулось к первобытному существованию, кормилось камнем, который выламывали из стен кратера, да выведенными уже здесь, внизу, лишайниками, что могли расти без солнечного света, усваивая энергию радиоактивного распада. И с каждым годом на грядках сажали все меньше потомства, но даже из этих немногих зерен прорастала лишь ничтожная доля, и от миллиона живущих остались тысячи, потом только сотни и под конец — горсточка хилых одиночек.

Лишь тогда они поняли, что надвигается ги-

бель, но было уже поздно. Когда появился Лъин, в живых оставалось только трое старших, и остальные семена не дали ростков. Старших давно нет, уже многие годы Лъин в кратере один. Бесконечно тянется жизнь, вся она — только сон, да поиски пищи, да еще мысли, вечно одни и те же, а тем временем его мертвый мир больше тысячи раз обращал свое лицо к свету и вновь погружался во тьму. Однообразие медленно убивало его народ, уже скоро оно доведет свое дело до конца. Но Лъина не тяготит такая жизнь, он привык и не замечает скуки.

Он брел неспешно, в лад медлительному течению мыслей, долина осталась позади, вот и дверь жилища, которое он выбрал для себя среди множества пещер, вырезанных в стенах кратера. Он постоял еще под рассеянным светом далекого солнца, пережевывая новую порцию камня пополам с лишайником, потом вошел к себе. В освещении он не нуждался: еще в незапамятные времена, когда народ его был молод, камень стен насытили радиоактивностью, а глаза Лъина улавливали световые волны едва ли не любой длины. Через первую комнату мимо сплетенной из лишайников постели и кое-какой нехитрой утвари он прошел дальше: в глубине помещалась

детская, она же и мастерская; неразумная, но упрямая надежда влекла его в самый дальний угол.

И, как всегда, понапрасну. В ящике, полном плодородной почвы, рыхлой, мягкой, заботливо политой, ни намека на жизнь. Ни единый красноватый росток не проклюнулся, никакой надежды на будущее. Зерно не проросло, близок час, когда всякая жизнь на родной планете угаснет. С горечью Лъин отвернулся от детской грядки.

Недостает такой малости — и это так много! Съесть бы всего несколько сот молекул любой медной соли — и зерна, зреющие в нем, дали бы ростки; или прибавить те же молекулы к воде, когда поливаешь грядку, — и проросли бы уже посеянные семена, выросли бы новые крепкие мужчины или, может, женщины. Каждый из племени Лъина носил в себе и мужское, и женское начало, каждый мог и в одиночку дать зерно, из которого вырастут дети. И пока еще жив хоть один из племени, можно за год взрастить на заботливо ухоженной почве сотню молодых… если б только добыть животворный гормон, содержащий в себе медь.

Но, как видно, не суждено. Лъин склонился к тщательно сработанному перегонному аппарату

из выточенных вручную каменных сосудов и гибких стержней, скрепленных и связанных в трубки, и оба его сердца тоскливо сжались. Сухой лишайник и липкая смола все еще питали собою медленный огонь, и медленно сочилась из последней трубки капля за каплей и падала в каменную чашу. Но и от этой жидкости не исходит ни намека на запах медной соли. Что ж, значит, не удалось. Все, что за многие годы дал перегонный аппарат, Лъин подмешивал к воде, поливая грядку, почва детской всегда влажная, но ей не хватило минерала жизни. Почти бесстрастно Лъин вложил вечные металлические свитки, хранящие мудрость его племени, обратно в футляры и принялся разбирать на части химическое отделение мастерской.

Остается еще один путь, он труднее, опаснее, но иного выхода нет. Старинные записи говорят, что где-то под самым сводом, где воздух уже слишком разрежен и дышать нечем, есть вкрапления меди. Значит, нужен шлем, баллоны со сжатым воздухом; и еще крючья и скобы, чтобы взбираться по разъеденной временем древней дороге наверх, по лестнице, где разрушена половина ступеней; и нужны инструменты, распознающие медь, и насос, чтобы наполнить баллоны. Потом при-

дется подтащить множество баллонов к началу подъема, устроить склад и, поднимаясь наверх, постепенно поднимать их тоже, устраивать новые склады, пока цепь запасов не достигнет самого верха… и тогда, быть может, он найдет медь для возрождения.

Он старался не думать о том, сколько на все это понадобится времени и как мала надежда на успех. Нажал педаль — заработали маленькие мехи, в примитивной кузнице вспыхнули язычки голубого пламени; он достал металлические слитки — надо раскалить их, чтобы поддавались ковке. Вручную придать им ту форму, какой требуют старинные записи и чертежи, — задача почти немыслимая — и все же надо как-то справиться. Его народ не должен умереть!

Прошли долгие часы, а он все работал, и вдруг по пещере разнесся высокий пронзительный звук. В энергополе над створчатым шлюзом свода появился метеорит — и, видно, огромный! Такого, чтоб ожили защитные экраны, на памяти Лъина еще не бывало, и он думал, что механизм больше не действует, хоть и рассчитан был на века, ведь Солнце должно питать его своей энергией, пока не погаснет. В растерянности стоял он, глядя на дверь, и вот свистящий звук повторился.

Если сейчас же не нажать решетку вводного устройства, автоматически включатся отклоняющие силы, и метеорит упадет в стороне от свода. Лъин не успел об этом подумать, просто кинулся вперед и прижал пальцы к решетчатой панели. Потому-то он и поселился именно в этой пещере, некогда здесь помещалась стража, в далеком прошлом она впускала и выпускала немногочисленные ракеты-разведчики. Решетка на миг засветилась, значит, метеорит вошел в кратер, и Лъин опустил руку, чтобы створы шлюза сошлись вновь.

И направился к выходу, нетерпеливо ожидая падения метеорита. Быть может, Великие добры и наконец отозвались на его мольбы. Раз он не может найти медь у себя дома, они посылают ему дар извне — а вдруг это баснословное богатство? Быть может, метеорит так велик, что еле уместится в ладони! Но почему он все еще не упал? Цепенея от страха, Лъин тревожно всматривался в далекий свод — неужели он опоздал, и защитные силы отбросили метеорит прочь?

Нет, вон блеснул огонек — но не так должен бы вспыхнуть такой большой метеорит, врезаясь в сопротивляющийся воздух! До слуха наконец донесся сверлящий, прерывистый вой — метеорит

должен бы звучать совсем иначе. В недоумении Лъин всмотрелся еще пристальней — да, вот он, гость, не падает стремглав, а опускается неторопливо, и яркий свет не угасает позади, а обращен вниз. Но это значит… это может означать только одно — разумное управление. Ракета!!!

На миг у Лъина все смешалось в голове — уж не возвращаются ли предки из какого-то другого, неведомого убежища? Или сами Великие решили его посетить? Но, привыкший рассуждать здраво, он отверг эти нелепые догадки. Не могла такая машина прилететь из безжизненных лунных пустынь, а только со сказочной планеты, что находится под его родным миром, либо с тех, которые обращаются вокруг Солнца по другим орбитам. Неужели там есть разумная жизнь?

Он мысленно перебирал в памяти записи, оставшиеся со времен, когда предки, пересекая космос, летали к соседним планетам — задолго до того, как было построено убежище в кратере. Основать там колонии не удалось, непомерно велика оказалась сила тяжести, но космонавты подробно осмотрели другие миры. На второй планете жили только чешуйчатые твари, скользящие в воде, да причудливые папоротники на редких клочках суши; на планете, вокруг которой

обращается его родной мир, кишели исполинские звери, а сушу покрывали растения, глубоко уходящие корнями в почву. На этих двух не нашлось ни следа разума. Вот четвертую планету населяли существа более понятные, схожие с предшественниками его народа на долгом пути эволюции: жизнь не разделялась на животную и растительную, то и другое сочеталось в единстве. Шарообразные комочки живого вещества, движимые инстинктом, уже стягивались в стайки, но еще не могли общаться друг с другом. Да, из всех известных миров, вероятнее всего, именно там развился разум. Если же каким-то чудом ракета все-таки прилетела с третьего мира, надеяться не на что: слишком он кровожаден, это ясно из древних свитков, на каждом рисунке свирепые чудища, огромные, как горы, раздирают друг друга в клочья. Лъин услыхал, как опустился где-то поблизости корабль, и, полный страхов и надежд, направился к нему, туго свернув хвост за спиной.

Увидав у открытого люка двух пришельцев, он тотчас понял, что ошибся. Эти существа сложены примерно так же, как и он, хотя гораздо крупней и массивнее. Значит, с третьей планеты. Он помедлил, осторожно наблюдая: они озираются

по сторонам и явно рады, что тут есть чем дышать. Потом одно что-то сказало другому. Новое потрясение!

Оно говорит внятно, интонации явно разумны, но сами звуки — бессмысленное лопотанье. И это — речь?! Должно быть, все же речь, хотя в словах ни малейшего смысла. Впрочем… как там, в старинных записях? Сла-Вольнодумец полагал, будто в древности у жителей Луны не было речи, они сами изобрели звуки и каждый наделили значением, и лишь после долгих веков привычка к звуковой речи преобразилась в инстинкт, с которым младенец рождался на свет; Вольнодумец даже подвергал сомнению ту истину, что сами Великие предусмотрели речь, осмысленные звуки как неизбежное дополнение к разуму. И вот… кажется, он был прав. Ощупью пробиваясь в тумане нежданного открытия, Лъин собрал свои мысли в направленный луч.

И опять потрясение. Умы пришельцев оказались почти непроницаемы, а когда он наконец нашел ключ и начал нащупывать их мысли, стало ясно, что они его мыслей читать не могут! И однако они разумны. Но тот, на котором он сосредоточился, наконец его заметил и порывисто ухватился за второго. Слова по-прежнему были

корявые, нелепые, но общий смысл сказанного человек с Луны уловил:

— Толстяк, это что такое?!

Второй пришелец обернулся и уставился на подходящего к ним Лъина.

— Не поймешь. Какая-то сухопарая обезьяна в три фута ростом. По-твоему, она не опасная?

— Навряд ли. Может быть, даже разумная. Этот купол наверняка сработала не какая-нибудь горсточка переселенцев — сразу видно, постройка не человеческая. Эй! — обратился к лунному жителю пришелец, который мысленно называл себя Тощим, хотя с виду был большой и плотный. — Ты кто такой?

— Лъин, — ответил тот, подходя ближе, и ощутил в мыслях Тощего удивление и удовольствие. — Лъин. Я — Лъин.

— Пожалуй, ты прав, Тощий, — проворчал Толстяк. — Похоже, он тебя понимает. Любопытно, кто прилетел сюда и обучил его говорить полюдски?

Лъин немного путался, не сразу удавалось различить и запомнить значение каждого звука.

— Не понимает людски. Никто прилетал сюда. Вы…

Дальше слов не хватило, он шагнул поближе,

показывая на голову Тощего и на свою. К его удивлению, Тощий понял.

— Видимо, он читает наши мысли. Это телепатия.

— Ишь ты! Марсияшки тоже толкуют, будто они таким манером друг друга понимают, а вот чтоб они у человека мысли прочитали, я ни разу не видал. Они толкуют, будто у нас мозги как-то не так открываются. Может, эта обезьяна, Рим этот, тебе все врет.

— Ну, вряд ли. Посмотри-ка на тестер, вон какая радиоактивность. Если бы здесь побывали люди и вернулись, об этом бы уже всюду кричали. Кстати, его зовут не Рим, больше похоже на Лин, а по-настоящему нам не выговорить. — Он послал мысль Лъину, и тот послушно повторил свое имя. — Видишь? У нас «л» — плавный звук, а у него взрывной. А согласный на конце он произносит как губной, хотя и похоже на наш зубной. В нашей речи таких звуков нет. Интересно, насколько он разумен.

Не успел Лъин составить подходящий ответ, как Тощий нырнул в люк корабля и через минуту вернулся с пакетиком под мышкой.

— Космический разговорник, — объяснил он Толстяку. — По таким сто лет назад обучали

марсиан. — И обратился к Лъину: — Тут собраны шестьсот самых ходовых слов нашего языка и расположены так, чтобы как можно легче их постепенно усвоить. Смотри на картинки, а я буду говорить и думать слова. Ну-ка, о-дин… два… понимаешь?

Толстяк Уэлш некоторое время смотрел и слушал и отчасти потешался, но скоро ему это надоело.

— Ладно, Тощий, можешь еще понянчиться со своим туземцем, вдруг узнаешь что-нибудь полезное. А пока ты не принялся за ремонт, я пойду осмотрю стены, любопытно, что тут есть радиоактивного. Эх, жаль, на наших грузовиках передатчики никудышные, вызывай не вызывай — далеко не услышат.

И он побрел прочь, но Лъин и Тощий этого даже не заметили. Они поглощены были нелегкой задачей — найти средства общения; казалось бы, за считанные часы, при совсем разном жизненном опыте это неосуществимо. Но как ни странны были чужие звуки и сочетания слов, как ни причудливо соединялись они в значимые группы, в конце концов, это была всего лишь речь. А Лъин появился на свет, уже владея речью чрезвычайно сложной, но для него естественной, как дыхание.

Усиленно кривя губы, он один за другим одолевал трудные звуки и неизгладимо утверждал в мозгу их значение.

Под конец Толстяк, идя на голоса, отыскал их в пещере Лъина, уселся и смотрел на них, точно взрослый на малыша, играющего с собакой. Не то чтобы Лъин вызывал у него недоброе чувство, но и человеком Толстяк его не считал: так, смышленое животное, вроде марсиан или дикарей с Венеры; ну, а если Тощему угодно обращаться с ним как с равным, пускай покуда тешится.

Лъин смутно улавливал и эти мысли, и еще другие, более опасные; но его слишком захватило общение с живым разумом, ведь почти столетие он провел в полном одиночестве. А было кое-что и поважнее. Он подергивал хвостом, разводил руками и усердно одолевал земные звуки, Тощий, как мог, поспевал за ним.

Наконец землянин кивнул:

— Кажется, я понял. Все, кроме тебя, уже умерли, и тебе очень не по душе, что выхода никакого нет. Гм-м. Мне такое тоже бы не понравилось. И теперь ты думаешь, что эти твои Великие, а по-нашему бог, послали нас сюда поправить дело. А как поправить?

Лъин просиял, лицо его сморщилось и скриви-

лось от удовольствия, и он не сразу понял, что Тощий неверно истолковал эту гримасу. Намерения у Тощего добрые. Если он поймет, в чем нужда, он, пожалуй, охотно даст меди, ведь из древних записей известно, что третья планета богаче всех минералами.

— Нужен Нра. Жизнь получается от того, что из многих простых вещей делается одна не простая: воздух, что надо для питья, что надо для еды — это все у меня есть, и я живу. А чтобы начаться новой жизни, нужен Нра. Он — начало начал. Само зерно неживое, будет Нра — оно оживет. Только у меня нет слова.

С нетерпением он ждал, пока Тощий все это усвоит.

— Какой-то витамин или гормон, что ли? Вроде витамина Е6? Может, мы и могли бы его сделать, если…

Лъин кивнул. Да, конечно, Великие добры. На обоих сердцах у него потеплело от мысли о многих заботливо укрытых про запас зернах, которые можно прорастить, была бы только желанная медь. А теперь человек с Земли готов ему помочь. Еще немножко терпения — и все будет хорошо.

— Делать не надо! — весело пропищал он. — Простая штука. Зерно или я — мы можем сделать

внутри себя. Но для этого нам нужен Нра. Смотри.

Он взял камешки из корзины, размял в горсти, старательно разжевал и знаками доказал, что у него внутри камень изменяется.

Толстяк Уэлш заинтересовался:

— А ну, обезьяна, съешь еще!

Лъин охотно повиновался. Как странно — значит, сами они едят только то, что приготовили для них другие живые существа.

— Ух, черт! Он лопает камни… самые настоящие камни! Слушай, Тощий, у него что же, зоб, как у птицы?

— Он их переваривает. Почитай-ка о прамарсианах, они были наполовину животные, наполовину растения, и у него, очевидно, обмен веществ идет так же. Вот что, Лин, как я понимаю, тебе нужен какой-то химический элемент. Натрий, кальций, хлор? Нет, этого всего здесь, должно быть, хватает. Может, иод? Гм-м.

Он перечислил десятка два элементов, которые, по его соображениям, могли как-то содействовать жизни, но меди среди них не оказалось, и в мысли лунного жителя понемногу закрадывался страх. Неужели этот странный барьер, мешающий им понимать друг друга, все погубит?!

Где же выход? И вдруг он вздохнул с облегчением. Ну конечно, общего слова нет, но структура химического элемента всюду одна и та же. Он торопливо перелистал разговорник, нашел чистую страницу и взял у землянина карандаш. Толстяк и Тощий смотрели во все глаза, а Лъин тщательно, начиная от центра, частицу за частицей, вычертил строение атома меди, открытое великими физиками его народа.

И они ничего не поняли! Тощий покачал головой и вернул листок.

— Насколько я догадываюсь, приятель, это схема какого-то атома… но тогда нам, на Земле, еще учиться и учиться! — Он даже присвистнул.

Толстяк скривил губы:

— Если это атом, так я сапог всмятку. Пошли, Тощий, уже время спать, а ты полдня валял дурака. Р1 потом надо помозговать насчет этой самой радиации.

Мы бы тут с тобой спеклись в полчаса, спасибо, надели походные нейтрализаторы… а обезьяне это, видно, только на пользу. И у меня есть одна идея.

Тощий вышел из мрачного раздумья и посмотрел на часы.

— Ах, черт! Послушай, Лин, ты не падай духом,

завтра мы это еще обсудим. А сейчас Толстяк прав, нам с ним пора спать. До скорого, приятель!

Лъин кивнул, на время прощаясь с ними на родном языке, и тяжело опустился на жесткое ложе. За дверью Толстяк с жаром начал развивать некий план — как с помощью Лъина добывать радиоактивные вещества; послышался протестующий голос Тощего. Но Лъину было не до того. Атом меди он, конечно, изобразил правильно, однако наука землян делает еще только первые шаги, они слишком мало знают о строении атома, им не разобраться в его чертежах.

Писать химические формулы? Реакции, которые исключат один за другим все элементы, кроме меди? Будь они химиками, они, может, и поняли бы, но даже Тощий знает слишком мало. И все же какой-то выход должен быть, разве что на Земле вовсе нет меди. Уж наверно, Великие, которых земляне называют богом, не отозвались бы на мольбы многих поколений злой насмешкой. Выход есть — и, пока пришельцы спят, Лъин его найдет, хотя бы в поисках ключа пришлось перерыть все древние свитки.

Несколько часов спустя, вновь полный надежд, он устало брел по долине к земному кораблю. Найденное решение оказалось простым. Все эле-

менты объединяются по семействам и классам. Тощий упоминал о натрии — даже по самым примитивным таблицам, какими, несомненно, пользуются на Земле, можно установить, что натрий и медь относятся к одному семейству. А главное, по простейшей теории, наверняка доступной народу, уже строящему космические ракеты, атомный номер меди — двадцать девять.

Оба люка были открыты, Лъин проскользнул внутрь, безошибочно определяя направление по колеблющимся, смутным мыслям спящих людей. Дошел до них — и остановился в сомнении. Он ведь не знает их обычаев, но уже убедился: то, что для его народа было истиной, далеко не всегда правильно для землян. Вдруг им не понравится, если он их разбудит? В нем боролись учтивость и нетерпение; наконец он присел на корточки на металлическом полу, крепко сжимая древний свиток и принюхиваясь к окружающим металлам. Меди здесь не было, но он и не надеялся так просто найти столь редкий элемент; впрочем, тут были и такие, которых он совсем не мог определить, — должно быть, из тяжелых, какие на Луне почти не существуют.

Толстяк что-то пробурчал, замахал руками, зев-

нул и сел, еще толком не проснувшись. Его мысли полны были кем-то с Земли, в ком присутствовало женское начало (которого, как уже заметил Лъин, оба гостя были лишены), и еще тем, что станет делать он, Толстяк, «когда разбогатеет». Лъин живо заинтересовался изображениями этой мысли, но потом спохватился: тут явно секреты, не следует в них проникать без спроса. Он отвел свой ум, и тогда-то землянин его заметил.

Спросонья Толстяк Уэлш всегда бывал не в духе. Он вскочил, зашарил вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Ах ты, подлая обезьяна! — взревел он. — Чего шныряешь? Вздумал нас прирезать?

Лъин взвизгнул и увернулся от удара, который расплющил бы его в лепешку; непонятно, в чем он провинился, но безопаснее уйти. Физический страх был ему незнаком, слишком много поколений жило и умерло, не нуждаясь в этом чувстве. Но его ошеломило открытие, что пришельцы способны убить мыслящее существо. Неужели на Земле жизнь ничего не стоит?

— Эй, брось! Прекрати! — Шум разбудил Тощего;

Лъин мельком оглянулся: Тощий сзади схватил Толстяка и не давал шевельнуть рукой. — Полег-

че, слышишь! Что у вас тут?

Но Толстяк уже окончательно проснулся и остывал. Выпустил из рук металлический брус, криво усмехнулся.

— Сам не знаю. Может, он ничего худого и не задумал, только я проснулся — вижу, он сидит, пялит на меня глаза, а в руках железка, ну, мне и показалось — он хочет перерезать мне глотку или вроде того. Я уже очухался. Поди сюда, обезьяна, не бойся.

Тощий выпустил его и кивнул Лъину:

— Да-да, приятель, не уходи. У Толстяка свои заскоки насчет людей и нелюдей, но в общем-то он добрый. Будь хорошей собачкой, и он не станет пинать тебя ногами, даже за ухом почешет.

— Чушь! — Толстяк ухмылялся, добродушие вернулось к нему. Он понимал, что Тощий острит, но не обижался. Марсияшки, обезьяны… ясно, они не люди, с ними и разговор другой, ничего плохого тут нет. — Что ты притащил, обезьяна? Опять картинки, в которых никакого смысла нету?

Лъин кивнул, подражая их жесту, означающему согласие, и протянул свиток Тощему. Толстяк держится уже не враждебно, однако неясно, чего от него ждать, а Тощему, видимо, интересно.

— Надеюсь, в картинках много смысла. Вот Нра

— двадцать девятый, под натрием.

— Периодическая таблица, — сказал Тощий Толстяку. — По крайней мере, похоже. Дай-ка мне справочник. Гм-м. Под натрием, номер двадцать девять. Натрий, калий, медь. Двадцать девятый, все правильно. Это оно и есть, Лин?

Глаза Лъина сверкали торжеством. Благодарение Великим!

— Да, это медь. Может быть, у вас найдется? Хотя бы один грамм?

— Пожалуйста, хоть тысячу граммов. По твоим понятиям, у нас ее до отвала. Бери сколько угодно.

И тут вмешался Толстяк.

— Ясно, обезьяна, у нас есть медь, если это ты по ней хныкал. А чем заплатишь?

— Заплатишь?

— Ясно. Что дашь в обмен? Мы помогаем тебе, а ты нам — справедливо?

Лъину это не приходило в голову, — но как будто справедливо. Только что же он может им дать? И тут он понял, что у землянина на уме. За медь ему, Лъину, придется работать: выкапывать и очищать радиоактивные вещества, с таким трудом созданные в пору, когда строилось убежище; вещества, дающие тепло и свет, нарочно

преобразованные так, чтобы утолять все нужды племени, которому предстояло жить в кратере. А потом работать придется его сыновьям и сыновьям сыновей, добывать руду, выбиваться из сил ради Земли, и за это им будут платить медью — в обрез, только-только чтобы Земле хватало рудокопов. Мозг Толстяка снова захлестнули мечты о том земном создании. И ради этого он готов обречь целый народ прозябать без гордости, без надежд, без свершений. Непостижимо! На Земле так много людей — для чего им обращать Лъина в раба?

И рабство — это еще не все. В конце концов Земля пресытится радиоактивными материалами, либо, как ни велики запасы, они иссякнут — и нечем будет поддерживать жизнь… так или иначе — впереди гибель. Лъин содрогнулся: слишком страшный навязывают выбор.

Тощий опустил руку ему на плечо.

— Толстяк немного путает, Лин. Верно, Толстяк?

Пальцы Тощего сжимали что-то… «Оружие», — смутно понял Лъин. Второй землянин поежился, но усмешка не сходила с его лица.

— Дурень ты, Тощий. Чокнутый. Может, ты и веришь в эту дребедень — что все люди и нелюди

равны, но не убьешь же ты меня из-за этого. А я человек старых взглядов, я свою медь задаром не отдам.

Тощий вдруг тоже усмехнулся и спрятал оружие.

— Ну и не отдавай. Лин получит мою долю. Меди у нас вдосталь, без некоторых вещей мы вполне обойдемся. И не забывай — четверть всего, что есть на корабле, моя.

На это в мыслях Толстяка не нашлось ответа. Он подумал немного и пожал плечами. Тощий прав: своему паю он хозяин. Ну и пусть…

— Ладно, воля твоя. Я тебе помогу раскопать, что у нас есть подходящего. Может, взять ту проволоку, знаешь, в ларе в машинном отделении?

Лъин молча смотрел, как они отперли небольшой ящик и стали там рыться; половина его ума изучала механизмы и управление, вторая половина ликовала: медь! И не какая-то горсточка, а столько, сколько он в силах унести! Чистая медь, которую так легко превратить в съедобный купорос при помощи кислот — он еще раньше их приготовил, когда пытался добыть медь здесь, у себя. Через год кратер вновь будет полон жизни. Он оставит триста, а может быть, и четыреста сыновей, и у них будут еще и еще потомки!

Одна деталь схемы сцепления, которую он изучал, заставила Лъина перенести центр тяжести на половину ума, занятую окружающими механизмами; он потянул Тощего за штанину.

— Это… вот это… не годится, да?

— А? Да, тут что-то разладилось. Потому нас к тебе и занесло, друг. А что?

— Тогда без радиоактивных. Я могу платить. Я исправлю. — На миг его взяло сомнение. — Это ведь тоже значит платить, да?

Толстяк вытащил из ящика большой моток чудесной, душистой проволоки, утер пот со лба и кивнул.

— Верно, это была бы плата, только ты эти штуки не тронь. Они и так ни к черту не годятся, и, может, Тощий даже не сумеет исправить.

— Я могу исправить.

— Ну да. Ты в каких академиях обучался электронике? В этом мотке двести футов, стало быть, на его долю пятьдесят. Ты что же, Тощий, свою всю ему отдашь?

— Да, пожалуй. — Тощий почти не следил за тем, как Толстяк отмерял и резал проволоку, с сомнением смотрел он на Лъина. — Слушай, Лин, а ты в таких вещах разбираешься? Ионный

двигатель — штука не простая, в схеме питания черт ногу сломит. С чего ты взял, что сумеешь починить инжектор? Разве у вашего народа были такие корабли и ты изучал чертежи?

Мучительно подыскивая слова, Лъин попытался объяснить. Нет, у его народа ничего похожего не было, атомные устройства работали по-другому, ведь на Луне урана почти нет, и энергию атома использовали непосредственно. Но принципы ему ясны уже из того, что он видит со стороны: он прямо в голове чувствует, как что должно работать.

— Я чувствую. Когда я только-только вырос, я уже мог это исправить. Записи и чертежи я все прочел, но главное не что я изучал, а как я думаю. Триста миллионов лет мой народ все это изучал, а теперь я просто чувствую.

— Триста миллионов лет! Когда ты сказал, что прямо сроду умеешь и говорить, и читать, я понял, что ваше племя очень старое, но чтоб так… У нас тогда еще динозавры бегали!

— Да, мои предки видели таких зверей на вашей планете, — серьезно подтвердил Лъин. — Так я буду чинить?

Тощий растерянно мотнул головой и молча передал Лъину инструменты.

— Слышишь, Толстяк? Триста миллионов лет, и почти все это время они были далеко впереди нас теперешних. Ты только подумай! Мы были еще так, букашки, кормились динозавровыми яйцами, а эти уже летали с планеты на планету! Подолгу, наверно, нигде не оставались: сила тяжести для них вшестеро выше нормальной. А своя планета маленькая, воздух не удержала, пришлось зарыться в яму… вот и остался от них от всех один Лин!

— И поэтому он механик?

— У него инстинкт. Знаешь, какие инстинкты за такой срок развились у животных и у насекомых? У него чутье на механизмы — может, он и не знает, что это за машина, но чует, как она должна работать. Да еще прикинь, сколько он мне научных записей показывал и сколько всего, наверно, перечитал… я думаю, нет на свете такой машины, с которой он бы не сладил.

Толстяк решил, что спорить нет смысла. Либо эта обезьяна все исправит, либо им отсюда не выбраться. Лъин взял кусачки, отключил все контакты пульта управления и теперь обстоятельно, деталь за деталью, разбирал его. С необычайной ловкостью расцеплял провода, извлекал электронные лампы, разъединял трансформаторы.

Лъину ничего не стоило в этом разобраться. Земляне получают энергию из атомного топлива — используют определенные свойства ионизированного вещества, регулируют скорость ионизации, а затем реактивная струя через дюзы с большой скоростью выбрасывается наружу. Простейшая задача по электронике — управляемая реакция.

Маленькими проворными руками он виток за витком свернул проволоку в спираль, свернул вторую, между ними поместил электронную лампу. Вокруг этого узла появились еще спирали и лампы, затем длинная трубка — фидер, Лъин соединил ее с трубопроводом, подающим смесь для ионизации, укрепил шину. Инжекторы оказались излишне сложны, но их он трогать не стал, годятся и так. На все вместе не ушло и пятнадцати минут.

— Будет работать. Только в первый раз включайте осторожно. Теперь это работает на всю мощность, не так мало, как раньше.

Тощий осмотрел сделанное.

— И это все? У тебя же осталась куча свободных деталей — куда их?

— Это было совсем ненужное. Очень плохое. Теперь хорошо.

И Лъин старательно объяснил Тощему, как будет работать новая конструкция. Прежнюю мог объяснить только опытный специалист, отлично владеющий сложной терминологией. Но то, что вышло сейчас из рук Лъина, было плодом знания, оставившего далеко позади неуклюжие сложности первых робких попыток. Если что-то надо сделать, это делается как можно проще. Теперь Тощий только диву давался — почему люди так не сделали с самого начала?! И как ему было не удивляться, когда все вдруг оказалось просто и ясно… Он кивнул.

— Отлично. Вот это да, Толстяк! Коэффициент полезного действия примерно 99,99 процента, а раньше у нас было не больше двадцати. Ты молодчина, Лин!

Толстяк ничего не понимал в электронике, но объяснения Лъина прозвучали убедительно, говорить больше не о чем. И он направился к рубке.

— Ладно, значит, отбываем. До скорого, обезьяна.

Тощий подобрал медную проволоку, подал Лъину и проводил его к люку. Лунный житель вышел из корабля, поднял голову к закрывающемуся люку и старательно улыбнулся на земной манер.

— Я открою створы и выпущу вас. И я вам заплатил, и все справедливо, так? Тогда — до скорого, Тощий. Да полюбят тебя Великие за то, что ты вернул мне мой народ.

— Прощай, — отозвался Тощий и помахал рукой. — Может, мы еще когда-нибудь тебя навестим, посмотрим, как ты тут процветаешь.

Люк закрылся.

И вот Лъин снова у себя в пещере, нежно гладит медную проволоку и ждет грома ракетных двигателей; ему и радостно, и тревожно. Медь — это счастье, но мысли, которые он прочел у Толстяка, сильно его смущают. Что ж, меди хватит для многих поколений, а что будет дальше с его народом — это во власти Великих.

Он вышел за дверь и смотрел, как уносится вверх теперь уже немигающий, уверенный огонек, унося с собою судьбу его племени. Если эти двое расскажут на Земле о радиоактивных камнях, впереди рабство и гибель. Если промолчат, быть может, его племя возродится к прежнему величию и вновь отправится на другие планеты; когда-то, еще в пору своего расцвета, лунный народ от этих попыток отказался, но ведь теперь на других мирах его встретят не дикие джунгли, а

жизнь и разум. Быть может, когда-нибудь, владея древним знанием и покупая на других планетах вещества, которых нет на Луне, потомки даже найдут способ вернуть родному миру былое великолепие — не об этом ли мечтали предки, пока ими не овладела безнадежность и не простерлись над его народом крылья ночи…

Лъин смотрел вверх; ракета поднималась над ним по спирали, то заслоняя, то вновь открывая просвет в вышине, равномерная смена тени и света — будто мерные взмахи крыльев в незапамятной дали времен, когда воздух над Луной был еще полон летучих существ. Наконец черные крылья достигли свода, Лъин открыл шлюз, они скользнули наружу — и стало совсем светло… быть может, это предзнаменование? Но как знать, доброе или дурное?

Он понес медную проволоку в детскую.

А на корабле Тощий Лейн смеющимися глазами следил за Толстяком Уэлшем — тому явно было не по себе, он пытался собраться с мыслями.

— Ну? — сказал Тощий. — Каков наш приятель? Пожалуй, не хуже людей, а?

— Угу. Пускай даже лучше. Я на все согласен. Он не хуже меня… а может, и получше. Хватит с тебя?

— Нет. — Тощий ковал железо, пока горячо. — Как насчет радиоактивных материалов?

Толстяк подбавил двигателям мощности и ахнул: ракета рванулась вперед с небывалой силой, его вдавило в кресло. Он осторожно перевел дух, немного посидел, глядя в одну точку. Наконец пожал плечами и обернулся к Тощему.

— Ладно, твоя взяла. Обезьяну никто не тронет, я буду держать язык за зубами. Теперь ты доволен?

— Ага.

Тощий Лейн был не просто доволен. Он тоже в случившемся видел предзнаменование, и, значит, идеалы не такая уж глупость. Быть может, когда-нибудь черные крылья предрассудков и чванливого презрения ко всем иным племенам и расам навсегда перестанут заслонять небо людям, как перестали застилать глаза Толстяку. Вероятно, ему, Лейну, до этого не дожить, но в конце концов так будет. И править миром станет не одна какая-либо раса, но разум.

— Да, Толстяк, я очень доволен. И не горюй, ты не так уж много потерял. На этой Линовой схеме сцепления мы с тобой разбогатеем; я уже придумал, новый способ пригодится по крайней мере для десяти разных механизмов. Что ты станешь

делать со своей долей?

Толстяк расплылся в улыбке.

— Начну валять дурака. Помогу тебе снова-здорово взяться за твою пропаганду, будем вместе летать по свету и целоваться с марсияшками да с обезьянами. Любопытно, про что сейчас думает наша обезьянка.

А Лъин в эти минуты ни о чем не думал: он уже решил для себя загадку противоречивых сил, действующих в уме Толстяка, и знал, какое тот примет решение. Теперь он готовил медный купорос и уже провидел рассвет, идущий на смену ночи. Рассвет всегда прекрасен, а этот — просто чудо!

А. Лентини

Дерево

Сегодня я в первый раз увидел дерево. Мама не отставала от папы две недели, и наконец он согласился и повез нас в Третий район Восточного Бостона. По-моему, потом он сам был доволен, что мы поехали, потому что, когда мы возвращались домой, он все время улыбался.

Папа до этого много раз рассказывал мне про деревья — он их видел, когда был мальчиком, тогда еще кое-где деревья росли. Правда, их уже оставалось немного, градостроительная программа действовала вовсю, но почти все, когда шли в первый класс школы, видели своими глазами уже хотя бы одно дерево. Во всяком случае, тогда было не так, как теперь. Пластиковые деревья и я видел — сейчас нет улицы, где бы не стояло несколько. Но если ты хоть раз брал в библиотеке видеозапись с изображением настоящего дерева, ты сразу поймешь, что пластиковое дерево не настоящее, а искусственное. А теперь, когда я сам

увидел настоящее дерево, я знаю, что искусственное — это совсем не то.

С самого утра сегодня мы все очень суетились. Мама набрала цифры легкого завтрака, только тосты и синтетическое молоко, чтобы мы управились побыстрей. После этого мы поднялись на лифте на четвертый уровень, а оттуда перелетели по воздуху в Бруклин, там спустились на лифте на главный уровень, проехали монорельсовым экспрессом до Двадцать седьмой станции междугороднего метро и сели на поезд, который идет по второму нижнему уровню в Бостон. Не могли дождаться, когда доедем, и мы с папой были даже рады, когда мама снова начала рассказывать о том, как обнаружили это дерево.

Дом О'Брайенов — один из нескольких старинных деревянных домов, которые уцелели во время кампании за обновление города, проходившей в Бостоне на рубеже столетий. Владельцы дома смогли предотвратить снос благодаря своему богатству и политическому влиянию, и дом так и переходил от одного поколения к другому. У последнего владельца наследников не оказалось, после его смерти дом пошел с молотка, и его купил район. И когда представители местных властей явились осмотреть дом, они обнаружи-

ли задний двор, иметь который в нашем поясе запрещено.

Во дворе росло настоящее дерево, «дуп» — так его назвала мама.

Когда люди узнали о дереве, очень многие стали приходить, чтобы поглядеть на него, и местные власти поняли, что это может давать доход. Они стали брать деньги с тех, кто приходил смотреть, и даже начали рекламировать дерево как достопримечательность. И теперь все время приезжают смотреть школьники целыми классами и отдельные семьи — ну, как мы.

Наконец мы прибыли в Главный Бостон, поднялись на лифте на поверхность, там снова пересели на монорельсовый поезд и на нем приехали в Третий район Восточного Бостона. Такси на воздушной подушке доставило нас со станции к самому дому О'Брайенов.

Сам дом — ничего особенного. С современными зданиями и сравнить нельзя — ни больших стекол нет, ни блестящей стали, цвет какой-то тоскливый белый, я даже краска кое-где облупилась. Папа заплатил за вход, и пятнадцать минут экскурсовод водил нас по дому — это было довольно скучно. В комнатах везде протянуты веревки, чтобы люди ни до чего не могли дотянуться и по-

трогать. Я ни о чем не мог думать, кроме дерева, и не мог дождаться, когда осмотр дома кончится, но наконец через потайную дверь, замаскированную под книжные полки, мы вышли во двор. Двор был большой, десять на двадцать футов самое меньшее, и я очень удивился, когда по обе стороны бетонной дорожки, сделанной для туристов, увидел настоящую траву. Но на траву я смотрел недолго — едва я увидел дерево, я уже не мог оторвать от него глаз.

Оно стояло в конце двора, и его окружала высокая ограда из металлической сетки. Форма у него такая же, как у пластиковых деревьев, но в нем много и такого, чего у тех совсем нет. Оно куда сложнее, чем любое сделанное растение — в искусственных не увидишь и половины того, что увидишь в настоящем. Это дерево О'Брайенов — живое. Кто-то давным-давно вырезал на коре свои инициалы, и ты теперь видишь это место — рану, которая залечилась. Но лучше всего был запах. Какой-то свежий, живой, совсем необычный для нас, привыкших к металлу, стеклу и пластику. Мне хотелось потрогать кору, но из-за сетки не удалось. Мама и папа просто дышали глубоко, смотрели на него вверх и улыбались. Мы постояли во дворе немножко, а потом экскурсо-

вод сказал, что надо уступить место следующей группе. Мне не хотелось уходить и, пожалуй, даже хотелось плакать.

На обратном пути мама и папа молчали, и я стал читать брошюрку, которую нам, как и другим, выдал экскурсовод. Когда я прочитал, что со следующего года дом О'Брайенов закроют, я расстроился. Хотят снести его и построить на этом месте огромный дом какой-то страховой компании, и дерево исчезнет, как и дом О'Брайенов.

Пока мы ехали домой, я сидел и ощупывал у себя в кармане то, что подобрал в траве около дерева. По-моему, то, что я подобрал, называется «жолудь».

Мюррей Лейнстер

Замочная скважина

Говорят, один ученый психолог взялся проверить, насколько разумны шимпанзе. Привел он обезьяну в комнату, полную игрушек, вышел, закрыл дверь и хотел подсмотреть, как ведет себя шимпанзе. Заглянул в замочную скважину, а там, совсем близко, блестит пытливый карий глаз. Шимпанзе подсматривает в замочную скважину, как ведет себя психолог.

Когда Ляпу доставили на базу в кратере Тихо и в шлюзовом отсеке включились гравитационные устройства, он совсем сник. Да и вообще какое-то невозможное существо. Только и есть, что огромные глазищи, тощие ручки и ножки, явно совсем еще малыш, и ему не нужен воздух, чтобы дышать. Пленника вручили Уордену — бессильный клубочек взъерошенной шерсти с полными ужаса глазами.

— Вы что, спятили? — гневно спросил Уорден. —

Разве можно было вот так его сюда втащить? Ребенка с Земли вы бы сунули туда, где сила тяжести в шесть раз больше? Пропустите, живо!

И он кинулся в «детскую», загодя приготовленную для кого-нибудь вроде Ляпы. В одном конце «детской» устроено было точное подобие лунной жилой пещеры. В другом — школьный класс, совсем как на Земле. Гравиторы в «детской» не включались, чтобы у лунного жителя сохранялся его естественный вес.

Гравиторы поддерживали всюду на базе обычную земную силу тяжести. Иначе люди постоянно страдали бы морской болезнью. Ляпу сразу принесли в отсек, приспособленный для землян, и он не в силах был даже приподнять тощую мохнатую лапку.

Но в детской все стало по-другому. Уорден опустил найденыша на пол. Ему-то было не по себе, ведь он здесь весил всего лишь двадцать семь фунтов вместо обычных ста шестидесяти. Его шатало и качало, как всякого человека на Луне, когда ему не помогают сохранять равновесие гравиторы.

Зато для Ляпы сила тяжести тут была привычная. Он развернулся и вдруг стрелой метнулся через всю детскую к приготовленной заранее

пещерке. Ее сработали на совесть, точь-в-точь как настоящую. Были тут камни, обтесанные наподобие дурацкого колпака высотой в пять футов, — такие неизменно находили в поселениях Ляпиного племени. Был и подвижный камень вроде яйца на опоре из уложенных столбиком плоских плит. А еще камни, заостренные, точно наконечник копья, прикреплены проволокой к полу, — мало ли что придет Ляпе в голову…

К ним-то, таким знакомым, привычным, бросился Ляпа. Вскарабкался на одну из узких пирамидок, на самый верх, обхватил ее руками и ногами. И замер.

Уорден наблюдал. Долгие минуты Ляпа не шевелился, казалось, он пытливо разглядывает все, что можно увидеть, когда глаза и те неподвижны.

Вдруг он повел головой. Всмотрелся — что еще есть кругом. Затем шевельнулся в третий раз и вперил в Уордена до странности упорный пристальный взгляд — не понять было, то ли страх в этом взгляде, то ли мольба.

— Гм., так вот для чего эти камни, — сказал Уорден. — Это насест, или гнездо, или постель, так? Я — твоя нянька, приятель. Скверную шутку мы с тобой играем, но иначе нам никак нельзя.

Он знал, что Ляпе его не понять, но все равно разговаривал с ним, как говорят с собакой или с младенцем. Смысла в этом нет, однако это необходимо.

— Мы хотим тебя сделать нашим орудием, чтобы одолеть твоих сородичей, — невесело продолжал Уорден. — Не по душе мне это, но так надо. А потому я с тобой буду добрый и ласковый, иначе наша хитрая затея не выгорит. Вот если б я тебя убил, это было бы по-настоящему доброе дело… но чего не могу, того не могу.

Ляпа все не шевелился и не сводил с Уордена немигающих глаз. Немного, самую малость он походил на земную обезьянку. С виду совершенно невозможное существо, но при этом трогательное.

— Ты у себя в детской, Ляпа, — с горечью сказал Уорден. — Будь как дома!

Он вышел и закрыл за собой дверь. И оглядел телеэкраны, по которым с четырех разных точек можно было следить за тем, что происходит в детской. Довольно долго Ляпа не шевелился. Потом соскользнул на пол. На сей раз он даже не поглядел в сторону пещерки.

С любопытством перешел он в тот конец детской, где собраны были предметы человеческого

обихода. Оглядел каждую мелочь непомерно огромными кроткими глазами. Каждую мелочь потрогал крохотными лапками, неправдоподобно похожими на человеческие руки. Но ко всему прикасался легко, осторожно. Все осмотрел, но ничего не сдвинул с места.

Потом торопливо вернулся к пирамидке, вскарабкался наверх, опять крепко обхватил ее руками и ногами, несколько раз кряду помигал и, казалось, уснул. Так и застыл неподвижно с закрытыми глазами; Уордену наконец надоело смотреть, и он ушел.

Вся эта нелепая история его злила. Первые люди, которым предстояло высадиться на Луне, знали: это мертвый мир. Астрономы сто лет об этом твердили, и первые две экспедиции, которые достигли Луны, не нашли на ней ничего такого, что противоречило бы общепринятой теории.

Но один из участников третьей экспедиции заметил среди круто взметнувшихся в небо лунных скал какое то движение и выстрелил — так открыто было племя Ляпы. Конечно же, никому и не снилось, что там, где нет ни воздуха, ни воды, возможна жизнь. И однако вот так, без воздуха и без воды, существовали сородичи Ляпы.

Труп первого убитого на Луне существа доставили на Землю, и тут биологи вознегодовали. У них в руках оказался экземпляр, который можно было вскрыть и изучить, а они все равно твердили, что такого существа на свете нет и быть не может. Вот почему и четвертая, и пятая, и шестая экспедиции усердно охотились на родичей Ляпы, добывали новые экземпляры во имя прогресса науки.

Два охотника из шестой экспедиции погибли, их скафандры оказались проколоты — похоже, каким-то оружием. От седьмой экспедиции не осталось в живых ни одного человека. По-видимому, сородичам Ляпы совсем не понравилось, что их отстреливают на потребу земным ученым.

Наконец прибыла на четырех кораблях десятая экспедиция, основала базу в кратере Тихо, и только тогда люди поверили, что все-таки можно высадиться на Луне и не сложить здесь головы. Однако на базе всем было неспокойно, будто в осажденной крепости.

Уорден доложил на Землю: группа, выехавшая на самоходе, поймала лунного детеныша и доставила на базу Тихо. Детеныш находится в заранее приготовленном помещении. Он цел и невредим. Судя по всему, воздух, пригодный для людей,

ему хоть не нужен, но и не мешает. Это существо деятельное, подвижное, явно любопытное и, несомненно, очень смышленое.

До сих пор не удалось догадаться, чем оно питается (если оно вообще нуждается в пище), хотя у него, как и у других, добытых ранее экземпляров есть рот и во рту заостренные наросты — возможно, подобие зубов. Уорден, разумеется, будет подробно докладывать о дальнейшем. Сейчас он дает Ляпе время освоиться в новой обстановке.

Покончив с докладом, Уорден уселся в комнате отдыха, хмуро покосился на своих ученых коллег и, хотя на телеэкране шла передача с Земли, попробовал собраться с мыслями. Не по душе ему эта работа, очень не по душе, но ничего не попишешь — надо. Ляпу надо приручить. Надо внушить ему, что он тоже человек — для того чтобы мы могли понять, как совладать с его сородичами.

На Земле давно уже замечали, что котенок, вскормленный вместе со щенятами, считает себя собакой и даже утки, выросшие в доме, лучше чувствуют себя среди людей, чем среди других уток. Иные говорящие птицы, на редкость смышленые, явно считают себя людьми и соответственно себя ведут. Если такие задатки окажутся и у Ляпы,

он отойдет от своих сородичей и сослужит нам немалую службу. Это необходимо!

Нам нужна Луна, нужна — и все тут. На Луне сила тяжести в шесть раз меньше земной. Грузовые ракеты летают с Земли на Луну и обратно, но не построен еще корабль, способный нести достаточно горючего для полета на Марс или на Венеру, если надо сперва оторваться от Земли.

А вот если на Луне устроить склад горючего, все станет просто. Шесть баков с горючим тут будут весить не больше, чем один на Земле. И вес самого корабля здесь будет в шесть раз меньше. А значит, ракета может взлететь с Земли, имея на борту десять баков, дозаправиться на Луне и помчаться дальше, унося двести баков, а то и побольше.

Получив заправочную станцию на Луне, мы сможем освоить всю Солнечную систему. Без Луны останемся прикованы к Земле. Нам нужна Луна!

А сородичи Ляпы этому помеха. Весь опыт человечества утверждает, что в условиях Луны — без воздуха, в пустыне, где чудовищная жара сменяется таким же чудовищным холодом, — никакая жизнь невозможна. И однако, она здесь есть, жизнь. Сородичи Ляпы не дышат кислородом.

По-видимому, он входит в их пищу — сочетание каких-то минералов, — а потом соединяется с другими минералами в самом организме и дает ему тепло и энергию.

Кальмары и прочие головоногие кажутся людям странными существами, потому что в их кровообращении участвует не железо, но медь, а вот в крови Ляпиного племени, видимо, роль железа или меди играют какие-то сложные углеродные соединения. Существа эти в какой-то мере явно разумны. Они пользуются орудиями, обтесывают камень, и длинные, острые, как иглы, кристаллы служат им метательным оружием.

Металла у них в обиходе, понятно, нет, ведь без огня его не на чем плавить. А откуда взяться огню там, где нет воздуха. Но были же в древности пытливые умы, рассуждал Уорден, плавили металлы и зажигали дерево при помощи зеркал, сводящих в фокус солнечные лучи. Сумей соплеменники Ляпы сработать зеркала, изогнутые, как зеркала земных телескопов, — и на поверхности Луны, которую не заслоняют от Солнца ни воздух, ни облака, они могли бы получать и металлы.

И вдруг Уордену стало не по себе. Почудилось чье-то внезапное движение, и он круто обернулся. Но только и увидел на телеэкране передачу с

далекой родины — комика в дурацком колпаке. Все смотрели на экран.

Тут комика с головой захлестнуло мыльной пеной, и зрители в телестудии за двести тридцать тысяч миль отсюда захохотали и зааплодировали столь изысканному остроумию. На лунной базе в кратере Тихо эта сценка почему-то показалась отнюдь не забавной.

Уорден встал, встряхнулся. Пошел опять проверить по экранам, что делается в детской. Ляпа все так же неподвижно висел на нелепой каменной пирамидке. Глаза его были закрыты. Всего лишь жалкий мохнатый клубочек, который выкрали с безвоздушных лунных пустынь, чтобы раскрыть секреты его племени.

Уорден прошел к себе и лег. Но прежде чем уснуть, подумал, что, пожалуй, для Ляпы еще не все потеряно. Никому не известно, какой у него обмен веществ. Никто понятия не имеет, чем он питается. Возможно, он умрет с голоду. Это было бы для него счастьем. Но прямая обязанность Уордена — этого не допустить.

Сородичи Ляпы воюют с пришельцами. За самоходами, выезжающими с базы (на Луне они стали необычайно быстроходными), из расселин в скалах, из-за разбросанных повсюду несчетных

каменных глыб следят большеглазые мохнатые твари.

В пустоте мелькают острые, как иглы, камни — метательные снаряды. Они разбиваются о корпус самоходов, о борта, но случается им и застрять в гусеницах или даже перебить звено, и самоход останавливается. Кто-то должен выйти наружу, извлечь каменный клин, починить перебитое звено. И тогда на него обрушивается град заостренных камней.

Каменная игла, летящая со скоростью сто футов в секунду, на Луне наносит удар ничуть не менее жестокий, чем на Земле, и притом летит дальше. Скафандры пробивает насквозь. Люди умирают. Гусеницы самоходов укрепили броней, для ремонтных работ уже готовятся специальные скафандры из особо прочных стальных пластин.

В ракетных кораблях мы достигли Луны — и вынуждены облачиться в латы, словно средневековые рыцари! Идет война. Нужен предатель. И на роль предателя избран Ляпа.

Когда Уорден опять вошел в детскую — дни и ночи на Луне тянутся по две недели, и внутри базы с ними никто не считается, — Ляпа взметнулся на свою пирамидку и прильнул к вершине. Перед

тем он почему-то крутился у каменного яйца. Оно все еще слегка раскачивалось на плоской опоре. А Ляпа изо всех сил прижался к верхушке пирамиды, будто хочет слиться с ней воедино, и не сводит загадочного взгляда с Уордена.

— Не знаю, достигнем ли мы чего-нибудь, — непринужденно заговорил Уорден. — Может быть, если я тебя трону, ты полезешь в драку. Все-таки попробуем.

Он протянул руку. Мохнатый комочек — не горячий и не холодный, той же температуры, что и воздух на базе, — отчаянно сопротивлялся. Но Ляпа был совсем еще малыш. Уорден отлепил его от пирамидки и перенес в другой конец детской — тут были парта, доска, все как положено в классе. Ляпа свернулся в клубок, смотрел испуганно.

— Подлец же я, что обращаюсь с тобой по-хорошему, — сказал Уорден. — На, вот тебе игрушка.

Ляпа зашевелился у него в руках. Часто замигал. Уорден опустил его на пол и завел маленькую механическую игрушку. Та двинулась с места. Ляпа внимательно смотрел. А когда завод кончился, поглядел на Уордена. Уорден опять завел игрушку. И опять Ляпа был весь внимание. Когда завод снова кончился, крохотная лапка, так похожая на человеческую, потянулась к игрушке.

На удивление осторожно, испытующе Ляпа попробовал повернуть ключ. Не хватило силенки. Еще миг — и он уже скачет через всю комнату к своей пещере. Головка ключа — металлическое кольцо. Ляпа надел кольцо на острие метательного камня и стал поворачивать игрушку. Завел ее. Поставил на пол и смотрит, как она движется. Уорден только рот раскрыл.

— Ну, голова! — сказал он с досадой. — Вот беда, Ляпа. Ты понимаешь, что такое рычаг. Соображаешь не хуже восьмилетнего мальчишки! Плохо твое дело, приятель!

Когда настал очередной сеанс связи, он доложил обо всем на Землю. Ляпу можно обучать. Довольно ему раз, от силы два посмотреть, как что делается, и он в точности это повторит.

— К тому же, — как мог бесстрастно прибавил Уорден, — он меня больше не боится. Понимает, что я хочу быть с ним в дружбе. Когда я носил его на руках, я с ним разговаривал. Он ощущал мой голос по грудной клетке, как по резонатору. А перед уходом я опять взял его на руки и заговорил. Он посмотрел, как шевелятся мои губы, и приложил лапу к моей груди, чтобы ощутить колебания. Я положил его лапу себе на горло. Здесь дрожь ощутимей. Он был весь внимание. Не

знаю, как вы расцените его сообразительность, но он умнее наших малышей.

И еще того бесстрастней Уорден докончил:

— Я крайне озабочен. К вашему сведению, мне совсем не нравится затея истребить эту породу. У них есть орудия, они разумны. Я считаю, что надо попытаться как-то вступить с ними в переговоры… попытаться завязать с ними дружбу… не убивать их ради анатомических исследований.

Передатчик молчал полторы секунды, которые требовались, чтобы голос Уордена достиг Земли, и еще полторы секунды, пока до него дошел ответ. Й вот он услышал бодрый голос того, кто сидел на связи:

— Очень хорошо, мистер Уорден! Слышимость была прекрасная!

Уорден пожал плечами. Лунная база в кратере Тихо — сугубо официальное учреждение. Все, кто работает на Луне, конечно же, специалисты высокой квалификации, и притом политики не желают подвергать их драгоценную жизнь опасности, но… делами Бюро космических исследований заправляют люди, которые держатся за свои посты и жалованье. Уорден мог только пожалеть Ляпу и всех Ляпиных сородичей.

В прошлый раз, идя на урок в детскую, Уорден

прихватил с собой пустую жестянку из-под кофе. Заговорил в нее как в рупор и показал Ляпе, что дну ее передается та же дрожь, какую Ляпа чувствовал на горле Уордена. Ляпа усердно проделывал опыт за опытом. И самостоятельно сделал открытие: чтобы уловить колебания, надо направить жестяную трубку в сторону человека.

Уорден совсем приуныл. И зачем только Ляпа такой рассудительный. Однако на следующем уроке он преподнес малышу обруч, затянутый тоненькой металлической пленкой. Ляпа мигом смекнул, что к чему.

Во время очередного доклада начальству Уорден по-настоящему злился.

— Конечно, Ляпа не знал прежде, что такое звук, как это знаем мы, — сказал он резко. — На Луне нет воздуха. Но звук передается через скалы. Ляпа чувствует колебания в плотных телах, как глухой человек «слышит» дрожь пола в зале, где танцуют, если музыка достаточно громкая. Возможно, у Ляпиного племени есть язык или звуковой код, который передается через каменистую почву. Безусловно, эти существа как-то общаются друг с другом! А если они разумны и обладают средствами общения, значит, они не животные и нельзя их истребить ради нашего удобства!

Он замолчал. На связь с ним в этот раз вышел главный биолог Бюро космических исследований. После неизбежного перерыва с Земли донесся любезный ответ:

— Блестяще, Уорден! Блестящее рассуждение! Но нам приходится быть дальновиднее. Планы исследования Марса и Венеры весьма популярны. Если мы рассчитываем получить необходимые средства — а этот вопрос не сегодня-завтра будет поставлен на голосование, — нам необходимо сделать новые шаги к ближайшим планетам. Наши соотечественники этого требуют. Если мы не начнем строить на Луне заправочную станцию, они перестанут поддерживать наши планы!

— Ну а если я пришлю на Землю снимки Ляпы? — настойчиво сказал Уорден. — В нем очень много человеческого, сэр! Он необыкновенно трогательный! И это характер, личность! Две-три пленки, где Ляпа снят за уроками, наверняка завоюют ему симпатии!

И снова досадная проволочка — надо ждать, пока голос его со скоростью света одолеет четверть миллиона миль и пока из этой дали долетит ответ.

— Эти… э-э… лунные твари убили несколько человек, Уорден, — в голосе главного биолога

звучало сожаление. — Люди эти прославлены как мученики науки. Мы не можем распространять благоприятные сведения о существах, которые убивали наших людей! — И главный биолог прибавил любезно: — Но вы работаете с блеском, Уорден, просто с блеском! Продолжайте в том же духе!

И лицо его на экране померкло. Уорден отвернулся, свирепо выругался. Он успел привязаться к Ляпе. Ляпа ему доверяет. Теперь каждый раз, как он входит в детскую, Ляпа соскальзывает со своего дурацкого насеста и поскорей взбирается к нему на руки.

Ляпа до смешного мал, росту в нем каких-нибудь восемнадцать дюймов. Здесь, в детской, где установлено обычное лунное тяготение, он до нелепости легкий и хрупкий. Но как серьезен этот малыш, как усердно впитывает все, чему учит, что показывает ему Уорден!

Его все еще увлекает удивительное новое явление — звук. Как завороженный слушает он песню или мурлыканье без слов, даже когда напевает или что-то мурлычет себе под нос Уорден. Стоит Уордену шевельнуть губами, и Ляпа настораживается, поднимает обруч, затянутый металлической пленкой, и, прижав к ней крохот-

ный палец, ловит колебания Уорденова голоса.

Притом он усвоил мысль, которую старался ему внушить Уорден, и даже несколько возгордился. Он общается с человеком — и раз от разу все больше перенимает человеческие повадки. Однажды, глядя на экраны, помогающие следить за Ляпой, Уорден увидел, как тот в одиночестве старательно повторяет каждый его, Уордена, шаг, каждое движение. Разыгрывает из себя учителя, который дает урок кому-то, кто еще меньше его самого. Разыгрывает роль Уордена — явно для собственного удовольствия!

Уорден ощутил ком в горле. До чего же он полюбил этого малыша! Горько думать, что ушел он сейчас от Ляпы, чтобы помочь техникам смастерить устройство из вибратора с микрофоном — машинку, которая станет передавать его голос колебаниями каменистой почвы и мгновенно ловить любые ответные колебания.

Если соплеменники Ляпы и вправду общаются между собой постукиванием по камню или каким-то сходным способом, мы сможем их подслушивать… и отыскивать их, и узнавать, где готовится засада, и обратить против них все смертоносные средства, какими умеем воевать.

Уорден надеялся, что машинка не сработает. Но

она удалась. Когда он поставил ее в детской на пол и заговорил в микрофон, Ляпа сразу почувствовал колебапия под ногами. И понял, что это те же колебания, какие он научился различать в воздухе.

Он подпрыгнул, подскочил от восторга. Ясно было, что он безмерно рад и доволен. А потом крохотная нога неистово затопала и зачертила по полу. И микрофон передал странную смесь — то ли стук, то ли царапанье. Ляпа передавал что-то, похожее на звук очень размеренных осторожных шажков, и пытливо смотрел в лицо Уордену.

— Пустой номер, Ляпа, — с огорчением сказал Уорден. — Не понимаю я этого. Но, похоже, ты уже стал чересчур нам доверять — на беду для твоего племени.

Хочешь не хочешь, пришлось доложить новость начальнику базы. Сразу же установлены были микрофоны на дне кратера вокруг базы, и еще микрофоны приготовлены для выездных исследовательских партий, чтобы они всегда знали, есть ли поблизости лунные жители. И, как ни странно, микрофоны около базы тотчас же сработали.

Солнце уже заходило. Ляпу захватили почти в

середине дня, а день на Луне длится триста тридцать четыре часа. И за все время плена — целую неделю по земному счету — он ничего не ел. Уорден добросовестно предлагал ему все, что только нашлось на базе съедобного и несъедобного. Под конец даже по кусочку всех минералов из собранной здесь геологами коллекции.

Ляпа на все это смотрел с интересом, но без аппетита. Уорден решил, что малыша, который так ему полюбился, ждет голодная смерть… что ж, оно, пожалуй, к лучшему. Во всяком случае, это лучше, чем принести смерть всему своему племени. И похоже, Ляпа уже становится каким-то вялым, нет в нем прежней бойкости и живости. Вероятно, ослабел от голода.

Солнце опускалось все ниже. Медленно, постепенно, ярд за ярдом наползали по дну кратера Тихо тени исполинских, в милю вышиной западных его стен. Настал час, когда солнечный свет оставался только еще на вершине конуса по самой его середине. Потом тень стала взбираться по восточным склонам стены. Еще немного — и последняя зубчатая полоска света исчезнет, и громадную чашу кратера всю, с краями, зальет ночная тьма.

Уорден следил за ослепительно сияющей

полоской на скалах, она становилась все тоньше. Теперь две долгих недели ему не видать солнечного света. И вдруг зазвонил колокол — сигнал тревоги. Яростные резкие удары. С шипением сдвинулись все двери, разделяя базу на непроницаемые для воздуха отсеки. Отрывисто заговорили репродукторы:

— В скалах вокруг базы отдается шум! Видимо, поблизости переговариваются лунные твари. Должно быть, собираются напасть! Всем надеть скафандры, приготовить оружие!

И в этот миг погасла последняя тоненькая полоска света. Уорден тотчас подумал о Ляпе. Ему не подойдет ни один скафандр. Потом поморщился, сообразил: Ляпе скафандр не нужен.

Уорден облачился в тяжелое, неудобное снаряжение. Внутренние светильники померкли. А суровую безвоздушную пустыню вокруг базы залили потоки света. Включился сверхмощный прожектор, служащий маяком для ракетных кораблей, ведь они садятся на Луну и среди ночи, — уж конечно, он обнаружит любую тварь, которая замыслила недоброе против его хозяев. Но как страшно мало на самом деле осветил этот луч, а вокруг непроглядный, необъятный мрак без конца и края.

И опять отрывисто заговорил репродуктор:

— Две лунные твари! Удирают! Бегут зигзагами! Если кто хочет стрелять… — И запнулся. Пустяки. Самый меткий стрелок — не стрелок, когда на нем скафандр. — Они тут что-то оставили, — прибавил голос в репродукторе. Он звучал резко, беспокойно.

— Я пойду погляжу, — сказал Уорден и сам испугался, но на душе стало тяжело. — Пожалуй, я догадываюсь, что там такое.

Через несколько минут он вышел из воздушного шлюза. Несмотря на громоздкий скафандр, двигаться было не трудно. С Уорденом пошли еще двое. У всех в руках оружие, а луч прожектора беспорядочно рыщет вокруг, стараясь обнаружить любого Ляпиного сородича, если тот подбирается к ним в темноте.

Свет бьет сзади, а перед глазами Уордена с вышины смотрят на Луну мириады звезд. Небо над головой заполняют несчетные огоньки всех мыслимых и немыслимых цветов. Знакомые созвездия сияют вдесятеро ярче, чем на Земле. А Земля висит почти в зените. Она сейчас в третьей четверти — голубоватое чудовищно огромное небесное тело диаметром вчетверо больше Луны, можно смутно различить континенты и ледяные

шапки полюсов.

С недобрым предчувствием подошел Уорден к тому, что оставили, убегая, родичи Ляпы. И не слишком удивился, когда увидел, что это такое. На плоской опоре лежало каменное яйцо и вокруг него — тончайшая пыль, словно этим верхним подвижным камнем что-то растерли, размололи, как жерновом.

— Подарок Ляпе, — мрачно сказал Уорден в микрофон внутри шлема. — Родичи знают, что его взяли в плен живым. И подозревают, что он проголодался. Оставили для него какую-то еду, наверно, ту, которая ему нужнее всего.

Несомненно, догадка верна. Уорден не ощутил гордости. Ляпу, детеныша, похитили враги его племепи и держат в плену, и им нечем накормить малыша. И вот какие-то смельчаки, быть может Ляпины родители, рискуя жизнью, принесли ему поесть и тут же оставили каменное яйцо — знак, что это не что-нибудь, а именно еда.

— Стыд и срам, — с горечью сказал Уорден. — Ладно, отнесем это на базу. Да поосторожней, не рассыпать бы эту пыль.

Нет, гордиться ему нечем, это стало еще ясней, когда Ляпа с восторгом накинулся на растертое в порошок неизвестное вещество. Безмерно

довольный, он уплетал щепотку за щепоткой. Уорден сгорал со стыда.

— Тебе уготована злая участь, Ляпа, — сказал он. — Я уже немало от тебя узнал, и это будет стоить жизни сотням твоих сородичей. А они рискуют головой, лишь бы тебя накормить! Тебя я делаю предателем, а сам становлюсь подлецом.

Ляпа задумчиво поднял затянутый металлической пленкой обруч, ловил в воздухе колебания — звук Уорденова голоса. Маленький, мохнатый, сосредоточенный. Потом решил, что те же колебания лучше ловить через каменный пол. Прижал микрофон-передатчик к груди Уордена. Ждет.

— Нет! — жестко сказал Уорден. — В твоем народе слишком много человеческого. Не давай мне узнать о вас больше, Ляпа. Будь умником, прикинься тупицей.

Но Ляпа не стал разыгрывать тупицу. Вскоре Уорден уже учил его читать. Но вот странно, установленные в скалах микрофоны, что подняли в тот раз тревогу на базе, при выездах на самоходе оказались бесполезными. Похоже, Ляпино племя решило убраться подальше. Разумеется, если оно и впредь будет держаться на почтительном расстоянии от базы, можно эту породу истребить

и после, а первым делом строить склад горючего. Но в переговорах о Ляпе с земным начальством появились намеки на другие возможности.

— Если твои собратья не высунут носа, пока все в порядке, — сказал Ляпе Уорден. — Но это пока. На меня уже нажимают, чтоб я попробовал тебя приучить к земному тяготению. Если это получится, тебя затребуют в зоопарк. А если ты там выдержишь… ну, тогда прилетят новые экспедиции и наловят твоих родичей для других зоопарков.

Ляпа застыл неподвижно и не спускал с Уордена глаз.

— А кроме того, — угрюмо продолжал Уорден, — ближайшая ракета доставит оборудование для этакой микрошахты. Я обязан проверить, может, ты научишься управляться с этой механикой.

Ляпа стал водить ногой по полу, извлекая царапающие звуки. Смысл их, конечно, непонятен, но ясно хотя бы, что слушать Уордена Ляпе интересно. Похоже, он с удовольствием ловит колебания Уорденова голоса — так собаке приятно, когда с ней разговаривает хозяин. Уорден досадливо крякнул.

— Мы, люди, считаем тебя животным, Ляпа. Мы уверили себя, что весь животный мир должен нам

подчиняться. Животные должны нам служить. Если ты окажешься чересчур сообразительным, мы выловим всю твою родню и заставим работать на нас, добывать нужные нам минералы. И тебя заставим. А я не желаю, чтоб ты надрывался где-то там в шахте, Ляпа! Это несправедливо!

Ляпа замер и не шелохнулся. Уордену стало тошно, ему представились вот такие же маленькие мохнатые создания, загнанные в безвоздушные ледяные шахты глубоко под поверхностью Луны на тяжелую подневольную работу. И стражи в скафандрах следят, чтобы ни один маленький шахтер не сбежал, не вернул себе свободу, какую на Луне знали до появления незваных гостей. И вокруг на случай мятежа установлены орудия. И тем, кто устал или попробовал взбунтоваться, нет пощады.

Все это не ново. Довольно вспомнить, что было с индейцами, когда на Кубу приплыли испанцы… и рабство негров в Америке… и концентрационные лагеря…

Ляпа шевельнулся. Положил мохнатую лапку на колено Уордена. Уорден хмуро поглядел на него.

— Скверная история, — сказал он резко. — Зря я так к тебе привязался. Ты славный малыш, но

твое племя обречено. Беда в том, что вы не потрудились создать свою цивилизацию. А если б создали, сильно подозреваю, что мы бы стерли ее с лица Луны. Мы не очень-то благородны.

Ляпа отошел к классной доске. Взял кусок белой пастели (руки лунного жителя слишком слабы, чтобы писать обычным твердым мелом) и принялся деловито чертить значок за значком. Значки сливались в буквы. Буквы сложились в слова. Слова были осмысленные.

Невозможно поверить глазам! Крупно, четко Ляпа вывел, будто напечатал:

ТЫ ХОРОШИЙ ДРУГ!

Обернулся и пристально посмотрел на Уордена. Тот побелел как полотно.

— Я не учил тебя этим словам, Ляпа! — еле слышно выговорил он. — Что происходит?

Он забыл, что для Ляпы его слова — всего лишь дрожь, передающаяся через пол или по воздуху. Забыл, что говорить бессмысленно. Но и Ляпа, кажется, об этом забыл. Так же деловито вывел:

ДРУГ, НАДЕНЬ СКАФАНДР. — Посмотрел на Уордена и стал чертить дальше. — ВЫНЕСИ МЕНЯ ОТСЮДА. Я ВЕРНУСЬ С ТОБОЙ.

Он смотрел на Уордена огромными, до нелепости кроткими и милыми глазищами. Словно

вихрь поднялся в голове Уордена. Долгое время спустя Ляпа вывел на доске одно только слово: ДА.

Теперь уже Уорден застыл без движения. В детской сила тяжести держалась лунная и он весил в шесть раз меньше, чем на Земле. Но тут им овладела безмерная слабость. А на смену ей пришла угрюмая решимость.

— Наверно, ничего другого не остается, — медленно произнес он. — Но мне надо будет пронести тебя через воздушный шлюз, а в коридоре сила тяжести, как на Земле.

Он поднялся. Ляпа прыгнул к нему на руки. Свернулся клубком, зорко глядя в лицо Уордену. И когда тот уже готов был переступить порог, поднял тощую лапку и осторожно погладил Уордена по щеке.

— Пошли! — сказал Уорден. — Тебя хотели сделать нашим орудием. А может быть…

И все же с Ляпой на руках — тот съежился в мохнатый клубочек, смятый непривычным земным тяготением, — он прошел в шлюз. Облачился в скафандр. И вышел наружу.

Близился рассвет. За минувший долгий срок Земля перешла в последнюю четверть, а самый высокий зубец горной гряды, что образовала сте-

пу кратера Тихо, уже пылал в солнечных лучах. Но были еще видны и звезды, очень яркие. Уорден пошел прочь от базы, отсвет Земли показывал, куда ступить.

Через три часа он вернулся. Рядом с ним, большим и неуклюжим в громоздком скафандре, прыгал и скакал Ляпа. За ними следовали еще двое. Оба меньше Уордена, но гораздо крупнее Ляпы. Тощие, мохнатые, они несли что-то тяжелое. За милю от базы Уорден включил передатчик в скафандре. Вызвал своих. В наушниках прозвучал испуганный отклик.

— Говорит Уорден. — Это было сказано сухо, сдержанно. — Я выходил с Ляпой погулять. Мы навестили его семью, и я веду с собой двоих его близких родственников. Они хотят отдать визит и поднести кое-какие подарки. Впустите вы нас без стрельбы?

В наушниках послышались возгласы. Смятение, суматоха. Но Уорден упорно шел к базе, а тем временем в солнечных лучах запылала еще одна горная вершина, ослепительно вспыхнула третья. Неотвратимо надвигался рассвет.

Распахнулась наружная дверь шлюза. Из безвоздушной лунной пустыни пришедшие вступили в люк. Но когда он закрылся и заработали

гравиторы, Ляпа и его родичи скорчились беспомощными комочками. В детскую их пришлось нести на руках. Тут они распрямились и устремили загадочные взгляды на людей, которые набились в комиату с лунным тяготением, и на тех, кто глазел из дверей.

— Я должен кое-что передать, — сказал Уорден. — Ляпа и его родные хотят с нами договориться. Как видите, они отдались нам в руки. Мы можем их убить, всех троих. Но они хотят с нами договориться.

— Вы сумели найти с ними общий язык, Уорден? — не без смущения спросил начальник базы.

— Не я, — возразил Уорден. — Это они сумели. Доказали, что их разум ничуть не уступает нашему. С ними обращались как с животными, отстреливали для анатомических исследований. Естественно, они стали сопротивляться! Но они хотят покончить с враждой. Они говорят, мы никогда не сможем существовать на Луне, кроме как в скафандрах и на таких вот базах, а им никогда не притерпеться к земному тяготению. И потому нам с ними незачем враждовать. Мы можем помогать друг другу.

— Звучит правдоподобно, — сухо сказал на-

чальник базы, — но мы обязаны исполнять приказ. Вы им это объяснили, Уорден?

— Они знают, — ответил Уорден. — И если надо будет, станут защищаться. У них уже есть плавильни для обработки металлов. Они добывают тепло при помощи изогнутых зеркал, собирают в фокус солнечные лучи. И даже начали работать с газами в баллонах. По части электроники они пока еще не очень продвинулись, но теория им известна, а электровакуумные приборы не нужны. Они ведь сами живут в вакууме. Отныне они сумеют защищаться.

— Послушайте, Уорден, — мягко сказал начальник, — я ведь тоже наблюдал за Ляпой. И вы как будто не сошли с ума. Но если что-нибудь такое преподнести нашим военным властям, неприятностей не оберешься. Они давно требуют послать сюда боевые ракеты. Если ваши друзья начнут всерьез с нами воевать, если они и правда в состоянии обороняться… пожалуй, власти ответят военными кораблями.

Уорден кивнул.

— Верно. Только наш ракетный флот пока что не может воевать так далеко от запасов топлива, а заправочную станцию тут не устроишь, ведь Луну населяют не животные и не дикари — племя

Ляпы уже достигло довольно высокого уровня развития, а скоро он наверняка будет еще выше. Эти Ляпины родичи, что близкие, что дальние, — способнейший народ!

— Боюсь, им еще придется это доказать, — заметил начальник базы. — Откуда такой неожиданный взрыв культуры?

— От нас, — сказал Уорден. — Принцип плавления металлов они, думаю, взяли у меня. Познания по части металлургии и техники — от водителей самоходов. Геологии — вернее сказать, лунологии — научились главным образом у вас.

— То есть как?

— Подумайте, что бы такое по вашему желанию сделать Ляпе, и последите за ним, — хмуро предложил Уорден.

Начальник недоуменно воззрился на него, потом перевел взгляд на Ляпу. Маленький мохнатый Ляпа горделиво выпрямился, потом низко поклонился. Одну лапку прижал к тому месту, где у него, возможно, находилось сердце. С изысканностью придворного давних времен широко повел другой. Опять выпрямился, важно прошелся по комнате — и мигом забрался на колени к Уордену, тощей мохнатой лапкой обвил его шею.

Вся кровь отхлынула от лица начальника ба-

зы.

— Как он поклонился… — не вдруг выговорил он. — Я в точности такое себе и представил. Вы хотите сказать…

— Вот именно, — подтвердил Уордеп. — У предков Ляпы не было воздуха, по которому передавались бы звуки речи. И у них развилась телепатия. Конечно, со временем они создали что-то вроде музыки, звуки распространяются через камень. Но, как и наша музыка, эти звуки не несут в себе смысла. Лунные жители общаются, напрямик передавая друг другу мысли. Но мы не можем уловить их мысль, а они нашу улавливают.

— Они читают наши мысли! — Начальник базы провел языком по пересохшим губам. — Значит, сперва, когда мы стали их отстреливать как материал для биологов, они пробовали достигнуть взаимопонимания. А потом уже начали воевать.

— Естественно, — сказал Уорден. — А как бы мы поступили на их месте? Они давно перенимают наши знания. Теперь они грозные противники. Им ничего не стоило стереть нашу базу в порошок. Они нас не трогали, потому что учились у нас. Теперь они готовы вести с нами меновую торговлю.

— Придется доложить на Землю, — медленно произнес начальник. — Но…

— Они тут принесли кое-какие образцы, — продолжал Уорден. — Будут менять алмазы по весу, грамм за грамм, на пластинки. Им нравится наша музыка. Будут менять изумруды на учебники — они уже умеют читать! И построят атомный реактор и станут менять плутоний, а на что — еще придумают. Это куда лучше, чем война.

— Да, — сказал начальник, — что верно, то верно. К таким доводам наши прислушаются. Но как они сумели…

— Это все Ляпа, — усмехнулся Уорден. — Просто-напросто Ляпа! Вовсе мы его не захватили в плен, его нам нарочно подсунули! Он сидел тут на базе, извлекал все подряд из наших мозгов и передавал сородичам. Не забудьте, мы хотели изучить это племя, так? А вышло, как в известном анекдоте про психолога…

Говорят, один ученый психолог взялся проверить, насколько разумны шимпанзе. Привел он обезьяну в комнату, полную игрушек, вышел, закрыл дверь и хотел подсмотреть, как ведет себя шимпанзе. Заглянул в замочную скважину, а там, совсем близко, блестит пытливый карий глаз. Шимпанзе подсматривает в замочную скважину,

как ведет себя психолог.

Кордвейнер Смит

Игра с крысодраконом

Ломберный стол

Да это черт знает что за профессия — светострелок! Разъяренный Андерхилл закрыл за собой дверь. Что толку носить форму, похожую на военную, если люди не понимают, как нужен твой труд?

Он сел за свое рабочее место, откинул голову на подголовник и по самые брови надвинул шлем.

Он стал ждать, пока аппаратура в шлеме разогреется, и ему опять вспомнилась девушка, которую он только что встретил в коридоре. Она посмотрела сперва на шлем, потом презрительно на него.

«Мяу», — только это она и сказала. Однако его словно ударили хлыстом.

Кто он такой, по ее мнению — дурак, бездельник, ничтожество, одетое в форму? Неужели она не знает, что светострелок, поработавший пол-

часа, потом два месяца валяется на больничной койке?

Шлем разогрелся. Теперь Андерхилл ощущал вокруг космическое пространство и мог легко делить его мысленно на квадраты и кубы. Здесь, в этой пустоте, его подстерегал гложущий страх перед лицом бесконечности, и невыносимая тревога охватывала его каждый раз, как он обнаруживал хотя бы малейший след инертной пыли.

Он расслабился — и опять, как всегда, заявила о себе успокаивающая надежность Солнца, привычный часовой механизм планет и Луны. Лишь около полу-тонны пыли ощущал он сейчас в пространстве, да и та была далеко от плоскости эклиптики, в стороне от трасс, по которым двигались люди. Здесь же, внутри Солнечной системы, не с кем было драться, ничто не бросало вызова человеку, не вырывало ни у кого из тела живую душу, обнажая ее сочащиеся кровью корни.

В Солнечную систему извне не залетало ничто никогда. Не снимай с себя шлем хоть целую вечность — все равно ты, пока остаешься в пределах системы, будешь всего лишь чем-то вроде ясновидца-астронома, будешь чувствовать, что твой разум находится под надежной защитой

пульсирующего, обжигающе жаркого Солнца.

Вошел Вудли.

— В мире все по-прежнему, — сказал Андерхилл. — Никаких происшествий. Не удивительно, что наши шлемы придумали и начали сажать нас, светострелков, в корабли только тогда, когда начали переходить в плоскоту и двинулись за пределы системы. А вообще-то не так уж плохо, наверно, жилось в древние времена. Переходить в плоскоту не было надобности. Не нужно было отправляться к звездам, чтобы заработать себе на жизнь. Не нужно было увертываться от Крыс, участвовать в Игре. Светострелков не было, потому что в них не было необходимости — правда, Вудли?

— Угу, — буркнул тот.

Вудли было двадцать шесть лет, и через год он должен был уйти в отставку. Он уже присмотрел для себя ферму. За спиной у него было десять лет этой трудной работы, и его считали одним из лучших. Он не слишком задумывался о работе, честно, не жалея себя, отдавал все силы, а в перерывах не вспоминал о ней до тех пор, пока не нужен был снова.

Вудли никогда не добивался расположения Партнеров; может быть, поэтому никто из Парт-

неров расположения к нему и не испытывал. Некоторые из них прямо-таки терпеть его не могли. Его даже подозревали в том, что временами он плохо думает о Партнерах, по, поскольку ни один из Партнеров ни разу не придал своей мысленной жалобе необходимую членораздельность, светострелки и Творцы величия человечества не предъявляли к нему претензий.

Андерхилла до сих пор все не покидало изумление перед собственной профессией. Она постоянно занимала его мысли, и сейчас он с воодушевлением опять говорил об их работе:

— Что происходит с нами в плоскоте, как потвоему? Это похоже на смерть? Сам ты видел кого-нибудь, из кого вырвана душа?

— Вырванная душа — это не более, чем оборот речи, — ответил Вудли. — До сих пор никто еще не знает точно, есть у нас душа или нет. Но кое-что я однажды видел. Видел, что было с Догвудом. Из него вышло что-то странное, мокрое и будто клейкое на вид — и знаешь, что они сделали с Догвудом? Увели наверх, в ту часть больницы, в которую нас с тобой никогда не клали, туда, куда отправляют тех, на кого напал в верходали крысодракон и кто все-таки остался жив.

Вудли сел, взял в рот то, что древние называ-

ли «трубкой», и зажег в ней нечто называемое табаком. Довольно-таки противная привычка, но когда Вудли это делал, он выглядел смелым и уверенным.

— Послушай, что я скажу тебе, юноша. Тебе не нужно ни о чем этом тревожиться. Работать светострелком становится все легче. Лучше становятся Партнеры. Я видел, как они убили двух крысодраконов за какие-нибудь полторы миллисекунды. Пока светострелки работали одни, без Партнеров, всегда была вероятность, что мы не успеем убить крысодракона достаточно быстро и не защитим свой перешедший в плоскоту корабль — ведь меньше чем за четыреста миллисекунд человеческому мозгу здесь не управиться. Партнеры изменили всё. Они опережают крысодраконов. И будут опережать всегда. Знаю — не очень-то легко бывает, когда допускаешь Партнера к себе в сознание.

— А разве им легко, когда они допускают нас? — сказал Андерхилл.

— О них не беспокойся. Они не люди. Они пусть заботятся о себе сами. Я только знаю, что от неосторожного обращения с Партнерами нас спятило больше, чем от крысодраконов. А вообще говоря, сам ты много знаешь таких, кто бы

пострадал от крысодраконов?

Андерхилл посмотрел на свои пальцы, одни зеленые, а другие лиловые в резком свете, исходящем от включенного шлема, и стал на них считать. Большой палец — «Андромеда», пропавшая без вести со всем экипажем и пассажирами; указательный и средний — «Платформа-43» и «Платформа-56», на которых все до единого мужчины, женщины и дети оказались мертвыми или безумными, а шлемы светострелков были пережжены. Безымянный, мизинец, большой палец другой руки — первые три военных корабля, чьи экипажи стали жертвами крысодраконов, стали уже тогда, когда люди поняли: откуда-то со дна пространства появляется, чтобы нанести смертельный удар, что-то непредсказуемое и злое.

При переходе в плоскоту ощущение было немного странное. Такое, будто…

Будто ничего особенного не произошло.

Будто тебя совсем-совсем слабо ударило током.

Будто, кусая, ты почувствовал боль в зубе.

Будто перед глазами у тебя вспыхнул очень яркий свет.

И однако за это мгновение сорокатысячетонный корабль, поднимавшийся над Землей, исчезал, переходя каким-то образом в два изме-

рения, и появлялся вновь в половине светового года или в пятидесяти световых годах от места исчезновения.

Только-только ты сидел в боевом отсеке, шлем включен и работает, и в голове у тебя, как часовой механизм, тикала вместившаяся в нее целиком вся солнечная система. То ли за секунду, то ли за год (он не мог бы сказать, за сколько именно) сквозь тебя пробегает что-то вроде разряда — и вот ты уже в верходали, в леденящих душу пространствах между звезд, где сами эти звезды ощущаются, как маленькие бугорки на внутренней стороне сферы твоего телепатического восприятия, а планеты не ощущаются вообще.

И где-то в этих пространствах ждала смерть, отвратительная и страшная, какую человек узнал только тогда, когда осмелился выйти в межзвездные просторы. Судя по всему, «драконы» боялись света солнц и держались от них подальше.

«Драконы». Так называли их люди. Для обыкновенного человека за этим словом не стояло ничего — ничего, кроме прыжка в плоскоту, смерти, разбившей тебя, как удар молота, или темной, надрывной ноты безумия, погасившей свет твоего разума.

Но для телепата это были «драконы».

За долю секунды, истекавшую между осознанием того, что в бездонной черной пустоте космоса шевелится что-то враждебное, и всесокрушающим ударом по всему живому внутри корабля, в воображении телепатов возникало нечто напоминающее драконов древних легенд Земли — хищные звери коварней всех хищных зверей, вместе взятых, демоны реальнее демонов, вихри ненависти, голодные и живые, родившиеся из вещества, распыленного между звезд.

Известно о них стало по возвращении одного чудом уцелевшего корабля: в нем по чистой случайности у телепата, обязанность которого была поддерживать связь с Землей, оказался наготове источник мощного светового излучения, он направил его на внешне невинные клубы космической пыли — и «дракон», появившийся было в панораме его сознания, рассеялся, превратился в ничто, а остальным людям на корабле, не телепатам, даже в голову не пришло, что они только что были на волосок от гибели.

После этого все стало просто — почти все.

В экипаж межзвездного корабля стали обязательно включать телепатов. Способности их резко возрастали благодаря специальным шлемам-усилителям. Шлем через электронные реле

контролировал мощные излучатели света.

Нужен был только свет — и ничего больше.

Свет уничтожал «драконов», позволял кораблям между прыжками от звезды к звезде возвращаться в три измерения.

Вместо ста шансов к одному против человечества теперь стало шестьдесят к сорока в его пользу.

Мало того. Телепатов стали тренировать, развивать их чувствительность, чтобы любой из них мог обнаружить «дракона» меньше чем за миллисекунду.

Но выяснилось, что расстояние в миллион километров «дракон» покрывает меньше чем за две миллисекунды. Ни один человек не успевал за такой промежуток времени включить и направить на «дракона» мощный луч света.

Попробовали одевать корабли в свет.

Такая защита вскоре стала недостаточной.

В то время как люди узнавали повадки «драконов», те в свою очередь узнавали повадки людей. Каким-то образом они тоже научились уплощаться и в таком виде перемещались в пространстве с огромной скоростью.

Теперь, чтобы уничтожить их, был необходим свет, по яркости сравнимый с солнечным. Его

могли дать только световые ядерные заряды.

Светострелок метал в «дракона» миниатюрную ядерную бомбу, при взрыве которой несколько граммов изотопа магния целиком превращались в электромагнитное излучение видимой части спектра.

Однако корабли исчезали по-прежнему.

Людям даже не хотелось разыскивать исчезнувшие корабли, потому что они заранее знали, что там увидят. Ужасно было привозить на Землю разом триста мертвых тел или триста сумасшедших, которых нужно будить, кормить, мыть, укладывать спать, потом будить и кормить снова, и так до конца их дней.

Телепаты пытались заглядывать в головы к тем, кого «драконы» лишили разума, но только гейзеры обжигающего ужаса находили они там, ужаса, бьющего из первооснов личности, из вулканического источника самой жизни.

И тогда на выручку пришли Партнеры.

Вместе Человеку и Партнеру оказалось под силу то, что было не по плечу одному только Человеку. У Человека был разум. У Партнера была мгновенная реакция.

В своих крохотных, с футбольный мяч величиной и в шесть фунтов весом, кораблях Партнеры

неслись рядом с огромными кораблями Человека и вместе с ними переходили в плоскоту.

Корабли-крошки были необычайно быстрыми. И каждый нес дюжину световых бомб с наперсток величиной.

Посредством включаемых движением мысли боевых реле светострелки бросали кораблики с Партнерами прямо в «драконов».

Что человеческому сознанию представлялось драконом, Партнеру представлялось огромной крысой.

И даже там, в безжалостной пустоте, Партнер повиновался древнему, как жизнь, инстинкту. Партнер нападал со скоростью, превосходящей человеческую, нападал снова и снова, пока не погибнет «крыса» или он сам. Почти всегда гибла «крыса».

Как только прыжки от звезды к звезде стали безопасными для кораблей, торговля расцвела, увеличилось население колоний и возрос спрос на Партнеров.

Андерхилл и Вудли принадлежали всего лишь к третьему поколению светострелков, однако им казалось, будто профессия их существовала всегда.

Подключение сознания к космосу при посред-

стве специального шлема, устойчивая телепатическая связь с Партнером, подготовка психики к бою, от исхода которого зависит все, — с такой нагрузкой синапсы человеческого мозга подолгу справляться не могли. После получасового боя Андерхилл нуждался в двух месяцах отдыха. После десяти лет работы Вудли нужно было уходить на пенсию. Оба они были молоды. Оба — из лучших в своем деле. Но физические и психические возможности их были не безграничны. Очень многое зависело от того, какой Партнер тебе достанется, и от везения.

Тасовка

В комнату вошли Папаша Мунтри и девочка по имени Вест. Они тоже были светострелками. Команда боевого отсека (точнее, та часть ее, что состояла из людей) была вся в сборе.

Папаша Мунтри, краснолицый, сорокапятилетний, жил, пока ему не пошел сороковой год, мирной жизнью фермера. Только тогда, довольнотаки поздно, обнаружились его парапсихические способности, и ему позволили, несмотря на возраст, стать светострелком. Справлялся с работой

он хорошо.

Сейчас он смотрел на угрюмого Вудли и погруженного в свои мысли Андерхилла.

— Ну, как, молодые люди? К бою приготовились?

— Папаша все рвется в бой, — сказала, засмеявшись, девочка по имени Вест.

Она была еще совсем маленькая. Смеялась как дети ее возраста — звонко. Уж про нее-то никак нельзя было подумать, что она в шлеме светострелка снова и снова вступает в жестокое единоборство со смертью.

Андерхилла очень позабавило, когда он однажды увидел, как один из самых медлительных Партнеров уходил счастливый после контакта с сознанием девочки по имени Вест.

Обычно Партнера мало волновало сознание человека, с которым на время путешествия его соединяла судьба. По-видимому, все Партнеры придерживались того мнения, что сознание человека сложно и невероятно захламлено. Превосходство человеческого разума ни один Партнер иод сомнение не ставил, однако лишь очень немногие Партнеры перед этим превосходством преклонялись.

Партнеры привязывались к людям. Они готовы

были драться бок о бок с ними. Готовы были даже умереть за них. Но когда Партнер привязывался к кому-нибудь так, как, например, Леди Май или Капитан Гав были привязаны к Андерхиллу, к интеллектуальному превосходству последнего это не имело никакого отношения. Все зависело от сходства темпераментов.

Андерхилл прекрасно знал, что Капитан Гав считает его глупым. Что нравилось в нем Капитану Гаву, так это дружелюбие, бодрость духа и пронизывающая все его подсознательные мыслительные процессы ироническая усмешка, а также радость, с которой он идет в бой. Зато человеческую речь, историю человечества, абстрактные идеи, науку Капитан Гав отбрасывал как несусветную чушь, что вполне явственно и ощущало сознание Андерхилла.

Вест подняла на него глаза.

— Поспорю, что вы смошенничаете.

— Нет!

Андерхилл почувствовал, как уши его краснеют. Во время своего ученичества он, когда светострелки разыгрывали Партнеров, однажды попытался схитрить, чтобы заполучить себе в пару красивую молодую кошку по имени Мурр, которая ему особенно полюбилась. Так легко

было обороняться и нападать вместе с ней, так привязана была она к нему — и он забыл на время, что учили его вовсе не для того, чтобы они с Партнером приятно проводили время.

Одной попыткой все и кончилось. Его уличили, и он надолго стал всеобщим посмешищем.

Папаша Мунтри взял пластиковую чашку и встряхнул кости, решавшие, с кем из Партнеров предстоит быть в паре в этом путешествии каждому светострелку. Старший по возрасту, он бросал кости первым.

И тут же скорчил недовольную гримасу. Судьба преподнесла ему старого, вечно голодного жадюгу, внутренний мир которого, казалось, исходит слюной — так переполнен он был образами еды, целых океанов, доверху наполненных несвежей рыбой. Когда-то Папаша Мунтри рассказывал, что, поработав в паре с этим обжорой, он потом несколько недель подряд поглощал невероятные количества рыбьего жира — настолько глубоко вошел в его сознапие телепатический образ рыбы. Но Партнер этот, столь жадный до еды, был не менее жадным до опасности. На его счету было шестьдесят три убитых крысодракона, больше, чем у любого другого Партнера на службе в межзвездных кораблях людей.

Следующей бросала кости маленькая Вест. Ей выпал Капитан Гав. Увидев это, она улыбнулась.

— Как он мне нравится! — сказала она. — Так здорово драться вместе с ним! Он такой пушистый и мягкий у тебя в голове, такой милый!

— Уж куда милее! — буркнул Вудли. — Я ведь тоже бывал с ним в паре. Лукавей его никого на корабле нет.

— Злой человек, — сказала девочка. Сказала констатируя, не упрекая.

Андерхилл посмотрел на нее, и по коже у него пробежали мурашки.

Он не понимал, как это можно сохранять спокойствие, имея дело с Капитаном Гавом. В голове у Капитана лукавства и в самом деле было хоть отбавляй.

Жаль, подумал Андерхилл, что никто, кроме кошек, абсолютно никто на всем белом свете не годится в Партнеры. Кошка, когда войдешь с ней в телепатический контакт, оказывается как раз то, что надо. Трудности боя ей по плечу, хотя мотивы и желания ее, безусловно, мало похожи на человеческие.

Кошка готова с тобой общаться, когда ты телепатически посылаешь ей конкретные образы, но она сразу отгородит от тебя свой внутренний

мир и заснет, если начнешь читать ей мысленно Шекспира или попытаешься объяснить, что такое пространство.

Как-то не укладывалось в голове, что Партнеры, такие серьезные и собранные здесь, в космосе — это те самые грациозные зверьки, которых еще тысячи лет назад люди на Земле держали в своих домах, украшая их присутствием свою жизнь. Андерхилл не раз ловил себя на том, что, увидев самую обыкновенную кошку, забывал, что это не Партнер, и, как полагается по уставу при встрече с Партнерами, отдавал ей честь.

Он высыпал кости на стол.

Ему повезло — ему выпала Леди Май.

Такой ясной головы, как у нее, он не встречал ни у какого другого Партнера. В Леди Май благородная родословная персидской кошки достигла одной из своих высочайших вершин.

Впервые вступив с ней в телепатический контакт, он удивился этой ясности. Он вспомнил вместе с Леди Май время, когда она еще была котенком. Вспомнил все ее любовные встречи. Увидел ее глазами целую галерею светострелков, в паре с которыми она дралась, и хоть и с трудом, но узнал их всех. Увидел себя, несущего радость, веселого и желанного.

Вудли выпало то, чего он заслуживал, — мрачный, весь в шрамах старый кот, личность куда более бледная, чем Капитан Гав. От животного в нем было больше, чем в других Партнерах, он был тупой зверюга с самыми низменными наклонностями. Даже телепатические способности не смогли облагородить его. Еще в молодости половину ушей ему отгрызли соперники.

Он удовлетворял требованиям, предъявляемым к бойцу, и только.

Папаша Мунтри посмотрел на светострелков.

— Ну что ж, теперь каждый идет за своим Партнером. А я сообщу, что мы готовы выходить в верходаль.

Расклад

Андерхилл набрал цифры на замке клетки Леди Май. Разбудил ее ласково, взял на руки. Она лениво потянулась, выпустила когти, замурлыкала, потом перестала и лизнула ему запястье. Шлемов ни на нем, ни на ней еще не было, и потому ни он, ни она не знали, что сейчас творится в голове у другого, но судя по тому, как Леди Май топорщила усы и двигала ушами, она была довольна,

что оказалась именно его Партнером.

Он заговорил с нею вслух, хотя знал, что человеческая речь для кошки лишена смысла.

— Как же это не стыдно людям зашвыривать такое милое крошечное существо в холодную пустоту, чтобы оно носилось там и охотилось на крыс, которые больше и страшнее нас всех, взятых вместе? Ведь ты не просилась в этот бой, правда?

В ответ она лизнула его руку, замурлыкала, опять провела по его щеке длинным пушистым хвостом и уставилась на него сверкающими золотыми глазами.

Их взгляды встретились, и несколько мгновений они смотрели друг на друга; он — сидя на корточках, она — стоя на задних лапах, а когтями передних слегка впиваясь в его колено. Никаким словам не преодолеть было бесконечности, лежавшей между глазами человека и глазами кошки, однако достаточно было короткого взгляда, чтобы расстояние это перешагнула любовь.

— Ну, нам пора, — сказал он.

Она послушно вошла в свой маленький шарообразный корабль. Андерхилл надел на нее миниатюрный шлем светострелка и закрепил его удобно и надежно у нее на затылке. Укрепил на

ее лапах мягкие подушечки, чтобы, опьяненная битвой, она не нанесла ран самой себе.

— Готова? — спросил он ее негромко.

В ответ она, насколько позволяла державшая ее теперь сбруя, выгнула спину и тихонько замурлыкала.

Он захлопнул крышку и стал смотреть, как намертво запечатывается кораблик. Теперь на несколько часов Леди Май была запаяна внутри, а потом, когда она исполнит свой долг, электросварщик снимет крышку и освободит ее.

Обеими руками он поднял кораблик и вложил в стартовую трубу. Закрыл дверцу трубы, запер ее, набрав цифры, а потом сел в свое кресло и надел шлем.

Он снова нажал на тумблер. Он сидел в небольшой каюте, очень небольшой, очень теплой, остальные три светострелка были тут же, до них можно было дотронуться рукой, и свет ярких ламп в потолке, казалось, давил на его сомкнутые веки.

Когда шлем начал разогреваться, стены как бы растаяли. Те трое, кто был с ним в каюте, утратили очертания и казались теперь кучками тлеющих углей, — это горело, дышало жаром живое сознание.

Когда шлем разогрелся еще больше, Андерхилл ощутил Землю, ощутил, как уходит из пут ее тяготения корабль, ощутил Луну, она была сейчас по ту сторону Земли, ощутил планеты и жаркую, ясную, спасительную щедрость Солнца, не подпускающего «драконов» к родине человечества.

И наконец в его телепатическое сознание вошло все на многие миллионы миль вокруг. Он ощутил пыль, которую еще раньше заметил над плоскостью эклиптики. Ощутил — и словно волна тепла и нежности прошла сквозь него, — как в него вливается внутренний мир Леди Май. На вкус мир этот был как ароматизированное масло, такой же нежный, чистый и немного острый. Этот мир освобождал от напряжения и взбадривал. Теперь Андерхилл чувствовал, как рада ему Леди Май.

Наконец они снова стали одним целым.

Где-то в закоулке его сознания, закоулке таком же крохотном, как самая малюсенькая игрушка его детства, еще были каюта и корабль, и Папаша Мунтри там взял микрофон и начал докладывать капитану корабля.

Телепатическое сознание Андерхилла восприняло мысль задолго до того, как слух его уловил формулирующие ее слова:

— В боевом отсеке все на местах. К переходу в плоскоту готовы.

Игра

Андерхилла всегда немного раздражало, что Леди Май все воспринимает раньше его.

Сцепив зубы, он приготовился к мгновенной муке перехода, но узнал от Леди Май о том, что переход уже произошел, еще до того, как сотряслись собственные его нервы.

Земля словно упала куда-то далеко-далеко, и прошло несколько миллисекунд, прежде чем он нашел Солнце в верхнем заднем правом углу своего телепатического сознания.

«Хороший прыжок, — подумал он. — Четыре-пять таких прыжков, и мы на месте назначения».

Леди Май в нескольких сотнях миль от корабля откликнулась: «О теплый, о щедрый, о великан! О смелый, о добрый, о нежный и огромный Партнер! О как хорошо, хорошо, тепло, тепло, тепло с тобой вместе драться, с тобой, с тобой…»

Он знал, что это собственное его сознание придает словесную форму ее смутным, полным огромного расположения к нему мыслям, перево-

дит их на язык понятных ему образов.

Ни его, ни ее обмен приветствиями, однако, не поглотил целиком. Андерхилл вгляделся дальше, чем могла увидеть она, — не изменилось ли что-нибудь в пространстве вокруг? Было как-то странно, что ты можешь делать два дела сразу. Когда на нем был шлем светострелка, внутренним зрением он мог оглядывать космос и в то же время, ловить праздные мысли Леди Май — например, полную нежности и любви мысль о сыне, у которого золотистая мордочка, а на груди мягкий, невероятно пушистый белый мех.

Все еще обегая взглядом космос, он уловил предупреждение от нее: «Прыгаем снова!»

Да, второй прыжок. Звезды были другие. Солнце осталось позади, немыслимо далеко. Страшно далеко было теперь даже до ближайших к кораблю звезд. В таких вот местах, в таком вот открытом космосе и появлялись крысодраконы. Андерхилл искал опасность, готовый, едва найдет, метнуть Леди Май прямо на нее.

Внезапно его пролизал ужас, острый, как боль от перелома руки или ноги. Это Вест только что нашла нечто огромное, длинное, черное, заостренное, прожорливое, леденящее душу. И Вест метнула на это Капитана Гава.

Андерхилл попытался сохранить ясную голову. «Берегитесь!» — телепатически крикнул он остальным, начиная в то же время перемещать Леди Май.

С какого-то места на поле боя в его сознание ворвалась хищная ярость Капитана Гава — это персидский кот, подлетая к скоплению пыли, угрожавшей кораблю и людям внутри его, бросал световые бомбы.

Хоть и ненамного, но Капитан Гав промахнулся.

Скопление пыли перестало быть похожим на электрического ската и приобрело форму копья.

Длилось все это меньше трех миллисекунд.

— К-а-п-и-т-а-и… — медленно начал Папаша Мунтри.

Но Андерхилл уже знал, что он скажет: «Капитан, скорей!», и до того как Папаша Мунтри договорит свою фразу, бой кончится.

Теперь в игру вошла Леди Май.

Вот когда нужна молниеносная реакция Партнера — она и решает все. Леди Май реагировала на опасность быстрей, чем он. Огромная крыса, несущаяся прямо на нее, вот что такое была для Леди Май эта опасность.

Световые бомбы Леди Май бросала с недоступ-

ной для него точностью.

Он был связан с ней, но угнаться за ней не мог.

Сознание Андерхилла приняло страшную рваную рану, нанесенную столь не похожим на человека врагом. Никто на Земле не знал подобных ран, этой раздирающей, безумной боли, начавшейся с ощущения ожога в пупке. Он почувствовал, что его корчит.

Но еще ни одна мышца у него не успела дернуться, а Леди Май уже нанесла их общему врагу ответный удар.

Через равные расстояния на общем протяжении в сто тысяч миль вспыхнули пять световых ядерных бомб.

Боль исчезла.

Он пережил мгновение страшного в своей свирепости, чисто животного восторга, охватившего Леди Май, когда она приканчивала врага. А потом ее разочарование — кошки всегда бывали разочарованы, когда обнаруживали, что враг, казавшийся им огромной крысой, бесследно исчезал в миг своей гибели. И только потом докатилась до него волна страданий, боли и страха, испытанных ею во время боя.

И опять укол боли — при переходе в плоскоту.

Корабль прыгнул снова.

Андерхилла достигла обращенная к нему мысль Вудли: «Не беспокойся ни о чем. Мы с этим старым негодяем вас подменим».

Еще два укола боли, два новых прыжка.

Когда Андерхилл пришел в себя, внизу сияли огни космической станции Каледония.

Потребовалось огромное усилие, чтобы ввести сознание в нужный режим, но когда это ему удалось, он, как всегда, точно и бережно вернул кораблик Леди Май назад, в трубу запуска.

Она была полумертвой от усталости, но он ощущал биение ее сердца, ее прерывистое дыхание и ее благодарность.

Подсчет

На Каледонии его положили в госпиталь.

Врач говорил с ним приветливо, но твердо:

— Крысодракон вас только задел. Случай редчайший, вам необыкновенно повезло. Наука не скоро поймет, что тут было, слишком быстро все происходит, но уверен, что продлись соприкосновение хоть на несколько десятых миллисекунды дольше, вам бы не миновать вечной койки. Что за кошка с вами работала?

Андерхилл заговорил, и ему казалось, что произносит слова он страшно медленно. Ведь слова так медлительны и безрадостны рядом с мыслью, ясной, острой, стремительной, из разума в разум! Но обычные люди, такие, как этот врач, понимают только слова.

— Не называйте наших Партнеров кошками, — с трудом проговорил Андерхилл. — Правильно называть их Партнерами. Они дерутся за нас, и они с нами в паре. Как чувствует себя мой Партнер?

— Не знаю, — смущенно ответил врач. — Мы это выясним. А пока, дружище, отбросьте от себя все заботы. Помочь вам может только отдых. Вы хорошо спите? Не дать ли вам снотворного?

— Я сплю хорошо, — ответил Андерхилл. — Я только хочу знать, что с Леди Май.

В разговор включилась сестра. Ее что-то раздражало.

— А что с людьми на корабле, вы знать не хотите?

— С ними все в порядке, — сказал Андерхилл. — Это я знал еще до того, как меня сюда доставили.

Он потянулся, вздохнул и широко улыбнулся им. Напряжение начало покидать врача и сестру, теперь они видели в нем человека, а не

больного.

— Я себя чувствую хорошо, — сказал он. — Но когда мне можно будет пойти к Партнеру, вы мне об этом сразу скажите.

И его как громом поразила внезапная мысль. Он резко повернулся к врачу.

— Ведь Леди Май не отправили на корабле дальше? Неужели отправили?

— Выясню сейчас же, — сказал врач. Он дружески сжал плечо Андерхилла и вышел из комнаты.

Сестра сняла салфетку с бокала холодного фруктового сока.

Андерхилл попытался ей улыбнуться. Что-то с этой девушкой было не так. Пожалуй, лучше было бы, если бы она ушла. Сперва говорила с ним приветливо, теперь отдалилась снова. До чего же это докучно быть телепатом! Контакта не получается, а ты все равно лезешь из кожи, чтобы установить его.

Вдруг она резко повернулась к нему:

— А ну вас светострелков с вашими проклятыми кошками!

Уже, громко топая, она выходила в коридор, когда он ворвался в тайники ее сознания. Там он увидел себя излучающим сияние героем в

замшевой форме светострелка и в шлеме, так похожем на корону древних царей, сверкающую драгоценными камнями. Увидел собственное свое лицо, красивое, мужественное и светлое. И увидел ее ненависть.

Она ненавидела Андерхилла. Ненавидела за то, что он (так она считала) богат, горд и непонятен, за то, что он лучше и красивее таких, как она.

Он оторвал от этих тайников чужой души свой внутренний взгляд, но, зарываясь лицом в подушку, успел еще увидеть образ Леди Май.

«Да, она кошка, — подумал он. — Кошка, не более того!»

Но видел он Леди Май совсем другой, чем ее видела медицинская сестра, — быстрой настолько, что это не укладывалось в воображении, проницательной, умной, невероятно грациозной, прекрасной, легко обходящейся без слов и ничего не требующей.

Где женщина, которая могла бы с ней сравниться?

Айзек Азимов

Движущая сила

Земля превратилась в огромный парк. Всю сушу покрывала буйная растительность.

На борту пассажирского лайнера Луна — Земля Лу Тансония мрачно наблюдал, как медленно увеличивается диск планеты. Длинный выступающий нос придавал печальное выражение его лицу, но сейчас это полностью соответствовало настроению молодого ученого.

Прежде Лу никогда не покидал Землю на столь длительный срок, и предвкушение не слишком приятного периода адаптации не улучшало его состояния, хотя не это служило причиной той грусти, что охватывала Лу по мере приближения к родной планете.

Издали, пока Земля оставалась огромным, сверкающим в солнечных лучах шаром в белых пятнах облаков, она сохраняла свою первозданную красоту. Казалось, ничто в ней не изменилось с тех пор, как триста миллионов лет назад жизнь

впервые выкарабкалась из моря и двинулась по суше, чтобы завоевать ее.

И только когда корабль приблизился к атмосфере, стало заметным влияние человека на земную растительность. Девственной природы больше не существовало.

Леса стояли стройными рядами, и на каждом дереве чьи-то заботливые руки повесили табличку с указанием породы и места происхождения. Злаки на полях росли и менялись в строгом соответствии с законами севооборота, подкормка растений и прополка осуществлялись автоматами. Учитывались и немногие оставшиеся домашние животные, и Лу подозревал, что известно даже число травинок.

Дикие животные были так редки, что встреча с каким-то из них становилась сенсацией. Даже насекомых поубавилось, а крупные млекопитающие сохранились лишь в национальных парках, число которых неуклонно сокращалось. Почти исчезли кошки — более современным считалось держать дома белку.

Следует внести поправку! Уменьшился лишь животный мир Земли. Общая масса живых организмов не изменилась, но ее большую часть, почти три четверти, составляли представители

одного вида Homo sapiens. И несмотря на все усилия, прилагаемые, во всяком случае на словах, Всемирным бюро экологии, эта часть из года в год медленно, но неуклонно возрастала.

И сейчас, впрочем, как и всегда, Лу думал об этом со все возрастающим чувством потери. Присутствие человека не бросалось в глаза. Даже теперь, когда корабль делал последние витки вокруг планеты, он не видел и следа цивилизации. Гигантские, расползающиеся города исчезли. С большой высоты среди густой растительности еще можно было различить лучи старых автострад, но вблизи они стали невидимы. Человечество, миллиарды людей с их городами, машинами, энергетическими станциями, транспортными тоннелями, ушло под землю. Использование солнечной энергии позволило забыть страх перед голодом или недостатком тепла.

Приближаясь к планете, Лу с волнением думал, что ждет его на Земле. Сегодня после долгих месяцев-неудач он добился личной встречи с Адрастусом, ставшей его последней надеждой.

Ино Адрастус возглавлял Всемирное бюро экологии. Мало кто знал о функциях этой организации, да и вообще о ее существовании, но

в действительности Адрастус занимал самый важный пост на Земле, потому что бюро контролировало все.

Именно об этом и говорил Ян Марли, удобно устроившись в кресле перед столом Адрастуса.

— Клянусь своими книгами, это самый важный пост на Земле. Об этом я и хочу написать.

Адрастус пожал плечами. Его приземистая фигура, каштановые с сединой волосы и светло-голубые глаза, окруженные паутиной морщинок, уже не один десяток лет были неотъемлемой частью административной машины. Он возглавлял Бюро экологии с начала его существования. Для тех, кто его знал, слова Адрастус и экология были синонимами.

— По правде говоря, едва ли я что-то решаю, — заметил он. — Директивы, которые я подписываю, в действительности принадлежат не мне. Я их подписываю лишь потому, что подпись компьютера вызвала бы трудности психологического характера. Но вы же понимаете, что только компьютеры могут выполнить предварительную работу.

Ежедневно бюро переваривает невероятное количество информации. Данные поступают со

всех концов земного шара и касаются не только рождения и смерти людей, миграции населения, производства и потребления, но и любых изменений в животном и растительном мире, не говоря уже о состоянии основных компонентов окружающей среды — воздуха, океана и почвы. Вся информация классифицируется в банках памяти, откуда мы и получаем ответы на все наши вопросы.

— Так ли уж на все? — спросил Марли, пристально посмотрев на Адрастуса.

— Мы научились не беспокоить компьютеры вопросами, не имеющими ответа, — улыбнулся тот.

— И в итоге — экологическое равновесие?

— Совершенно верно, но равновесие особое. Видите ли, равновесие поддерживалось в течение всей истории нашей планеты, но сохранялось оно лишь благодаря катастрофам. Каждый раз после периода временной неустойчивости экологическое равновесие достигалось голодом или эпидемиями, резким изменением климатических условий. Теперь каждодневный контроль и внесение соответствующих коррективов позволяют нам пресекать развитие опасных тенденций, таким образом, мы поддерживаем равновесие,

избегая катастроф.

— Именно вам, господин Адрастус, принадлежит фраза: «Движущая сила человечества — сбалансированная экология».

— Говорят, что это так.

— Но ведь именно ее я читаю на стене у вас за спиной.

— Мои только первые три слова, — сухо ответил Адрастус.

На световом табло над его головой ярко горели слова:

ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...

— Заканчивать фразу совсем не обязательно, ее и так все знают.

— Чем еще могу быть вам полезен?

— Я хотел просить вас позволить мне посмотреть, как вы работаете.

— Вы увидите высокопоставленного клерка.

— Я в этом не уверен. Не могу ли я присутствовать на одной из встреч, назначенных вами на сегодня?

— На сегодня у меня назначена лишь одна встреча. С молодым ученым Лу Тансония. Можете остаться. Это сотрудник одной из наших лунных лабораторий. Слава богу, что у нас есть Луна. Ина-

че все эксперименты пришлось бы проводить на Земле, а нам и без того хватает хлопот.

— Вы имеете в виду эксперименты с радиоактивными веществами?

— Не только…

Едва подавляемое волнение и предчувствие беды отражались на лице Лу.

— Я рад, что мне представился случай встретиться с вами, господин секретарь, — начал он.

— Очень жаль, что это не произошло раньше, — ответил Адрастус. — Я получил превосходные отзывы о вашей работе. Познакомьтесь, пожалуйста, это Ян Марли, писатель. Надеюсь, он нам не помешает.

Лу мельком взглянул на писателя, кивнул и тут же повернулся к Адрастусу.

— Господин секретарь…

— Присядьте, — прервал его Адрастус.

Лу довольно неуклюже, еще не привыкнув к земной гравитации, сел в кресло и продолжил:

— Господин секретарь, я обратился к вам лично по поводу моего проекта…

— Я знаю, о чем вы говорите. Компьютеры ознакомились с его содержанием. Проект отклонен.

— Да! Поэтому я попросил меня принять!

Адрастус улыбнулся и покачал головой.

— Вы ставите меля в неловкое положение. Неужели вы рассчитываете, что я найду в себе смелость отменить их решение?

— Но вы должны это сделать! — с жаром воскликнул Лу. — Я специалист в области генной инженерии…

— Я знаю.

— Пусть сегодня, — продолжал Лу, не слушая Адрастуса, — она лишь придаток медицины, но ее возможности гораздо шире.

— Меня удивляют ваши слова. Вы же получили медицинское образование, и ваши работы в этой области широко известны. Мне говорили, что года через два ваши исследования позволят покончить с диабетом.

— И что из того? Излечение диабета приведет лишь к снижению уровня смертности и к увеличению численности населения на Земле.

— Мне известна такая точка зрения.

— Но ведь и вы думаете не иначе, господин секретарь. Вы писали об этом в своих работах. И любому мыслящему человеку, а вам тем более ясно, что происходит. Перенаселение означает ухудшение условий существования, а приспособление к новым условиям будет происходить за

счет ограничения личных интересов каждого.

— Вы долго репетировали эту речь, мистер Тансония?

Лу слегка покраснел.

— К тому же виды и численность животных и растений, кроме тех, что идут нам в пищу, неуклонно сокращаются. С каждым годом экологическая система становится все проще.

— Но она остается в равновесии.

— Да, теряя при этом разнообразие и краски. И мы даже не знаем, насколько хорошо это равновесие. Мы принимаем его лишь потому, что ничего не можем предложить взамен.

— А что вы хотели бы предложить?

— Спросите компьютер, который отклонил мой проект. Я хочу начать широкую программу исследований по генной инженерии, основанную на использовании генного фонда животного и растительного мира. На этой основе я хочу получить новые виды, прежде чем окончательно исчезнут старые.

— И с какой целью?

— Чтобы создать искусственные экосистемы на основе растительных и животных видов, отсутствующих в природе.

— Что же вы в итоге получите?

— Не знаю. Если бы я мог предсказать результат, эту работу не стоило бы и затевать. Но зато мы выясним, что движет экосистемой. Пока же мы взяли то, что дала нам природа, затем все погубили и разрушили и теперь приспосабливаемся к оставшемуся. Почему бы нам не создать что-то самим и не изучать свое творение?

— Вы предлагаете строить экосистему вслепую, надеясь на случай?

— Наши знания не позволяют идти другим путем. Генная инженерия полагает, что в основе развития лежит случайная мутация. Применительно к медицине такая случайность должна сводиться к минимуму, так как в каждом исследовании требуется определенный результат. Я же хочу максимально использовать элемент случайности.

Адрастус на мгновение нахмурился.

— И где вы собираетесь создать такую экосистему? Что, если она соприкоснется с существующей на Земле и приведет к нарушению последней? Этого мы не можем позволить.

— Я намерен проводить эксперименты на астероидах. К этому выводу я пришел уже после того, как проект передали на заключение компьютерам. Быть может это обстоятельство

изменило бы их решение. Используем несколько небольших астероидов. Создадим на каждом из них нормальные условия существования, снабдим их источниками энергии. И наконец, заселим каждый группой растений и животных, способных образовать замкнутую экологическую систему. Посмотрим, что из этого выйдет. Если система окажется нежизнеспособной, постараемся понять причину, исключим или, скорее всего, что-то добавим или изменим соотношение различных видов. Мы создадим прикладную экологию — науку, по сложности и значимости превосходящую генную инженерию.

— Но какая от всего этого будет польза?

— Вероятно, трудно назвать что-то конкретное. Но разве можно утверждать, что пользы не будет? Увеличатся наши знания в той области, где они нам особенно необходимы, — Лу указал на горящие над Адрастусом слова. — Это же вы сказали: «Движущая сила человечества — сбалансированная экология». Я предлагаю провести экспериментальные исследования экологической системы в целом, которые ранее не проводились.

— Сколько вам нужно астероидов?

Лу заколебался.

— Десять, — и с возрастающим возбуждением добавил, — для начала.

— Берите пять, — сказал Адрастус, пододвинул к себе проект Лу и, зачеркнув заключение компьютера, быстро написал свое решение.

— Вы и теперь, отменив заключение компьютеров, станете утверждать, что являетесь лишь высокопоставленным клерком? — спросил Марли после ухода Лу. — Вы действительно полагаете, что предложение молодого человека заслуживает внимания?

— Я в этом не убежден. Вряд ли что-нибудь получится. Проблема настолько сложна, что, несмотря на весь его энтузиазм, для получения значительного результата потребуется гораздо больше средств, чем имеется в нашем распоряжении.

— Вы в этом уверены?

— Так считает компьютер. Поэтому он и отклонил проект.

— Тогда почему же вы отменили это решение?

— Потому что я, да и весь наш общественный институт существуем для того, чтобы сохранить нечто гораздо большее, чем экологическое равновесие.

Марли наклонился вперед.

— Простите, я что-то не понимаю.

— Дело в том, что вы неверно цитируете сказанное мною много лет назад. В свое время я сказал две фразы, которые потом трансформировались в одну, а возможность вновь разделить их мне уже не представилась. Вероятно, человечество не желает принять их в истинном виде.

— То есть слова «Движущая сила человечества — сбалансированная экология» принадлежат не вам?

— Совершенно верно. Я говорил: «Главная потребность человечества — сбалансированная экология».

— Но у вас за спиной написано — «Движущая сила человечества…»

— Это начало второго предложения, которое люди отказываются повторить, но я никогда не забуду: «Движущая сила человечества — дух творческой неудовлетворенности». Я отменил решение компьютера не ради экологии. Она нужна нам лишь для того, чтобы жить. Я отменил его, чтобы сохранить жажду созидания и творческий дух этого юноши. Перестав творить, человек перестанет быть человеком. Сохранить дух творчества гораздо важнее, чем просто существовать.

Марли поднялся.

— Господин секретарь, я подозреваю, что вы не случайно выбрали время для интервью. Вы хотели, чтобы я опубликовал ваши слова, не так ли?

— Будем считать, — улыбнулся Адрастус, — что я просто хотел восстановить истину.

